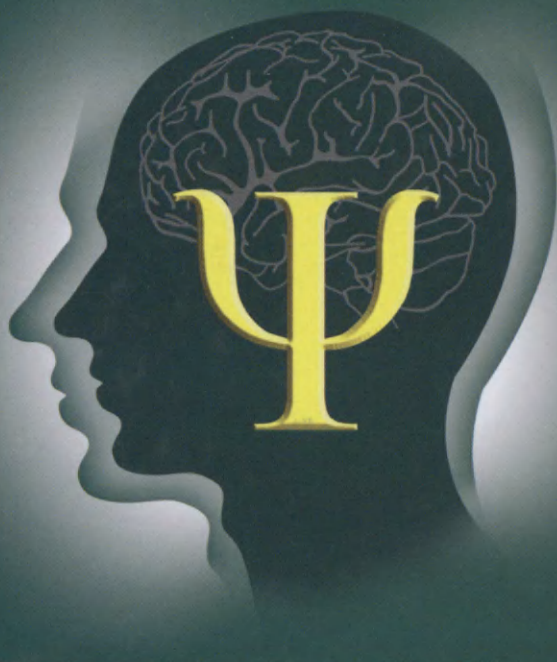
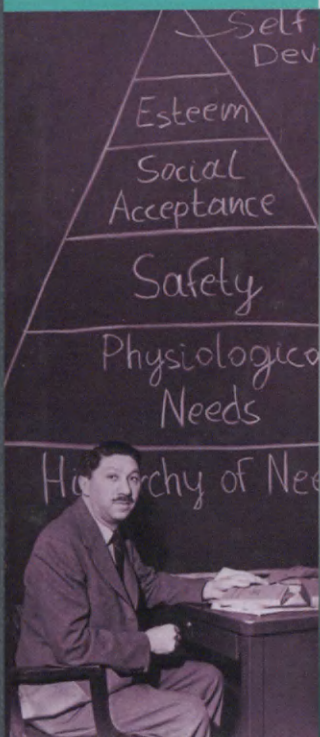

ВЕЛИКИЕ ПСИХОЛОГИ

Станислав
Аристотель

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Ст. Аристотель

ВЕЛИКИЕ ПСИХОЛОГИ

ЖЗЛ

Ψ

ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1972

(1772)

Станислав Аристов

ВЕЛИКИЕ ПСИХОЛОГИ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2019

УДК 159.9(092)
ББК 88.1г
А 81

знак информационной
продукции

16+

ISBN 978-5-235-04236-0

© Аристов С. В., 2019
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

В один прекрасный день те же самые люди о тех же самых вещах начинают думать совсем иначе, чем прежде; почему они раньше так не думали, остается темной тайной.

Зигмунд Фрейд

Человек стал человеком, как только его заинтересовала собственная душа. Но чтобы приблизиться к пониманию ее природы, потребовались тысячи лет. На этом пути человеческая мысль прошла через первые, смутные представления первобытного анимизма и политеизма, философские прозрения античных философов и мистические переживания учителей и пророков монотеистических религий, пока наконец не оказалась оформленной в науку, получившую название психология.

«Отцом-основателем» психологии принято считать немецкого ученого Вильгельма Вундта, определившего ее как науку о сознании и открывшего в 1879 году первую в мире психологическую лабораторию. После этого события стало казаться, что тайна души, или как ее стали называть более приземленно — психики, будет в недалеком будущем раскрыта. Но вскоре стало понятно, что этим мечтам не суждено сбыться, по крайней мере в ближайшее время. Нарушитель спокойствия — австрийский врач Зигмунд Фрейд — не только доказал существование бессознательного — той части психики, которая хранит вытесненные из сознания тайные фантазии и запрещенные желания, но и заявил, что это самое бессознательное виновно чуть ли не во всех страданиях человека. Именно с Фрейда в истории психологии началась эпоха создания различных школ со своими доктринами, внутренней организацией и особым процессом посвящения.

В XX веке помимо психоанализа возникли бихевиоризм, гештальт-психология, аналитическая, индивидуальная, гуманистическая, трансперсональная психология и ряд других направлений. Все они спорили между собой, противоречили друг другу, доказывали всему миру и себе самим собственную уникальность и правоту. И продолжают это делать до сих пор.

В предлагаемой вниманию читателя книге рассказывается о выдающихся личностях, основоположниках и ярких представителях ведущих психологических направлений. Жизнеописания наших героев позволяют внимательно проследить происхождение и эволюцию их взглядов, увидеть, в какой степени сами они следовали собственным убеждениям, общаясь с близкими людьми — родителями, супругами, детьми. Не было ли в их жизни той весьма распространенной трагедии, когда благие идеи проповедника и его жизнь оказываются абсолютно противоположными полюсами.

Каждый из героев книги оставил особенный след в изучении внутреннего мира человека. Их идеи до сих пор популярны, их методы до сих пор актуальны. И все они являлись неординарными людьми, жизнь которых, без сомнения, может быть названа замечательной. На страницах этой книги читатель познакомится с двумя духовными учителями, один из которых мистик, посещавший то ли потусторонний мир, то ли блуждавший по лабиринтам собственной души, а другой — эпатажный гуру, практически хиппи, употреблявший наркотические вещества, чтобы «расширить границы своего “Я”». Один из героев верил людям настолько, что пригласил на работу, прямо к себе в дом, бывшего преступника, ничего не зная об этом человеке, только что вышедшем из заключения. Другой герой повествования сам оказался узником, правда, не тюрьмы, а нацистского концлагеря, выжил в нем и поведал о своем трагическом опыте миру. Двое персонажей этой книги на протяжении всей жизни искали ту самую — настоящую — любовь. Они даже были влюблены друг в друга, но не нашли в этих отношениях своего счастья и расстались навсегда. В отличие от них еще один герой встретил единственную любовь в юном возрасте и прожил в счастливом браке до конца своих дней, поверив благодаря жене и в себя, и в человечество.

Однако автор этой книги считает своим долгом предупредить: он не имел целью составить подробные жизнеописания героев, со скрупулезным анализом всех их работ. Не стремился дискутировать по тем или иным спорным вопросам теории и практики психологии. Не пытался открыть что-то абсолютно новое в истории науки о душе. Ну и наконец, автор не намеревался представить на страницах этой книги биографии выдающихся российских и советских психологов. У подобного подхода есть лишь одна причина — отечественная наука внесла настолько значительный вклад в развитие психологии, что заслуживает отдельной книги.

Глава I
КАРЛ ЮНГ
(1875—1961)

Если бы наш герой жил в Древнем Египте, то непременно бы стал жрецом — провидцем, облаченным в шкуру леопарда и общающимся с душами умерших, объясняющим знамения природы и сновидения людей. Если бы он жил в Средние века, его могли бы объявить колдуном, которому служат духи, и, вполне вероятно, сожгли бы на костре, предварительно подвергнув пыткам. Если бы он жил в эпоху Просвещения, его посчитали бы сумасшедшим и отправили бы в один из тех домов, где лечили при помощи только что изобретенного «успокаивающего стула», привязав так, чтобы он не мог двигаться, а на голову надев специальную насадку, медленно сдавливающую череп. Под стулом находилось бы ведро, в которое, как ожидали врачи той эпохи, вместе с экскрементами из пациента должно выйти и безумие. Но наш герой не оказался ни магом, ни еретиком, ни умалишенным. Он стал всемирно известным психологом. И звали его Карл Густав Юнг.

Это имя известно каждому, кто хотя бы немного интересовался историей психологии. Возможно, даже и тем, кому психология безразлична. С Карлом Юнгом связано множество легенд, часть которых появилась еще при его жизни. В своей знаменитой и таинственной «Красной книге», опубликованной уже после его смерти, Юнг писал: «Не учение и не наставление я даю вам. На каком основании могу я осмелиться учить вас? Я сообщаю вам новости о пути этого человека, а не о вашем пути. Мой путь — это не ваш путь, потому я не могу вас учить. Путь внутри нас, а не в Богах, и не в учениях, и не в законах. Внутри нас путь, и истина, и жизнь. Горе тем, кто живет примерами! Нет жизни в них. Если вы живете в соответствии с примерами, вы живете жизнью это-

го примера, но кто будет жить вашу жизнь, как не вы сами? Так живите сами»¹.

Однако люди сами творят и своих демонов, и своих богов. Поэтому почитатели нескончаемой вереницей тянулись к дверям дома Юнга, где он в последние свои годы жил в затворничестве. Таков закон природы — чем дальше человек пытается уйти от людей, скрыться от них, тем сильнее притягивает их к себе ореолом тайны. И последователи Юнга не были исключением — они видели (и до сих пор продолжают видеть) в нем Учителя, открывшего им новый Путь.

Так кем же он был на самом деле, этот швейцарский психолог? И почему спустя десятилетия после смерти Карла Юнга исследователи утверждают, что большая часть его жизни по-прежнему остается тайной?

Все биографы Юнга начинают повествование о нем с рассказа о его дедушках и бабушках. Это вполне оправданно, так как позволяет проследить эволюцию многих увлечений и убеждений будущего всемирно известного психолога. Его дед по отцовской линии, тезка нашего героя, Карл Густав был известным человеком в Базеле. Ходили слухи, которые, вероятно, дед сам и поддерживал, что он являлся внебрачным сыном Гёте. Эта легенда настолько нравилась его внуку, что тот, будучи мистиком, считал одной из своих ипостасей в цепочке прошлых перерождений именно великого немецкого писателя.

На самом же деле дед Юнга происходил из семьи немецкого врача и, следуя семейной традиции, вынужден был изучать медицину в Гейдельбергском университете, хотя молодой человек был натурой романтической и его настоящей страстью являлись куда более возвышенные сферы, такие как музыка и поэзия. Тем не менее, будучи человеком увлекающимся, Юнг (старший) всё же сумел заинтересоваться медициной, окончил университет и переехал в Берлин, где устроился на работу хирургом-ассистентом. Справедливости ради стоит отметить, что свои идеалистические устремления он реализовывал, став активным участником романтического и вместе с тем националистического движения, распространенного в те годы в Германии. Идеи о неповторимом своеобразии немецкого народа, его особом духе, столь актуальные в годы разделенной Германии и принесшие ей спустя несколько десятилетий одни лишь

¹ Юнг К. Красная книга // https://royallib.com/read/yung_karl/krasnaya_kniga.html#20480 (дата обращения — 19.08.2018 г.).

страдания, были восприняты Карлом Юнгом (старшим) с энтузиазмом, свойственным молодым людям. Он отрекся от католической веры, став протестантом, что было засвидетельствовано известнейшим немецким теологом и проповедником Фридрихом Шлейермахером.

В 1819 году жизнь Карла Юнга (старшего) в одночасье изменилась. Молодого медика арестовали за соучастие в убийстве государственного чиновника: полиция нашла в его комнате молоток и топор, принадлежавшие настоящему убийце — другу Юнга. После годичного тюремного заключения Карл Юнг был выслан из Пруссии с запретом работать в большинстве других германских земель. Ему ничего не оставалось делать, как покинуть Германию. И он отправился в Париж.

В столице Франции судьба оказалась к нему благосклонна. Там он познакомился с известным ученым Александром фон Гумбольдтом, который написал ему рекомендательное письмо для медицинского факультета Базельского университета, где Юнг всего лишь за один год прошел путь от доцента до профессора. А уже в 1828 году он был избран ректором, став почетным гражданином Базеля.

Несмотря на столь обширную деятельность Карла Юнга (старшего) неизменно тянуло к чему-то большему. Идеалистические идеи переустройства общества не шли у него из головы. Возможно, именно поэтому он решил вступить в тайную масонскую организацию, а со временем стал ее главой — Великим Магистром Швейцарии. Масонское братство давало Юнгу (старшему) не только возможность влиять на судьбы мира, но и заниматься вполне прагматичными вещами. Например, личные связи он использовал при создании и патронаже больниц в Базеле. Членство в масонской ложе давало ему также чувство принадлежности к обществу, чего Карлу Юнгу (старшему), высланному из родной Германии, так не хватало.

Семейная жизнь Карла Юнга (старшего) была далека от безмятежности. Его первая жена умерла, и он решил посвататься к дочери мэра Базеля. Но получил отказ. Выйдя из дома главы города, Юнг не придумал ничего лучшего, чем отправиться в ближайший трактир, где сделал предложение первой встреченной им официантке. Изумленная девушка, которую звали Аниела, сразу же ответила согласием, и вскоре они поженились.

Однако счастье молодых супругов оказалось недолгим. Спустя три года Аниела умерла, и Юнг вновь пошел сва-

таться — к дочери главы города Софи Фрей. На сей раз мэру уступил напору кавалера и отдал дочь ему в жены. К тому моменту у Юнга (старшего) уже было пятеро детей от двух жен. Всего же он стал отцом тринадцати детей, большинство из которых умерли, не дожив до юношеских лет. Последнего, тринадцатого ребенка звали Иоганн Пауль Ахиллес Юнг. Именно он стал отцом нашего героя — Карла Густава Юнга.

Дедушка и бабушка Карла Юнга по материнской линии также были весьма примечательными личностями, прямо или косвенно оказавшими влияние на внука. Дед Самуил Прейсверк был известным теологом, главой протестантской общины Базеля, автором стихотворений и церковных гимнов, грамматики древнееврейского языка. Семейные легенды гласили, что Самуил был визионером. В его рабочем кабинете стоял специальный стул для духа первой жены, который приходил к нему каждую неделю. Рассказывали, что когда он сочинял проповеди, то сажал дочь Эмилию — будущую мать Карла Юнга — у себя за спиной и она отгоняла злых духов, чтобы те не мешали ему творить. Вторая супруга Самуила Прейсверка Аугуста Фабер, бабушка Юнга, якобы обладала способностями прорицательницы. Когда ей было 20 лет, она из-за болезни оказалась в состоянии каталептического транса, из которого была выведена, лишь когда врач прикоснулся к ее голове раскаленной кочергой. После такого пробуждения она и начала «пророчествовать».

Родители Карла Юнга были людьми куда менее известными. Отец будущего психолога Пауль Ахиллес Юнг изучал восточные языки в Гёттингене и даже подготовил диссертацию по арабскому переводу «Песни песней царя Соломона» — одной из книг Ветхого Завета. Но, как позднее писал его сын Карл, «дни славы отца закончились вместе с последним экзаменом, после которого он забыл свой лингвистический талант». Пауль Юнг сначала стал сельским пастором, а в 1879 году был переведен в Кляйн-Хюнинген, предместье Базеля, где получил назначение в храм при психиатрической больнице.

Характер и образ жизни отца не стали примером для Карла, который считал его деятельность на религиозном поприще бездарным времяпрепровождением, а между тем Пауль Юнг имел склонность к научному познанию мира — более совершенному, с точки зрения сына, пути к истине. Тем не менее тот факт, что Карл родился в семье священ-

ника, оказал важнейшее влияние на его духовный поиск и интерес к религии. Другое дело, что ответы, которые давал отец и христианское учение в целом, не устраивали мальчика. Вполне вероятно, что в отношениях отца и сына произошло нечто, о чем мы не знаем, но что было расценено маленьким Карлом как травмирующее событие. Иначе невозможно объяснить то настойчивое, невротическое желание следовать в своей жизни наперекор всему, что делал его отец и во что он верил.

Женой Пауля Юнга стала Эмилия Прейсверк, которую Карл считал хорошей матерью, нежной, общительной, умевшей выслушать собеседника. Находясь под влиянием своего отца, она всю жизнь верила в наличие у нее вещих снов и вела дневник, в который записывала все случаи ясновидения.

Как справедливо отмечал историк медицины Генри Элленбергер, «такой семейный фон, возможно, позволяет лучше понять некоторые стороны юнговского мышления и причины его расхождения с Фрейдом. Фрейд был любимым первенцем у красивой молодой матери, тогда как в памяти Юнга оставался образ матери, отнюдь не отличавшейся красотой и двойственной в своих проявлениях. Идея, что всякий маленький мальчик ощущает себя любовником своей матери и ревнует ее к отцу, казалась ему нелепостью. При этом Юнг делал упор не столько на враждебность сына по отношению к отцу, сколько на бессознательную идентификацию с ним и с предками с отцовской стороны. Без сомнения, Юнг меньше отождествлял себя с отцом, нежели с блестящим, романтическим и удачливым дедом. Когда Юнгу приходилось опровергать слухи о том, что последний являлся незаконным сыном Гёте, он обычно улыбался»¹.

У супругов Юнг было трое детей. Старший из них, Пауль, родившийся в августе 1873 года, прожил лишь несколько дней. Затем 26 июля 1875 года на свет появился Карл Густав, а 17 июля 1884 года родилась дочь — Иоганна Гертруда.

О раннем детстве Карла Юнга практически ничего не известно. Единственным источником, весьма фрагментарным и заслуживающим изрядной доли скептического отношения в связи с последующей переработкой текста

¹ Элленбергер Г. Открытие бессознательного: история и эволюция динамической психиатрии. СПб.: Янус, 2004. С. 290.

ассистенткой психолога, является его автобиографическая книга «Воспоминания, сновидения, размышления». Если верить этому тексту, то самый первый образ, сохранившийся в памяти Юнга, был впечатлением детского счастья: «Я лежу в коляске в тени дерева. Стоит чудесный, теплый летний день, небо голубое, и золотистый солнечный свет проникает сквозь зеленую листву. Верх коляски поднят. Я только что начал ощущать красоту этого дня, и мне неописуемо хорошо. Я вижу, как солнце просвечивает сквозь листья деревьев и цветущие кустарники. Всё совершенно удивительно, ярко, великолепно»¹.

Последующие воспоминания, относившиеся к раннему детству, были наполнены страхами. Одним из самых сильных стал страх «черного человека», характерный для многих детей, однако у Юнга он приобрел религиозную окраску, поддержав его негативное отношение к вере и Богу. «Однажды жарким летним днем я сидел один, как обычно, у дороги перед домом и играл в песке. Дорога поднималась вверх к лесу, и мне хорошо было видно, что происходило наверху. Я увидел спускающегося из леса человека в странно широкой шляпе и длинном темном облачении. Он выглядел как мужчина, но был одет как женщина. Человек медленно приближался, и я увидел, что это действительно мужчина, одетый в особенную, доходящую до пят черную одежду. При виде его я преисполнился страхом, который превратился в смертельный ужас, как только пугающая мысль узнавания вспыхнула в моей голове: “Это иезуит”. Незадолго перед тем я подслушал беседу между отцом и гостившим у нас священником. Беседа касалась грязной деятельности иезуитов. По полураздраженному, полуиспуганному тону отцовских реплик я понял, что “иезуиты” — это нечто исключительно опасное, даже для моего отца. На самом деле я, конечно же, и представления не имел о том, что такое иезуиты, но мне было знакомо похожее слово “Jesus” (от *лат.* Иисус. — С. А.) из моей маленькой молитвы. Человек, спускающийся вниз по дороге, видимо, переоделся, подумал я, поэтому на нем женская одежда. Возможно, у него дурные намерения. Ужаснувшись, я бросился к дому, быстро взбежал по лестнице и спрятался под балкой в темном углу чердака»².

¹ Юнг К. Воспоминания, сновидения, размышления. Минск: Харвест, 2003. С. 17.

² Там же. С. 21.

В возрасте шести лет Карл пошел в школу. Поначалу учеба мальчику нравилась. Он легко осваивал материал, опережая сверстников в интеллектуальном развитии. Кроме того, Карл нашел в школе друзей, которых так не хватало прежде.

Весной 1886 года родители отправили Карла в гимназию Базеля. Оказавшись в новом для себя мире, мальчик впервые понял, что такое социальное неравенство. Он происходил из семьи бедного сельского священника и был вынужден сидеть по шесть часов в классе, судя по его воспоминаниям, «в дырявых туфлях и мокрых носках», тогда как сверстники были детьми состоятельных родителей, хорошо одетыми, воспитанными, имевшими карманные деньги. Острое неприятие действительности привело к проблемам со здоровьем, которые сам Юнг мог бы в дальнейшем охарактеризовать как невротические. Однажды во время конфликта с одноклассником Карл неожиданно потерял сознание. Ничего страшного в этом не было, но впоследствии он стал использовать этот прием, чтобы избежать неприятных для себя вещей — учебы в гимназии, выполнения домашнего задания или столкновений с какими-либо трудностями. Лишь случайно подслушанный им разговор отца, в котором Пауль Юнг выражал озабоченность будущим сына в связи с его болезненным состоянием, которое не могли объяснить даже врачи, заставил Карла осознать свою проблему и начать с ней бороться. Успех не заставил себя ждать, юноша избежал дальнейшего погружения в невроз, вернувшись к реальности, какой бы неприглядной она ему ни казалась.

Подростковый возраст Карла характеризовался трудностями в учебе (особенно ему не давалась математика) и конфликтами с одноклассниками, многие из которых, как он считал, ему завидовали. Но главной проблемой для юноши продолжала оставаться вера, вернее, неприятие христианских догматов, объясняющих окружающую действительность. В поисках альтернативных ответов на мучившие его вопросы, в первую очередь о природе зла, грехе и их роли в жизни людей, Карл по совету матери обратился к чтению «Фауста» Гёте, который, как вспоминал сам Юнг, «пролил бальзам на его раны». Вдохновленный «Фаустом», он заинтересовался трудами философов, и главным его открытием стал Артур Шопенгауэр. «Философ пессимизма» подтвердил смутные опасения Карла, что окружающая реальность отнюдь не так хороша, а люди не так добры, как говорил отец или он сам читал в Библии.

Если бы молодой Карл обладал теми навыками психолога, которые он приобретет в будущем, или был бы более осведомлен о жизни немецкого философа, возможно, он скептически отнесся бы к идеям человека, лишенного с детства материнской заботы и любви, боявшегося людей и всегда спавшего с оружием под подушкой, имевшего еще множество фобий, окрашивавших его мир в черный цвет. Всего этого молодой Юнг не знал и воспринимал многие идеи Шопенгауэра с энтузиазмом.

Весной 1895 года Карл Густав Юнг получил аттестат об окончании школы и выбрал в качестве будущей профессии медицину. Справедливости ради надо отметить, что в это время юношу интересовала археология, но денег на ее изучение у семьи не было — отец Карла тяжело болел. Через год Пауль Юнг скончался, успев перед этим выхлопотать сыну стипендию для учебы в Базельском университете.

По всей вероятности, Карл был усердным студентом, не тратившим время на увеселения, как его однокурсники. Он по-прежнему интересовался философией. Учитывая семейные легенды, вполне понятно, почему Карл увлекался работами шведского мистика Эммануила Сведенборга, который утверждал, что способен общаться с духами, и якобы даже контактировал с жителями других планет. К числу авторов, работы которых Карл с жадностью штудировал, относился немецкий врач и астролог Фридрих Месмер, чьи взгляды стали основой теории «месмеризма» — веры в то, что люди способны выделять особый вид энергии («животный магнетизм»), позволяющий им устанавливать телепатическую связь друг с другом. Месмер полагал, что в состоянии транса некоторые индивиды могут прозревать будущее или прошлое, способны диагностировать болезни и лечить их с помощью собственных энергий.

Идеи этих мыслителей, дополняясь или перерабатываясь, в различных формах и связях между собой Юнг пронес через всю жизнь. Но самым важным открытием для него в студенческие годы стала книга Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра», в которой мысли о «сверхчеловеке» противопоставлялись библейским взглядам на отношения между людьми и Богом, а «вечное возвращение» — идее прогрессивного развития общества.

У всего есть причины, даже если человеку они не всегда известны. Видимо, под влиянием прочитанных книг, а

также семейных историй о своих предках летом 1895 года Карл и несколько его родственников собрались вместе для первого в их жизни спиритического сеанса. Произошедшие в дальнейшем фантастические события были описаны в книге Стефани Замстейн-Прейсверк — племянницы одной из главных участниц сеанса, Хелен Прейсверк, кузины Юнга. Именно Хелли, как ее называли родственники, оказалась тем медиумом, через которого якобы общался с собравшимися дух деда Юнга — Самуила Прейсверка. В течение последующих месяцев было проведено несколько подобных сеансов, пока отец Хелли не запретил девушке в них участвовать.

«Столоверчение», как тогда назывались спиритические сеансы, возобновилось через несколько лет. В ходе новых встреч с душами мертвых, как вспоминали очевидцы, осенью 1898 года треснул стол, за которым сидели собравшиеся, а также раскололась хлебoreзка (Юнг сохранил эти осколки как напоминание о тех неизвестных силах, которые были вызваны им и его кузиной). Однако вскоре сеансы прекратились окончательно. Главной причиной, о которой Юнг упоминал в своей автобиографии, стал тот факт, что Хелли начала имитировать общение с духами, то есть попросту лгать или фантазировать о том, что она слышала. Вполне вероятно, что причиной подобных действий девушки стала влюбленность в Карла и как следствие — ее желание быть для него интересной, для начала хотя бы как медиум. Юношу это желание девушки нисколько не тронуло, и он прервал контакты с Хелли. Он увиделся с ней еще один раз за несколько лет до ее смерти. Хелен Прейсверк умерла в 1911 году от туберкулеза.

Во время обучения в университете Юнг был убежден в способности людей общаться с бесплотными существами или представителями иных миров. По мнению Карла Юнга, в ходе спиритических сеансов он получал информацию из некоего источника, находившегося вне психики его кузины. Но возникал вопрос: как это объяснить? И здесь от «юношеского философствования», как Юнг это называл, он перешел к психологическому объяснению духовных феноменов, к области, где «взаимодействие природы и духа становилось реальностью».

Правда, его выбора в пользу психиатрии, состоявшегося на последнем курсе университета, не понял никто — ни преподаватели, прочившие ему карьеру терапевта, ни соратники, считавшие его глупцом. Юнга это непонима-

ние не остановило, и он подал заявление о принятии его на работу в качестве ассистента в психиатрическую клинику Бургхольцли в Цюрихе. 11 декабря 1900 года Карл Юнг впервые вошел в двери больницы и был радушно встречен ее главным врачом, профессором Эйгеном Блейлером, человеком, полностью посвятившим себя работе и требовавшим того же от своих подчиненных. Именно Блейлер, проводивший исследования психотических больных, стал автором терминов «шизофрения» (которая в то время даже именовалась «болезнь Блейлера») и «аутизм».

В автобиографии Юнг вспоминал: «Работа в клинике Бургхольцли наполнила мою жизнь новым содержанием, появились новые замыслы, заботы, укреплялось чувство долга и ответственности. Это был как бы постриг в миру, я словно дал обет верить лишь в возможное, обычное, заурядное; всё невозможное исключалось, всё необыкновенное сводилось к обыкновенному. С этого времени передо мной было лишь то, что на поверхности, только начала без продолжений, события без их внутренней связи, знания, ограничиваемые всё более узким кругом специальных вопросов. Мелкие неудачи вытеснили серьезные проблемы, горизонты сужались, духовная пустота и рутина казались непреодолимыми. На полгода я сознательно заключил себя в этот монастырь. Познавая жизнь и дух психиатрической лечебницы, я от корки до корки прочел все пятьдесят томов “Общего журнала по психиатрии”, чтобы ориентироваться в существовавшей на тот момент научной ситуации. Я хотел выяснить, как человеческий дух реагирует на собственные расстройства и разрушения, поскольку психиатрия казалась мне ярким выражением той биологической реакции, которая завладевала так называемым здоровым сознанием при контакте с сознанием расстроенным. Коллеги по работе казались мне не менее интересными, чем пациенты. Впоследствии я втайне обработал сводную статистику моих швейцарских коллег по наследственности, что способствовало моему пониманию психических реакций.

Моя крайняя сосредоточенность и добровольное заточение отдалили меня от коллег. Они не представляли, какой странной казалась мне психиатрия и как настойчиво я стремился проникнуть в ее суть. В тот период я еще не интересовался терапией, увлекшись патологией так называемой нормальности — это позволяло мне глубже проникнуть в человеческую психику. Именно так начиналась моя

карьера в психиатрии — мой субъективный эксперимент, из которого и складывалась моя жизнь»¹.

Уже в 1902 году Карл Юнг защитил диссертацию, в которой доказывал возможность приближения к пониманию феномена души с помощью анализа нетрадиционных практик и феноменов реальности — сомнамбулизма и спиритических контактов с духами. Последние были для Юнга отнюдь не проявлением оккультизма, а феноменами психики, требующими своего объяснения с научных позиций. Он считал, что некоторые части бессознательного медиумов могут проявляться в их сознании в виде неких личностей, воспринимаемых людьми в качестве «духов».

Анализируя случай своей кузины Хелен Прейсверк, Юнг выделил несколько состояний, в которых находилась девушка — сомнамбулизм, частичный сомнамбулизм, автоматическое письмо и галлюцинации. Однако более значительным стал вывод о том, что «карьера» медиума, ее успешность на этом поприще позволяли бессознательному Хелен пытаться преодолеть социальные и психологические препятствия, мешавшие ее психическому развитию. Так Юнг сделал первые шаги в размышлении о том, что в дальнейшем стало его теорией индивидуации или саморазвития.

После успешной защиты диссертации Юнг отправился в командировку в Париж, где прослушал курс лекций известного французского психиатра Пьера Жане, того самого ученого, который впервые выделил психастению² как отдельный вид невроза.

В 1903 году Юнг вернулся в Цюрих и 14 февраля женился на дочери богатого промышленника Эмме Раушенбах. Карлу тогда было 28, а ей 21 год, но знакомы они были уже около пяти лет. Юнг впервые увидел девушку, когда та выходила из известного цюрихского отеля, и он с абсолютной уверенностью сообщил сопровождавшему его другу, что она будет его женой. Так и случилось. После свадьбы молодожены провели медовый месяц на озере Комо, и Юнг позднее говорил одному из своих друзей, что он наконец-то был счастлив. Для подобного ощущения у Карла имелись

¹ Юнг К. Воспоминания, сновидения, размышления. Минск: Харвест, 2003. С. 117—118.

² Психастения — невроз, проявляющийся в виде повышенной тревожности, разного рода навязчивостей, чрезмерного самоанализа и заниженной самооценки.

не только платонические основания. Все финансовые проблемы Юнга остались в прошлом. Когда в 1905 году умер отец Эммы, то она и ее сестра вместе со своими мужьями стали совладельцами компании по производству элитных часов. Этот бизнес гарантировал безбедное существование Юнгам.

Однако после свадьбы пара осталась жить в клинике, заняв трехкомнатную квартиру в том же доме, где жил сам Блейлер. Эмма согласилась на это, понимая, что значит для мужа его работа. Она сама стала частью этого нового для нее мира, в котором ей будет уготована особая роль, а тогда, в год их свадьбы, все коллеги наперебой твердили Карлу, что он сделал правильный выбор. Эмма не только проявляла интерес к работе мужа, но и сама занялась аналитикой. Одной из тем, которой она посвящала свои исследования, стала знаменитая легенда о Граале. Эмма умерла в 1955 году, почти на шесть лет раньше мужа. По свидетельствам очевидцев, на ее похоронах он повторял одни и те же слова: «Она была королевой! Она была королевой!»¹

В 1905 году Юнга назначили первым заместителем главного врача клиники, а также он получил должность приват-доцента в Цюрихском университете. Служебное положение теперь позволяло ему быть более свободным в применении новых методов лечения пациентов, а значит, развиваться как исследователю. Свою преподавательскую деятельность он начал с чтения двух курсов — психотерапии и лечения истерии. Оба этих курса были наполнены примерами из больничной практики Юнга. Некоторых своих пациентов он даже приглашал в качестве «наглядных примеров» в лекционную аудиторию.

Главным методом, который Юнг разрабатывал в то время, стал так называемый словесный ассоциативный тест. Появление этого метода связано с именем Фрэнсиса Гальтона, основателя дифференциальной психологии. В своих воспоминаниях Юнг отмечал: «В психиатрии пациент нередко скрывает свою историю. Для меня же собственно терапия начинается с изучения этой — очень личной — истории. Ибо в ней заключена самая тайна, которая явилась причиной болезни и разрушила психику. Если я открою ее, то получу ключ к лечению. Иными словами, задача врача заключается в том, чтобы узнать историю пациента,

¹ *Casement A. Carl Gustav Jung. London: SAGE Publications, 2001. P. 31.*

причем он может задавать вопросы, касающиеся личности пациента в целом, а не только симптомов его болезни. Нередко того, что лежит на поверхности сознания, оказывается мало. А ассоциативный тест может открыть какой-нибудь ход».

В 1906 году Юнг опубликовал первую работу, посвященную этому тесту. Позднее, в «Тавистокских лекциях», он описал возможности ассоциативного теста на примере из личной практики: «Эксперимент прост: я читаю перечень из ста хорошо знакомых слов, а тестируемый человек должен как можно быстрее отреагировать на каждое произнесенное мной слово другим словом, своим. Объясните пациенту, что от него требуется произнести первое пришедшее ему в голову слово. Фиксируйте время каждой реакции с помощью секундомера. Эксперимент после первого чтения повторяется снова. Вы повторяете слова-стимулы, и испытуемый должен воспроизвести свои предыдущие ответы. В некоторых случаях его память дает “осечку” и воспроизведение оказывается с другим значением либо вовсе затрудненным. Подобные сбои очень важны для исследователя. <...> Но именно ошибки, допущенные тестируемым, помогут вам кое-что узнать. Вы произносите элементарное слово, знакомое даже ребенку, а высокообразованный человек не может вам ответить. Почему? Просто это слово натолкнулось на то, что я называю комплексом. Комплекс — скопление психических характеристик, отмеченных специфическим, возможно, болезненным, чувством. Комплекс — это то, что обычно тщательно скрывают. И тут словно острая молния пронзает толстый слой персоны и попадает в темный пласт сознания. Человек с комплексом денег, например, запнется на словах “покупать”, “деньги”, “платить”.

Мы столкнулись более чем с двенадцатью различными типами нарушений реакции. <...> Нарушения могут быть иного характера: реакция более чем одним словом; реакция не словесная, а выраженная мимикой, это может быть смех, движения тела, покашливание, заикание и т. д.; ассоциация может не соответствовать реальному значению стимулирующего слова; использование одних и тех же слов; использование иностранного языка; неправильное воспроизведение, когда память не срабатывает в повторном эксперименте, а также полное отсутствие реакции. <...>

Тест был проведен со здоровым мужчиной тридцати пяти лет. Замечу, что я провел немало экспериментов с

обычными людьми до того, как научился делать выводы из патологического материала. <...> Итак, это был “нож”, который вызвал четыре нарушенные реакции. Следующими словами-раздражителями были “копье”, “ударить”, “острый”, “бутылка”. Мне было вполне достаточно небольшой серии из пятидесяти слов, чтобы сказать: “Я не думал, что с вами могла случиться такая беда. Помните, вы были пьяны и ножом убили человека...” Потрясенный, он во всём мне признался. Этот человек был из уважаемой семьи. Будучи за границей, он попал в пьяную ссору, в которой ножом убил человека. Он просидел год в тюрьме, но скрывал это, ибо не хотел осложнять себе жизнь»¹.

О результатах некоторых ассоциативных экспериментов Карл Юнг сообщил в 1906 году в первом письме Зигмунду Фрейду. К тому моменту он уже был знаком с работами основателя психоанализа и безусловно признавал его значение для развития психиатрии. Юнга привлекала фрейдовская идея о вытеснении в бессознательное травмирующего опыта пациента — с подобным явлением Юнг часто встречался в своей практике, когда в ходе проведения ассоциативного теста человек не мог отреагировать на какое-либо слово. В то же время Юнг не разделял убеждений Фрейда о том, что вытеснялись в бессознательное только сексуальные травмы. Его практика в клинике демонстрировала вариативность проблем, которые отказывалось принимать сознание пациентов, и они отнюдь не сводились к одной сфере.

В феврале 1907 года Фрейд и Юнг впервые встретились в Вене и общались без перерыва 13 часов. Юнг был впечатлен умом и нетривиальным подходом основателя психоанализа, попав под его интеллектуальное влияние. В дальнейшем, вплоть до 1913 года, между двумя исследователями продолжалась очень интенсивная и достаточно откровенная переписка, из которой вполне очевидно, что Фрейд стал играть для Юнга роль отца, такого, о котором тот мечтал. Что касается Фрейда, то некоторое время он даже видел в Юнге своего преемника. В письмах также обсуждались отдельные случаи в работе с пациентами, вопросы теории психоанализа и его взаимосвязи с мифологией, антропологией и оккультизмом. В одном из писем Фрейд писал: «Дорогой друг! Надеюсь, это письмо не скоро попадет Вам в руки. Вы меня понимаете. Я пишу только для

¹ Юнг К. Аналитическая психология. Тавистокские лекции. М.: Азбука-Классика, 2007. С. 74—80.

того, чтобы не дать остыть пробужденному Вами вдохновению. Поскольку я считал, что Вы уже отправились на велосипеде по Северной Италии, я послал Вашей жене открытку из Венеции, куда я поехал на Пасху в тщетном ожидании преждевременно обрести дыхание весны и отдых.

Примечательно, что в тот самый вечер, когда я формально признал Вас в качестве старшего сына и помазал Вас в наследники и кронпринцы, Вы в свою очередь совлекли с меня достоинство отца, каковое разоблачение Вам, кажется, столь же пришлось по душе, как мне — облачение Вашей особы. Ныне я боюсь вновь превратиться в отца, если заговорю о своем отношении к полтергейсту, однако я должен это сделать, поскольку всё обстоит иначе, чем Вы можете предположить. Я не отрицаю, что Ваши сообщения и Ваш эксперимент произвели на меня сильное впечатление. Я решил понаблюдать после Вашего отъезда и излагаю Вам результаты. В первой моей комнате громкий скрип там, где две тяжелые египетские стелы покоятся на дубовых полках книжного шкафа, так что это вполне ясно. Во второй, там, где мы слышали, скрипит очень редко. Сперва я считал достаточным доказательством, если столь частый шорох никогда больше не повторится после Вашего отъезда, однако он изредка возобновлялся, правда, вне всякой связи с моими мыслями и вовсе не тогда, когда я думал о Вас или об этой Вашей любимой проблеме (и сейчас его нет, добавлю сразу же). Однако другое наблюдение тут же лишило ценности первое. Вместе с чарами Вашего присутствия рассеялась и моя вера или, по крайней мере, готовность верить; мне вновь по каким-то внутренним мотивам кажется совершенно невероятным, чтобы могло происходить нечто в подобном роде, и лишенная духов мебель глядит на меня, точно на поэта обезбоженная природа, которую покинули греческие боги. Итак, я вновь надеваю роговые отцовские очки и наставляю любимого сына сохранять ясность рассудка, и лучше недопонять чего-либо, чем приносить столь великие жертвы во имя понимания; я качаю седой головой над идеей психосинтеза и размышляю: да, таковы они, эти юноши, подлинную радость доставляют им лишь те области, куда они не должны вести нас за собой, куда мы уже не успеем со своим коротким дыханием и усталыми ногами...»¹

¹ Гротьян М. Переписка З. Фрейда // Энциклопедия глубинной психологии. Т. 1. Зигмунд Фрейд: жизнь, работа, наследие. М.: Менеджмент, 1998. С. 46.

В течение восьми лет переписки было написано 263 письма, которые в полной мере демонстрируют не только развитие научных взглядов исследователей на проблемы психоанализа, но и эволюцию их отношений.

Уже в сентябре 1907 года Юнг выступал на Международном конгрессе психиатрии и неврологии в Амстердаме, представляя проблему истерии с позиций психоанализа, за что был подвергнут серьезной критике со стороны коллег, не принимавших взгляды Фрейда. В основе этого доклада лежал случай молодой девушки из России Сабины Шпильрейн. Позднее она тоже стала известным психологом, чьи работы явились весомым вкладом в развитие идей психоанализа.

Сабина родилась в Ростове-на-Дону 25 октября 1885 года в семье еврейского купца. Смерть младшей сестры стала катализатором для шестнадцатилетней Сабины, оказав влияние на развитие нервно-психического расстройства, в основе которого лежали нездоровые семейные отношения. Отец не только предъявлял чрезмерные требования к своим детям в плане обучения и воспитания, но и жестоко наказывал их за невыполнение его распоряжений. Мать же, будучи женщиной истеричной и неудовлетворенной своим браком, вымещала злобу на детях.

Психическое состояние Сабины Шпильрейн к 1904 году стало крайне тяжелым. Девушка могла в течение длительного времени не общаться с близкими, отвечая им лишь нечленораздельными звуками и гримасами. Вместе с тем она страдала от навязчивых идей, кошмаров, тиков, шокировала окружающих эксцентрическим поведением. Ее настроение было крайне неустойчивым — плач неожиданно сменялся истеричным смехом. Сабина жаловалась на сильные головные боли, не переносила даже малейшего шума и болезненно реагировала на присутствие посторонних людей. Было принято решение вывезти ее в Швейцарию. После пребывания в санатории в Интерлакене в августе 1904 года, где ей поставили диагноз шизофрения, Сабина была направлена в Бургхольцли. Там ее лечащим врачом стал Карл Юнг.

Принято считать, что именно к Шпильрейн Юнг впервые на практике применил психоанализ, сосредоточившись на проработке ее навязчивых фантазий и переживаний, поставив ей диагноз «тяжелое истерическое расстройство». По всей вероятности, Юнг применял психоаналитические методы лишь отчасти, отказавшись, например, от метода сво-

бодных ассоциаций и заменив его ассоциативным тестом. Главным же фактором, повлиявшим на улучшение состояния Сабины, оказались не психоаналитические методики, а отношения с врачом. Уже в июне 1905 года курс терапии был успешно завершен. Однако Сабина Шпильрейн влюбилась в своего психотерапевта. Возникшие чувства, а позднее и отношения в истории психологии станут классическим примером переноса — бессознательного трансфера ранее пережитых эмоций и переживаний, проявившихся в отношении одного лица, на другого человека, и контрпереноса — аналогичного процесса, возникающего у терапевта в отношении клиента.

В мае 1905 года Юнг написал Фрейду краткий отчет о случае Шпильрейн, в котором среди прочего значилось: «...В ходе лечения пациентку угораздило влюбиться в меня. Она постоянно потчует мать ужасными небылицами об этой любви, и отнюдь не последним поводом к тому является тайное злорадство, которое она испытывает, запугивая мать. Поэтому ее мать готова в случае необходимости передать ее на попечение другого врача, с чем я, естественно, согласен»¹.

Тем не менее взаимоотношения Шпильрейн с Юнгом сначала были ученическими. Сабина поступила на медицинский факультет Цюрихского университета, а в 1911 году защитила диссертацию под руководством Юнга и Блейлера, посвященную психоаналитическому методу в исследовании шизофрении, и стала первой женщиной, получившей ученую степень в этой области.

В конце концов между бывшей пациенткой и врачом возникла интимная связь, о которой известно по переписке Юнга и Шпильрейн. Сабина даже хотела родить Карлу Юнгу ребенка и назвать его Зигфридом (очевидно, под влиянием обоюдного увлечения Вагнером). При этом жена Юнга Эмма в эти годы родила ему пятерых детей. В 1904-м родилась Агата, в 1906-м — Анна, в 1908-м — Франц, в 1910-м — Марианна, а в 1914-м — Эмма.

Близость между Юнгом и Шпильрейн стала достоянием общественности летом 1909 года, когда мать Сабины стала получать анонимные письма, вполне вероятно, от супруги Юнга, в которых говорилось о романе ее дочери. В это же время сама Шпильрейн писала Фрейду, возможно,

¹ Лотан Ц. В защиту Сабины Шпильрейн // <http://spielrein.narod.ru/Spielrein/lothane1.htm> (дата обращения — 19.08.2018 г.).

надеясь, что он поможет разрешить сложившуюся ситуацию: «Дорогой профессор Фрейд. <...> Я мечтаю расстаться с ним, сохранив любовь. Я имею опыт анализа, достаточно хорошо знаю себя и уверена в том, что мне будет лучше любить à distance. Сдержать свои чувства я не могу, поскольку, отказавшись от любви к Юнгу, я вообще утрачу способность любить... Профессор Фрейд, я далека от того, чтобы обвинять Юнга, опережая Вас! Как раз напротив: я буду счастлива, если кому-нибудь удастся доказать мне, что он достоин любви, что он не подлец. <...> Что ж, жалобы на вероломного любовника не помогут... Четыре с половиной года назад доктор Юнг был моим врачом, потом стал моим другом и, наконец, моим “поэтом”, т. е. возлюбленным. В конце концов, он пришел ко мне, и случилось то, что всегда случается с “поэтами”. Он проповедовал идею полигамии, он уверял, что его жена не будет возражать, и т. д. И вот моя мать получает анонимное письмо, в котором сказано без обиняков, что ей пора спасти свою дочь, иначе ее погубит доктор Юнг... Я хранила молчание... Есть основания подозревать его жену... Моя мать послала ему трогательное письмо... умоляла его не заходить в отношениях дальше дружбы. Он ей ответил: “Будучи ее врачом, я могу стать ее другом, если перестану игнорировать собственные чувства. Я мог бы с легкостью отказаться от роли врача, поскольку в профессиональном смысле не ощущаю себя должником, ведь я никогда не требовал вознаграждения... Поэтому предлагаю: если вы твердо решили отвести мне роль врача, вам следует оплачивать мои услуги, дабы должным образом компенсировать мои хлопоты... Я беру 10 франков за консультацию. Советую вам остановить свой выбор на этом прозаическом решении, поскольку оно представляется наиболее благоразумным и необременительным для будущего”... Каким ужасным оскорблением должно было показаться это моей матери»¹.

Разразившийся скандал, по мнению некоторых исследователей, стал едва ли не главной причиной ухода Юнга из клиники. Его переписка со Шпильрейн продолжалась еще несколько лет (с 1916 по 1919 год), но носила деловой характер. Что же касается Сабины, то в 1912 году в журнале психоаналитических исследований, выходившем под редакцией Фрейда, она опубликовала статью «Деструкция

¹ Лотан Ц. В защиту Сабины Шпильрейн // <http://spielrein.narod.ru/Spielrein/lothane1.htm> (дата обращения — 19.08.2018 г.).

как причина становления», принесшую ей известность. В частности, она пришла к выводу, что садистический компонент сексуального влечения является «деструктивным». Таким образом, она предвосхитила идеи самого Фрейда, высказанные им позднее в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920 год). Если до этого родоначальник психоанализа противопоставлял влечение к смерти влечению к жизни, то после работы Шпильрейн он сделал вывод, что в основе их обоих лежит принцип удовольствия — они приносят разрядку, а значит, их нельзя представлять как противоположные.

Став одной из первых женщин-психоаналитиков, Сабина Шпильрейн переехала в Вену, где была принята в Венское психоаналитическое общество, возглавляемое Фрейдом. Это произошло на том же заседании, на котором из общества были исключены Альфред Адлер и его соратники (речь о них пойдет в дальнейшем). В 1921 году Сабина Шпильрейн была психоаналитиком будущего создателя теории когнитивного развития Жана Пиаже. Правда, сеансы не были ни терапевтическими, ни учебными. Пиаже согласился в них поучаствовать для того, чтобы поддержать распространение психоаналитических идей в Женеве. Но именно в том году, когда Шпильрейн занималась с ним психоанализом, Пиаже опубликовал первую статью о существовании эгоцентрической речи у ребенка¹.

В 1923 году Шпильрейн вернулась в Советскую Россию. Однако после разгрома психоаналитического общества в 1930 году дело ее жизни фактически было прекращено. В августе 1942 года трагически оборвалась и сама жизнь — во время оккупации нацистами Ростова Сабина Шпильрейн была расстреляна в Змиевской балке.

В 1907 году у Юнга вышла в свет первая монография «Психология Dementia praecox»², посвященная лечению больного психозом с помощью «глубинной психологии». Юнг пришел к выводу, что в основе шизофрении находится некий вариант комплекса, задерживающего умственное развитие человека и проявляющегося в сознании в формах

¹ С точки зрения Пиаже, это речь ребенка, обращенная к самому себе, регулирующая его деятельность. Наблюдается в возрасте трех — пяти лет. Проявляется в том, что дети говорят вслух, как будто ни к кому не обращаясь.

² От лат. «слабоумие преждевременное», раннее название шизофрении.

маниакальных идей, галлюцинаций или бреда. Это его исследование положило начало психосоматической теории шизофрении, и в дальнейшем психолог подчеркивал особую роль в появлении этой болезни нарушений нейрохимических процессов в мозге. Работа Юнга, по всей вероятности, оказала влияние на его руководителя Эйгена Блейлера, который спустя несколько лет предложил собственное определение термина «шизофрения».

Взросшее научное признание Юнга (он стал первым президентом Международной психоаналитической ассоциации, редактором первого психоаналитического журнала «Ежегодник психоаналитических и психопатологических исследований») привело в числе прочего и к увеличению количества людей, обращающихся к нему за консультациями. В 1910 году он оставил работу в клинике и начал частную практику в своем новом доме в Кюснахте, на берегу Цюрихского озера. За год до этого Юнга вместе с Фрейдом и несколькими другими известными психологами даже пригласили в США на празднование юбилея университета Кларка.

Однако со временем между ним и Фрейдом стали возникать разногласия. В числе первых расхождений в их взглядах оказалась трактовка проблемы либидо. В отличие от родоначальника психоанализа, Юнг понимал под ним всю психическую энергию человека, а не только ее сексуальную форму. Он также считал, что в основе психических расстройств, например шизофрении, лежат вытеснения разного рода, а не только подавленная сексуальность. В то время как Фрейд был убежден, что невроз зарождается в раннем детстве и связан с так называемым «эдиповым комплексом», Юнг, напротив, делал акцент на ведущей роли в формировании невроза пациента той реальности и тех переживаний, которые существуют в момент появления расстройства. Для Карла Юнга невроз был одним из механизмов, запущенных психикой с целью собственной регуляции, для достижения ее равновесия, чтобы избежать психоза. В то же время невроз является сигналом, предупреждающим человека о необходимости изменения жизни, отношения к ней, установок и взглядов на мир и на свое место в нем.

В декабре 1912 года Юнг написал письмо, в котором выразил свое несогласие с позицией Фрейда: «Дорогой господин профессор! Могу я сказать Вам несколько серьезных слов? Я признаюсь в некоторой неуверенности в

Вас, однако стараюсь решать ситуацию в честной и абсолютно корректной манере. Если Вы в этом сомневаетесь, это Ваш собственный крест. Я, однако, хотел бы обратить Ваше внимание на то, что Ваш метод обращаться с учениками, словно с пациентами, является ошибочным. Кроме того, Вы воспитываете раболепных сыновей или наглых баловней (Адлер — Штекель и вся наглая банда, захватившая Вену). Я достаточно объективен, чтобы разглядеть Ваш трюк. Повсюду вокруг себя Вы распознаете симптомы и назначаете лечение, тем самым Вы определяете всему своему окружению зависимое положение сыновей и дочерей, которые, краснея, признают наличие дурных наклонностей. А Вы пока что остаетесь наверху в качестве отца. В полной покорности никто не смеет ухватить пророка за бороду и разочек поинтересоваться, что Вы скажете пациенту, у которого обнаружится тенденция анализировать аналитика вместо самого себя. Видимо, Вы ответите ему: “У кого из нас, собственно, невроз?”

Видите ли, дорогой мой господин профессор, откуда Вы забавляетесь такими приемами, все мои симптомы представляются мне полной ерундой, поскольку они ничего не значат по сравнению с весьма крупным бревном в глазу у брата моего Фрейда. Ведь я вовсе не невротик (чтоб не сглазить). А именно, по всем правилам искусства и с полным смирением я дал себя проанализировать, что мне весьма пошло на пользу. Вы же знаете, как далеко заходит пациент в самоанализе — из невроза он не выходит, как Вы. Когда Вы сами наконец полностью избавитесь от комплексов и перестанете разыгрывать отца своих сыновей, которых Вы постоянно бьете по больному месту, и доберетесь до самых своих корней, тогда я загляну в себя и искореню тяжкий разлад с самим собой по отношению к Вам. Или Вы так любите невротиков, что всегда были в ладу с собой? Вероятно, Вы ненавидите невротиков, как Вы можете тогда рассчитывать, что Ваши устремления как можно бережнее и ласковее обращаться с пациентами не будут сопровождаться несколько смешанными чувствами? Адлер и Штекель воспользовались Вашим приемом и сделались по-детски наглыми. Я буду держаться с Вами откровенно, сохраняя свои взгляды, и начну в своих письмах готовиться к тому, чтобы однажды сказать Вам, как я на самом деле о Вас думаю. Этот путь представляется мне наиболее порядочным. Вас рассердит эта своеобразная дружеская услуга, но, возможно, она всё же пойдет Вам на пользу. С наилучшими пожеланиями

вполне преданный Вам Юнг»¹. В январе 1913 года они обменялись письмами, в которых предлагали друг другу полностью прекратить личные отношения. В октябре 1913 года Юнг вышел из психоаналитической ассоциации, отказался от обязанностей редактора «Ежегодника психоаналитических и психопатологических исследований» и должности приват-доцента в Цюрихском университете.

Разрыв с Фрейдом Юнг переживал крайне болезненно. Для него это был серьезный удар, который привел к глубокому нервному расстройству. Он начал слышать голоса, ходил по дому, погрузившись в себя и не замечая окружающих. Свой новый опыт Юнг не мог объяснить: «В октябре, когда я путешествовал в одиночестве, меня посетило неожиданное видение — чудовищный поток, накрывший все северные земли. Он простирался от Англии до России, от Северного моря до подножий Альп. Когда же он приблизился к Швейцарии, я увидел, что горы растут, становятся всё выше и выше, как бы защищая от него нашу страну. Передо мной развернулась картина ужасной катастрофы: я видел могучие желтые волны, несущие какие-то обломки и бесчисленные трупы, потом это море превратилось в кровь. Видение длилось около часа. Я был потрясен, мной овладели дурнота и стыд за мою слабость. Спустя две недели видение — более кровавое и страшное — повторилось. Тогда же я услышал, как некий внутренний голос произнес: “Смотри, вот что произойдет!”»

Помнится, что зимой кто-то поинтересовался, каков мой прогноз на ближайшее будущее. Я ответил, что у меня нет прогнозов, но что я видел потоки крови. Это видение не давало мне покоя. Задавая себе вопрос, не является ли мое видение предвестником грядущих революционных событий, я всё же не мог представить себе ничего подобного и решил, что это касается только меня, что мне угрожает психоз. Мысль о войне даже не приходила мне в голову»².

Следующие шесть лет (1913—1918 годы) для Карла Юнга стали периодом «внутренних колебаний», о котором он писал в своих мемуарах, что «будто бы утратил всякие ориентиры и не мог нащупать почву под ногами». Юнг

¹ Гротьян М. Переписка З. Фрейда // Энциклопедия глубинной психологии. Т. 1. Зигмунд Фрейд: жизнь, работа, наследие. М.: МЕНЕДЖМЕНТ, 1998. С. 48.

² Юнг К. Воспоминания, сновидения, размышления. Минск: Харвест, 2003. С.175—176.

решил начать погружение в собственное бессознательное с помощью различных техник, в частности специального метода «активного воображения», когда необходимо было вести диалог со своим внутренним голосом, останавливая критическую функцию сознания. Юнг столкнулся с мощным потоком фантазий и образов, хлынувших в сознание: «Во мне поселился некий демон, с самого начала внушавший, что я должен добраться до смысла своих фантазий. Я испытал ощущение, что некая высшая воля направляла и поддерживала меня в этом разрушительном потоке бессознательного. И она же в итоге дала мне силы выстоять»¹.

Поворотным моментом в процессе погружения Юнга в глубины психического стало следующее видение: «Для того чтобы удержать фантазии, я часто воображал некий спуск и однажды даже попытался дойти до самого низа. Сначала я будто бы спустился метров на триста, но уже в следующий раз оказался на некой космической глубине. Это напоминало путешествие на Луну или погружение в пропасть. Сначала возник образ кратера, и мне почудилось, будто я нахожусь в стране мертвых. Под скалой я увидел двоих — седобородого старика и прекрасную девушку. Я приблизился к ним, словно они были реальными людьми, и стал прислушиваться к их беседе. Старик ошеломил меня, заявив, что он Илья-пророк. Но ответом девушки я был просто возмущен — она назвала себя Саломеей! Девушка была слепой. Что за странная пара: Саломея и Илья-пророк. Но старик заверил, что они вместе уже целую вечность, и это меня окончательно сбilo с толку. С ними жила какая-то черная змея, которая, похоже, отнеслась ко мне благожелательно. Я старался держаться ближе к старику — он выглядел наиболее разумным и здравомыслящим из всей этой компании. К Саломее же я никакого доверия не испытывал. С Ильей мы вели долгие беседы, смысл которых, однако, ускользал от меня. <...>

Несколько позже мое бессознательное явило мне другой образ, он стал развитием и продолжением Ильи-пророка. Я назвал его Филемоном. Будучи язычником, Филе-мон привнес в мои фантазии некое египетско-элинское настроение с оттенком гностицизма. Образ этот впервые явился мне во сне. Я видел небо, но оно походило на море. Его покрывали не облака, а бурые комья земли, между которыми просвечивала голубизна морской воды, но эта вода

¹ Там же. С. 177.

была небом. Вдруг откуда-то справа ко мне подлетело крылатое существо — старик с рогами быка. В руках у него была связка ключей, один из них он держал так, будто собирался открывать замок. Окрас его крыльев напоминал крылья зимородка. <...>

Филемон и другие образы фантазий помогли мне осознать, что они, возникнув в моей психике, созданы тем не менее не мной, а появились сами по себе и живут своей собственной жизнью. Филемон представлял некую силу, не тождественную мне. Я вел с ним воображаемые беседы. Мой фантом говорил о вещах, которые мне никогда не пришли бы в голову. Я понимал, что это произносит он, а не я. Он объяснил, что мне не следует относиться к своим мыслям так, будто они порождены мной. “Мысли, — утверждал он, — живут своей жизнью, как звери в лесу, птицы в небе или люди в некой комнате. Увидев таких людей, ты же не заявляешь, что создал их или что отвечаешь за их поступки”. Именно Филемон научил меня относиться к своей психике объективно, как к некой реальности.

Беседы с Филемоном сделали для меня очевидным различие между мной и объектом моей мысли. А поскольку он являлся именно таким объектом и спорил со мной, я понял, что есть во мне нечто, объясняющее вещи, для меня неожиданные, которые я не готов принять. Психологически я воспринимал Филемона как некий высший разум. Он казался мне фигурой таинственной, временами совершенно реальной»¹.

В своих воспоминаниях Юнг описывает таинственные события, которые происходили в дальнейшем. Его дочери рассказывали о привидениях, которые они видели, а маленькому сыну приснился кошмар, который он нарисовал на бумаге. На картинке изображен рыбак, над его головой возвышается труба, из которой вырываются языки пламени и дым. С берега реки к нему летит дьявол с проклятиями за то, что рыбак украл у него рыбу, а над самим рыбаком парит ангел и говорит: «Ты не повредишь ему, он ловит только плохую рыбу!»

Апофеозом всего происходящего стали события 1916 года, когда в одно из воскресений Юнг якобы столкнулся с духами, наполнившими дом, и на его вопрос: «Бог мой, что же это такое?» — призраки ответили: «Мы верну-

¹ Юнг К. Воспоминания, сновидения, размышления. Минск: Харвест, 2003. С. 181—183.

лись из Иерусалима, там мы не нашли того, что искали». Эти слова Карл Юнг сделал началом произведения «*Septem Sermones ad Mortuos*» («Семь проповедей мертвецам»), которое он написал за три вечера и опубликовал анонимно, приписав его авторство гностик Вавилонянину из Александрии. В это время Юнг в принципе уделял всё больше внимания гностическим учениям, считая, что они получали знания из того же источника, откуда и он черпал представления о бессознательном. В дальнейшем он стал характеризовать свою психологическую концепцию как современный вариант гностицизма.

В эти же годы Юнг начал писать «Красную книгу» (хотя сам он ее называл «Новая книга» от лат. «*Liber Novus*») — мистический трактат, описывавший возникавшие у него фантазии и образы и представлявший собой фолиант, переплетенный в красную кожу. Он работал над книгой в течение шестнадцати лет, скрупулезно записывая или зарисовывая свои прозрения.

С точки зрения психиатрии у Юнга на фоне кризиса средних лет была некая форма психического расстройства. С позиции христианства духовный опыт, полученный Юнгом, однозначно имел inferнальный источник. Человеку с христианским мировоззрением погружение психолога в глубины собственного бессознательного, встреча там с некими силами, которые сам Юнг именовал «демонами», представлялись путешествием в преисподнюю.

Карл Юнг сознательно отказался от объяснений, всё происходившее носило для него совсем иной смысл: «По иронии судьбы я, психиатр, на каждом шагу обнаруживал в себе тот самый материал, который лежит в основе психозов и с которым можно столкнуться разве что в сумасшедшем доме. Это был мир бессознательных картин и образов, приводивший душевнобольных к роковому безумию. Но в нем же содержались некие мифологические формы, которые нашим рациональным веком уже утрачены»¹. Полученный Юнгом опыт стал основой будущей системы аналитической психотерапии и его представлений о структуре психического.

В своих мемуарах Юнг отмечал, что сохранить сознание в течение этих кризисных лет и опытов над собой позволили семья и работа. Он не уточнял, что подразумевает под общепринятым словом «семья», и мы могли бы логично

¹ Там же. С. 188.

предположить, что это его супруга Эмма и дети. Однако всё было совсем не так. Еще в 1910 году его пациенткой стала Тони Анна Вольф, которой к тому моменту исполнилось 22 года. После смерти отца Тони впала в депрессию, и ее мать не нашла ничего лучше, чем отвести дочь к известному в Цюрихе психиатру Карлу Юнгу. Юнг был впечатлен ее интеллектом и обширными знаниями в области религии и философии, о чем написал Фрейд.

В 1911 году терапия была завершена. Однако Вольф и Юнг не спешили расставаться друг с другом. Тони стала участником кружка учеников Юнга и очень быстро продемонстрировала навыки одаренного психоаналитика. По всей вероятности, в 1913 году, как раз в период кризиса, Юнг вступил с Вольф в интимные отношения и в дальнейшем стал называть ее «второй женой». Будучи постоянным гостем дома Юнгов, Тони посещала вместе с Эммой и Карлом различные общественные мероприятия и научные собрания.

Некоторые биографы Юнга утверждают, что именно Тони Вольф помогала ему пройти этот период столкновения со своим бессознательным, являясь его проводником на сложном пути возвращения к самому себе. Она была первой, с кем он стал делиться возникавшими видениями и мыслями, положенными в основу «Красной книги». Более тридцати лет Вольф являлась ближайшим соратником Юнга, занимаясь редактированием и распространением его произведений, а также преподавая аналитическую психологию.

В начале 1930-х годов Юнг увлекся текстами алхимиков, которые, по его мнению, также занимались интерпретацией символов бессознательного: «Опыт алхимиков был в каком-то смысле моим опытом, их мир был моим миром. Это было, конечно, важным открытием: я наткнулся на историческую копию моей психологии бессознательного. Возможность сравнения [моих идей] с алхимией и непрерывная интеллектуальная связь, восходящая к гностицизму, стали содержанием моей психологии»¹. Тони Вольф отказалась помогать ему в изучении алхимических текстов. Возможно, она боялась, что подобные эксперименты могут превратить Юнга в маргинала в научном сообществе, а возможно, всё же сохранила связь с христианской тради-

¹ Casement A. Carl Gustav Jung. London: SAGE Publications, 2001. P. 50.

цией и не смогла переступить через свои убеждения. Юнга это нисколько не смутило, и он, поддерживая формальные отношения с Вольф, нашел других соратниц в своем деле. Когда в 1953 году Тони Вольф скончалась, Юнг не пришел попрощаться с ней. Его ученицы отмечали, что он был разбит горем, однако могилу Вольф посетила только его официальная жена Эмма.

Пациентки Юнга вообще играли особую роль в его жизни. Помимо Тони Вольф в разные годы в его ближний круг, который даже получил ироничное прозвище у коллег по цеху «Юнгфрауен»¹, что означало «женщины Юнга», входили Иоланда Якоби, Мари-Луиза фон Франц, Барбара Ханна, Эстер Хардинг, Аниэла Яффе, Кристин Манн и Хильда Кирш.

«Поначалу участниками юнговских мистерий, точно так же как и в случае с древними культами Диониса, становились в основном женщины. Мучимые духовным томлением, лишенные в рамках иудео-христианской веры какого-либо влияния и власти, доведенные до экстаза десятилетиями, проведенными на спиритических сеансах и за теософскими текстами, многие иностранки покидали свои дома и поселялись в Швейцарии во имя того, чтобы быть неподалеку от Карла Густава Юнга. Юнг был их «новым светом», их духовным советчиком и пророком, швейцарским врачом и ученым, который к тому же еще и являлся учителем оккультной мудрости и волшебства. Они пришли к Юнгу затем, чтобы исцелиться самим и научиться исцелять других с помощью воображаемого контакта с трансцендентным царством богов и богинь»².

Каким же образом у Карла Юнга возникли идеи полигамии, приверженцем которых он был на протяжении большей части жизни? Биографы Юнга считают, что подобные идеи появились у него под влиянием Отто Гросса — сначала соратника Юнга по психоаналитическому движению, а позднее его пациента. Довольно оригинально охарактеризовал Гросса исследователь жизни и творчества Карла Юнга Р. Нолл: «Он был врачом-нищеванцем, психоаналитиком-фрейдистом, анархистом, высокопоставленным жрецом сексуального освобождения, мастером оргий, врагом патриархата, а также безудержным потребителем

¹ В данном случае имеет место игра слов, так как по-немецки *Jungfrauen* означает «девственницы».

² Нолл Р. Тайная жизнь Карла Юнга. М.: РЕФЛ-бук, 1998. С. 239.

кокаина и морфия. Его любили и ненавидели с одинаковой силой, для одних он был источником заразы, а для других — целителем. Он был рыжевато-белым Дионисом»¹.

Юнг и Гросс познакомились в 1907 году на конгрессе по нейропсихологии и в тот момент не сошлись во взглядах. Гросс был лично неприятен Юнгу, о чем в психоаналитических кругах знали все. Тем не менее, когда в следующем году Гросс поступил в клинику Бургхольцли для лечения от наркомании (с этой проблемой он уже проходил курс в цюрихской клинике в 1904 году, но безрезультатно), его лечащим врачом стал именно Карл Юнг. Случилось это не без протекции Фрейда, который уважал Отто Гросса и желал сохранить в рядах психоаналитиков такого, как ему казалось, выдающегося исследователя.

Заметки Юнга о лечении Гросса воссоздают все сложности этого процесса. В один из первых дней курса терапии Юнг записал: «...пока опиума употребляется не больше шести граммов в день. В самую первую ночь пациент устроил ужасную сцену, говоря, что не может переносить ночью никакого света. Затем он сказал, что должен уходить и что его нужно немедленно отпустить. С величайшей подавленностью он сказал, что кто-то его здесь запер. Ежедневный многочасовой анализ». Через несколько дней Юнг зафиксировал, что «доза опиума понизилась до трех граммов в день» — «без всяких значительных симптомов отвыкания» и «при продолжающемся анализе... <...> благодаря ежедневным напоминаниям он хотя бы по разу в день моет руки и перестал пачкать свою одежду пищей и пеплом от сигарет. Во время, свободное от анализа, он не занимается ничем, кроме рисования младенческих картинок. Он рисует “движение” не то чтобы скверно, а явно как дилетант»². Через несколько недель интенсивной терапии, сокращения дозы наркотиков и постепенной замены их кодеином³ Гросс прекратил употребление опиума. Однако его психическое состояние было крайне нестабильным: резкие перепады настроения, сильное возбуждение не свидетельствовали о выздоровлении. В итоге Гросс бежал из клиники и был обнаружен через несколько дней в параноидальном состоянии, полностью отрешенным от мира. Юнг не только не

¹ *Нолл Р.* Тайная жизнь Карла Юнга. М.: РЭФЛ-бук, 1998. С. 111.

² Там же. С. 122.

³ *Кодеин* — химическое вещество, обладающее слабым наркотическим и болеутоляющим эффектом.

смог излечить своего бывшего коллегу, поставив ему окончательный диагноз «шизофрения», но и, возможно, навредил его здоровью.

Помимо прочего, психоаналитическое общение Юнга и Гросса заключалось еще и в том, что Юнг не только анализировал Гросса, но и сам выступал анализантом для своего бывшего коллеги. Именно этот обратный процесс, по всей вероятности, и изменил взгляды Юнга на отношения между мужчиной и женщиной, сделав его адептом идеи полигамии — важнейшего института, как считал Гросс, происходящего от наших биологических предков и позволяющего сломать одну из «репрессивных» норм общества — брак, а значит, вернуть утраченное психическое здоровье. В дальнейшем Юнг и сам практиковал этот принцип и рекомендовал полигамию своим пациентам в качестве своеобразного лекарства.

А Отто Гросс так никогда и не излечился от наркотической зависимости, хотя еще несколько раз проходил курсы лечения. Он умер в 1920 году от пневмонии полностью опустившимся человеком. В тот год Юнг совершил поездки в Алжир и Тунис, заинтересовавшись неевропейскими культурами. В 1921 году в свет вышла одна из самых известных его работ «Психологические типы», где он анализировал не только психотипы, но и содержание бессознательного.

Личный кризисный опыт, пережитый Юнгом, проявившийся сначала в погружении в себя и практически в полном отказе от контактов с окружающим миром, а затем трансформировавшийся в возвращение к действительности, подтолкнул его к выводу, что у человека имеются две базовые установки — интроверсия и экстраверсия. Интроверсивная установка характеризует людей, получающих мотивацию для деятельности в самих себе, в то время как экстраверсивная установка отличает тех индивидов, которые находят мотивацию во внешних факторах. Соотношение обозначенных установок у человека может быть различным, с преобладанием какого-то одного компонента, оно может меняться в течение жизни, поэтому очень сложно выделить интроверта и экстраверта в чистом виде.

Юнг также выделил четыре ведущие психические функции: рациональные — мышление и чувство, а также иррациональные — ощущение и интуиция. Внутри этих пар мышление противоположно чувству, а ощущение — интуиции. Все эти функции имеются у каждого челове-

ка, но преобладает одна из них. Выделение интроверсии и экстраверсии, а также психических функций позволило Юнгу предложить восемь психологических типов, из которых четыре являлись экстравертными и четыре интровертными.

«Экстравертный мыслительный тип подчиняет свою жизнь и жизнь тех, кто от него зависит, твердо установленным правилам; его мышление позитивно, синтетично, догматично. Экстравертный чувствующий тип придерживается ценностей, к которым был приучен, уважает социальные условности, делает то, что считает правильным, и очень эмоционален. Экстравертный осязающий тип ориентирован на наслаждение жизнью, общителен и легко приспосабливается к людям и обстоятельствам. Экстравертный интуитивный тип демонстрирует способность проникать в суть жизненных ситуаций, изобретателен и обладает особым чутьем на новые возможности, у него хорошие данные для занятий бизнесом, спекуляциями и политикой.

Интровертный мыслительный тип — это человек, у которого отсутствует практическое знание жизни; вынеся неприятный опыт из общения с ближними, он замыкается в себе, он желал бы добраться до последней сути вещей и демонстрирует величайшую духовную смелость в своих идеях, но нередко сам находится во власти колебаний и угрызений совести. Интровертный чувствующий тип — это, как правило, непритязательная, тихая, чрезмерно чувствительная личность, испытывающая затруднения в общении с ближними; в случае, когда это женщина, она обладает загадочной властью над мужчинами-экстравертами. Интровертный осязающий тип — тоже, как правило, спокойная натура, вззирающая на окружающий мир с доброжелательностью и восхищением и особенно восприимчивая к эстетическим свойствам вещей. Интровертный интуитивный тип — это чаще всего мечтатель, сновидец наяву, который склонен придавать величайшее значение внутреннему течению своих мыслей и которого другие нередко воспринимают как человека странного или эксцентричного»¹.

В последней главе «Психологических типов» Юнг обозначил понятия, которые стали основой его аналитической психологии и которые он разрабатывал все последую-

¹ *Элленбергер Г.* Открытие бессознательного: история и эволюция динамической психиатрии. СПб.: Янус, 2004. С. 345—346.

шие годы. Наиболее заметные из них — категории «коллективного бессознательного» и «архетипов».

В своей статье «Структура бессознательного» (1916) Юнг писал: «Благодаря универсальному сходству в строении мозга возникает и возможность существования универсальной, идентичной для всех людей психической функции. Такая функция и есть то, что мы называем коллективным психическим или коллективной психикой. Коллективное психическое, в свою очередь, подразделяется на коллективный разум и коллективную душу»¹. В дальнейшем он использовал термин коллективного бессознательного, что означало более глубинную по сравнению с индивидуальным бессознательным структуру психики, основывающуюся на опыте предков, являющуюся наследуемым продуктом мозга. Коллективное бессознательное идентично у всего человечества и не контролируется волей отдельного индивида.

Коллективное бессознательное составляют так называемые архетипы. С точки зрения Юнга, это всеобщие априорные схемы, которые в реальной жизни человека наполняются конкретным содержанием. Они могут проявляться в сновидениях, лежат в основе мирового фольклора. Количество архетипов не ограничено, но Юнг и его последователи дали характеристики основным из них. К важнейшим архетипам структуры личности относились: персона, тень, анимус/анима, самость.

Персона — это то, каким образом человек демонстрирует себя окружающему миру. Она включает наши социальные роли и необходима для сокрытия истинной сущности человека с целью его приятия со стороны общества. Реализация этого архетипа первична в процессе индивидуации, поскольку человек по своей природе животное социальное. Однако в дальнейшем Персона может подавить индивидуальность — человек срастается со своими социальными ролями, становится конформным.

Тень — центр личного бессознательного, включающий желания, воспоминания, переживания, которые отрицаются индивидуумом как несовместимые с его персоной или противоречащие общественным нормам или ценностям. Воплощение подобного архетипа крайне важно для человека, так как для достижения гармонического целого ему

¹ Юнг К. Очерки по психологии бессознательного. М.: Когито-Центр, 2010. С. 304.

необходимо интегрировать все части своей личности, в том числе отрицательные.

Анимус или анима обозначают психическую двуполость человека. Фемининный архетип в мужчине называется «Анима», маскулинный в женщине — «Анимус». Эти архетипы не только являются причиной наличия у представителей каждого пола черт противоположного; они также действуют как коллективные образы, мотивирующие представителей полов понять друг друга. Нарушение баланса между личностью и данными архетипами приводит к появлению женоподобных мужчин и мужеподобных женщин (Юнг считал, что открыл в себе архетип анимы, когда в период личностного кризиса он задавал себе вопросы и сам же отвечал на них, но при ответе тембр голоса психиатра менялся на фальцет, что свидетельствовало об активации анимы. — С. А.).

Самость — это центр личности, она обеспечивает личности единство, равновесие и стабильность. Она конечный результат всех находящихся в оппозиции архетипов. Самость — это цель, к которой люди постоянно стремятся, но которой редко достигают. Прежде чем самость воплотится, необходимо, чтобы различные компоненты личности прошли полное развитие. По мнению К. Юнга, личность может достичь равновесия лишь в результате длительного процесса психологического созревания, называемого им индивидуацией.

Жизнь человека — процесс преобразований на пути к самости. Рождаясь с недифференцированным бессознательным, он переходит в дальнейшем к стадии сознающего Эго. В детстве ребенок очень сильно связан со своей семьей и в особенности с родителями, влияние родительских установок на его развитие огромно. При поступлении в школу начинается процесс индивидуации ребенка, то есть реализация его задатков и особенностей. На каждом из этапов этого личностного роста человек должен отказываться от черт своей личности, характерных для прошлого этапа его развития, чтобы не остановиться в процессе индивидуации. Если же этого не происходит, то задача психотерапевта помочь человеку преодолеть эти препятствия и продолжить движение к себе настоящему.

Пережив кризис среднего возраста, Юнг уделял ему особое значение в процессе движения к самости. В возрасте между тридцатью двумя и тридцатью восемью годами человек кардинально меняется. Это может происходить как

постепенно, так и резко, неожиданно для него самого. Те аспекты личности, которые не получали развития, те потребности и смыслы, которые не находили удовлетворения, заявляют о себе, требуя ответа. Ответ на этот вызов — принципиальный момент в жизни человека. От него зависит, достигнет ли человек самости или останется психологически незрелым и неудовлетворенным собой и окружающей действительностью. В том случае, если самость достигнута, человек как бы обретает самого себя заново, он получает новый смысл от общения с окружающими его людьми, в конце концов он побеждает страх смерти.

Концепция коллективного бессознательного вызывала критику еще при жизни самого Юнга. В наши дни ее критикуют за то, что она не соответствует критериям научности, в частности верифицируемости и фальсифицируемости. Ни доказать, ни опровергнуть эту концепцию, тем более экспериментально, невозможно. Остается лишь верить в нее, но эта характеристика не относится к научному знанию.

Вместе с тем концепция Юнга дала свои плоды, пусть и в переработанной форме, в исследованиях философов и культурологов. Культурные традиции, а отнюдь не врожденные структуры психики, передают из поколения в поколение ту информацию, которую Юнг относил к коллективному бессознательному. Рождаясь, человек знакомится с культурными феноменами, делая их частью своего «Я». Великий психолог Виктор Франкл отмечал: «Надо признать, что религиозные “прообразы” существуют, но они не являются архетипами нашего культурного пространства. Этот мир рисунков и символов не дан нам изначально, мы лишь родились, окруженные им. Отсюда понятно, что эти прообразы не архетипы, а молитвы наших отцов, обряды наших церквей, откровения наших пророков, образы наших святых».

В 1922 году Карл Юнг приобрел участок земли на побережье Цюрихского озера и начал строить дом, которому дал прозвище Башня: «Благодаря научным занятиям мне удалось обнаружить истоки моих фантазий и разного рода проявлений бессознательного. Но я не мог отделаться от ощущения, что только слов и бумаги мне мало — необходимо было найти что-то более существенное. Я испытывал потребность перенести непосредственно — в камень — мои сокровенные мысли и мое знание. Иными словами, я должен был закрепить мою веру в камне. Так возникла Башня,

дом, который я построил для себя в Боллингене. Кому-то эта идея может показаться абсурдной, но я находил в этом не только глубокое удовлетворение, но и некий смысл»¹.

В эти же годы Юнг пытался найти подтверждение своей теории коллективного бессознательного и решил познакомиться с культурами примитивных обществ. В 1924—1925 годах он посетил поселение индейцев пуэбло в штате Нью-Мехико, а через год отправился в тропическую Африку вместе со своей новой подругой англичанкой Рут Бейли.

Вскоре Юнг стал безусловным авторитетом в области психологии. В 1930 году он был избран почетным президентом Немецкого общества врачей-психотерапевтов. 25 ноября 1932 года Цюрихский городской совет присудил ему городскую премию за значительный вклад в литературу. Во второй половине 1930-х годов он уже являлся почетным профессором Швейцарской политехнической школы, Гарвардского университета, Оксфордского университета, Королевского медицинского общества в Лондоне.

У Юнга вновь появился интерес к медиумическим экспериментам, и он обратился к трудам алхимиков, в которых видел своих предшественников, исследовавших психологию бессознательного. С годами его интерес к алхимии только возрастал, и он уделял всё больше времени дешифровке и интерпретации алхимических символов.

В 1933 году Юнг стал одним из деятельных членов и вдохновителей теософского и эзотерического общества «Эранос», просуществовавшего более семидесяти лет. В том же году к власти в Германии пришел Адольф Гитлер. Идеи национал-социализма оказали влияние и на немецкое психологическое сообщество. Созданное в это время в Германии Международное медицинское общество психотерапии предложили возглавить именно Карлу Юнгу, на что он ответил согласием при условии, что в общество будет разрешено вступать некоторым психотерапевтам-евреям. Кроме того, Юнг стал главным редактором ведущего немецкого журнала по психотерапии, за что сразу же был подвергнут критике со стороны коллег, так как в этом журнале публиковались статьи по «арийской психологии», которая противопоставлялась еврейской. Сам Юнг также был автором подобного рода работ.

¹ Юнг К. Воспоминания, сновидения, размышления. Минск: Харвест, 2003. С. 219.

Тема взаимоотношений Юнга и нацистов является одной из центральных в биографии психолога. Несмотря на все попытки его последователей опровергнуть выдвинутые против своего учителя обвинения как минимум в сочувствии нацистским взглядам, факты говорят сами за себя. Языческая мифология и расовые идеи, на которых основывался национал-социализм, привлекали Юнга, он видел в них возможности для некоего перерождения немецкой нации. Иоланда Якоби, являвшаяся в 1930-е годы одной из ближайших последовательниц Юнга, утверждала, что «его представление о нацистском движении состояло в том, что подобный хаос рождает нечто положительное или ценное. Таким образом, можно сказать, что германское движение он рассматривал в качестве хаотического состояния, предшествующего рождению нового мира». Относительно его ответа на ее письмо, в котором она выразила свои сомнения насчет опасностей нацизма, Якоби сказала: «Он ответил мне: “Раскройте свои глаза. Вы не можете отвергнуть зло, ибо оно является носителем света”. Люцифер — это носитель света. Поймите, таково было его убеждение. Это свидетельствует о том, что он не видел и не понимал внешнего мира. Для него нацистское движение было внутренним событием, которое следовало воспринимать в качестве предварительного психологического условия для возрождения»¹. Идеи самого Юнга вызвали немалый интерес в Третьем рейхе, куда его приглашали с лекциями, а его работы изучались и цитировались.

Что касается антисемитизма, то в начале правления национал-социалистов Юнг неоднократно высказывался на эту тему. В частности, он отмечал, «что арийское бессознательное имеет более высокий потенциал, чем еврейское. Еврей в чем-то кочевник и еще не создал собственной культурной формы и, насколько можно видеть, никогда не создаст, так как все его инстинкты и таланты требуют, чтобы более-менее цивилизованная нация действовала как господин для его развития. У евреев та же особенность, что и у женщин: будучи физически слабее, они целятся в щель в броне противника»². Некоторое время он даже поддерживал подобные взгляды у своих пациентов, считая это психотерапевтической техникой, направленной на осознание ими собственной Тени.

¹ *Нолл Р.* Тайная жизнь Карла Юнга. М.: РЕФЛ-бук, 1998. С. 398.

² *Самуэлз А.* Возвращение Юнга из изгнания // <http://maap.ru/library/book/229/> (дата обращения — 19.08.2018 г.).

Двадцать восьмого сентября 1937 года Юнг в Берлине присутствовал на военном параде во время встречи Муссолини с Гитлером и внимательно наблюдал за диктаторами. Через год он дал интервью американскому журналисту Х. Никербокеру, которое позднее было опубликовано под заголовком «Диагностируя диктаторов»:

«Н и к е р б о к е р: Что произойдет, если Гитлера, Муссолини и Сталина, всех вместе, закрыть на замок, выделив для них на неделю буханку хлеба и кувшин воды? Кто-то получит всё или они разделят хлеб и воду?

Ю н г: Я сомневаюсь, что они поделятся. Гитлер как шаман будет, вероятно, держаться в стороне, не ввязываясь в ссору. Муссолини и Сталин, каждый по своему собственному праву вождя или сильного, будут, вероятно, добиваться обладания хлебом и водой, и Сталин, как более грубый и жестокий, вероятно, получит всё.

Существовали два типа сильных людей в примитивном обществе. Один из них — вождь, физически более мощный и сильный, чем все его соперники, другой — шаман, сильный не сам по себе, а в силу власти, спроецированной на него людьми. Таким образом, это император и глава религиозной общины. Император как вождь обладал физической силой благодаря своей власти над солдатами; власть же ясновидящего, которым являлся шаман, не его физическая, а реальная власть, которой он обладал вследствие того, что люди признавали за ним магическую — сверхъестественную способность, могла временами превосходить власть императора. Он мог, например, помогать или, напротив, строить препятствия на пути к счастливой жизни после смерти, мог объявить вне закона личность, общину или целую нацию и исключением из религиозной жизни общины обречь на лишения и страдания.

Муссолини — человек физической силы. Увидев его, вы тотчас сознаете это. Его тело наводит на мысль о хороших мускулах. Он лидер, потому что индивидуально сильнее любого из своих соперников. И действительно, склад ума Муссолини соответствует его классификации, у него ум вождя.

Сталин принадлежит к той же самой категории. Он, однако, не созидатель. Он просто захватил то, что сделал Ленин, вонзил свои зубы и пожирает. Он даже разрушает не творчески. Ленин снес целую структуру феодального и буржуазного общества в России и заменил ее своим собственным творением. Сталин разрушает его.

С умственной стороны Сталин не так интересен, как Муссолини, которому он подобен в основном типе своей личности, и не имеет ничего общего с таким интересным типом, который представлен Гитлером, — типом шамана, человека-мифа.

Никербокер: Тот, кто захватил власть над ста семьюдесятью миллионами людей, подобно Сталину, не может не заинтересовать, нравится он вам или нет.

Юнг: Нет, Сталин именно животное — хитрый злобный мужик, бессознательный зверь — в этом смысле несомненно самый могущественный из всех диктаторов. Он напоминает сибирского саблезубого тигра этой мощной шеей, этими разглаженными усами, этой улыбкой кота, слизывающего сливки. Я могу предположить, что прежде Сталин мог быть Чингисханом. Меня не удивит, если он сделает себя царем.

Гитлер совершенно другой. Его тело не внушает представления о силе. В его облике прежде всего обращает на себя внимание полный сновидений, призрачный взгляд. Я был особенно поражен, рассматривая наброски, сделанные с него во время чехословацкого кризиса; его глазами смотрит ясновидящий.

Во всяком случае, не возникает сомнений в том, что Гитлер принадлежит к категории действительно мистических шаманов. Ничего подобного не приходилось видеть в этом мире со времен Магомета — так кто-то отозвался о нем на прошедшем Нюрнбергском съезде партии.

В том, что Гитлер поступает, как нам кажется, необъяснимым и странным, алогичным и неразумным образом, проявляется явно мистическая особенность Гитлера. <...>

Как врач, я обязан не только анализировать, ставить диагноз, но и предлагать лечение. <...> Далее, когда мой пациент действует под властью высшей силы, силы в нем самом, подобно голосу Гитлера, я не рискую приказывать ему не подчиняться своему голосу. Он не послушает меня, если я рискну приказать. Он будет действовать даже решительнее, чем если бы я ему не приказывал. <...>

Поэтому я полагаю, что в этой ситуации единственный путь спасти демократию на Западе — под Западом я подразумеваю также и Америку — не пытаться остановить Гитлера. Можно попробовать отвлечь его, но остановить его невозможно без громадной катастрофы для всех. Его голос говорит ему объединить всех немцев и вести их к лучшему будущему, лучшему месту под солнцем, к процветанию

и богатству. Невозможно удержать его от осуществления этих намерений. Остается лишь надеяться повлиять на направление его экспансии.

Я предлагаю направить его на Восток. Переключить его внимание с Запада и, более того, содействовать ему в том, что удержит его в этом направлении. Послать его в Россию. Это логичный курс лечения для Гитлера. <...>

Н и к е р б о к е р: Что произойдет, если Германия попытается свести счеты с Россией?

Ю н г: О, это ее собственное дело. Для нас важно только, что это спасет Запад. Никто из покушавшихся на Россию не избежал неприятностей. Это не очень подходящая пища. Возможно, потребуется сотня лет, чтобы немцы переварили ее. Между тем мы будем спасены, я имею в виду всю западную цивилизацию»¹.

Тем не менее нацистом Юнг не стал. В 1939 году он ушел с должности главного редактора «Центрального журнала по психиатрии», издававшегося в рейхе, и окончательно дистанцировался от нацистских идей. Сразу же после войны в одном из интервью он заявил: «Все они (немцы. — С. А.) сознательно или бессознательно, активно или пассивно, имеют свою долю в этих ужасах; даже если они ничего не знали о том, что происходит, но они это чувствовали. Для психолога вопрос коллективной вины (который сильно беспокоит политиков и будет тревожить их и дальше) — это доказанный факт, и одной из самых важных задач терапии становится признание немцами этой вины. Даже сейчас я получаю много заявок от немцев, которые хотят лечиться у меня. Если они из тех “порядочных немцев”, которые хотят переложить вину на пару мужчин в гестапо, я расцениваю этот случай как безнадежный. У меня нет другой альтернативы, кроме как отвечать на такие заявки анкетой с определенными вопросами, вроде: “Что Вы думаете о Бухенвальде?” Только когда пациент увидит и признает свою собственную ответственность, индивидуальное лечение можно считать начатым»². Чувствовал ли сам Юнг вину в связи со своим заигрыванием с нацистскими идеями? Вряд ли. С 1939 года он упорно настаивал на своих швейцар-

¹ Аналитическая психология: прошлое и настоящее. М.: Мартис, 1995. С. 173—174.

² Юнг К. Послевоенные психические проблемы германской нации // <https://castalia.ru/perewody/karl-gustav-yung-perevody/2772-albert-ozri-yung-govorit-poslevoennyye-psihicheskie-problemyi-germanskoy-natsii.html> (дата обращения — 19.08.2018 г.).

ских корнях. Да и признание собственных ошибок не было свойственно его характеру, в отличие от Фрейда, который в случае проведения неудачных сеансов психоанализа открыто заявлял об этом.

В своих воспоминаниях Юнг отмечал, что в начале 1944 года он сломал ногу, после чего перенес инфаркт, во время которого оказался в пограничном состоянии — между жизнью и смертью. В этот момент у него снова было видение: он парил над Землей и пережил «ощущение крайнего ничтожества и одновременно великой полноты».

С течением времени взгляды Юнга становились всё более загадочными, что только сильнее подогревало интерес к его личности. После войны в Англии начал выходить «Журнал аналитической психологии». В Соединенных Штатах почитатели Юнга основали фонд, финансирующий переводы и издание его работ. 24 апреля 1948 года в Цюрихе открылся Юнговский институт, ставший ведущим центром в сфере аналитической психологии.

В 1952 году Юнг опубликовал книгу под названием «Ответ Иову», подводящую итог его взаимоотношений с христианством. Эту работу он якобы охарактеризовал так: «Если бы у меня была возможность переписать всё написанное за жизнь, я бы это сделал, оставив неизменной только одну книгу — “Ответ Иову”».

«Книга Иова» — одна из таинственных и важнейших частей Ветхого Завета, привлекавшая внимание величайших мыслителей на протяжении веков: Ефрема Сирина, Григория Богослова, Августина Блаженного, Серена Кьеркегора, Льва Шестова и многих других. Все они пытались дать ответы на вопросы — за что страдает праведник, в чем смысл человеческих страданий и, в итоге, почему, несмотря ни на что, Господь остается всеблагим (идея теодицеи).

Ветхозаветная книга содержит повествование о праведнике Иове, вера которого испытывается Богом. Господь попускает сатане повергнуть Иова в страдания и скорби — тот теряет всё имущество, близких людей, тяжело заболевает. Иов ропщет и просит смерти, так как не понимает смысла происходящего. К нему приходят друзья, которые спорят с праведником о причинах его страданий и настаивают на том, чтобы он покался в своих грехах. В итоге Господь открывается Иову и объясняет смысл его страданий.

В своем произведении Юнг, как ему казалось, пытался обличить Бога и его действия в отношении Иова. С точ-

ки зрения психиатра, Господь жесток, противоречив, постоянно нуждается в признании своего превосходства над людьми. Именно поэтому он наказывает Иова сверх всякой меры, хотя в силу всеведения знает результат сложившейся ситуации. Однако история, произошедшая с Иовом, его вера заставляют измениться самого Бога. Он хочет стать лучше, и за страдания, принесенные им человечеству, Господь осуществляет искупительную жертву: «Традиционная концепция искупительного подвига соответствует одностороннему подходу, как бы мы его ни оценивали — в качестве чисто человеческого или же санкционированного Богом. Иную позицию, рассматривающую крестную жертву не как сваливание человеческой вины на Бога, а как заглаживание несправедливости, причиненной Богом человеку, мы в общих чертах изложили выше. Она представляется мне выдерживающей эти реальные противоречия более успешно. Ягненок, конечно, может мутить волку питье — но другого вреда он причинить ему не в состоянии. Так и творение — оно может разочаровать Творца, однако маловероятно, чтобы нанесенная им обида была для того сколько-нибудь заметна. Лишь в силах Творца совершить такое в отношении бессильного творения. Тем самым, правда, Божество оказалось бы обвиненным в нечестии, но это вряд ли хуже, чем подозрение в том, что замучить Сына на кресте до смерти понадобилось лишь для того, чтобы утолить гнев Отца. Что это за Отец, который предпочитает прикончить Сына, нежели великодушно простить человечество, замороженное и соблазненное его же собственным сатаной? В чем смысл такой демонстрации — зверского и архаичного жертвоприношения Сына? Может быть, Божья любовь? Или Божья непримиримость?»¹ В итоге Бог становится совершеннее, соединившись с Мудростью — женственным началом Святого Духа.

Произведение Юнга повергло в шок многих его учеников. Они не понимали и не принимали позицию своего учителя. В этом тексте взгляд со стороны мог уловить неразрешенный конфликт с отцом, образ которого он отождествлял с Богом. Возможно, Юнг просто переносил на Бога те качества, которые отрицал в себе?

Вместе с тем интерпретация «Книги Иова» гностиком Юнгом не принимала логику одного из центральных би-

¹ Юнг К. Ответ Иову. М.: Издательство АСТ, Канон +, 1998. С. 242—243.

блейских сюжетов. С точки зрения христианства свобода — фундамент мироздания, но главное — она основа любви. Если не будет первого, не будет и второго. Не зная свободы, человек не научится по-настоящему любить ближнего и своего Творца. Принцип свободы распространяется на весь мир, в том числе и на дьявола, который сделал выбор и отказался от Божьей любви. Именно сатана пытается уличить праведника в том, что он любит Бога лишь потому, что получает от него одни блага. Если же Бог отнимет семью, достаток, здоровье, то Иов должен отречься от Господа. Но Иов не отрекается. Всё, что случается, так это то, что он начинает роптать, то есть вести себя как обычный человек, находящийся в глубоком горе. К Иову приходят друзья. Трое из них склоняют его к покаянию за прошлые грехи, которых он якобы не видит и не желает за них каяться. Четвертый друг, самый молодой из них, а потому смотрящий не в прошлое, а в будущее, говорит, что Иов не должен роптать, так как это проявление гордыни. Наконец, Иову отвечает сам Господь. Это происходит потому, что, пережив страдания, Иов может требовать у Бога ответа и имеет право его получить. Господь не вменяет ему во грех ропот. Ответ Господа предназначен только для Иова, не универсальный, не рациональный, а личный. Ответ, который нельзя выразить словами, а можно лишь пережить, оказавшись на дне горя, оставшись с Богом один на один, так как Он приходит в глубины страданий и выводит оттуда человека, когда тот уже не ждет этого, так как сделал в своей любви к Богу всё, что мог, что было в его силах.

В христианской традиции образ Иова — это прообраз Христа, пережившего все возможные мучения, в том числе и ощущение богооставленности, воскликнувшего на кресте: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?», но не отказавшегося от любви к людям и своему Отцу, по своей воле пошедшего на Голгофу, опустившегося в Шеол¹ ради этой любви. Когда страдал Иов, Господь мог открыть ему тайну крестной жертвы Христа, чтобы объяснить, что богооставленности не бывает никогда. Когда люди страдают и, несмотря на это, сохраняют любовь к Богу, даже если они ропщут, Господь в свое время посылает им Утешителя — Святого Духа, который уже пришел в мир благодаря Христу.

¹ Шеол — обиталище всех умерших в иудаизме, вне зависимости от их образа жизни.

Восьмидесятилетие Юнга в 1955 году было отмечено не только чествованием, но и очередным обсуждением в обществе его принятия нацистских идей. Сторонники и последователи защищали своего наставника, заявляя, что его фразы якобы были неверно истолкованы, что Юнг оказывал помощь еврейским беженцам в Швейцарии, что нацисты запретили его работы. Однако эти объяснения не удовлетворили тех, кто помнил высказывания Юнга о национал-социализме в начале 1930-х годов.

С возрастом Юнг всё больше времени проводил в своей Башне. Его любимыми развлечениями являлись плавание на лодке по озеру, игра в карты и чтение детективов, в особенности книги Агаты Кристи и Жоржа Сименона, которые огромными кучами были навалены по всему дому. Как писала его ученица Аниэла Яффе, «для Юнга образ детектива являлся современной версией алхимического Меркурия, человеком, разгадывавшим загадки, развлекавшим своими героическими поступками»¹.

В 1955 году скончалась супруга Юнга Эмма, и он остался жить в своей Башне с Рут Бейли, ставшей домоправительницей. «Я была с семьей, когда его жена умерла, — вспоминала Бейли. — Юнг был очень опечален — он был весь белый и напряженный, ничего не говорящий. Он ходил по комнате, в то время как вся семья сидела в тишине, боясь сказать ему хотя бы слово. Я встала и пошла за ним, чтобы постараться вытащить его из переживаний»². Правда, у местных чиновников возникли закономерные вопросы, почему за человеком, у которого такое количество детей, некому присматривать. Ответ им дала дочь Марианна: дети Юнга повзрослели и имеют собственные семьи, поэтому, мол, у них не остается времени для ухода за отцом.

Только Рут Бейли могла терпеть его характер, который уже не скрывался за фасадом «странностей гения». Юнг и сам предупреждал ее об этом: «Я человек, который впадает в приступы сильного гнева. Имейте это в виду. Они ничего не значат и скоро пройдут»³. Раздражительность и гневливость Юнга в старости были обыденным делом. Так, однажды Рут готовила еду, и Юнг, заметив, что она собирается добавить в нее помидоры, стал орать, чтобы она не делала этого, а затем настолько сильно вышел из себя,

¹ *Brome V. Jung*. New York: Atheneum, 1978. P. 249.

² *Ibid.* P. 260.

³ *Ibid.* P. 262.

что долго не мог успокоиться. Подождав, когда гнев Юнга утихнет, Бейли обратилась к нему со словами: «Если я не дороже тебе этих двух помидоров, я уйду». — «Не делай этого, — сказал Юнг, — всё, что ты должна запомнить, так это не делать того, что взбесит меня»¹.

В последние годы своей жизни Карл Юнг диктовал одной из своих последовательниц мемуары и вместе с учениками принял участие в подготовке книги «Человек и его символы».

Шестого июня 1961 года Карл Густав Юнг скончался. Его тело было кремировано, а пепел захоронен в семейном склепе, спроектированном им самим. По свидетельствам очевидцев, в день смерти Юнга разразилась сильная гроза и молния ударила в дерево, под которым он любил проводить время. Люди, искавшие во всём тайный смысл, увидели его и в этом явлении. А между тем это была просто гроза.

¹ Ibid.

Глава II
АЛЬФРЕД АДЛЕР
(1870—1937)

Древние римляне верили, что у каждого места есть свой дух-покровитель, которого они называли гением. Если следовать их воззрениям, то можно предположить, что духи бывают разными — красивыми и не очень, легкомысленными и умудренными опытом, веселыми и печальными. Как и места, в которых они обитают. Они, как и люди, рождаются, мужают, стареют и умирают, а им на смену приходят новые гении, и всё повторяется сначала. Тогда получается, что во второй половине XIX века гений Вены достиг своей зрелости и, возможно, даже стал одним из тех, кто покровительствовал бурному росту всего современного западного мира.

В эти десятилетия Вена преобразилась. Город пронизали широкие проспекты, были построены великолепные здания городской ратуши, Венского университета, оперного театра. Банки Вены считались одними из самых надежных в Европе. Бурное развитие транспорта (особенной гордостью венцев являлись трамваи, перевозившие несколько десятков тысяч человек в день) привело к переселению людей из центра города на окраины. В столице был проложен новый водопровод, по которому чистейшая вода из горных районов поступала в дома. Именно в Вене появилась первая бесплатная городская поликлиника для малоимущих слоев населения — в то время, когда понятия социального обеспечения еще не существовало.

Столица Австро-Венгрии оставалась мировым культурным центром, куда стремились ученые, музыканты, писатели, художники из разных стран. Всё это способствовало росту численности населения. К началу XX века в Вене проживало более двух миллионов человек, подавляющее большинство которых были иммигрантами. При этом го-

род являлся ярким примером терпимости ко всему новому и инокультурному.

Именно в такой Вене, на ее окраине, в семье еврейского торговца 7 февраля 1870 года родился мальчик, которого назвали Альфред. Его родители — Леопольд и Паулина Адлер — были родом из провинции Бургенланд, располагавшейся в самом сердце Австро-Венгерской империи. Эта земля гордилась тем, что когда-то там жили великие музыканты Гайдн и Лист. Евреи, обитавшие в Бургенланде, всегда выступали торговыми посредниками между различными частями страны, не ощущая антисемитских притеснений и прекрасно ассимилируясь в самых отдаленных уголках империи. Одним из них был и торговец зерном Леопольд Адлер, перебравшийся в Вену в надежде разбогатеть. На этом поприще он, однако, не преуспел, и семья его пребывала в бедности.

В своих воспоминаниях Альфред Адлер отмечал, что у него складывались хорошие отношения с отцом, а завоевать расположение матери не удавалось. Каким на самом деле отцом был Леопольд Адлер, доподлинно неизвестно. Свидетельства родственников и людей, знавших его близко уже в преклонные годы, весьма положительны и создают картину благообразного, статного старика, едва ли не главной привычкой которого было следить за своим внешним видом. Альфред Адлер вспоминал, что его отец «был видным мужчиной, выглядевшим всегда элегантно и аккуратно, как человек, привыкший к хорошей жизни. Я испытывал к нему большое уважение, он всегда очень хорошо относился ко мне. Я всё еще вижу, как он гладит меня по голове и дарит блестящие монеты, которыми я крайне гордился»¹. Характерной особенностью Леопольда Адлера была его боязнь, вплоть до патологического ужаса, разговоров о болезнях и, видимо, самих заболеваний. Сложно сказать, была ли это ипохондрия² или что-то еще, тем не менее, когда кто-то из детей действительно заболел, отец делал всё, чтобы помочь своему ребенку. Всю свою жизнь Леопольд придерживался одного и того же распорядка дня — подъем в пять утра, затем прогулка, завтрак, работа до 16.00, ужин в 17.00 и отход ко сну в 19.00. Может быть, поэтому он и умер

¹ *Элленбергер Г.* Открытие бессознательного: история и эволюция динамической психиатрии. СПб.: Янус, 2004. С. 190.

² *И п о х о н д р и я* — расстройство, для которого характерна боязнь заболеть, чрезмерная озабоченность своим здоровьем.

бодрым стариком в 89 лет. Ведь кто-кто, а уж ипохондрики точно умеют заботиться о своем здоровье, «вылечивая» даже то, что никогда не болело.

Мать Альфреда — Паулина Адлер, по воспоминаниям родственников, напротив, была измучена заботами и болезнями и производила впечатление нервной и угрюмой особы. По всей вероятности, на плечи этой хрупкой женщины легло обеспечение повседневного быта большой семьи. Немудрено, что она скончалась в возрасте шестидесяти одного года. Для Альфреда такие подробности были не важны. Ему нужна была материнская ласка, которой постоянно не хватало из-за большого количества детей. С возрастом Альфред понял, насколько он заблуждался в отношении матери: «Теперь я знаю, что моя мать была ангелом и любила нас всех, но будучи ребенком я ошибался в этом вопросе»¹.

Альфред был вторым из семерых детей супругов Адлер. Отношениям с братьями и сестрами он придавал большое значение. В дальнейшем, развивая свою концепцию индивидуальной психологии, он отводил связям между братьями и сестрами более значимую роль в формировании человека, чем между родителями и детьми. Особое значение в становлении Альфреда сыграл его старший брат Зигмунд. «Адлер всегда чувствовал себя находящимся в тени своего образцового старшего брата, настоящего “первенца”, всегда казавшегося Альфреду парящим над ним на такой высоте, которая — при всех его усилиях — оставалась для него недостижимой. До конца своей жизни он не смог полностью преодолеть это ощущение»². Несмотря на тяжелое финансовое положение семьи Адлер, не позволившее Зигмунду получить даже среднее образование, ему удалось преодолеть трудности и стать преуспевающим бизнесменом, заботившимся о своих родителях. Самоучка, он прививал собственным детям любовь к искусству, литературе, игре в шахматы, путешествиям. Зигмунд всегда лестно отзывался об Альфреде, в зрелые годы полностью полагаясь на его медицинские суждения.

Среди других детей Леопольда и Паулины Адлер свой след в жизни Альфреда оставил его младший брат Рудольф,

¹ *Bottomе P.* Alfred Adler: A Biography. New York: G.P. Putnam's Sons, 1939. P. 9.

² *Элленбергер Г.* Открытие бессознательного: история и эволюция динамической психиатрии. СПб.: Янус, 2004. С. 191.

проживший меньше года и скончавшийся от дифтерии. Альфред тяжело переживал его рождение, воспринимая этот факт как утрату материнской любви, но когда Рудольф умер в кроватке, стоявшей рядом с постелью Альфреда, мальчик долго укорял себя за свои чувства к брату, считая себя виновным в его гибели.

Сам Альфред также оказался болезненным ребенком — астма, пневмония, рахит ставили мальчика на грань жизни и смерти и формировали его взгляды на окружающий мир. «Одно из моих самых ранних воспоминаний относится к тому моменту, когда я сижу на скамейке, весь перевязанный из-за рахита, рядом с моим здоровым старшим братом, сидящим напротив меня, — писал Альфред Адлер. — Он мог бегать, прыгать, и движения его были легкими, в то время как для меня любое движение давалось через напряжение и усилие. Все пошло на многое, чтобы помочь мне, и моя мать и отец сделали всё, что было в их силах сделать. Во время этого воспоминания мне было около двух лет»¹. Люди, у которых было трудное детство, делятся на две категории — одни становятся психологами, другие их пациентами. Альфред Адлер выбрал первое, правда, сначала он захотел стать просто врачом, чтобы самому лечить себя и близких.

Сведений о детстве Альфреда Адлера сохранилось не так уж и много. Кроме горестей и болезней на его долю выпадало и беззаботное времяпрепровождение — игры с соседскими мальчишками, проказы в саду знаменитого Шёнбруннского дворца — летней резиденции династии Габсбургов, где Альфред, перемахнув через забор, рвал цветы, и, наверное, много других шалостей.

Общение со сверстниками развивало у него то, что впоследствии он назвал социальным интересом, позволяющим личности реализовать себя в обществе и стать его полноправным членом. Преодоление чувства органической неполноценности стало для него главным мотивом, заставлявшим бороться за успех и признание. В дальнейшем эта интерпретация личного детского опыта явилась одной из фундаментальных идей в психологической концепции Альфреда Адлера.

Семья Адлер была очень музыкальной. Альфред обладал удивительным голосом, который вкупе с актерским талан-

¹ *Bottom P. Alfred Adler: A Biography. New York: G.P. Putnam's Sons, 1939. P. 9.*

том вполне мог обеспечить ему не славу ученого, а карьеру певца. Любовь к театральному лицедейству, по мнению некоторых биографов Адлера, позволяла ему вживаться в психологию другого человека, тонко чувствовать эмоции и болезненные переживания пациентов.

Отец часто брал маленького сына на утренние прогулки, во время которых любил поговорить с ним о жизни. Альфред запомнил одно из его наставлений: «Никогда не верь без доказательств тому, что кто-то тебе говорит». Когда Альфред Адлер повзрослел, скептицизм стал одной из его характерных особенностей. Во время обсуждения с коллегами историй пациентов, вспоминавших в ходе сеансов свой опыт появления на свет или родовых травм, Адлер скептически повторял: «И вы действительно верите в то, что они вам рассказывают?»

В ранние детские годы Альфред, возможно, посещал частную школу, но каковы были его успехи, неизвестно. В 1879 году, когда мальчику было девять лет, его отправили в высшую реальную гимназию, в ту самую, в которую за 14 лет до него поступил Зигмунд Фрейд. Но спустя несколько лет из-за очередного переезда родителей Альфред был переведен в другую гимназию, где в возрасте восемнадцати лет получил аттестат зрелости.

Особых успехов в учебе в школьные годы он не достиг, зато умел дружить и всегда находился в компании сверстников. Один из его братьев позже вспоминал, что никогда не мог понять, как Альфреду удавалось иметь столько друзей несмотря на склочный и ужасно амбициозный характер (так ему казалось). Другой брат был более снисходителен к Альфреду, подчеркивая его доброту. Он говорил, что семья, например, всегда узнавала заранее, что тот подходит к дому, по шороху крыльев голубей, встречавших мальчика. Животных и птиц Адлер любил всегда.

Жизнь на окраине Вены позволяла юному Альфреду ощущать себя частью природы — лес, горы и, конечно же, красавец Дунай. Увлекаясь плаванием, психолог впоследствии нередко использовал его как аллегорию во время терапевтических сеансов, проводя весьма логичную, но вместе с тем важную для пациента аналогию: «Что вы делаете вначале, когда учитесь плавать? Вы делаете ошибки, не так ли? А затем что происходит? Вы совершаете другие ошибки. И когда вы совершили все возможные ошибки, из-за которых могли бы утонуть — и некоторые из них много раз, — что же вы обнаруживаете? То, что можете плавать!

Жизни всё равно, как вы научитесь плавать! Не бойтесь делать ошибки, нет другого способа обучения, чем просто жить!»¹

Детские увлечения в дальнейшем преобразовались во взрослые привычки. Адлер обожал плавать, мог часами гулять по лесу или в горах. Когда он переехал в США, у него появилась новая страсть — кино. После каждой вечерней лекции он заявлял своим коллегам: «Я боюсь, что у меня есть одно важное обязательство». И все знали, что он имел в виду посещение кинотеатра. Но и его увлечение музыкой не угасало. Он обожал принимать участие в любительских спектаклях, посещал концерты и спектакли. Помимо устоявшихся привычек и хобби Адлер был не прочь попробовать и что-нибудь новое. Так, в возрасте шестидесяти лет он научился водить машину. Сделал он это больше из желания преодолеть очередной вызов, брошенный самому себе, чем из каких-то практических соображений.

В 18 лет Альфред поступил на медицинский факультет Венского университета. Он не слыл одаренным учащимся — прослушал лишь необходимый минимум и сдал выпускные экзамены на оценку, необходимую для получения диплома. Тем не менее сказать, что Адлеру было неинтересно то, чем он занимался, нельзя. Его друзья и родственники вспоминали, что он с жадностью читал — это увлечение сохранялось у него с детства, когда оно становилось единственным развлечением в тяжелые дни болезни. Во время последних государственных экзаменов он бесплатно работал в венской поликлинике, занимаясь лечением тех, кто не имел средств наблюдаться в частных клиниках. Таким образом Адлер приобретал столь необходимый молодому врачу опыт. С 1 апреля 1896 года он начал проходить шестимесячный срок обязательной армейской службы в восемнадцатом военном госпитале в Прессбурге, в венгерской воинской части.

Сведения о дальнейших шести годах жизни Адлера весьма обрывочны, а между тем за это время произошли важные события. Он отслужил в армии и увлекся политикой, в частности социалистическими идеями. На одном из митингов он встретил будущую супругу и любовь всей жизни — русскую студентку Раису Тимофеевну Эпштейн. Раиса родилась в Москве, в богатой еврейской купеческой

¹ *Bottomе P. Alfred Adler: A Biography. New York: G.P. Putnam's Sons, 1939. P. 17.*

семье. Так как в конце XIX века обучаться в российских университетах женщинам было запрещено, Раиса отправилась в Цюрих, а затем в Вену, став убежденной феминисткой и сторонницей левых взглядов. Альфред и Раиса поженились 23 декабря 1897 года в Смоленске. О своем браке Адлер сообщил родным телеграммой следующего содержания: «Женился. Возвращаюсь с невестой. Найдите для меня дом». Чего не сделаешь для счастья сына — родители оставили молодоженам свой дом, а сами переехали в другой.

Раиса была прямым, волевым человеком, а Альфред не отличался уступчивостью, его нередко обвиняли в эгоизме и упрямстве. Поэтому нельзя сказать, что их супружеская жизнь проходила безоблачно. В отличие от мужа, Раиса Адлер долгое время не оставляла политической деятельности, ее левые взгляды начали расходиться с позицией мужа. Она вступила в Коммунистическую партию Австрии, дружила с супругой Троцкого, который был нередким гостем в доме Адлеров. В 1934 году Раису даже арестовали на несколько дней за ее политические убеждения. Следует сказать, что в это время ее супруг вместе с сыном большую часть времени уже проводил в США, она же отказывалась эмигрировать, считая Америку оплотом капитализма. Только в 1936 году она всё же перебралась к заболевшему мужу в Штаты. Раиса пережила Альфреда на 25 лет и умерла 21 апреля 1962 года в Нью-Йорке в возрасте восьмидесяти девяти лет.

Идеальной супружеской жизнью Адлер считал моногамный брак: «Любовь — задача для двоих. Задача особого рода, решать которую должны оба, и она не будет успешно решена, если ей занят только один человек. Для правильного решения проблемы любви каждый из двух людей должен забыть о себе и посвятить себя другому; как будто одна общая жизнь должна сложиться из двух»¹. Вместе со своей женой он всегда отстаивал равноправие женщин и мужчин. Адлер всегда был окружен представительницами прекрасного пола — пациентками, коллегами, поклонницами, ученицами, которые преследовали разные цели в общении с ним. Однако любовь к жене позволяла ему видеть в них лишь тех, кого нужно было лечить, наставлять, обучать, и никого больше.

В 1898 году Адлер начал заниматься частной врачебной практикой, что было нелегко для молодого специалиста, не

¹ *Bottomе P. Alfred Adler: A Biography. New York: G.P. Putnam's Sons, 1939. P. 26.*

имевшего постоянных клиентов. Тогда же Адлер опубликовал свою первую работу — «Учебник здоровья для портных». В этой небольшой брошюре Адлер устанавливает связь между экономической ситуацией и заболеваемостью рабочих. Но он не ограничивается простой констатацией фактов, предлагая программу действий по исправлению сложившейся ситуации — создание нового, более социально ориентированного трудового законодательства, строительство жилья и столовых для рабочих. Эта работа Адлера проникнута социалистическими идеями, вместе с тем она отражает его позицию о необходимости учитывать взаимосвязь множества факторов, влияющих на здоровье человека.

В том же году у Адлеров родилась первая дочь Валентина. Кроме нее у супругов будет еще трое детей — Александра, Курт и Корнелия. Адлер очень любил своих детей. Вместе с супругой они воспитывали их в атмосфере свободы и признания их прав. Его старшие дочери — Валентина и Александра, или, как их называли в домашнем кругу, Вали и Али, так же как их отец, были музыкально одарены. Адлер частенько пел под их аккомпанемент, чем вызывал восторг у окружающих.

Младшая дочь Адлера Нелли вспоминала о педагогических приемах отца, приводя такой характерный пример. Однажды, когда она была еще маленькой, у нее произошел конфликт с Куртом. Обиженная девочка побежала к отцу в поиске защиты и справедливого наказания для брата. Проблема была в том, что в это время Адлер принимал пациента и вся семья знала, что его нельзя было беспокоить. Маленькую Нелли эти условности не волновали — ее переполняла обида, требовавшая немедленной сатисфакции. Она барабанила в дверь, пока на пороге не появился отец. Не говоря ни слова, он взял ее на руки и понес в другую комнату. Положив дочку на кровать, он произнес: «Оставься здесь до тех пор, пока не уйдет мой пациент. После этого я приду и выслушаю всё, что ты хочешь сказать». Но прежде, чем отец вернулся, Нелли уже поняла, что ее конфликт с братом на самом деле ерунда. Когда отец пришел и спросил: «Ну что, ты хочешь сказать что-то важное?» — она ответила: «Нет».

Александра вспоминала, что в школьные годы у нее, так же как когда-то у отца, были проблемы с математикой. Она пожаловалась отцу, что учительница весьма нелестно отзывалась о ее способностях. На это отец ей сказал: «И ты ве-

ришь всему, что говорит учительница? Что позволяет тебе предположить, что она права?»

Однако особые отношения у Адлера сложились со старшей дочерью Валентиной. Сохранились письма Адлера к ней, свидетельствующие не только о его отцовской любви, но и о таланте психолога и педагога. В одном из писем, приуроченном к дню рождения дочери, он писал:

«Моя милая, хорошая малышка Вали! Ты уже повзрослела и представляешь, что такое жизнь. Но есть такая вещь, которую ты еще не знаешь — или, выражаясь более ясно, ты о ней не думаешь — так как многие не думают о том, что они знают. Когда-то подобное было и со мной, и, возможно, я понял это слишком поздно. Это действительно очень простая вещь — понять, что жизнь полна трудностей, которые, несмотря на существование других сторон жизни, приводят к мысли, что мы всё время боремся с препятствиями. С другой стороны, может показаться, что кто-то всегда удачен, а кто-то всегда терпит поражения. Однако удача в первую очередь зависит от представлений, которые мы сами создаем, и она всегда зависит от цели, которую мы перед собой ставим. Если эта цель слишком высока и, возможно, даже недостижима, то вполне естественно, если мы будем терпеть постоянные неудачи и разочарования. Это проблема многих людей, которые зачастую даже не знают о существовании осложняющей их жизнь цели. Но если ты взглянешь на этих людей, то легко можешь предположить наличие подобной цели, так как они всегда недовольны, всегда в плохом настроении, но им становится легче, если они оказываются в состоянии признать, что, для того чтобы стать счастливым и веселым, необходимо прекратить относиться слишком серьезно к своей жизненной цели. Жизненные проблемы, которые остаются у человека, имеют определенную цену и предназначаются для изменения нашего характера, когда мы преодолеваем их, или, если проблемы не могут быть преодолены, осознаём, как с ними жить.

Я знал мальчика, который происходил из очень богатой семьи, который хотел жить беззаботной жизнью в этом сложном мире. Он сделал всё, что мог для этого, то есть ничего не делал, а члены его семьи помогали ему в этом, разрешая все проблемы, которые возникали на его пути. Результаты были печальны. Его силы оставались неиспользованными, он отставал в развитии, не чувствовал себя дома нигде, где бы ни находился, а окружающие смеялись

над ним. Вместо того, чтобы искать причину своих неудач в собственном поведении и пытаться изменить его, он искал ее в других людях, становясь подозрительным, завистливым, необщительным — в общем, делал всё, чтобы доказать себе, что он был прав (как всегда), и ни в коем случае не должен был расстаться со своим ошибочным восприятием действительности. До некоторой степени все мы похожи на этого мальчика. Все мы — мужчины и женщины — возлагаем вину за наши собственные ошибки на других или на обстоятельства, то есть на то, что не можем изменить, но мы понимаем, что заботы и трудности существуют у всех и что только когда мы преодолеваем, не боимся их, мы становимся сильнее.

Я учился смотреть на жизнь подобным образом, возможно, ты тоже достигла подобной точки зрения. Если же нет, попробуй хотя бы раз посмотреть на жизнь с этой позиции. Я думаю, это лучшая вещь, которая у меня есть, и лучший подарок, который я могу подарить тебе на День рождения, моя дорогая малышка Вали.

Я написал однажды, много лет назад (к сожалению, я так редко бываю с тобой в твой День рождения), что ты приносила мне только радость, что ты всегда была в моей душе, не доставляя ни одного момента беспокойства. Если это доставит тебе удовольствие, позволь мне сегодня повторить то, что я сказал в прошлый раз. В этот день я с тобой всей душой и живу твоим счастьем. Твой любящий старый отец шлет тебе привет и целует тебя»¹.

Судьба детей Адлера сложилась по-разному. Трагически оборвалась жизнь Валентины. Бежав вместе с мужем от преследования нацистов в Советский Союз, в 1937 году она была арестована как «троцкистка» и отправлена в печально известный «Алжир» — Акмолинский лагерь жен изменников родины, где скончалась в 1942 году. Адлер до последних дней своей жизни не знал, что произошло с дочерью, и сильно переживал по этому поводу. Лишь в 1952 году благодаря обращению к советскому руководству известных международных деятелей, в том числе Альберта Эйнштейна, Раиса Адлер узнала о судьбе дочери.

Александра и Курт продолжили дело отца, став известными психиатрами. Александра разработала методику лечения посттравматических расстройств личности, Курт в

¹ *Bottomer P. Alfred Adler: A Biography. New York: G.P. Putnam's Sons, 1939. P. 82—84.*

течение нескольких десятилетий возглавлял Институт Альфреда Адлера в Нью-Йорке. Младшая дочь Адлера Нелли стала актрисой.

В 1901 году Адлер начал сотрудничать с редактором новой медицинской газеты Генрихом Грюном, публикуя в его издании свои статьи, посвященные проблемам социальной медицины. В одном из номеров 1902 года под псевдонимом «Аладдин» Альфред Адлер напечатал статью, в которой высказал идею создания общедоступной системы медицинской помощи. Среди всех его статей этого периода особенно можно выделить одну под названием «Врач как воспитатель» (1904). В ней он представляет врача человеком, который должен нести свет просвещения в массы, разъясняя методы борьбы с алкоголизмом, венерическими заболеваниями, туберкулезом. Но кроме этого врач обязан иметь навыки в области воспитания больных детей. Одних лекарств здесь явно недостаточно, нужна психологическая поддержка, позволяющая таким детям не потерять веру в себя.

Вместе с тем процесс воспитания ребенка должен, по мнению Адлера, начинаться с воспитания родителей, которым следует уяснить несколько фундаментальных принципов: чрезмерная опека, как и чрезмерная жестокость, в отношении детей приводит к пагубным последствиям их дальнейшего развития. С точки зрения Адлера, детская трусость — это наиболее опасный из недостатков: «В случае необходимости я мог бы воспитать из самого жестокого мальчика умелого мясника, охотника, собирателя насекомых или хирурга. Но трус всегда имеет наименьшую культурную ценность»¹. В данной работе представлены все основные идеи Адлера по теории воспитания, которые он развивал в дальнейшем. Кроме того, именно в этой статье Адлер впервые сослался на работы Зигмунда Фрейда

Их личное знакомство произошло в 1902 году. Обстоятельства этой встречи точно неизвестны. Легенда гласит, что она была связана с публикацией в венской газете «Новая свободная пресса» отрицательного отзыва на только что вышедшую работу Фрейда «Толкование сновидений». Адлер выступил с открытым письмом в защиту создателя психоанализа. На что Фрейд отреагировал благодарственной открыткой и приглашением на встречу, опубликованным в

¹ *Элленбергер Г. Открытие бессознательного: история и эволюция динамической психиатрии. СПб.: Янус, 2004. С. 223.*

той же газете. Однако биографы Адлера не нашли ни одной подобной публикации за то время. Поэтому, как познакомились два великих психолога — Альфред Леопольдович и Сигизмунд Яковович, остается загадкой.

С 1902 по 1911 год Адлер являлся членом психоаналитического кружка, сформировавшегося вокруг Фрейда. Принимая активное участие в его заседаниях, проводившихся по средам (отсюда и негласное название «Общество психологических сред»), Адлер постепенно стал признанным лидером этого объединения и в октябре 1910 года был избран его президентом. Говорят, что Фрейд даже называл его «единственной индивидуальностью» в этом кружке.

Среди фрейдовских идей Адлера особенно привлекали те, в которых подчеркивалось значение ранних детских впечатлений, а также отношений между матерью и ребенком. Пожалуй, главное, в чем Адлер не соглашался со своим старшим товарищем, была краеугольная для фрейдизма идея особой важности детских сексуальных переживаний. Адлер видел в чрезмерной сексуальности лишь личные свойства отдельного человека, но никак не главнейшую движущую силу всего и вся. В дальнейшем Адлер предположил, что воля к власти, а не сексуальный инстинкт определяет жизнь человека. Уже после разрыва с Фрейдом он высказывал опасения, что психоанализ страдает отсутствием моральных установок: «Это психология испорченного ребенка. Однако что можно ожидать от человека, который спрашивает: “Почему, собственно, я должен любить моего соседа?”»¹.

В этот период Адлер публикует работы, которые, как считалось, должны были дополнять теорию Фрейда. Важнейшей из них стала «Исследование о неполноценности органов» (1905). Причин, по которым те или иные органы человека имеют некоторые дефекты, множество. Гораздо важнее, как происходит компенсация работы дефектного органа. Одним из эффективных вариантов является концентрация внимания человека на функционировании неполноценного органа с последующей его тренировкой, что может привести к более оптимальному функционированию.

Несколько аспектов работы Адлера демонстрировали ее взаимосвязь с психоанализом. В первом случае психолог отмечал, что если пациент будет концентрироваться на

¹ *Bottomе P. Alfred Adler: A Biography. New York: G.P. Putnam's Sons, 1939. P. 256.*

участке тела, близком к пораженному органу, но при этом являющемуся эрогенной зоной, то это приведет к чрезмерной стимуляции и может запустить невротический процесс. Адлер также подчеркивал, что «нет неполноценного органа без болезненной сексуальной неполноценности»¹.

В 1910 году Адлер внес свой вклад в теорию психологического гермафродитизма. Под этим термином психологи понимают наличие у человека характерных черт противоположного пола: у мужчин — женских, у женщин — мужских. Мальчик с чертами «женственности» чаще всего будет избегать «мужских» видов деятельности, реализуя себя в искусстве, музыке и прочих сферах. Девочка с чертами «мужественности» уже в детстве предпочитает друзей противоположного пола, носит одежду, похожую на мужскую, нередко выбирает традиционно мужские профессии.

Адлер отмечал, что подобное явление обусловлено отнюдь не биологическими предпосылками, хотя и это возможно, а общественными установками. Так как в обществе выгоднее быть мужчиной или вести себя как мужчина (с его образом соотносится большинство лучших характеристик человека — сила, величие, активность и прочие), то появляется такой феномен, как «мужской протест». В итоге девушки стремятся вести себя как молодые люди, а парни, ощущающие себя девчонками, стараются стать «настоящими мужчинами».

В дальнейшем, во многом под влиянием феминистских взглядов своей супруги, Адлер продолжал развивать идеи о том, что все психологические различия между полами являются непосредственным результатом культурных отношений. Адлер видел в этом не что иное, как устоявшиеся практики мужского доминирования над женщинами, не имеющие под собой никакого основания: «Девочка приходит в этот мир с предрассудком, постоянно звучащим у нее в ушах, который призван отнять у нее веру в свою ценность, поколебать ее уверенность в себе и разрушить ее надежду сделать когда-либо что-либо стоящее... Очевидные преимущества быть мужчиной (в нашем обществе) являются причиной тяжелых психических нарушений в развитии женщин»².

¹ Adler A. Studie über Minderwertigkeit von Organen. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 1927.

² Фрейджер Р., Фэйдимен Д. Теории личности и личностный рост // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/freydjer/05.php (дата обращения — 19.08.2018 г.).

Со временем разногласия между Фрейдом и Адлером начали нарастать как снежный ком. В одном из писем Юнгу Фрейд писал: «...он (Адлер. — С. А.) сводит на нет сексуальное желание, и наши оппоненты могут заговорить об опытном психоаналитике, выводы которого радикально отличаются от наших. Естественно, в своем отношении к нему я разрываюсь между убеждением, что его теории односторонни и вредны, и страхом прослыть нетерпимым стариком, который не дает молодежи развернуться»¹.

В результате в 1911 году Адлер и группа его единомышленников вышли из состава Венского психоаналитического общества и создали объединение, получившее сначала название «Общество свободного психоанализа». В этом наименовании подчеркивалось противопоставление объединению Фрейда, ограниченному догмами и авторитарными замашками их наставника. Позднее группа Адлера была переименована в «Общество индивидуальной психологии».

Фрейд обвинил в конфликте Адлера. В одном из писем он назвал Адлера «ненормальным человеком, которого амбиции довели до сумасшествия, а его влияние основано лишь на проявлениях крайнего садизма и терроризма по отношению к другим». Конкуренция между двумя создателями влиятельных концепций продолжалась и в дальнейшем. Незадолго до смерти Адлер ужинал с Абрахамом Маслоу, одним из основоположников гуманистической психологии, и последний невзначай поинтересовался, был ли он всё-таки учеником Фрейда или нет. Неожиданно для Маслоу Адлер вышел из себя, заявив, что подобные рассуждения — ложь и провокация, а Фрейд — жулик и интриган. Последним же ответом Фрейда Адлеру была его фраза, произнесенная в момент, когда он узнал о смерти основателя индивидуальной психологии: «Для мальчика-еврея из венского пригорода смерть в Абердине — само по себе неслыханная карьера и доказательство того, как далеко он зашел. Мир в полной мере вознаградил его за противостояние психоанализу»².

Во время жарких споров и острых дискуссий с фрейдистами Адлер всё больше осознавал оригинальность собственных идей. Однако нельзя не отметить, что у адлеров-

¹ Люкиссон П. Фрейд. История болезни. М.: Молодая гвардия, 2014. С. 304.

² Jones E. The life and work of Sigmund Freud. New York: Basic Books, 1957. P. 208.

ской концепции было несколько источников. Первым из них можно по праву считать эволюционную теорию Чарльза Дарвина. Альфред Адлер отмечал, что индивидуальная психология рассматривает человека только в свете эволюционных взглядов. Тем не менее один из важнейших эволюционистских постулатов — о решающей роли в эволюции борьбы за существование — в дальнейшем опровергался Адлером, согласно которому в процессе эволюции человека сотрудничество было гораздо важнее, чем конкуренция.

Вторым источником, который трудно не заметить, были труды Фридриха Ницше. Понятие «воля к власти» легло в основу концепции Адлера. Правда, оно было переосмыслено австрийским психологом. В его стремлении к превосходству особое внимание уделялось роли творческого роста и развития. Адлеровское понятие социального интереса — важнейшей составляющей гармоничного развития личности — противопоставлялось ницшеанскому индивидуалистическому взгляду на мир.

Серьезное влияние на Адлера оказали идеи философа Ханса Файхингера, предложившего понятие социальных вымыслов, которых на самом деле нет в реальности, они лишь творения человеческой мысли, и тем не менее они определяют поведение людей. Согласно Файхингеру, на человека больше воздействуют его представления, чем реальный опыт. Каждый рано или поздно сталкивается с хаосом непонятной для него окружающей реальности. Он слышит сотни, если не тысячи предложений, концепций, мнений, исходящих от окружающих, но понять, какая из них верна, не может. Поэтому человек выбирает один из вариантов или же сам придумывает ориентир, чтобы не потеряться в бессмыслице, а затем начинает в него верить как в абсолютную истину. Файхингер называл свой подход фикционализмом, или философией «как если бы». Если совсем просто и применительно к психологии, то суть его подхода такова: живите так, как если бы вы были счастливы, и вы будете счастливы.

Наконец еще одной концепцией, повлиявшей на взгляды Альфреда Адлера, стал холизм Яна Смэтса — философа, политического деятеля, одного из создателей Лиги Наций. Адлер и Смэтс некоторое время переписывались, обмениваясь идеями, и Адлер даже помогал издавать работы Смэтса в Европе. С точки зрения холизма целое — всегда нечто большее, чем совокупность его составляющих, и для того чтобы понять отдельное, нужно познать единое. Как гово-

рил Адлер: «Есть логика головы, есть логика сердца, а есть более глубокая логика целого»¹.

Научное знание было для Адлера ключом к пониманию реальности. Хотя он не отрицал значимости для человека религии, отмечая, что «идея Бога — самая просвещенная мысль, которая появилась у человечества», всё же он видел в Боге не некую всемогущую личность, а идею, порожденную самим человеком. При этом Адлер критически относился к недоказуемым теориям, таким как спиритизм или астрология, считая их виновными в том, что они снимают с людей личную ответственность за совершенные поступки и перекладывают ее на какие-то внешние силы. Однажды хозяйка дома, где остановился Адлер, обратилась к нему со словами: «Профессор Адлер, я предполагаю, что вы — один из тех людей, которые не верят в призраков. Что бы вы мне ответили, если бы я сказала, что неоднократно видела их в этом самом доме?» «Я скажу, что вы ошибаетесь, — ответил Адлер, улыбаясь, — со мной такое бывало очень часто, но только не в отношении привидений»². Адлер рассказал произошедший с ним случай, чтобы объяснить людям эффект подобных представлений: «Однажды я сам пострадал от телепатии. Я проснулся в то самое время, когда тонул “Титаник”. Сон, приснившийся мне, оказался очень ярким, мне показалось, что корабль тонет посреди океана. Я был в шоке, когда на следующий день узнал, что корабль действительно затонул; но я смог убедиться, что сон не был случайностью, так как я очень беспокоился из-за того, что примерно в это время единственный экземпляр моей книги “Нервный характер” был на пути в Америку. Я не сделал копию этой книги, что было для меня правилом, и если бы корабль утонул, я потерял бы труд многих лет. Книга в итоге была не на “Титанике”, и я вскоре получил известие, что она благополучно доставлена в Америку. Если вы тщательно изучите случаи телепатии, то обнаружите, что за ними стоит некое беспокойство. Как и любые другие неправдоподобные теории, телепатия создает великолепное алиби для людей, не желающих контролировать свои поступки»³.

Первым медицинским случаем, который Адлер рассматривал как начало своей психиатрической практики, стал

¹ *Bottome P.* Alfred Adler: A Biography. New York: G.P. Putnam's Sons, 1939. P. 80.

² *Ibid.* P. 39.

³ *Ibid.* P. 40.

прием одной из кузин, жаловавшейся на сильную и постоянную головную боль. «Но никто так, как вы, не страдает из-за одной головной боли, — отметил психолог. — Вы уверены, что всё в порядке с вашей семейной жизнью?» Женщина была крайне рассержена подобным вопросом и покинула Адлера в негодовании. Правда, через месяц она развелась со своим мужем.

После разрыва с Фрейдом вокруг Адлера начала складываться самостоятельная психологическая школа. Заседания единомышленников проходили в венских кафе, которые стали для Адлера не просто частью повседневной жизни европейца, но его аудиториями — местами дискуссий и лекций. Подобная традиция многим казалась несерьезной, но тем не менее адлерианцы хранили ее многие годы. Уже став знаменитым, Адлер, возвращаясь из очередного лекционного турне, приходил в венское кафе, где его ждала толпа поклонников, желавших послушать мэтра. Как отмечает одна из исследовательниц его биографии, Филлис Ботом, «ум Адлера полностью подходил для атмосферы кафе. Он ненавидел любые ограничения или социальные рамки, и здесь он мог наслаждаться полной свободой слова и действия»¹.

Подобное отношение Адлера к заседаниям в кафе, конечно же, объяснялось тем, что он любил компании, душой которых был всегда. Юмор же был непременным спутником не только всех мероприятий, в которых он участвовал, но и адлерианской терапии. Один из его знакомых, завсегда подобным посиделок в кафе, как-то сказал: «Я мало что знаю о психологической концепции Адлера, но я точно не знаю никого, кто лучше шутит»².

Развивая свои взгляды, Адлер опубликовал серию книг и статей, среди которых выделялась работа под названием «О нервном характере» (1912). В этом исследовании ученый раскрывает взаимосвязь между неврозом и неумением человека нормально жить в обществе. Ощущение беспомощности, неполноценности, возникшее зачастую на основе органических проблем, ведет к тому, что ребенок ищет безопасности и различными способами уклоняется от окружающего его социального мира в мышлении, желаниях, действиях. Но, с другой стороны, Адлер добавляет,

¹ *Bottom P. Alfred Adler: A Biography.* New York: G.P. Putnam's Sons, 1939. P. 45.

² *Ibid.* P. 46.

что чувство неполноценности может появиться у ребенка в силу социальных факторов. Невротическое детство — это детство, где нет уверенности ребенка в собственных силах. Чтобы преодолеть неуверенность в себе, ребенок начинает проявлять агрессию в отношении окружающего его мира.

«Ясно, что такого рода психика, находящаяся в особом напряжении в целях возвышения личности (не говоря уже об однозначных невротических симптомах), обнаруживается благодаря некоему очевидному затруднению при включении в общество, в профессию и в любовь. Ощущение этой слабой точки настолько овладевает нервным человеком, что он, напрягая все силы, создает защищающую надстройку, сам не замечая этого. Его чувствительность обостряется, он учится обращать внимание на связи, которые от других людей ускользают, он увеличивает свою осторожность, начинает предчувствовать все возможные последствия в начале какого-то дела или события, он пытается дальше слышать, дальше видеть, становится мелочным, ненасытным, бережливым, старается расширить границы своего влияния и власти всё дальше во времени и пространстве — и теряет при этом объективность и душевный покой, которым человек прежде всего обязан своим психическим здоровьем и способностью к действию. Всё больше поднимается в нем недоверие к себе и другим; его зависть, злобный нрав, агрессивные и жестокие склонности берут верх во всём — они должны создать ему перевес относительно его окружения. Или же он пытается приковать, завоевать других посредством усиленного послушания, подчинения и смирения, которые нередко вырождаются в мазохистские черты, следовательно, и то и другое — и повышенная активность, и преувеличенная пассивность — есть трюки, которые вводятся исходя из фиктивной цели возвышения к власти, “желания высшего бытия”, в силу “мужского протеста”. Посредством усиленной фиксации на какой-либо жизненной проблеме (независимость, осторожность, чистоплотность и т. д.) он нарушает связь с жизнью и оказывается вне полезной сферы деятельности, где мы и застаем трудновоспитуемых, невротиков, преступников, самоубийц, извращенцев и проституток»¹.

Неуверенность в себе заставляя ребенка, а потом и взрослого человека ориентироваться не на настоящее, а на

¹ Adler A. Über den Nervösen Charakter. München: Verlag von Bergmann, 1928. S. 5.

неизвестное будущее, которое он может представлять неким идеальным образом и которое никогда не воплотится в жизнь. Он по-прежнему будет искать превосходства над другими — в зарплате, в уровне жизни, в качестве и количестве одежды, уровне морали и прочем. Погоня за превосходством над остальными создает для невротика чрезмерную нагрузку, в которой он ощущает себя «героем и мучеником» одновременно. «Эгоизм нервных людей, их зависть, жадность, часто ими осознаваемая, их тенденция девальвировать людей и обстоятельства проистекают из их чувства неуверенности и предназначены защищать, управлять, стимулировать и позволить себе возгордиться. Поскольку эти люди с головой погружены в фантазии и живут будущим, то неудивительна и их рассеянность.

Перемена настроения зависит от игры их воображения, которое то перебирает мучительные воспоминания, то взвигается до небес в ожидании триумфа, аналогично колебаниям и сомнениям невротика, которые служат лучшим средством уклониться от принятия решения. Выдающуюся роль при этом играют его чувствительность и пессимизм»¹.

В 1914 году Адлер вместе с коллегами начал издавать собственный «Журнал индивидуальной психологии», что фактически знаменовало появление нового направления. Американская исследовательница Ева Дрейкурс-Фергюсон пишет: «Назвав свое учение индивидуальной психологией, он стремился подчеркнуть именно целостность личности, в то время как другие, особенно Фрейд, настаивали на том, что личность состоит из частей, находящихся между собой в состоянии внутренней борьбы. По Адлеру, личность не может состоять из нескольких частей, она как единое целое вступает в отношения с внешним миром»².

Однако академическая карьера Адлера не складывалась. Еще в 1912 году он подал заявление с просьбой принять его на должность приват-доцента в Венском университете, представив свою работу «О нервном характере» и еще ряд публикаций на суд академической комиссии профессоров. Ответ был получен спустя три года, и он был отрицательным. Адлера раскритиковали за недостаточную доказатель-

¹ Adler A. Über den Nervösen Charakter. München: Verlag von Bergmann, 1928. S. 18.

² Дрейкурс-Фергюсон Е. Психология, которая принесет вам пользу: введение в теорию Альфреда Адлера. Минск: Адукацыя і выхаванне, 1995. С. 8.

ную и экспериментальную базу исследований, охарактеризовав его выводы как «спекулятивные», а сами работы назвав «остроумными» и не более. По всей вероятности, Адлеру досталось от профессоров и за его политические взгляды, которые он не скрывал, и за его психоаналитическое прошлое. В буржуазных академических кругах идеи Маркса и Фрейда считались опаснее чумы, от них нужно было, конечно же, защищать общество.

Для Адлера отказ был серьезным ударом, но трагедией не стал. У него и без того хватало проблем. В Европе уже второй год шла Первая мировая война, которая оказала на Адлера сильное влияние. Один из коллег, общавшийся с ним в это время, отмечал: «Адлер произвел на меня впечатление угрюмого, придиричвого человека, порой сварливого, порой мрачного. Он был полон амбиций, постоянно спорил, доказывая приоритет своих идей. Однако встретив его через много лет, я заметил, что успех сделал его добрее»¹.

Его супруга Раиса, отправившаяся незадолго до войны в Россию вместе с детьми в гости к родственникам, с началом боевых действий была вынуждена оставаться на родине. А так как Австро-Венгрия и Российская империя оказались в этом конфликте по разные стороны окопов, то воссоединение семьи Адлер оказалось нелегким делом. Раисе с детьми с большим трудом удалось вернуться в Вену через Швецию и Германию.

Самого Альфреда Адлера мобилизовали в 1916 году в армию в качестве военного врача, сначала в госпиталь в Земмеринге, а позднее в гарнизонный госпиталь в Кракове, где он запомнился коллегам своей лекцией о военных неврозах. Последним пунктом его армейской службы стал госпиталь в Швейцарии, куда он сопровождал раненых.

Австро-Венгрия потерпела поражение в той войне и перестала существовать. Вена утратила статус мирового культурного и экономического центра. На смену ему пришли запустение, голод, эпидемии и разруха. В эти годы Адлер вновь обратился к политике, не скрывая своих социалистических взглядов.

Пришедшие к власти социал-демократы начали строить новое общество и новое государство — Австрийскую республику. Зашла речь и о создании новой системы образования, важную роль в которой предполагалось отдать

¹ *Элленбергер Г.* Открытие бессознательного: история и эволюция динамической психиатрии. СПб.: Янус, 2004. С. 208.

Альфреду Адлеру. В 1920—1930-е годы он инициировал открытие специализированных классов и учебных заведений для детей с признаками невроза или асоциального поведения. Вместе со своими учениками Адлер начал вести курсы для учителей по психологической работе с трудными детьми. Практически сразу ему стала очевидна необходимость консультировать и их родителей. Эти консультации проводились еженедельно и абсолютно бесплатно. Проблемы ребенка обсуждались коллективно — родителями, психологами, учителями. Адлер считал подобную групповую работу чрезвычайно важной, так как ребенок видел, как много людей заботятся о нем и его будущем, и это вселяло в него чувство уверенности в том, что он сможет преодолеть имеющиеся проблемы. Лишь в самых крайних случаях детей направляли в специализированные лечебные учреждения.

Положительный школьный опыт применения индивидуальной терапии привел к ее распространению в венской системе детских садов. При них появились специальные группы, в которых воспитание строилось на принципах индивидуальной психологии. Главной целью воспитания становилось формирование у детей чувства общности, включающего солидарность и взаимопомощь, в позитивную силу которого так верил Альфред Адлер.

Наконец, в Вене была открыта экспериментальная школа, процесс обучения и воспитания в которой полностью был построен на принципах адлерианской психологии. Классы этой школы, состоявшие из тридцати—сорока человек, делились на рабочие группы по пять—семь учеников, в которых обсуждались различные проблемы. Единство учащихся поддерживалось их совместной деятельностью и взаимопомощью (когда дети помогали друг другу в тех предметах, в которых они лучше разбирались). В практику экспериментальной школы вводились специальные «разговорные часы». Одно из посещений подобного мероприятия самим Адлером описала Филис Ботом: «Это было последнее мероприятие в классе четырнадцатилетних мальчиков, которые должны были покинуть школу и выйти во взрослый мир на следующей неделе. Около пятидесяти мальчишек выбрали в качестве темы для обсуждения “Смысл жизни”. <...> Адлер тихо сидел в углу большого класса, внимательно слушая дискуссию. Это были мальчики, сформированные его теориями, обучавшиеся храбрости и сотрудничеству, мальчишки, которые учились исполь-

зовать социальный интерес, а не эгоизм, для достижения жизненных целей. <...> Для Адлера это был совершенно новый и необычный опыт, так как прежде он никогда не видел, чтобы дети были настолько проникнуты его взглядами. Их душевное состояние определялось его духовным началом, их нетерпеливые голоса исходили из его сердца. <...> Здесь сидел создатель, и эта группа счастливых, мужественных мальчиков была его творением». «Он никогда не говорил мне об этом случае впоследствии, — рассказал Р. автору, — я ему тоже. Но у меня было чувство, что это был один из самых счастливых часов в его жизни, и я знаю, что это точно был самый счастливый час для меня»¹.

Послевоенное время, обремененное экономическими проблемами и крахом прежней системы ценностей, не способствовало поддержке новых идей, тем более в такой сфере, как образование, которая даже в лучшие годы империи не считалась приоритетной статьёй расходов бюджета. Но любые кризисы проходят только благодаря энтузиастам, продолжающим просто делать свое дело вопреки обстоятельствам. Именно такими были Адлер и его последователи. Несмотря на распространенную повсеместно нищету, появившиеся в 1919 году адлерианские центры по работе с трудными детьми распространились по Вене очень быстро. Это стало возможно благодаря настоящим педагогам-подвижникам. Со временем, когда экономическая ситуация в Австрии стабилизировалась, влияние адлерианской педагогики не только на австрийскую, но и на международную систему образования значительно возросло. Учителя из разных стран стремились в Вену, чтобы познакомиться с методами Адлера.

Его активная педагогическая деятельность, развитие и популяризация идей индивидуальной психологии не оставляли времени на политику. Адлер сильно разочаровался в этой сфере, которая казалась ему производной от образования и науки. Он теперь сторонился какой-либо идеологии или политической принадлежности, стремясь объединять людей и помогать им вне зависимости от их убеждений. В общем, быть настоящим врачом, в полном смысле этого слова. Некоторых его поклонников подобная аполитичная позиция не устраивала, и они объявляли индивидуальную психологию «марксистской дисциплиной», что, конечно же,

¹ *Bottomer P. Alfred Adler: A Biography.* New York: G.P. Putnam's Sons, 1939. P. 145.

не имело никакого отношения к действительности. В какой-то мере такие экстравагантные интерпретации концепции Адлера возникали в силу того, что, много путешествуя по миру, занимаясь популяризацией своих идей, он не уделял должного внимания более тщательной подготовке последователей. Это приводило к появлению весьма разных, порой специфических представлений об индивидуальной психологии, ее методах и целях.

Для разъяснения своих идей, которые Адлер не всегда доступно излагал в своих работах, он всё больше времени проводил в просветительских поездках. Чаше всего посещал США. Приехав впервые в Америку, Адлер столкнулся с вполне обычными трудностями, среди которых главной оказался языковой барьер. Он был прекрасным лектором, но здесь был ограничен в общении. Изучение иностранных языков не являлось его сильной стороной. Зато он был настойчив в стремлении реализовать цели, которые перед собой ставил. В итоге Адлер выучил новый язык, хотя и говорил с характерным австрийским акцентом.

Даже в первый приезд Адлера в Америку его встречали ученики, последователи, соратники. Лекции Адлера не рекламировались, но тем не менее были популярны. В дальнейшем США стали для него той страной, в которой он мог свободно развивать свои идеи, в то время когда они подвергались преследованию на родине.

В 1927 году семья Адлер переехала в новый дом в Салманнсдорфе — деревне, располагавшейся на северо-западной окраине Вены. Возможно, это место чем-то напоминало Адлеру детство — дом был окружен садом, а неподалеку были река и лес. Однако психолог постоянно находился в разъездах, поэтому Салманнсдорф так и не стал его настоящим пристанищем. Зато его поклонники и друзья регулярно навещали в этот дом. Обычно там собирались по выходным 15—20 человек за чайным столом, особенно когда семья Адлер была в полном составе. Случалось, количество гостей достигало пятидесяти человек. Многим хотелось увидеть основоположника индивидуальной психологии и пообщаться с ним. После того как к власти пришли нацисты, дом в Салманнсдорфе был оставлен, а позднее продан. Сам Адлер так больше никогда и не обрел дома, о котором он так мечтал.

Даже в пору своей славы Адлер вел образ жизни среднестатистического буржуа, ничем не выделяясь среди окружающих. Один из его бывших соседей вспоминал: «В нем

не было ничего заметного. Адлер был скромным человеком и не производил особого впечатления. Его можно было принять за портного. Хотя у него был загородный дом, он не был похож на обладателя большого состояния. Его жена была нормальной, приличной хозяйкой. В доме была только одна служанка. Хотя он много путешествовал и принимал многих посетителей, я не представлял себе, что это такой известный человек, пока в его честь как-то не была организована грандиозная церемония». Доктор Юджин Минковский, посетивший Адлера в Вене, нашел его простым и обаятельным человеком, который «совсем не изобращал из себя великого учителя»¹.

В 1927 году вышла, пожалуй, одна из главных работ психолога — «Понять природу человека». В этой книге он не только подробно, но и очень логично, в сравнении со своими предыдущими трудами, изложил формировавшуюся в течение нескольких лет концепцию личности. В отличие от Адлера-лектора Адлер-писатель был не столь успешен. Он предпочитал выступления перед аудиторией написанию книг, а практическую деятельность теоретическим размышлениям. Стремясь к тому, чтобы его концепция была понятна как можно более широкому кругу людей, психиатр нередко излагал мысли на бумаге настолько упрощенно, что они казались поверхностными и местами даже банальными. Однако в работе «Понимание природы человека» Адлеру удалось преодолеть литературные недостатки.

Адлер пишет, что каждый человек имеет в жизни определенную цель. Эта цель начинает формироваться в первые месяцы жизни ребенка под влиянием среды, в которой он растет. Она становится тем фундаментом, который формирует в дальнейшем отношение ребенка к окружающему миру, к удачам и неудачам, которые будут с ним случаться. Впоследствии цель может представляться человеку чем-то постоянным либо, наоборот, подверженным изменению, но именно она определяет всю его жизнь, те способы самовыражения, которые он применяет для ее достижения.

Большинство людей не осознают, в чем же состоит цель, которую они для себя сформулировали. Психолог, с точки зрения Адлера, должен помочь человеку понять ее, проанализировав те значимые действия, которые тот совершал в жизни, выстроив между ними некоторую логическую взаи-

¹ *Элленбергер Г.* Открытие бессознательного: история и эволюция динамической психиатрии. СПб.: Янус, 2004. С. 211.

мосвязь. В качестве примера подобного определения цели жизни Адлер приводил историю одного из своих пациентов: «Тридцатилетний мужчина чрезвычайно агрессивного характера, сумевший добиться успеха и признания, несмотря на трудное детство, пришел к терапевту в состоянии глубокой депрессии с жалобами, что у него пропало желание работать и даже жить. Как он объяснил, вскоре он должен обручиться, но смотрит на будущее с крайним беспокойством. Его мучает ревность, и он готов уже расторгнуть помолвку. Факты, приводимые им в объяснение своей ревности, не очень убедительны, и поскольку молодая особа, о которой идет речь, ни в чем не виновата, необходимо выяснить причину его очевидного к ней недоверия. Он принадлежит к тем индивидуумам, которые сближаются с другим человеком, чувствуют к нему влечение, но сразу же начинают относиться агрессивно, чем разрушают тот самый контакт, который им хотелось установить.

Теперь построим график стиля жизни описанного выше человека, взяв одно событие его жизни и пытаясь связать его с его нынешними установками. В соответствии с нашей обычной практикой мы просим его рассказать о первом воспоминании детства, хотя нам известно, что проверить достоверность этого воспоминания с объективной точки зрения не всегда возможно. Он вспоминает, что был на рынке с матерью и младшим братом. Рынок был забит толпой, и мать взяла его на руки, но потом решила, что ей следует нести на руках того ребенка, который поменьше, поставила его на землю и взяла младшего брата, а нашего пациента толкали в толпе, и он чувствовал себя совершенно растерянным. Тогда ему было четыре года от роду. В этом воспоминании можно заметить нечто уже услышанное нами в описании его нынешнего душевного расстройства: он не уверен, что ему оказывают предпочтение, и не в силах вынести мысли, что кто-то другой может занять его место. Стоило нам указать нашему пациенту на эту аналогию, как он, изумившись, тут же увидел ее и сам»¹.

Действия, которые совершает человек для достижения своей цели, Адлер обозначил термином «стиль жизни». Сформировавшись к пяти годам, он в дальнейшем не меняется. Важнейшей составляющей жизненного стиля является схема апперцепции — определенная модель восприятия

¹ Адлер А. Наука о характерах: понять природу человека. М.: Академический проект, 2015. С. 23.

и интерпретации человеком получаемой информации об окружающей реальности. Особенностью схемы апперцепции является то, что она усиливает саму себя. Например, если в ее основе лежит страх, то человек будет обращать внимание только на опасность вокруг себя, даже безобидные ситуации заведомо будут рассматриваться им как угрожающие. Подобное отношение будет способствовать лишь усилению искажения схемы апперцепции, как бы подтверждая ее.

Окружающее ребенка общество, цивилизация в целом со своими представлениями о ценностях и нормах играют ключевую роль в формировании целевой установки личности. Именно общество определяет те правила, с которыми ребенок вступает в конфликт в поисках исполнения своих желаний, что может дать ему чувство безопасности. Ребенок требует большего уровня безопасности, чем ему необходимо, и в итоге в его психическом развитии появляется новая особенность — склонность к доминированию и превосходству. По аналогии со взрослыми ему хочется быть лучше своих соперников, так как это обеспечит ему уверенность, безопасность и будет означать достижение той цели, которую он себе представил. Но окружающий мир не собирается удовлетворять все пожелания ребенка. Столкновение со сложностями и первыми проблемами может повлечь за собой кардинально противоположную реакцию детей. Те, кому удастся справиться с трудностями, сформируют «оптимистическое отношение к жизни, когда ребенок уверен, что способен разрешить любые проблемы, возникающие у него на пути. В этих условиях он вырастет человеком, убежденным, что жизненные труды ему по плечу. В этом случае мы видим, что у ребенка развивается мужество, открытость, откровенность, ответственность, трудолюбие и тому подобное. Противоположность этому — развитие пессимизма. Представьте себе, какова может быть цель у ребенка, не уверенного, сможет ли он разрешить свои проблемы! Каким пугающим должен казаться мир такому ребенку! Здесь мы видим робость, погруженность в себя, недоверчивость и другие черты, с помощью которых слабый человек старается защитить себя. Его цель окажется вне его досягаемости и вдали от того переднего края, на котором идут главные сражения жизни»¹.

Несовершенство восприятия и мышления ребенка, в силу возраста не способного оценить уровень опасности,

¹ Там же. С. 25—26.

исходящий от мира, может привести к тому, что простая ситуация, в которой нет ничего особенного, может быть воспринята ребенком как угроза. Если подобное отношение к проблемам закрепится, то ребенок всегда будет воспринимать весь окружающий мир как враждебный. Ситуация может усугубиться, если родительское воспитание маленького человека не будет корректировать детское мировосприятие или, что еще пагубнее, станет поддерживать подобное негативное отношение к действительности.

В том случае, если «естественная нежность и ласка родителей по отношению к детям проявляются недостаточно... <...> ребенок становится настолько черствым, что оказывается не способен распознать любовь и дать ей надлежащее применение, поскольку его инстинкт нежности так и не сумел развиваться. Нелегко научить ребенка, выросшего в семье, где нет любви или не принято ее выражать внешне, выказывать нежность к кому бы то ни было. Его жизненной позицией станет эскапизм, бегство от любви и привязанности. То же самое может произойти, если неразумные родители, учителя или другие взрослые приучают детей считать, будто любовь и нежность якобы неприличны, смешны или немужественны. Например, многим детям внушают, что нежность — это слабость. Подобный эскапизм особенно выражен у тех детей, которые часто были мишенью для насмешек. Такие дети испытывают неподдельный страх перед внешним проявлением эмоций, так как боятся, что их желание показать свою любовь к другим смешно. Они борются с естественной нежностью, как если бы это было орудие порабощения или деградации личности.

Воспитание, которому присуща чрезмерная нежность, так же вредно, как и воспитание без всякой нежности. Избалованного ребенка преследуют не меньшие проблемы, чем нелюбимого. У избалованного ребенка развивается неумеренная и ненасытная жажда любви, а в результате он привязывается к кому-нибудь и не желает отвязаться. Основываясь на неправильно истолкованном личном опыте, ребенок настолько преувеличивает ценность любви, что делает вывод, будто бы его любовь налагает на окружающих взрослых определенные обязанности. Добиться этого нетрудно — ребенок говорит родителям: “Я вас люблю, а значит, вы должны сделать то-то и то-то”. В семейном кругу подобные нормы поведения довольно распространены. Стоит ребенку распознать у других такую склонность, и он начинает усиленно демонстрировать свои чув-

ства, чтобы поставить их в большую зависимость от своего расположения.

Нужно постоянно следить, не начал ли ребенок относиться к одному из членов семьи с подобной чрезмерной привязанностью и нежностью. Не подлежит сомнению, что такое воспитание вредно повлияет на будущее ребенка. Теперь он посвятит всю жизнь борьбе за то, чтобы любыми средствами завоевать расположение окружающих. Чтобы добиться этого, он не побрезгует никакими средствами, имеющимися в его распоряжении. Он станет пытаться подчинить себе соперника — брата или сестру — или начнет ябедничать на них. Такой ребенок может даже подговаривать своих братьев на дурные поступки с тем, чтобы одному купаться в любви и нежности своих родителей. Чтобы привлечь к себе внимание взрослых, он подвергает их давлению социальных факторов. Он может облениться или начать плохо себя вести с единственной целью — вынудить родителей посвящать себе больше времени. Он также может стать образцовым ребенком, чтобы получить в награду за это внимание других»¹.

Подобные проблемы в воспитании ведут к социальной изоляции ребенка, неразвитости у него так называемого «социального чувства», которое играет ключевую роль в развитии характера. У ребенка усиливается ощущение неполноценности, в принципе характерное для детей, превращающееся в комплекс неполноценности. Если у ребенка складывается представление о сильной неполноценности, в нем будет формироваться патологическая склонность к власти и превосходству над другими, а не желание быть с ними наравне. Эти люди в дальнейшем никогда не будут удовлетворены собой, своим положением в обществе, зато будут стремиться доминировать над другими, чаще всего эгоистично обустриваясь в обществе. Подобная позиция, естественно, не устраивает их окружение — очень сложно строить отношения с высокомерным человеком, который оскорбляет и унижает всех вокруг. Люди будут стараться как можно меньше общаться с ним или вообще избегать контактов. Это приведет к социальной изоляции и будет еще больше утверждать человека с комплексом неполноценности во мнении, что мир плох и агрессивен, но, кроме того, что он прав в своем негативном отношении к нему.

¹ Адлер А. Наука о характерах: понять природу человека. М.: Академический проект, 2015. С. 36—38.

Порочный круг замкнется, и разорвать его будет очень не просто.

В книге «Наука жить» (1930) Альфред Адлер приводил примеры комплекса превосходства, которые на первый взгляд не показывают патологического стремления к власти: «Похожую симптоматику мы наблюдаем у невротических личностей. Например, они страдают бессонницей, а на следующий день им недостает сил, чтобы справиться с требованиями дела, которым они занимаются. Им кажется, что из-за бессонницы у них нельзя требовать безупречной работы, так как они не в состоянии справиться с тем, что могли бы исполнить. Они жалуются: “Вот если бы я выспался, я бы вам показал!” Нечто подобное происходит с депрессивными личностями, которых мучает чувство тревоги. Тревога делает их тиранами. Фактически они используют свою тревогу, чтобы управлять другими: с ними постоянно кто-нибудь должен находиться, их нужно сопровождать повсюду, куда бы они ни направлялись, и так далее. Близкие вынуждены строить свою жизнь, подчиняясь требованиям депрессивного человека. Депрессивные и больные люди всегда являются центром внимания в семье.

Таким образом, комплекс неполноценности является источником их силы. Они беспрестанно жалуются, что чувствуют слабость, теряют в весе, и прочее, но, несмотря на это, они сильнее всех остальных. Они подавляют здоровых людей — факт, который не должен нас удивлять, так как в нашей культуре болезнь может давать определенную силу и власть»¹.

В последующих работах комплексу неполноценности, приводящему к патологическому стремлению превосходства над другими людьми, Адлер противопоставлял социальное чувство (социальный интерес) — врожденный инстинкт, заставляющий людей отказываться от собственной выгоды в пользу окружающих и общества как такового. Несмотря на то что социальное чувство является природной особенностью каждого человека, оно не проявляется автоматически, но требует развития посредством воспитания. Важнейшее место в этом процессе играет мать. Она должна развить в ребенке навыки общения с окружающими, умение устанавливать дружеские отношения. В идеале мать должна демонстрировать ребенку заботу, интерес, любовь

¹ Адлер А. Наука жить // <http://lib.ru/PSIHO/ADLER/live.txt> (дата обращения — 19.08.2018 г.).

не только к близким, но и посторонним людям. В противном случае, будь то влияние эгоизма матери или ее безразличие, у ребенка не формируется навык сотрудничества с окружающими или даже возникает страх в отношении их. Вторым по значимости для развития социального чувства ребенка, безусловно, является отец. Он, так же как и мать, должен демонстрировать социальный интерес и, кроме того, воспринимать детей равными себе. Отец, что, нужно признаться, бывает крайне редко, не должен проявлять эмоциональное безразличие и авторитаризм в общении с детьми.

Важнейшими для развития социального чувства являются отношения между родителями. Только счастливый, гармоничный брак может стать для детей примером и одновременно источником социального интереса. В противном случае дети перестают уважать родителей, считают модель их неудавшейся совместной жизни нормой, распространенной в обществе. Сквозь подобный негативный опыт они и смотрят на мир впоследствии.

Итог первых лет жизни не так уж вариативен — либо ребенок становится эгоистом, либо человеком, который больше заботится о других, чем о себе, видя в этом смысл жизни.

Еще одной проблемой, о которой пишет Адлер, является вопрос очередности происхождения детей и влияния порядка их появления на свет на дальнейшее формирование мировосприятия. Адлер характеризовал младшего ребенка в семье как особенного. Такое отношение к нему формируется у родителей в силу, казалось бы, простого и закономерного факта: младший — последний и самый беспомощный ребенок, которому требуется большая поддержка и забота, как считают его родители, начиная опекать его сверх меры. Такая ситуация может по-разному повлиять на малыша. Одного она заставит доказывать, что всё в жизни он может сделать самостоятельно, поэтому он постоянно стремится быть лучше всех, и именно таким образом младший ребенок может стать самым талантливым членом семьи. Другой, у которого сформировалось представление, что он никогда не превзойдет старших братьев и сестер, становится трусом и постоянно ищет возможность избежать проблем.

Старший ребенок в семье является полной противоположностью младшего. Он расценивается родителями как помощник, с определенного момента как взрослый. Со

временем он становится своеобразным хранителем порядка и законности, для начала в рамках семьи. Старшие дети высоко ценят власть — стремятся обладать ею сами, но также с уважением и почтением относятся к тем, кто уже ее получил.

Средние дети всегда борются за превосходство со старшими. Их угнетает тот факт, что кто-то из детей выше их и уже наделен некой властью от родителей. Между ними идет борьба за лидерство, которая для одного закончится победой, а для другого поражением. Проигравший даже может получить нервное расстройство в силу неспособности справиться со сложившейся ситуацией, главной причиной которого станет неверное представление о том, что родители им пренебрегают.

В особенном положении находится единственный ребенок в семье. С точки зрения Адлера, он непременно усвоит какие-либо неправильные взгляды на жизнь. Его родители не имеют альтернативы и всё внимание, заботу, опеку сосредоточивают на нем одном. Став баловнем, этот ребенок не умеет справляться с трудностями и чаще всего ищет поддержки у окружающих в решении собственных проблем.

В своей работе Адлер также приводил классификацию личностей — по их реакции на жизненные проблемы: «Во-первых, есть оптимисты. Это индивидуумы, развитие характера которых в общем и целом шло по прямой линии. Они встречают все трудности мужественно и не принимают их чересчур всерьез. Они всегда сохраняют веру в себя, а относиться к жизни весело — для них дело сравнительно легкое. Они не требуют от жизни чересчур многого, поскольку у них правильная самооценка и они не считают себя обойденными или ни на что не способными. Поэтому переносить жизненные бури им легче, нежели тем, кому трудности служат лишь очередным оправданием веры в собственную слабость и никчемность. В самых трудных ситуациях оптимисты сохраняют спокойствие и уверенность в том, что ошибки всегда удастся исправить.

Оптимистов сразу можно узнать по манере поведения. Они ничего не боятся, говорят откровенно и свободно и не отличаются ни чрезмерной скромностью, ни чрезмерной сдержанностью. Если бы нас попросили нарисовать портрет оптимиста, мы бы изобразили его с распростертыми объятиями, готовым встретить ими любого себе подобного. <...>

Совершенно иным типом являются пессимисты. Они представляют для педагогов наибольшие проблемы. Это индивидуумы, у которых в результате пережитого и увиденного в детстве сформировался “комплекс неполноценности”. Испытанные ими трудности внушили им представление о том, что жизнь — штука нелегкая. Они всегда видят в жизни прежде всего темную сторону из-за своей пессимистической философии, возникшей на почве неправильного воспитания в детстве. Они гораздо лучше оптимистов осведомлены о трудностях жизни и легко падают духом. Их терзает чувство неуверенности в себе, и они всё время ищут посторонней поддержки. Во всём их поведении всегда чувствуется крик о помощи, поскольку они не в силах жить самостоятельно. В детстве они постоянно плачут и зовут маму. Этот крик “Мама!” иногда можно услышать от них даже в старости.

Гипертрофированная осторожность людей этого типа проявляется в их привычной манере держаться, робкой и боязливой. Пессимисты всегда заиклены на бедах и опасностях, которые, возможно, ожидают их за следующим поворотом. Само собой разумеется, пессимисты плохо спят. Кстати, сон является отличным критерием развития человека, так как расстройства сна — это признак повышенной тревожности и ощущения неуверенности в себе. Такие люди будто всё время находятся настороже, чтобы защититься от подстерегающих повсюду угроз. Как мало радости доставляет им жизнь, и как плохо они ее понимают! Индивидуум, который не может хорошо спать, тем самым демонстрирует порочную житейскую философию. Если бы его умозаключения были верны, если бы жизнь и в самом деле была такой мукой, как он считает, тогда он бы вообще не посмел заснуть! Будучи склонен истолковывать все естественные явления жизни в отрицательном смысле, пессимист тем самым демонстрирует лишь свою неспособность к жизни. На самом деле ничто не препятствует тому, чтобы он крепко спал. Мы можем заподозрить ту же самую склонность к пессимизму у индивидуума, который постоянно занят проверкой замков и всё время боится грабителей. Пессимиста можно узнать даже по позе во время сна. Пессимисты зачастую сворачиваются в как можно более плотный клубок или спят, натянув на голову одеяло.

Людей можно также разделить на агрессивных и обороняющихся. Для агрессивных, атакующих людей характерны резкие движения. Люди агрессивного типа, когда

они храбры, превращают мужество в безрассудство, чтобы показать миру, как они бесстрашны, — и таким образом демонстрируют глубоко укоренившееся в них чувство неуверенности в себе. Если они встревожены, они пытаются подавить в себе страх. Их усилия выглядеть “непреклонными” доходят до смешного. Иные из всех сил стараются подавить в себе любые ростки нежности и мягкосердечности, поскольку такие чувства им кажутся признаками слабости. <...>

“Оборонцы” — это те, кому повсюду чудится угроза. Они постоянно настороже. Они компенсируют свое чувство неуверенности в себе не агрессией, а беспокойством, осторожностью и трусостью. Мы можем с уверенностью сказать, что люди не становятся “оборонцами” иначе, как после безуспешной попытки усвоить себе только что описанную нами агрессивную социальную установку. Человек обороняющегося типа быстро приходит в уныние от неудач и неприятностей и легко обращается в бегство. Иногда таким людям удастся скрыть свой провал, делая вид, будто отступление — это полезная работа.

Поэтому, погружаясь в воспоминания и фантазии, они просто пытаются уйти от реальности, которая им угрожает. Некоторые, еще не утратившие окончательно инициативу, могут даже совершить что-то полезное для общества. К этому типу принадлежат многие художники, которые уходят от реальности и строят для себя безбрежный мир из фантазий и идеалов. Однако они являются исключением из правила, так как обычно индивидуумы этого типа капитулируют перед трудностями и терпят поражение за поражением. Они боятся всего и вся, с течением времени становятся всё более недоверчивыми и не ожидают от мира ничего, кроме враждебности»¹.

Семьи, в которых растут дети, могли и должны были бы корректировать и направлять их развитие, однако, как замечает Адлер, родители в подавляющем большинстве случаев не являются ни хорошими педагогами, ни хорошими психологами. Формирующееся у детей представление о том, что они должны превосходить всех остальных, основывается на тех примерах, которые дети видят в семье. В большинстве случаев ребенок наблюдает авторитаризм, который, естественно, не способствует формированию уста-

¹ Адлер А. Наука о характерах: понять природу человека. М.: Академический проект, 2015. С. 145—148.

новки взаимоуважения и взаимного доверия, а значит, препятствует развитию так необходимого для гармоничной личности социального чувства. По мере взросления ребенок не только принимает идею, что побеждает сильнейший, но становится тщеславным и властолюбивым. Взрослея, он начинает проявлять агрессию в отношении окружающего мира и родителей.

Значимость семьи в воспитании безусловна, но не менее важны взаимоотношения матери и ребенка. Адлер пишет, что всегда, когда эти отношения неудовлетворительны, у ребенка обнаруживаются социальные дефекты. Наиболее распространены два вида материнских ошибок в воспитании: «В первом случае мать не выполняет надлежащим образом свою материнскую роль, а ее ребенку не удастся сформировать у себя какого-либо социального чувства. Этот дефект очень значителен и влечет за собой много неприятных последствий. Ребенок вырастает иностранцем в незнакомой стране. Если мы хотим помочь такому ребенку, то нам не остается ничего, кроме как сыграть ту роль, которую должна была сыграть его мать и которая по какой-то причине выпала из его развития. Это единственный способ, если можно так выразиться, сделать из него подобное нам человеческое существо.

Вторая ошибка, вероятно, более распространена. Мать действительно является матерью; однако она играет свою роль настолько преувеличенно и эмфатически, что ребенок не способен развить в себе какого-либо социального чувства, не относящегося к его матери. Эта мать позволяет любви, развившейся у ребенка, быть обращенной только на нее. Можно сказать, что такого ребенка интересует лишь его мать, а остальной мир для него не существует. Не стоит и говорить, что у этого ребенка отсутствует основа для социального развития»¹.

Единственным учреждением, которое должно исправить родительские ошибки, допущенные при воспитании ребенка, является школа, где должна отсутствовать какая бы то ни было конфронтация с ребенком, где он воспринимается как субъект обучения и воспитания, как личность, равная учителю. Однако современная школа, как отмечал Адлер, не в состоянии это выполнить, так как в ней нет учителей, способных распознавать психологические проблемы в развитии детей и преодолевать их долж-

¹ Там же. С. 232.

ным образом, без авторитарного навязывания собственной «истины».

Сохранилось не так много информации о том, как именно Адлер проводил психотерапевтические сеансы. Тем не менее если сравнивать терапию Адлера и Фрейда, то первое, на что стоит обратить внимание, — позиция терапевта и пациента. Образ психоаналитического сеанса широко распространен в массовой культуре. Лежащий на кушетке пациент, рассказывающий о своих снах или потоке бессвязных мыслей и образов, проносящихся у него в голове, сидящий за ним терапевт, фиксирующий всё, о чем говорит человек, чтобы связать в дальнейшем это единым смыслом и проанализировать, — вот что представляется, когда мы слышим «психоаналитический сеанс». Адлер и его ученики практиковали иной взгляд на взаимоотношения пациента и врача. Врач и пациент сидели друг перед другом как равные партнеры. Фрейд и его последователи — скорее сторонние наблюдатели, отмечающие всё то, что происходит в человеке. Адлер и его ученики — активные соучастники процесса терапии. Сами сеансы у Адлера были значительно короче и реже, чем у Фрейда. И конечно же, для адлерианцев второстепенным фактом был вопрос возможности пациента оплатить консультации — сказывались социалистические взгляды Адлера на необходимость помощи нуждающимся.

Терапевт, беседуя с пациентом о раннем детстве, снах, имеющихся проблемах, с помощью уточняющих вопросов устанавливал цель и стиль жизни человека. Адлер объяснял пациенту противоречивость его цели и вытекающего из нее стиля жизни. Но только когда человек осознавал искаженное видение жизненных ориентиров и моделей поведения, желал их изменить, терапевт мог переходить к следующей фазе работы с клиентом, помогая ему сформировать новую цель жизни и стиль поведения: «Все мои усилия направлены на повышение социального интереса пациента. Я знаю, что истинная причина этого заболевания заключается в низкой способности к согласованному взаимодействию с другими, и я хочу, чтобы пациент понял это. Как только он начнет общаться и сотрудничать с другими на равной основе, он излечен»¹.

¹ Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности: основные положения, исследования и применение // <http://psylib.org.ua/books/hjelz01/txt07.htm#1> (дата обращения — 19.08.2018 г.).

По большому счету терапевт играет для пациента роль матери или отца, которые не смогли или не захотели научить его правильному отношению к окружающим людям и себе самому, и в этом аспекте терапевт является скорее учителем или воспитателем. Но, как подчеркивал Адлер, «реальные изменения в состоянии пациента могут быть достигнуты только его собственным трудом... На лечение и выздоровление всегда следует смотреть не как на успех консультанта, но как на успех пациента. Консультант может только указать на ошибки, пациент сам должен выбрать правильную жизнь»¹.

С точки зрения Адлера, «невроз — это естественное, логическое развитие индивидуума, сравнительно неактивного, эгоцентрически стремящегося к превосходству и поэтому имеющего задержку в развитии социального интереса, что мы наблюдаем постоянно при наиболее пассивных, изнеженных стилях жизни»². То есть невротик — это человек, который действует в неправильном направлении для решения проблем: с особым рвением и напряжением всех своих сил он движется к превосходству над окружающими. Одновременно с этим невротик желает, чтобы все его проблемы решали другие, то есть хочет зависеть от людей.

Под влиянием физических страданий, отверженности или, наоборот, чрезмерной опеки в раннем детстве дети теряют чувство уверенности в себе, становятся тревожными и начинают формировать стратегии психологической защиты, для того чтобы справиться с этой тревогой, а фактически с чувством неполноценности. В результате у них складывается невротический стиль жизни, определяющий в дальнейшем всю взрослую жизнь. Невротики ощущают себя крайне неуверенно, они видят в окружающих людях только недругов или врагов, с которыми постоянно необходимо бороться и которых следует бояться.

Но человек не может прожить в полной изоляции от общества, и невротики, как все, контактируют с людьми, в том числе в важнейших сферах — любви, работе, дружбе. В абсолютном большинстве случаев эти отношения терпят

¹ *Фрейджер Р., Фэйдимен Д.* Теории личности и личностный рост // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/freydjer/05.php (дата обращения — 19.08.2018 г.).

² *Хелл Л., Зиглер Д.* Теории личности: основные положения, исследования и применение // <http://psylib.org.ua/books/hjelz01/txt07.htm#1> (дата обращения — 19.08.2018 г.).

крах или являются ущербными. Чтобы защитить самооценку, невротики всегда объясняют свои неудачи внешними обстоятельствами, на которые они не могут повлиять, или действиями людей, которые чаще всего характеризуются ими как «плохие», «завистливые», «глупые» и прочее. Только сами невротики всегда правы, всегда логичны, всегда лучше, чем остальные.

По мнению Адлера, невроз является результатом неправильного воспитания ребенка. В отличие от того же Фрейда, который практически не уделял внимания проблемам воспитания и образования, Адлер очень рано осознал значимость этого процесса в жизни человека и обращал на него внимание в течение всей жизни. Именно в правильном воспитании и образовании он видел возможность предотвратить невротическое развитие, асоциальное поведение и даже психозы.

У Адлера было много известных пациентов, однако в силу того, что обращение к психиатру, не важно, по какому вопросу, повсеместно расценивалось как проявление серьезного заболевания, люди старались скрывать свои консультации у известного австрийского врача. Тем не менее о некоторых пациентах Адлера нам известно. Так, к нему за помощью обращались психиатры Вацлава Нижинского — известного российского танцовщика и хореографа, которому был поставлен диагноз «шизофрения». Адлеру удалось преуспеть в его лечении, однако улучшения оказались кратковременными. У психиатра не хватало свободного времени, чтобы постоянно находиться при танцовщике и заниматься его лечением. Как позднее говорил сам Адлер, «если бы у меня было достаточно времени, возможно, я бы ему помог».

Еще одним необычным профессиональным интересом Адлера был мир преступников, которому он посвятил значительное время, исследовав сотни случаев правонарушений. В результате Адлер пришел к выводу, что, в отличие от того же невротика, преступник является врагом общества и сложностей в его лечении гораздо больше. У преступников формируется собственная логика, абсолютно непонятная и неприемлемая для нормального человека: «Как-то я спросил убийцу, за что он убил человека, и он мне ответил: “Мне нужны были его брюки, но он бы мне их не отдал”. Это казалось ему абсолютно серьезным основанием для убийства»¹.

¹ *Bottome P. Alfred Adler: A Biography. New York: G.P. Putnam's Sons, 1939. P. 187.*

Адлер также пришел к выводу, что за редким исключением существует связь между уровнем преступности и уровнем образования — чем менее образован человек, тем большая вероятность, что он станет преступником. Психиатр считал, что больше шансов на исправление поведения имеют воры, обладающие в целом более высоким интеллектуальным уровнем по сравнению с остальными преступными группами. Тех же правонарушителей, которые, как, например, вымогатели, нападали на людей ночью, с оружием в руках, он считал обычными трусами, а они, по мнению психиатра, гораздо сложнее поддаются перевоспитанию.

Тюрьмы Адлер считал «университетами» для молодых преступников, в которых они обучались своему «мастерству». Поэтому заключение вкупе с жестокостью наказания и надзора за узниками являются худшими средствами перевоспитания, так как они уменьшают и без того минимальный социальный интерес преступников. Только такая форма обращения, которая дает человеку, преступившему закон, чувство полноценности, должна развиваться и поддерживаться государством. Например, заключенные должны иметь возможность зарабатывать хотя бы какие-то деньги, чтобы после освобождения обустроиться в обществе.

На протяжении многих лет садовником у Адлера работал бывший заключенный, отбывший восьмилетний срок за разбойное нападение. После освобождения он получил список людей, которые могли бы оказать ему помощь в социализации. Он написал двадцати из них, но ответил лишь один — Альфред Адлер: «Дорогой мой, я думаю, что Вы могли бы помочь в моей работе». К письму прилагался домашний адрес психиатра. Адлер только что купил виллу в Салманнсдорфе и предложил своему новому знакомому, который любил цветы, стать его садовником. В самом начале их сотрудничества произошел случай, ставший переломным в ходе терапии (правда, о том, что с ним проводят терапию, бывший узник вряд ли знал). Адлер отправил нового садовника на рынок за тростником для сада. Но тот вернулся с большим количеством растений, чем предполагалось, что могло означать лишь одно — кражу. Адлер, сразу понявший, что произошло, сказал своему подопечному: «Вы сделали замечательный выбор, но когда вы понесете этот тростник назад, — здесь он отобрал в сторону то количество, которое было украдено, — вы можете сказать, что решили купить на десять штук больше. А я дам вам денег, чтобы купить оставшийся тростник». Садовник выполнил

всё, о чем говорил Адлер, никак не прокомментировал его слова. С тех пор ничего подобного не повторялось. Эксперимент доверия человеку продолжался восемь лет, вплоть до эмиграции Альфреда Адлера из Австрии.

Адлер всё больше времени проводил в США, лишь в летние месяцы он жил в Вене или разъезжал с лекциями по Европе. В 1930 году ему было присуждено звание почетного гражданина австрийской столицы. Правда, на церемонии вручения награды произошел неприятный казус — мэр города в приветственной речи отметил, что Адлер является достойным учеником Фрейда. Надо ли говорить, что это в очередной раз сильно разозлило основателя индивидуальной психологии.

В 1934 году в Австрии была запрещена социал-демократическая партия, а наступление пронацистских сил заставляло Адлера задуматься о будущем семьи и научной школы. Спасение обеих он видел в переезде в Соединенные Штаты Америки. Однако супруга и дочь перебрались к нему, лишь когда стало известно о тяжелой болезни психолога. Увидев их у своей постели, Адлер сказал: «Вот прибыли две мои гордости, чтобы заботиться обо мне. Теперь вы увидите, как быстро я поправлюсь». И действительно, он скоро пошел на поправку, победив болезнь.

Летом 1937 года Адлер отправился в очередную лекционную поездку в Европу, на сей раз в Англию. По дороге на Туманный Альбион он прочел лекцию в Гааге, после которой почувствовал боли в сердце. Обследовавший его врач рекомендовал отдых и лечение, но уже на следующий день Адлер отправился в Англию. Утром 28 мая 1937 года ему стало плохо на улице Абердина, и по дороге в больницу он скончался от сердечной недостаточности. Через несколько дней в присутствии членов семьи тело Альфреда Адлера перевезли в Эдинбург, где кремировали. Прах выдающегося австрийского психолога был возвращен на родину только в 2011 году.

Концепция Адлера стала основой для целого ряда психологических теорий. Например, его взгляды явились важнейшей предпосылкой экзистенциальной и гуманистической психологии. Некоторые исследователи считают, что именно Адлер положил начало изучению психосоматических проблем, исследование которых так популярно в наши дни. Тем не менее Адлер долго не получал того признания, которое он заслужил. Историк психологии Генри Элленбергер писал: «Непросто найти другого автора, у которого

так много заимствовали, не воздавая ему при этом никакой благодарности, как Альфред Адлер. Его учение стало... местом, куда каждый может прийти и утащить всё, что ему заблагорассудится, без малейших угрызений совести. Какой-нибудь автор будет скрупулезно называть источники цитат, но почему-то ему это и в голову не приходит, если источник — индивидуальная психология, как будто Адлером не было создано ничего оригинального»¹.

Альберт Эллис, основатель рационально-эмотивной терапии, весьма емко и точно охарактеризовал вклад Адлера в развитие психологии: «Альфред Адлер, возможно, даже более, чем Фрейд, является настоящим отцом современной психотерапии. Доказательства: он основал эгопсихологию, которую фрейдисты только недавно вновь открыли; он был одним из первых гуманистических психологов... он подчеркивал целостность, стремление к цели и чрезвычайную важность личных ценностей для мышления, эмоционального развития и деятельности человека. Он правильно понял, что сексуальные побуждения и сексуальное поведение, хотя и играют большую роль в человеческих делах, есть, скорее, результат, чем причина несексуальных мыслей человека. Сейчас сложно найти кого-либо из ведущих психотерапевтов, кто в том или ином смысле не был бы обязан очень многим индивидуальной психологии Альфреда Адлера»².

¹ *Фрейдджер Р., Фэйдимен Д.* Теории личности и личностный рост // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/freydjer/05.php (дата обращения — 19.08. 2018 г.).

² Там же.

Глава III
ЭРИХ ФРОММ
(1900—1980)

Как-то раз на собрании мудрецов — толкователей Торы один из них в одиночестве противостоял всем остальным. Он по-своему толковал один из разделов Святого Закона, другие же мудрецы давили на него, требуя изменить свое мнение. Но мудрец, несмотря на давление, знал, что он прав и что Бог на его стороне. В конце концов старый раввин обратился к Богу:

— Боже, я знаю, что я прав, так пусть в доказательство моей правоты все реки потекут вверх по горам!

И в тот же миг все реки потекли вспять. Однако на его противников это совершенно не произвело впечатления.

Бедный раввин снова взмолился:

— Боже, если ты признаешь мою правоту, пусть тогда все деревья склонятся к земле.

Так и случилось, в тот же миг деревья склонились к земле. Но остальные раввины как были при своем мнении, так при нем и остались.

И снова раздалась мольба раввина:

— Боже, чтобы доказать им мою правоту, пусть покоятся стены в этом здании.

И стены покосились. Но тут раздался голос главного раввина:

— Не ваше дело вмешиваться в спор мудрых людей! — крикнул он стенам, и те выпрямились. Однако из уважения к раввину, который в одиночку отстаивал свою правоту, выпрямились не до конца.

Наконец с неба раздался Голос:

— Чего вы спорите? Если вам сказано, делайте так-то и так, значит, делайте так-то и так!

Но даже Голос с неба не переубедил главного раввина.

— Ты дал нам Тору, — сказал он, — но толковать ее — наше дело!

Когда 23 марта 1900 года в семье Фромм родился мальчик, которого называли Эрих, стороннему человеку могло показаться, что судьба уготовила ему только один путь — раввина. Основания для этого предположения были более чем весомые. Прадед по отцовской линии — Зелигман Бэр Бамбергер, или, как его прозвали, «Вюрцбургский рабби», являлся непререкаемым авторитетом в вопросах толкования Торы. В первой половине XIX века он был ярким сторонником ортодоксального иудаизма, выступая против любых попыток реформации и проникновения светских начал в церковь. Среди учеников Зелигмана Бамбергера был и его будущий зять, дед нашего героя — Зелигман Пинхас Фромм, который со временем возглавил иудейскую общину Франкфурта.

Двоюродный дед Эриха Фромма по материнской линии — Даян Людвиг Краузе — являлся известным талмудистом в Познани. Кроме того, он был человеком с отменным чувством юмора, о чем свидетельствует хотя бы его ответ на один из вопросов, который ему задал маленький Эрих: «Однажды я спросил его, зная, что он меня любит: “Дядя, как ты думаешь, кем я стану?” — Я надеялся, что он скажет что-то хорошее. Он сказал — “Старым евреем!”» И Эрих Фромм добавляет: «Это был вполне типичный еврейский ответ, выражающий неприятие всякого тщеславия»¹.

Отец Эриха Нафтали Фромм тоже мечтал стать раввином. Но судьба, как известно, человеческие мечты учитывает далеко не всегда. С Нафтали она обошлась совсем нехорошо — он стал торговцем вином, чем был очень недоволен. Правда, веры в Бога не оставил, будучи активным членом местной иудейской общины, неукоснительно отмечал все праздники и соблюдал обряды. Нафтали даже посвятил себя делу сохранения еврейских традиций, приняв участие в 1919 году в создании Ложи Германа Когена², президентом которой он впоследствии стал.

Мать Эриха Роза Краузе также была ортодоксальной иудейкой. Она происходила из семьи фабриканта Морица Краузе, рано умершего и оставившего свое предприятие —

¹ Функ Р. Эрих Фромм. Страницы документальной биографии. М.: АН СССР, 1991. С. 12.

² Герман Коген (1842—1918) — философ-идеалист, представитель неокантианства. В 1902 году стал одним из основателей Общества поддержки иудаики.

сигаретную фабрику — супруге и детям, которые так и не справились с ведением бизнеса. Плачевная финансовая ситуация подтолкнула Розу к поспешному браку (когда мать и отец Эриха Фромма поженились, Нафтали было 31 год, а Розе 24), основанному скорее на желании не быть обузой матери, чем на любви. Но как позднее напишет в своей всемирно известной работе «Искусство любить» их сын: «Едва ли существует поле деятельности или занятие, которые бы сулили столь огромные надежды и ожидания и тем не менее так регулярно приводили к фиаско, как любовь»¹. Это был несчастливый брак, приносивший страдания всем, и в первую очередь маленькому Эриху.

Своего отца Фромм характеризовал как «крайне невротичного, чем-то постоянно одержимого и беспокоящегося человека». Собственную тревогу он проецировал на сына. «Я страдал из-за патологического волнения отца, который потрясал меня своим беспокойством и в то же время не давал никаких советов и не оказывал никакого положительного влияния на мое образование»², — писал Фромм. По мере взросления сына Нафтали опекал его всё больше. Эрих вспоминал день, когда он сдавал докторский экзамен в Гейдельбергском университете: «Отец, перенесший на меня свои комплексы неполноценности, приехал в Гейдельберг потому, что боялся, что я провалюсь и совершу самоубийство»³. Но подобные размышления и психологический анализ стали возможны спустя десятилетия, а тогда, в раннем детстве, Эрих стремился подражать отцу во всём.

Отношения с матерью также носили отпечаток негативного влияния на ребенка. Понимая, что ее брак по расчету не удался, Роза всячески стремилась отделить себя и своего сына от фамилии Фромм. «Моя мать, — писал Эрих, — была очень сильно привязана к своей семье и любила меня в той мере, в какой я был Краузе, — это ее девичья фамилия. И всё хорошее во мне для нее было типично для Краузе, а всё плохое — для Фроммов»⁴. Мать, точно так же как и отец, боролась за ребенка, пытаясь воспитать его «под себя». Видимо, жалея, что не родилась девочка, Роза поначалу даже

¹ Фромм Э. Искусство любить. М.: АСТ, 2017. С. 15.

² Friedman L. The lives of Erich Fromm: love's prophet. New York: Columbia University Press, 2013. P. 6.

³ Функ Р. Эрих Фромм. Страницы документальной биографии. М.: АН СССР, 1991. С. 15.

⁴ Там же.

одевала маленького Эриха в девчачью одежду, отращивала ему длинные волосы. Она желала, чтобы он стал пианистом, несмотря на то, что мальчик больше любил скрипку.

Неудовлетворенность жизнью привела Розу к депрессии — она часто плакала, была в подавленном настроении и становилась вновь веселой и жизнерадостной лишь тогда, когда оказывалась в кругу своих родственников. Не понимая в полной мере, что происходит между родителями, но чувствуя, что мать страдает из-за отношений с отцом, маленький Эрих ощущал свою вину перед ней и желание ее защищать.

Разлад в семье всегда заставляет ребенка искать способ сбежать от неурядиц. Эриху повезло, так как он нашел поддержку у своего дяди, известного адвоката Эммануила Фромма, который познакомил мальчика с новым для него миром — произведениями Гёте, Шиллера, Бетховена. Эммануил Фромм обнаружил у Эриха музыкальный слух и всячески старался развивать этот талант в ребенке. Второй его родственник, уже упоминавшийся выше Людвиг Краузе, также оказал на него серьезное влияние. Он открыл для Эриха иудаизм, одну из главных вероучительных книг — Талмуд и поведал историю легендарного прадеда Зелигмана Бамбергера. Мальчик проводил целые дни за чтением ветхозаветных текстов. Особенно его впечатляли книги пророков Исайи, Амоса, Осии. В итоге, как и многие предки до него, Эрих Фромм решил посвятить свою жизнь изучению священных текстов и стать раввином.

Описывая детство и юность Эриха Фромма, нельзя не упомянуть и еще об одном человеке — Оскаре Зусмане. Когда Эриху было 12 лет, его отец нанял Оскара помощником для ведения бизнеса. В течение нескольких лет он жил в доме Фроммов, и у него сложились особые отношения с Эрихом, который с благодарностью вспоминал о нем как о «честном и храбром человеке». Именно Зусман впервые познакомил мальчика со взглядами классиков социализма, в частности с идеями Карла Маркса. Но влияние этих дискуссий скажется на мировоззрении Эриха Фромма позднее, а пока он всеми помыслами был обращен к иудаизму.

Первым его наставником, никак не связанным с семьей, стал глава франкфуртской еврейской общины раввин Нехемия Нобель. Прекрасно образованный, он вместе с тем сохранял связь с традициями, интересуясь иудейской мистикой. Эрих Фромм оказался в числе целой группы еврейских интеллектуалов, сформировавшейся в то время во-

круг франкфуртского раввина. Кого в этом кружке только не было! Франц Розенцвейг — будущий создатель «Свободного еврейского дома учения» — центра по исследованию и распространению еврейского образа жизни в современном обществе. Мартин Бубер — в будущем известный мыслитель-экзистенциалист, автор концепции «Я-Ты» — диалога равных, вместе с Розенцвейгом создатель перевода на немецкий язык Танаха — еврейского Священного Писания, собиратель хасидских легенд. Лео Лёвенталь — будущий известный социолог, изучавший массмедиа и популярную западную литературу. Зигфрид Кракауэр — в дальнейшем выдающийся теоретик кинематографа, ученый, занимавшийся исследованием влияния СМИ на общественное сознание. Все эти и другие известные впоследствии люди общались друг с другом в кружке Нехемии Нобеля. Юный Эрих Фромм был под впечатлением от проповедей последнего и не единожды оставался после службы, чтобы прогуляться с равви и обсудить его проповеди. Когда в 1922 году Нобель внезапно скончался, это стало серьезным ударом для всех его последователей и друзей. В некрологе, написанном Фроммом, отмечалось, что «Нобель жил так, как учил, и учил лишь так, как жил. Он учил, что любовь связывает людей вместе, и его ученики понимали это, так как он сам любил их»¹.

В 1918 году Фромм сдал выпускной экзамен в школе и, послушав совета дяди Эммануила, решил стать юристом. Поступив на юридический факультет Франкфуртского университета, он отучился всего несколько семестров. Молодой человек практически сразу же понял, что совершил ошибку в своем выборе. Юриспруденция была ему чужда, а вот религия по-прежнему казалась смыслом жизни. Он даже планировал поехать изучать Талмуд в Литву, но родители были категорически против. И максимум, которого он смог от них добиться, — это разрешение учиться в Гейдельбергском университете. Туда Фромм вновь перевелся на юридический факультет, правда, слушал и курсы по средневековой немецкой истории и литературе, теории общественных движений и истории психологии, а также впервые познакомился с буддизмом.

В этот «экспериментальный» семестр в Гейдельберге он слушал и лекции социолога Альфреда Вебера — брата

¹ *Friedman L.* The lives of Erich Fromm: love's prophet. New York: Columbia University Press, 2013. P. 12.

всемирно известного Макса Вебера. Хотя Альфред Вебер не являлся специалистом по иудаизму, он согласился руководить диссертацией Фромма по социологии «Иудейский закон: вклад в исследование иудаизма диаспоры». В результате изучения различных групп диаспоры — караитов, реформистского иудаизма и хасидов — Фромм пришел к выводу, что только последние были «идеальной группой», объединявшей основные еврейские традиции. Среди главных ценностей группы были идеи общности, радости жизни и искренности в общении, которые противопоставлялись индивидуализму и накоплению прибыли. Альфред Вебер был в восторге от текста диссертации, а когда защита состоялась и Фромм получил высокую оценку, социолог предложил юноше продолжить академическую карьеру в университете. Но Фромм отказался, сославшись на то, что подобная деятельность ограничила бы его религиозный поиск.

При подготовке диссертации Эриха Фромма консультировал известный талмудист Залман Барух Рабинков, с которым тот познакомился в 1912 году. Рабинков был хабд-хасидом¹, и, возможно, именно поэтому, находясь под влиянием его личности, Фромм столь положительно отзывался в своей диссертации об этом течении в иудаизме. На протяжении пяти лет Эрих Фромм почти ежедневно посещал занятия у Рабинкова, пытаясь научиться толкованию Талмуда, анализируя философские тексты Маймонида², воспринимая идеи, которые в дальнейшем будут способствовать отходу Фромма от ортодоксального иудаизма и формированию у него взглядов атеистического гуманизма. Фромм проникся духом хасидизма, идеями восприятия всего, что делает жизнь радостнее. Например, он научился у Рабинкова хасидским песням, которые до глубокой старости любил исполнять в кругу друзей. При этом его духовный учитель демонстрировал собой яркий пример пренебрежения ко всему материальному. Идеи, смыслы — вот что было для него важно. Фромм старался подражать своему наставнику во всём, от духовных ориентиров до повседневных моделей поведения. Так, если Рабинков, как казалось окружающим, питался только чаем и селедкой,

¹ Хабд — направление в хасидизме, созданное ребе Шнеуром Залманом из Ляд в 1772 году.

² *Моисей Маймонид* (1135 или 1138—1204) — еврейский философ, богослов, врач, кодификатор Галахи — законов, содержащихся в Торе и Талмуде.

то и молодой Фромм урезал свой и без того скромный студенческий рацион до минимума. Рабинков рано вставал, и Фромм завел эту привычку и следовал ей всю жизнь. Ну и, конечно же, чувство юмора объединило обоих мыслителей. Однако, несмотря на огромное влияние Рабинкова на молодого Фромма, они расстались очень легко, без какого-либо сожаления об этом.

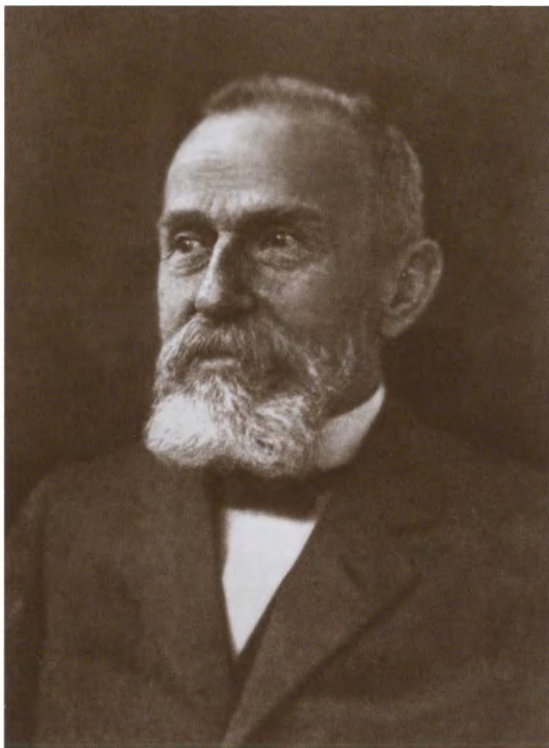
Студенческие годы стали для Фромма не только временем духовного и интеллектуального поиска, но и периодом первых любовных открытий. Вдали от родителей молодой человек получил больше свободы, в том числе и для общения с противоположным полом. Один из первых его романов — с Голдой Гинзбург — даже закончился помолвкой. Правда, дальше обручения дело не пошло. Вскоре Голда стала женой друга Фромма, будущего известного социолога Лео Левенталья, а вот еще одним отношениям этой поры суждено было сыграть в судьбе Эриха Фромма более серьезную роль.

Если мужчина по каким-то необъяснимым для окружающих причинам начал меняться — *cherchez la femme*. Эта история стара как мир. В конце Первой мировой войны Фромм познакомился с Фридой Райхманн. Фрида была на 11 лет старше Эриха. К моменту их первой встречи она окончила университет и работала в клинике Курта Гольдштейна¹. В 1920 году Фрида переехала в Дрезден, где стала психиатром в санатории «Вайсер Хирш» — единственном на тот момент санатории в Германии, предлагавшем посетителям психотерапевтические сеансы. Фромм регулярно навещал ее там, и их отношения становились всё более близкими. Однако в это время в жизни Фриды произошла трагедия — она была изнасилована, что сказалось на ее мировосприятии, в частности на отношении к мужчинам. Для разрешения душевного кризиса Фрида на протяжении нескольких лет посещала в Мюнхене психоаналитические сеансы Вильгельма Виттенберга. Всё это время с ней рядом находился Эрих Фромм и, как следствие, проявлял всё больше интереса к психоанализу. Фрида Райхманн начала проводить с ним психоаналитические сеансы, которые, правда, вскоре пришлось прекратить из-за возникшей между ними любовной связи.

¹ Курт Гольдштейн (1878—1965) — немецкий невролог, один из основоположников нейро- и патопсихологии, автор термина «самоактуализация».

Будущий создатель аналитической психологии Карл Юнг. *Начало XX в.*

Эйген Блейлер —
главврач клиники
Бургхольцли

Клиника Бургхольцли. *Около 1890 г.*

Эмма и Карл Юнг
после свадьбы.
1903 г.

Юнг у входа
в клинику
Бургхольцли. 1910 г.

Визит в университет Кларка. Сидят З. Фрейд (слева)
и К. Юнг (справа). 1909 г.

Сабина Шпильрейн с матерью и сестрой Эмилией

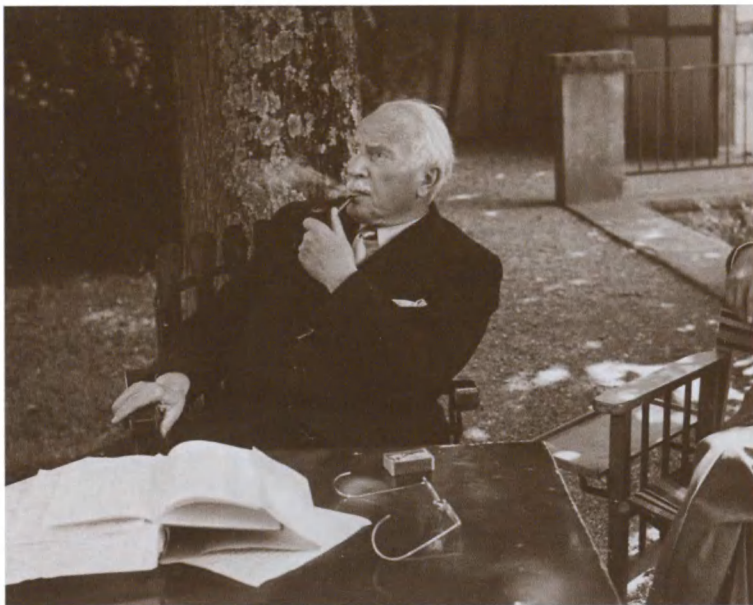

«Вторая жена»
Юнга — Тони
Вольф

Башня Юнга
в Боллингене.
*Фото
наших дней*

Юнг за рабочим столом

Юнг на берегу Цюрихского озера

Альфред Адлер —
основоположник
индивидуальной
психологии

Вена во второй
половине XIX века

Шенбруннский дворец. *Конец XIX в.*

Раиса Адлер и дети: Валентина, Александра, Курт, Корнелия. 1914 г.

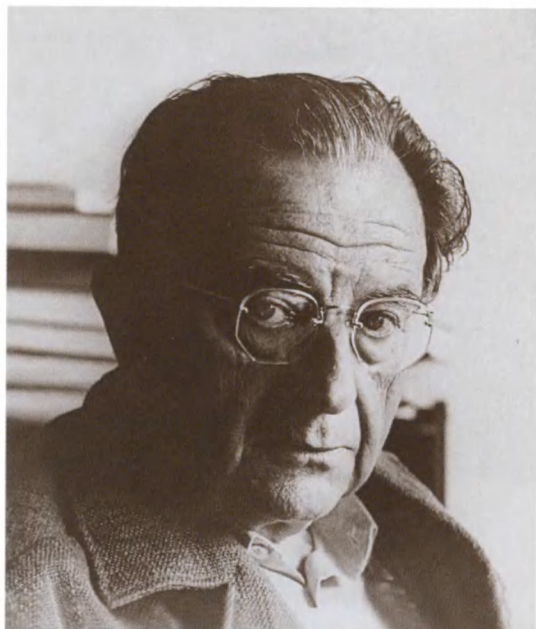

Адлер с супругой (в середине первого ряда), дочерью Александрой (на первом плане) и друзьями

Адлер во время одной из лекций в Скандинавии

Радикальный
гуманист Эрих
Фромм

Первая супруга
Эриха Фромма
Фрида Райхманн

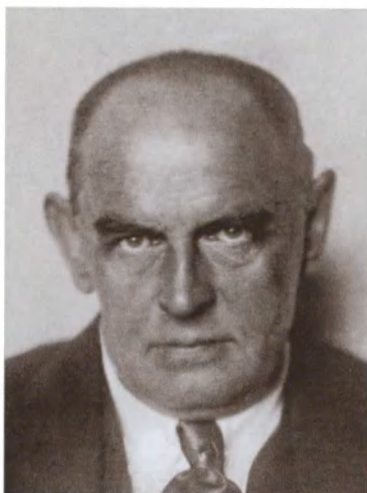

Возлюбленная Фромма Катрин Данэм

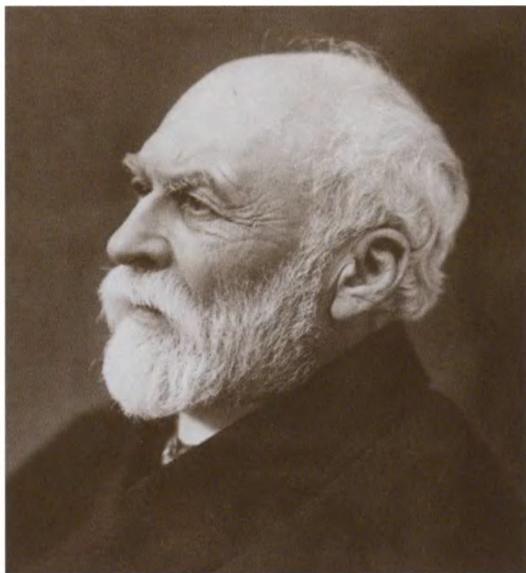
Хенни Гурланд — вторая жена
Эриха Фромма

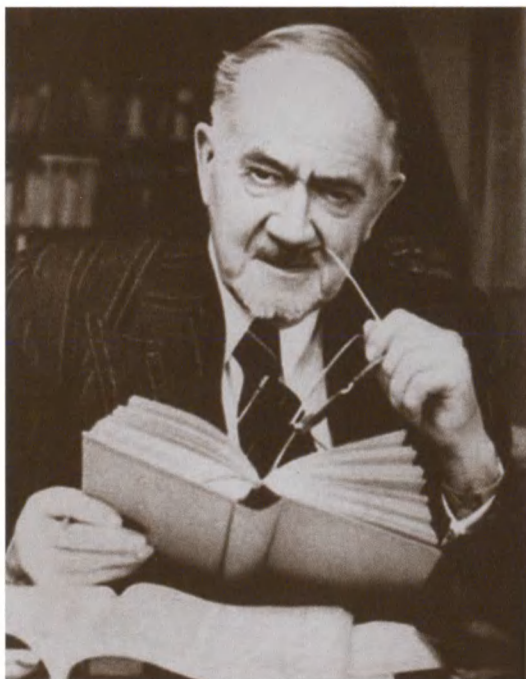
Георг Гроддек — семейный психо-
аналитик Фромма и Райхманн

Фромм со своей третьей женой Аннис Фримен. 1953 г.

Автор теории
социальных
вымыслов Ганс
Вайхингер

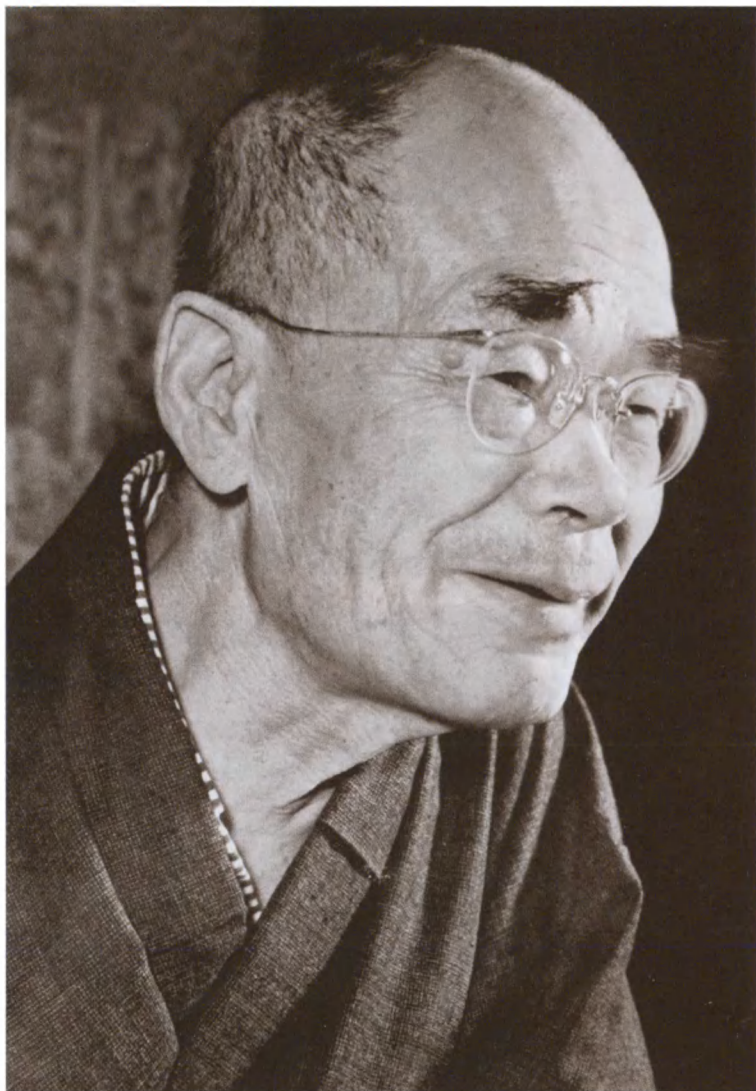
Альфред Вебер —
брат Макса Вебера
и научный
руководитель
Эриха Фромма

Один
из основателей
Франкфуртской
школы
Макс Хоркхаймер

Основоположник
философии холизма
Ян Смэтс

Популяризатор дзен-буддизма Тэйтаро Судзуки

Психоанализ стал для Фромма новой *idée fixe*, объясняющей иррациональное в людях. Однако с иудаизмом он пока что порывать не собирался. Интерес к душевным проблемам людей появился у Эриха Фромма еще в детстве. Позднее в одной из своих книг он вспоминал: «До сих пор в памяти жив один случай — должно быть, мне было тогда около 12 лет, — который подтолкнул мои мысли гораздо дальше прежнего и подготовил мой интерес к Фрейду, проявившийся лишь десятилетие спустя.

Вот что за случай. Я знал тогда одну молодую женщину, друга нашей семьи. Ей было, видимо, лет двадцать пять; она была красива, привлекательна, к тому же она была художницей — первая в жизни знакомая мне художница. Помнится, я слышал, что она была помолвлена, но через некоторое время разорвала помолвку. Помнится, она практически неизменно находилась в компании своего овдовевшего отца. Насколько я его помню, он был старым, неинтересным или, лучше сказать, невзрачным; по крайней мере мне так казалось (возможно, мое представление о нем было навеяно ревностью). Однажды я услышал шокирующую новость: ее отец умер, сразу после этого она покончила с собой, оставив завешание, в котором специально оговорила свое желание быть похороненной вместе с отцом.

Я никогда раньше не слышал ни об эдиповом комплексе, ни об инцестуозных привязанностях между дочерью и отцом. Но меня этот случай глубоко задел за живое. Я был очень увлечен этой молодой женщиной; ее непривлекательного отца я невзлюбил; и никогда прежде я не знал никого, кто покончил бы жизнь самоубийством. Меня пронзила мысль: «Как это возможно?» Как это возможно, чтобы красивая молодая женщина настолько возлюбила своего отца, что предпочла быть похороненной вместе с ним, вместо того, чтобы жить, получая удовольствие от жизни и от занятий живописью? Ответа у меня, конечно же, не было, но вопрос «как это возможно» засел у меня в голове. И когда я познакомился с учением Фрейда, оно показалось мне ответом на загадочное и пугающее переживание того времени, когда я еще только вступал в пору отрочества»¹.

В 1923 году Фрида Райхманн и Эрих Фромм открыли в Гейдельберге психоаналитический пансионат для евреев, который называли «Терапойтикум». Они поставили перед

¹ Фромм Э. По ту сторону порабощающих нас иллюзий. Как я столкнулся с Марксом и Фрейдом. М.: АСТ, 2011. С. 8—9.

собой задачу помогать клиентам не только решать внутренние проблемы, но и восстанавливать их связь с иудейской историей и культурой. Как писала в одном из писем Райхманн, «для начала мы анализируем людей, а затем делаем из них тех, кто знает о своих традициях и живет в них»¹. Появившееся заведение было предназначено не только для состоятельных граждан. Оказавшиеся в нем клиенты оплачивали свое пребывание лишь в том размере, в котором они были в состоянии это сделать. Однако уже через несколько лет проект «Терапойтикум» провалился. Многие посетители были готовы заниматься вопросами иудейской культурной традиции, но никак не психоанализом.

В июне 1926 года Эрих и Фрида наконец поженились. «Я получила то, что хотела, — очень умного, очень душевного, очень образованного человека, который многое знал в областях, отличных от сферы моих интересов»², — писала Фрида. По мнению некоторых исследователей, она играла для Эриха роль матери, о которой тот мечтал. Фрида даже внешне была похожа на его мать. Незадолго до бракосочетания Эрих Фромм отправился в Мюнхен, чтобы завершить психоаналитическое обучение у Вильгельма Виттенберга и посетить несколько лекций Эмиля Крепелина³. Благодаря последнему он приобрел знания в области психофармакологии. Расходы на обучение в размере 600 марок оплатила супруга.

Одним из важнейших событий в жизни Эриха Фромма в этот период стал разрыв с ортодоксальным иудаизмом. Как вспоминала Райхманн, однажды на Пасху они с мужем отправились в парк, набрав с собой некошерной еды — ветчины, омаров, устриц — и стали всё это есть. Глубоко и весьма буквально верившие до этого момента в религиозные заповеди, они были удивлены, что ничего не произошло: не было ни грома, ни молний, ни мгновенной смерти — ничего, они не были наказаны за нарушение Закона. Вскоре Фромм и Райхманн опубликовали в психоаналитическом журнале статью, в которой признались в своем отказе от ортодоксального иудаизма.

¹ *Friedman L. The lives of Erich Fromm: love's prophet. New York: Columbia University Press, 2013. P. 20.*

² *Ibid. P. 21.*

³ *Эмиль Крепелин (1856—1926) — немецкий психиатр, основоположник классификации психических заболеваний, выделивший в качестве самостоятельных целый ряд психических расстройств, в том числе шизофрению и болезнь Альцгеймера.*

Неудача с проектом «Терапойтикум» совпала с началом кризиса в отношениях Эриха и Фриды. Возможно, сказывалась разница в возрасте между супругами. Но, пожалуй, главной проблемой стали разногласия в вопросе рождения детей. Райхманн, справившаяся с травмой изнасилования, желала стать матерью. А Фромм не был готов к этому. «Родить ребенка еще ничего не означает, даже корова может сделать это»¹, — сказал он ей весьма жестоко. У Эриха Фромма, автора всемирно известного произведения «Искусство любить», где он опишет отцовскую любовь как один из видов этого чувства, никогда не будет собственных детей. Вероятно, поэтому его видение любви отца к ребенку осталось ограниченным воспоминаниями собственного детства: «Отцовская любовь не безусловна. Ее принцип — “Я люблю тебя, потому что ты соответствуешь моим ожиданиям, потому что ты выполняешь свой долг, потому что ты похож на меня”. В обусловленной отцовской любви мы обнаруживаем, как и в безусловной материнской, негативную и позитивную стороны. Негативная состоит в том, что отцовскую любовь нужно заслужить, и она может быть потеряна, если ребенок поступит не так, как от него ожидалось. В природе отцовской любви лежит установка, что послушание — главная добродетель, а непослушание — главный грех, и наказанием за него является лишение отцовской любви. Не менее важна и позитивная сторона: поскольку любовь отца так обусловлена, я могу что-то сделать, чтобы ее добиться, я могу ее заслужить; любовь отца зависит от меня в отличие от материнской»².

Безусловную любовь отца он никогда не испытывал, поэтому и не считал ее возможной в принципе. Когда Фромм уже был в преклонном возрасте, один из его сотрудников поинтересовался, не сожалеет ли он о том, что у него не было детей. На лице выдающегося психолога можно было увидеть, насколько ему было больно даже думать об этом. Фромм не смог ответить на этот вопрос. Он промолчал.

Чтобы спасти отношения, Райхманн убедила Фромма посещать вместе с ней психоаналитика Георга Гроддека. Последний являлся автором идеи «Оно», которую в доработанном варианте Фрейд использовал в своей теории личности. Гроддек занимался изучением психосоматиче-

¹ *Friedman L.* The lives of Erich Fromm: love's prophet. New York: Columbia University Press, 2013. P. 22.

² *Фромм Э.* Искусство любить. М.: АСТ, 2017. С. 75—76.

ских заболеваний, считая, что в основе любых болезней лежат неразрешенные психологические конфликты. Его санаторий в Баден-Бадене стал центром притяжения для психоаналитиков. Постоянными гостями здесь были Шандор Ференци¹, Карен Хорни и многие другие. По одной из неподтвержденных версий в Баден-Бадене Фромм встречался даже с самим Фрейдом². Фромму было комфортно в обществе Гроддека, который стал для него своеобразным наставником на новом этапе жизненного и профессионального пути. Под влиянием Гроддека Фрида и Эрих стали членами юго-западной немецкой психоаналитической группы.

Супружеская пара переехала из Гейдельберга в Берлин, где Фрида занялась частной практикой, а Эрих продолжил обучение психоанализу. Он сотрудничал с Берлинским психоаналитическим институтом, с которым в тот период были связаны такие психологи, как Шандор Радо³, Ганс Сакс⁴, Карен Хорни, Вильгельм Райх. Общение с ними повлияло на желание Фромма объединить в некую единую теорию идеи марксизма и психоанализа.

В 1929 году он предложил Франкфуртскому психоаналитическому обществу статью под названием «Психоанализ и социология», в которой впервые сформулировал идеи синтеза этих двух подходов. Он видел в их единстве весьма продуктивное сотрудничество, когда психоаналитики должны были учитывать в процессе работы с клиентом его окружение, политическую и экономическую ситуацию, в которой он находился, тогда как социологи при анализе общества должны были иметь в виду противоречивый внутренний мир отдельного человека.

¹ *Шандор Ференци* (1873—1933) — венгерский психоаналитик, автор учения об интроекции — механизме психологической защиты, благодаря которому человек включает в свой внутренний мир установки, мотивы, модели поведения других людей, рассматривая их как свои собственные.

² *Friedman L.* The lives of Erich Fromm: love's prophet. New York: Columbia University Press, 2013. P. 24.

³ *Шандор Радо* (1890—1972) — психоаналитик, ученик Шандора Ференци, автор термина «шизотипическое расстройство» — расстройство, для которого характерны аномалии в мышлении и поведении, однако нет, или они очень слабые, симптомов шизофрении.

⁴ *Ганс Сакс* (1881—1947) — психоаналитик, близкий друг и соратник Фрейда, один из создателей Венского института психоанализа и учитель многих известных впоследствии психоаналитиков.

В том же году Франкфуртское психоаналитическое общество было преобразовано во Франкфуртский психоаналитический институт, одним из основателей которого стал Эрих Фромм. Одновременно он был приглашен в марксистский Институт социальных исследований, который в 1930 году возглавил Макс Хоркхаймер. Институт социальных исследований стал интеллектуальной площадкой, объединявшей мыслителей левого толка, которые не только выступали с критикой капитализма, но и предлагали альтернативу представлениям о марксизме, сформировавшимся в Советском Союзе. Философов и социологов, оказавшихся сотрудниками института, в дальнейшем объединили термином «Франкфуртская школа». Среди этих мыслителей были выдающиеся ученые — Теодор Адорно¹, Герберт Маркузе², Вальтер Беньямин³ и многие другие.

Один из исследователей жизни и творчества Фромма, Райнер Функ, писал: «С приходом Фромма работа института приобрела направление, ставшее определяющим в последующие годы: социальные исследования, сочетавшие марксизм с психоанализом. Собственные идеи Фромма обогатились марксистскими взглядами работников института, прежде всего Хоркхаймера и Маркузе. Видимо, здесь он по-настоящему познакомился с Марксом; в то же время мышление коллег Фромма стимулировалось его психоаналитическими идеями, прежде всего в области социальной психологии и по вопросу об авторитете»⁴.

Макс Хоркхаймер пригласил Эриха Фромма в институт, потому что ему импонировало стремление объединить психоанализ и марксизм. Однако довольно быстро взгляды Фромма подверглись критике даже ближайшими соратниками. Как отмечает Стюарт Джеффрис, автор работы о Франкфуртской школе, «Фромм был дважды еретиком.

¹ *Теодор Адорно* (1903—1969) — философ, социолог, музыковед, один из представителей Франкфуртской школы. Автор таких работ, как «Исследование авторитарной личности», «Негативная диалектика».

² *Герберт Маркузе* (1898—1979) — философ, социолог, культуролог, один из представителей Франкфуртской школы. Автор таких работ, как «Эрос и цивилизация», «Одномерный человек».

³ *Вальтер Беньямин* (1892—1940) — философ, литературный критик, переводчик, один из представителей Франкфуртской школы. Помимо прочих, автор работ «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» и «Тезисы по философии истории».

⁴ *Функ Р.* Эрих Фромм. Страницы документальной биографии. М.: АН СССР, 1991. С. 52.

Во-первых, он осквернил марксизм психоанализом. Во-вторых, он усомнился во Фрейде с его идеями об исключительной важности либидозных влечений и об укорененности неврозов в детских переживаниях»¹.

Тем не менее в 1929 году Фромм возглавил группу исследователей института, перед которыми была поставлена задача изучить психологические установки немецких рабочих в условиях роста популярности нацистских идей. «Это было вообще первое социально-психологическое полевое исследование, подтвердившее психоаналитическую точку зрения, что политические убеждения, выраженные в партийной ориентации, могут отличаться от подсознательных мотивов. Поэтому только понимание подсознательной структуры влечений, или, как говорил Фромм в соответствии с теорией либидо, структуры характера позволяет адекватно судить о том, что человек действительно думает, чувствует и как он действует»². В практическом плане целью исследования было желание ученых понять, смогут ли рабочие, называющие себя приверженцами левых взглядов, противостоять нацистским идеям.

Для того чтобы имелась возможность психоаналитической интерпретации ответов респондентов, была составлена специальная анкета, состоявшая из 271 вопроса. В результате опросили около одной тысячи человек (такое количество анкет с ответами было возвращено руководителям проекта, всего же разослали около трех тысяч анкет). Это были в основном заводские рабочие крупных городов, заявлявшие о своих социал-демократических убеждениях. В 1931 году ученые приступили к анализу первых полученных данных и были шокированы несоответствием так называемых «явных» и «скрытых» убеждений респондентов. На словах значительная часть опрошенных выступала как сторонники левых взглядов, а на деле они оказывались людьми с авторитарными установками, поддерживавшими репрессивную политику, жесткую власть и отнюдь не стремившимися вступать в активную борьбу с нацизмом. Так был найден один из ответов на вопрос, каким образом нацисты смогли оказаться у власти. Вот только на ситуацию в Германии это исследование никак не повлияло.

¹ Джеффрис С. Гранд-отель «Бездна». Биография Франкфуртской школы. М.: Ад Маргинем, 2018. С. 164.

² Функ Р. Эрих Фромм. Страницы документальной биографии. М.: АН СССР, 1991. С. 53.

Предварительные результаты проекта не были переданы огласке в силу позиции руководства института и лично Макса Хоркхаймера, который посчитал их нерепрезентативными. Нежелание публиковать результаты проекта стало одной из причин конфликта Фромма с Хоркхаймером и последующего отказа психолога от сотрудничества с институтом. Из-за давления нацистов институт вынужден был перебраться сначала в Женеву, а затем в США. Материалы проекта были в итоге опубликованы лишь через 50 лет после его начала. К тому моменту они уже стали не актуальным руководством к действию, а историческим артефактом.

В ходе работы над проектом в 1931 году Фромм заболел туберкулезом и был вынужден отправиться на лечение в Давос. Георг Гроддек проинтерпретировал эту болезнь вполне классическим для психоаналитика способом, назвав ее психосоматическим расстройством, в основе которого лежали проблемы в отношениях с женой. По-видимому, подобное объяснение устроило всех. Эрих и Фрида больше никогда не жили вместе, но и не развелись, формально оставаясь супругами вплоть до 1942 года.

В 1930 году Фромм познакомился с книгой Иоганна Якоба Бахофена «Материнское право. Исследование религиозной и правовой природы гинекократии в Древнем мире», которая подвигла его к пересмотру собственных взглядов на психоанализ. Если Фрейд в своих теоретических размышлениях ограничивался рассмотрением патриархата, то Бахофен описывал в книге матриархат как стадию развития человеческого общества, предшествовавшую патриархальному. Он делал вывод, что нерегулируемые сексуальные отношения приводили к тому, что дети знали лишь свою мать, но не отца, поэтому связи между поколениями поддерживались по женской линии, а богатство и власть передавались только женщинам.

С точки зрения Фромма, Бахофен представлял этот доисторический этап как общество счастливых, оптимистичных людей, «примитивную демократию», где главенствовал идеал материнского сострадания к слабому. Переход к моногамному браку стал главной предпосылкой к патриархальному обществу, в котором мужчины вступают в борьбу за женщин, власть и собственность. Только в эпоху патриархата появляется борьба между отцом и сыновьями, так называемый эдипов комплекс, который Фромм будет трактовать иначе, чем Фрейд, отрицая в нем сексуальную

природу: «...враждебное соперничество с отцом, достигающее кульминации в желании убить его, также является верным наблюдением, которое, однако, не обязательно должно быть связано с привязанностью к матери. Фрейд придает всеобщую значимость черте, характерной только для патриархального общества. В патриархальном обществе сын подчиняется воли отца; он принадлежит отцу, и его судьба определяется отцом. Чтобы быть наследником отца — то есть в широком смысле добиться успеха, — он должен не только угождать отцу, он должен покоряться ему и заменять свою волю волей отца. Как известно, угнетение приводит к ненависти, к желанию освободиться от угнетателя и в конечном счете уничтожить его»¹.

Патриархальные отношения рациональны, в отличие от чувственных эпохи матриархата. Вместе с рациональным восприятием мира приходят законы, регулирующие повседневную жизнь, появляются различные изобретения, с одной стороны, облегчающие деятельность людей, с другой — отчуждающие их от природы. Идеи Бахофена показали Фромму привлекательными еще и в силу того, что Энгельс и другие социалисты придерживались теории о матриархате как предшествовавшей патриархату стадии развития человеческого общества. (Следует заметить, что представления о существовании матриархата оказались ошибочными.)

После прихода к власти Адольфа Гитлера в 1933 году Эрих Фромм переехал сначала в Женеву, а в мае 1934-го эмигрировал в США. Там Фромм сразу же снова заболел туберкулезом и был вынужден лечиться в санатории в Нью-Мексико. Зимой 1934 года он отправился в круиз, во время которого посетил Сан-Франциско, Санта-Барбару и Лос-Анджелес. Позднее он несколько раз путешествовал в Мексику. Лишь в 1939 году, после применения новых лекарств, ему стало легче. Большую часть затрат по его лечению взял на себя Институт социальных исследований. Хоркхаймер выплачивал Фромму жалование, несмотря на то, что все эти годы тот значительное время не работал.

Тем не менее именно финансовый вопрос стал в дальнейшем камнем преткновения между Фроммом и руководством института. Переезд в США, увеличение расходов на издание собственного журнала, предоставление работы

¹ Фромм Э. Величие и ограниченность теории Фрейда. М.: АСТ, 2000. С. 57—58.

ученым-эмигрантам из Германии существенно осложняли финансовое положение Института социальных исследований. Поэтому Хоркхаймер был вынужден отказать Фромму в оплате той суммы, которую запросили нацисты за эмиграцию его матери¹. В 1939 году руководители института обратились к Фромму с просьбой добровольно прервать контракт и согласиться сотрудничать бесплатно, в противном случае им не хватит денег для оплаты труда ряда исследователей. Фромм же в силу определенной известности и имевшегося опыта психоаналитика мог, по их мнению, расширить собственную частную консультативную практику, тем самым обеспечив себе доход. Фромм был возмущен подобным предложением и категорически его отверг. Тяжба закончилась, лишь когда институт согласился выплатить психологу 20 тысяч долларов — сумму, равную примерно четырехлетнему заработку Фромма. На этом его отношения с Институтом социальных исследований были закончены.

К середине XX века США стали центром развития психологии в целом и психоанализа в частности. Если в начале века американцы отправлялись в Европу, в первую очередь в Вену, для знакомства с теорией и практикой психоанализа, то теперь ситуация поменялась кардинальным образом. Волны европейских эмигрантов из Европы принесли с собой множество специалистов в области психологии. Психоаналитические сообщества появились наряду с Нью-Йорком в Чикаго, Лос-Анджелесе, Балтиморе и других городах. Однако не все прибывшие в США психоаналитики оказались востребованными.

У Американской ассоциации психоанализа имелся критерий, которому большинство европейских психологов не соответствовали, — наличие медицинского образования, что было вполне закономерно, учитывая позицию Фрейда по данному вопросу. Создатель психоанализа выступал на стороне аналитиков-дилетантов, считая, что его метод не должен быть поглощен медициной и что именно среди врачей чаще всего можно было встретить шарлатанов, не разбирающихся в психоаналитическом методе. Фрейд даже посвятил этому вопросу отдельную работу «К вопросу о дилетантском анализе» (1926), появившуюся после того, как один из пациентов обвинил ученика Фрейда — Теодора

¹ Тем не менее Эрих Фромм нашел необходимую сумму и помог матери эмигрировать в США в 1941 году.

Райка в шарлатанстве. Кстати, тот же Райк эмигрировал в 1938 году в США и, несмотря на рекомендательное письмо самого «отца психоанализа», так и не был принят в американском психоаналитическом сообществе, хотя и создал в 1948 году собственную Национальную психологическую ассоциацию психоанализа.

Эрих Фромм также не был медиком, но, в отличие от большинства коллег, перебравшихся в США, поначалу ему это не мешало, так как он получал зарплату в Институте социальных исследований. Кроме того, по сравнению с другими психоаналитиками Фромм быстро ассимилировался в новой среде. Он овладел английским языком, завел новые знакомства. Фромм посещал встречи психоаналитиков во главе с Гарри Стэк Салливаном¹, принимал участие в семинарах «Культура и личность», проводимых Маргарет Мид², Эдвардом Сепиром³, Рут Бенедикт.

В это время у Фромма начался роман с Карен Хорни. Они познакомились еще в Баден-Бадене в санатории Георга Гроддека. Затем продолжали общаться в Берлинском психоаналитическом институте. Причем Эрих Фромм был настолько частым гостем в ее семье, что дочери Хорни, оставшиеся после развода родителей без отца, стали думать, что у них появился новый отец. В 1932 году Хорни эмигрировала в США — Франц Александер пригласил ее на должность своего заместителя в Психоаналитический институт в Чикаго. Зная, что Фромм прекрасно говорит по-английски, а также то, что он близок ей по взглядам, она пригласила своего друга в Чикаго, откуда они позднее переехали в Нью-Йорк. Отношения Фромма и Хорни обогатили обоих — он помог ей глубже понять значение социально-экономических структур в жизни человека, она же, в свою очередь, усовершенствовала его познания в психоанализе.

¹ *Гарри Салливан* (1892—1949) — психолог, создатель интерперсонального психоанализа, нацеленного на выявление психопатологии с помощью анализа межличностных отношений.

² *Маргарет Мид* (1901—1978) — антрополог, стала известной благодаря исследованиям социализации детей и подростков в Полинезии.

³ *Эдвард Сепир* (1884—1939) — лингвист, антрополог, автор гипотезы лингвистической относительности, которая предполагает, что сама структура языка влияет на мировоззрение его носителей. Эта идея была развита его учеником — Бенджамином Уорфом и получила название «Гипотеза Сепира—Уорфа».

Но и эти отношения оказались недолговечными в силу ряда причин. Практически сразу Фромм заявил, что не собирается вступать в брак с Хорни, так как это якобы угрожает его независимости. Конфликт усугубился, когда в 1937 году Фромм по предложению самой Хорни стал обучать психоанализу одну из ее дочерей — Марианну. В результате он выявил враждебное отношение девушки к матери и сообщил об этом Карен Хорни. Та очень резко отреагировала на его выводы. Не желая принимать их, она фактически обвинила Фромма в том, что своим психоанализом он сам спровоцировал Марианну на такое признание.

Однако главной причиной разрыва отношений стал роман Фромма с темнокожей танцовщицей Катрин Данэм, девушкой талантливой и разносторонней. В начале 1930-х годов она была звездой африканского танца в США. Получив стипендию для обучения в Чикагском университете, где среди ее учителей оказались известные антропологи — Бронислав Малиновский¹ и Альфред Рэдклифф-Браун², она участвовала в экспедициях в Вест-Индию, защитила диссертацию по теме «Гаитянские танцы», а вернувшись в Чикаго, создала собственную танцевальную группу. Фромм, познакомившийся с ней, вероятно, в 1938 году, помог Данэм с организацией концертов в Нью-Йорке. Начавшиеся отношения он держал в тайне не только от Хорни, так как формально на тот момент он всё еще не был разведен с Фридой Райхманн. Фромм даже просил своего коллегу и товарища, известного психолога Гарри Салливана разрешить им встречаться в его квартире³. Роман психоаналитика и танцовщицы продолжался несколько лет. В 1940 году любовники расстались, оставшись тем не менее хорошими друзьями.

Отношения Фромма с Хорни и Данэм, безусловно, оказали влияние на его первую фундаментальную работу, которую он в эти годы готовил. Еще в середине 1930-х годов он высказал желание написать книгу, где был бы проанализирован авторитарный режим. В 1932 году Фромм слу-

¹ Бронислав Малиновский (1884—1942) — антрополог, представитель структурного функционализма, рассматривавший общество как сумму индивидов, а культуру — как совокупность взаимосвязей, функций, служащих для удовлетворения потребностей людей.

² Альфред Рэдклифф-Браун (1881—1955) — антрополог, один из основоположников социально-культурной антропологии.

³ Friedman L. The lives of Erich Fromm: love's prophet. New York: Columbia University Press, 2013. P. 93.

шал доклад коллеги по Берлинскому психоаналитическому институту Вильгельма Райха, в котором тот излагал тезисы будущей работы «Психология масс и фашизм». Среди прочего Райх отмечал, что поражение в Первой мировой войне высвободило в немецком обществе нереализованную агрессию. Для того чтобы спастись от ощущения вины и пережить травму, немцам необходимо было найти «виновных» в этом поражении. Помимо этого обществу требовалась фигура условного «Отца», который укажет правильный путь выхода из кризиса. Только нацисты предложили ответы на эти глубинные запросы немецкого общества и потому стали популярны.

Приходу нацистов к власти способствовали также те ценности, которые формировала патриархальная немецкая семья — беспрекословное подчинение отцу, наказание за инициативность, националистическое воспитание, упрощение роли матери и аскетическая мораль, целью которой является сексуальное подавление. С точки зрения Райха, последнее было особенно важно, так как вело к внушаемости, формированию магического сознания и торможению психического развития в целом. Именно контроль сексуальности обеспечивал контроль над личностью.

После прихода к власти нацисты продолжили формировать путем влияния на институт семьи необходимые им личностные качества — покорность, патернализм, коллективизм, мистицизм, идеологический фанатизм. Общий типаж мужчин, который предполагалось сформировать, можно было охарактеризовать как садомазохистский, когда, с одной стороны, они проявляли садистские наклонности в отношении «чужих» — евреев, коммунистов, пацифистов и прочих, а с другой — были до мазохизма покорны вождю. Идеи Райха и последующие исследования самого Фромма склонили его к мысли написать работу, которую он предварительно назвал «Человек в авторитарном государстве». В 1941 году книга вышла в свет, получив название «Бегство от свободы», и стала мировым бестселлером.

В самом начале работы Фромм задается вопросами о том, что такое свобода как человеческое переживание, какие социальные и экономические факторы способствуют развитию стремления к свободе и почему для одних свобода является заветной целью, а для других угрозой?

Несмотря на то что человек был и остается социальным существом, его развитие характеризовалось таким процессом, как индивидуализация, то есть обособлением от при-

роды и общества. С точки зрения Фромма, этот процесс достиг наивысшей стадии, то есть полного отделения, в эпоху Возрождения и сохраняется до наших дней. До этого момента человек был ограничен так называемыми «первичными узами», которые предполагали отсутствие индивидуальности, но в то же время обеспечивали уверенность: «Эти узы связывают ребенка с матерью, первобытного человека с его племенем и с природой, а средневекового — с церковью и с его сословием»¹. Процесс индивидуализации закономерен, он происходит под влиянием социальных, экономических и культурных факторов, имеющих в обществе. В то же время развитие отдельной личности, позволяющее принять подобный ход событий и адаптироваться к нему, отстает от индивидуализации. У человека возрастает чувство одиночества и беспомощности, справиться с которым он может либо посредством подчинения социальным институтам, либо с помощью «спонтанной активности», то есть таких связей с окружающим миром, которые не предполагают отказ от его индивидуальности. К сожалению, в большинстве случаев он выбирает первый путь.

Капиталистические отношения, утвердившиеся в западном мире, усугубили положение человека. Чувства бессилия и изолированности, когда люди вынуждены обеспечивать чужие материальные цели, только усилились: «При капитализме экономическая деятельность, успех и материальная выгода стали самоцелью. Судьба человека состоит в том, чтобы способствовать росту экономической системы, умножать капитал — и не для целей собственного счастья, а ради самого капитала. Человек превратился в деталь гигантской экономической машины. Если у него большой капитал, то он — большая шестерня; если у него ничего нет, он — винтик; но в любом случае он — лишь деталь машины и служит целям, внешним по отношению к себе»². Господство рынка привело к тому, что все сферы жизни пронизаны безразличием. Личности становятся лишь объектами манипуляций и инструментами достижения целей. Люди — товар, качества которого оцениваются и продаются на рынке услуг.

Как же люди преодолевают чувства одиночества и отчужденности, сопутствующие свободе? Фромм описывает

¹ Фромм Э. Бегство от свободы. Революционный характер. Nyköping: Philosophical arkiv, 2016. С. 28.

² Там же. С. 88.

несколько путей. Самый распространенный, при котором жизнь наполняется лишь автоматической деятельностью, не имеющей цели и результата, ученый обозначает как авторитарный механизм «бегства от свободы». Человек «отказывается от своей личности и связывает ее с какой-либо внешней силой для получения силы, недостающей индивиду». В данном случае у людей могут преобладать мазохистские и садистские тенденции. Мазохисты испытывают чувства собственной неполноценности, беспомощности, ничтожности. «Анализ людей, испытывающих подобные чувства, показывает, что, хотя сознательно они на это жалуются, хотят от этих чувств избавиться, в их подсознании существует какая-то сила, заставляющая их чувствовать себя неполноценными или незначительными. <...> Эти люди постоянно проявляют отчетливо выраженную зависимость от внешних сил: от других людей, от каких-либо организаций, от природы. Они стремятся не утверждать себя, не делать то, чего им хочется самим, а подчиняться действительным или воображаемым приказам этих внешних сил. Часто они попросту не способны испытывать чувство “я хочу”, чувство собственного “Я”. Жизнь в целом они ощущают как нечто подавляюще сильное, непреодолимое и неуправляемое.

В более тяжелых случаях, — а таких довольно много, — кроме тенденции к самоуничтожению и к подчинению внешним силам, проявляется еще и стремление нанести себе вред, причинить себе страдание.

Это стремление может принимать разные формы. Встречаются люди, которые упиваются самокритикой и возводят на себя такие обвинения, какие не пришли бы в голову их злейшим врагам. Другие — больные неврозом навязчивых состояний — истязают себя принудительными ритуалами или неотвязными мыслями. У определенного типа невротиков мы обнаруживаем склонность к физическому заболеванию, причем эти люди — осознанно или нет — ждут болезни, как дара Божьего. Часто они становятся жертвами несчастных случаев, которые никогда бы не произошли без их бессознательного стремления к этому. Такие тенденции, направленные против себя самого, часто проявляются и в менее открытых и драматических формах. Например, есть люди, не способные отвечать на экзаменах, хотя прекрасно знают нужные ответы и во время экзамена, и после него. Другие восстанавливают против себя тех, кого любят, или тех, от кого зависят, совершенно неуместной болтовней,

хотя на самом деле испытывают к этим людям самые лучшие чувства и вовсе не собирались говорить ничего подобного. Они ведут себя так, словно наслушались советов своих злейших врагов и делают всё возможное, чтобы причинить себе наибольший ущерб.

Мазохистские тенденции часто ощущаются как чисто патологические и бессмысленные; но чаще они рационализируются, и тогда мазохистская зависимость выступает под маской любви или верности, комплекс неполноценности выдается за осознание подлинных недостатков, а страдания оправдываются их неумолимой неизбежностью в неизменных обстоятельствах.

Кроме мазохистских тенденций в том же типе характера всегда наблюдаются и прямо противоположные наклонности — садистские. <...> Можно назвать три типа садистских тенденций, более или менее тесно связанных друг с другом. Первый тип — это стремление поставить других людей в зависимость от себя и приобрести полную и неограниченную власть над ними, превратить их в свои орудия, “лепить как глину”. Второй тип — стремление не только иметь абсолютную власть над другими, но и эксплуатировать их, использовать и обкрадывать, так сказать, заглатывать всё, что есть в них съедобного. Эта жажда может относиться не только к материальному достоянию, но и к моральным или интеллектуальным качествам, которыми обладает другой человек. Третий тип садистских тенденций состоит в стремлении причинять другим людям страдания или видеть, как они страдают. Страдание может быть и физическим, но чаще это душевное страдание. Целью такого стремления может быть как активное причинение страдания — унижить, запугать другого, так и пассивное созерцание чьей-то униженности и запуганности.

По очевидным причинам садистские наклонности обычно меньше осознаются и больше рационализируются, нежели мазохистские, более безобидные в социальном плане. Часто они полностью скрыты наслоениями сверхдоброты и сверхзаботы о других. Вот несколько наиболее частых рационализаций: “Я управляю вами потому, что я лучше вас знаю, что для вас лучше; в ваших собственных интересах повиноваться мне беспрекословно” или “Я столь необыкновенная и уникальная личность, что вправе рассчитывать на подчинение других” и т. п. Другая рационализация, часто прикрывающая тенденцию к эксплуатации,

звучит примерно так: “Я сделал для вас так много, что теперь вправе брать от вас всё, что хочу”. Наиболее агрессивные садистские импульсы чаще всего рационализируются в двух формах: “Другие меня обидели, так что мое желание обидеть других — это всего лишь законное стремление отомстить” или “Нанося удар первым, я защищаю от удара себя и своих друзей”.

В отношении садиста к объекту его садизма есть один фактор, который часто упускается из виду и поэтому заслуживает особого внимания; этот фактор — его зависимость от объекта.

Зависимость мазохиста очевидна. В отношении садиста наши ожидания обратны: он кажется настолько сильным, властным, а его объект настолько слабым, подчиненным, что трудно представить себе, как сильный зависит от того слабого, которым властвует. И, однако, внимательный анализ показывает, что это именно так. Садисту нужен принадлежащий ему человек, ибо его собственное ощущение силы основано только на том, что он является чьим-то владыкой. Эта зависимость может быть совершенно неосознанной. Так, например, муж может самым садистским образом издеваться над своей женой — и при этом ежедневно повторять ей, что она может уйти в любой момент, что он будет только рад этому. Часто жена бывает настолько подавлена, что не пытается уйти, и поэтому оба они верят, что он говорит правду. Но если она соберется с духом и заявит, что покидает его, вот тут может произойти нечто совершенно неожиданное для них обоих: он будет в отчаянии, подавлен, начнет умолять ее остаться, станет говорить, что не может жить без нее, что любит ее, и т. д. Как правило, боясь каждого самостоятельного шага, она бывает рада ему поверить — и остается. В этот момент игра начинается сначала: он принимается за прежнее, ей становится всё труднее это выносить, она снова взрывается, он снова в отчаянии, она снова остается — и так далее, без конца»¹.

В некоторых людях эти черты объединяются и возникает садистско-мазохистский характер, который Фромм обозначает как «авторитарный» (чтобы подчеркнуть, что речь идет о нормальных людях). Он стал типичным для большей части низов среднего класса в Европе, в частности в Гер-

¹ Фромм Э. Бегство от свободы. Революционный характер. Nyköping: Philosophical arkiv, 2016. С. 110—112.

мании, поддержав приход Гитлера к власти. Человек с подобным характером «восхищается властью и хочет подчиняться, но в то же время он хочет сам быть властью, чтобы другие подчинялись ему».

«Для авторитарного характера существуют, так сказать, два пола: сильные и бессильные. Сила автоматически вызывает его любовь и готовность подчиниться независимо от того, кто ее проявил. Сила привлекает его не ради тех ценностей, которые за нею стоят, а сама по себе, потому что она — сила. И так же, как сила автоматически вызывает его “любовь”, бессильные люди или организации автоматически вызывают его презрение. При одном лишь виде слабого человека он испытывает желание напасть, подавить, унижить. Человек другого типа ужасается самой идее напасть на слабого, но авторитарная личность ощущает тем большую ярость, чем беспомощнее ее жертва. <...> Общая черта всего авторитарного мышления состоит в убеждении, что жизнь определяется силами, лежащими вне человека, вне его интересов и желаний. <...>

Лишь отдельные индивиды либо социальные группы могут рассматриваться как типично садистско-мазохистские, но садистско-мазохистские побуждения существуют практически у всех. Менее выраженная форма зависимости распространена в нашем обществе настолько широко, что ее полное отсутствие составляет, по-видимому, лишь редкое исключение. Эта зависимость не имеет опасных черт необузданного садомазохизма, но настолько важна, что ее нельзя обойти молчанием.

Я имею в виду людей, вся жизнь которых трудноуловимым способом связана с некоторой внешней силой. Всё, что они делают, чувствуют или думают, имеет какое-то отношение к этой силе. Люди ожидают, что некто их защитит, что “он” позаботится о них, и возлагают на “него” ответственность за результаты своих собственных поступков. Часто человек не осознаёт, что такая зависимость существует. Даже если есть смутное сознание самой зависимости, внешняя сила, от которой человек зависит, остается неясной: нет определенного образа, который был бы связан с этой силой. Главное ее качество определяется функцией: она должна защищать индивида, помогать ему, развивать его и всегда быть с ним рядом. Некий “Икс”, обладающий этими свойствами, может быть назван волшебным помощником. Разумеется, что “волшебный помощник” часто персонифицирован: это может быть бог, или некий прин-

цип, или реальный человек, например кто-то из родителей, муж, жена или начальник»¹.

Второй путь «бегства от свободы» — путь разрушительности. Используя этот метод преодоления собственной неполноценности, люди стремятся уничтожить других. «Чем больше проявляется стремление к жизни, чем полнее жизнь реализуется, тем слабее разрушительные тенденции; чем больше стремление к жизни подавляется, тем сильнее тяга к разрушению. Разрушительность — это результат непрожитой жизни. Индивидуальные или социальные условия, подавляющие жизнь, вызывают страсть к разрушению, наполняющую своего рода резервуар, откуда вытекают всевозможные разрушительные тенденции — по отношению к другим и к себе»².

Наконец третий путь — «автоматизирующий конформизм», или превращение в человека массы. Этот путь выбирают абсолютное большинство индивидов современных обществ: «Итак, мы полагаем, что “нормальный” способ преодоления одиночества в нашем обществе состоит в превращении в автомат. Но такая точка зрения противоречит одному из самых распространенных представлений о человеке нашей культуры; принято думать, что большинство из нас — личности, способные думать, чувствовать и действовать свободно, по своей собственной воле. Каждый человек искренне убежден, что он — это “он”, что его мысли, чувства и желания на самом деле принадлежат “ему”. Но хотя среди нас встречаются и подлинные личности, в большинстве случаев такое убеждение является иллюзией, и притом иллюзией опасной, ибо она препятствует ликвидации причин, обусловивших такое положение»³.

Тем не менее у человека есть способ спастись от одиночества свободы не только с помощью патологических методов. Фромм описывает этот способ как позитивную свободу, состоящую в «спонтанной активности всей целостной личности человека»⁴. «Спонтанная активность — это не вынужденная активность, навязанная индивиду его изоляцией и бессилием; это не активность робота, обусловленная некритическим восприятием шаблонов, внушаемых

¹ Фромм Э. Бегство от свободы. Революционный характер. Nyköping: Philosophical arkiv, 2016. С. 128, 130, 132.

² Там же. С. 138.

³ Там же. С. 140.

⁴ Там же. С. 188.

извне»¹. Яркими примерами подобного поведения для нас, по мнению психолога, могут быть художники или дети.

Ведущими составляющими подобной спонтанной активности являются любовь и труд: «Главная, важнейшая составная часть такой спонтанности — это любовь, но не растворение своего “я” в другом человеке и не обладание другим человеком. Любовь должна быть добровольным союзом с ним, на основе сохранения собственной личности. Именно в этой полярности и заключается динамический характер любви: она вырастает из стремления преодолеть отдельность и ведет к единению, но не уничтожает индивидуальность. Другая составная часть спонтанности — труд. Но не вынужденная деятельность с целью избавиться от одиночества и не такое воздействие на природу, при котором человек, с одной стороны, господствует над нею, а с другой — преклоняется перед ней и поработается продуктами собственного труда. Труд должен быть творчеством, соединяющим человека с природой в акте творения. Что справедливо в отношении любви и труда, справедливо и в отношении всех спонтанных действий, будь то чувственное наслаждение или участие в политической жизни общества. Спонтанность, утверждая индивидуальность личности, в то же время соединяет ее с людьми и природой. Основное противоречие, присущее свободе, — рождение индивидуальности и боль одиночества — разрешается спонтанностью всей жизни человека»².

В 1941 году, когда книга «Бегство от свободы» увидела свет, Фромм поддержал Хорни и ее коллег, вышедших из состава Нью-Йоркского психоаналитического общества и создавших Ассоциацию развития психоанализа, а также новое учебное учреждение — Американский институт психоанализа. Несмотря на то что у Фромма не было медицинского образования, первоначально он был включен в состав преподавателей с правом проведения обучающего анализа. В реальности же он этой возможности не имел, и когда студенты обратились к руководству вуза с требованием разрешить Фромму вести у них практику, им было отказано. Поэтому в 1943 году Фромм покинул институт. Вместе с ним ушли и несколько психоаналитиков, в частности Клара Томпсон и Гарри Салливан. По всей вероятности, за давлением на Фромма и его последующим увольнением

¹ Там же.

² Там же. С. 190.

стояла женская обида Карен Хорни, которая не смогла пережить расставание и разлад в отношениях с дочерью из-за психоанализа «дилетанта».

Фромм и его соратники не остались без дела. Они организовали в Нью-Йорке филиал Вашингтонской школы психиатрии. Сделать это было несложно, так как основателями самой школы были всё те же Гарри Салливан и Фрида Райхманн. В 1946 году Фромм был назначен руководителем клинического обучения студентов, несмотря на требования американских властей к психоаналитикам иметь медицинское образование. Он наконец-то получил возможность вести практические занятия по психоанализу. По его инициативе при институте (школа была переименована в 1946 году в Институт психиатрии, психоанализа и психологии им. Уильяма Эленсона Уайта) начала работу клиника для граждан из малообеспеченных семей. Даже когда Фромм уедет из США, он будет ежегодно возвращаться в институт для проведения семинаров и лекций.

Важнейшим элементом психоанализа у Фромма стало понятие «социальный характер». В работе «Человек для самого себя. Исследование психологических проблем этики» (1947) Фромм писал: «...в процессе адаптации к семье ребенок формирует характер, который затем станет основой его адаптации к обществу и решения различных социальных проблем. У него формируется такой характер, который делает для него желательными те действия, которые от него требуются, основные черты которого роднят его с большинством людей, принадлежащих к тому же социальному слою, классу или той же культуре. Тот факт, что большинство членов социального класса или культуры разделяют существенные свойства характера, а также то, что можно говорить о “социальном характере” как о характере типичном, свидетельствует о степени влияния социальных и культурных моделей на его формирование. Однако мы должны отличить социальный характер от индивидуального, разного для всех людей, даже принадлежащих к общей для них культуре»¹. Анализируя социальный характер, Фромм выделил пять его типов, условно разделив их на непродуктивные и продуктивные. Цель индивидуальной терапии заключается в том, чтобы человек отказался от непродуктивного и сформировал «здоровый» тип характера.

¹ Фромм Э. Человек для самого себя. М.: АСТ, 2010. С. 76.

Среди неплодотворных ориентаций характера Фромм называл рецептивную, эксплуатирующую, накапливающую и рыночную ориентации. «При рецептивной ориентации человеку представляется, что “источник всех благ” лежит вовне, и он считает, что единственный способ обрести желаемое, будь то нечто материальное или привязанность, любовь, знание, удовольствие, — это получить его из этого внешнего источника. При такой ориентации проблема любви состоит почти исключительно в том, чтоб “быть любимым”, а не в том, чтоб любить. Такие люди склонны к неразборчивости в выборе предмета любви, потому что быть любимыми кем-то — это для них такое захватывающее переживание, что они “бросаются” за всеми, кто предлагает им любовь или то, что похоже на любовь. Они чрезвычайно чувствительны ко всякому отдалению или отпору со стороны любимого человека. Такова же их ориентация и в сфере мышления: если это интеллигенты, то они становятся самыми лучшими слушателями, поскольку ориентированы на восприятие идей, а не на их создание; предоставленные самим себе, они чувствуют себя парализованными. Для этих людей характерно, что их первая мысль — найти кого-то другого, кто даст им нужную информацию, вместо того, чтобы самим сделать хоть малейшее усилие. Если это люди религиозные, то их понятие о Боге таково, что они ждут всего от него и ничего от собственной активности. Не будучи религиозными, они относятся к людям и институтам совершенно так же: всегда ищут “магического помощника”. Они демонстрируют своеобразный вид верности, в основе которой благодарность к тому, кто питает их, и страх потерять его. Поскольку они нуждаются во множестве тех, кто обеспечивает их безопасность, они вынуждены быть верными многим людям. Им трудно сказать “нет”, и они легко попадают в конфликт между верностью и обещанием. Раз они не могут сказать “нет”, они любят говорить “да” всему и всем, и в результате паралич их критических способностей делает их слишком зависимыми от других.

Они зависят не только от авторитетов, дающих им знания, помощь, но вообще от людей, способных оказать какую бы то ни было поддержку. Они чувствуют себя потерянными, будучи предоставленными самим себе, поскольку считают, что ничего не способны делать без посторонней помощи. Эта беспомощность имеет решающее значение в тех действиях, которые по самой своей природе могут совершаться только самостоятельно — принятие решения

или принятие ответственности. В личных отношениях, например, они спрашивают совета у того самого человека, от- носительно которого они должны принять решение.

Люди рецептивного типа очень любят поесть и выпить. Они стремятся преодолеть тревожность и подавленность путем поедания пищи и выпивкой. Рот у них очень характерен, зачастую он очень выразителен: губы приоткрыты, как будто постоянно ждут кормежки. В их снах поедание пищи — это частый символ любви, а чувство голода — выражение фрустрации и разочарования. <...>

Эксплуаторская ориентация, подобно рецептивной, имеет в качестве основной предпосылки ощущение, что источник всех благ находится вовне и ничего нельзя создать самому. Отличие между двумя этими ориентациями, однако, в том, что эксплуататорский тип не надеется получить что-либо от других в дар, а отнимает у них желаемое силой или хитростью. Такая ориентация распространяется на все сферы действий.

В области любви и чувств такие люди склонны присваивать и красть. Они испытывают влечение только к тем людям, которых они могут отнять у кого-то другого. Условием привлекательности для них служит привязанность человека к кому-то другому; они не склонны влюбляться в не привязанного ни к кому человека.

Мы обнаруживаем ту же установку и в области мышления и интеллектуальной деятельности. Такие люди будут склонны не создавать идеи, а красть их. Это может проявляться прямо в форме плагиата, или более скрыто, в форме парафраза идей, высказанных другими людьми, и наставлении, что эти идеи новы и являются их собственными. Поразительно, что зачастую люди больших умственных способностей следуют этим путем, при том, что если б они положились на собственные таланты, они вполне могли бы сами создавать свои идеи. Отсутствие оригинальных идей или независимого творчества у иных одаренных людей часто объясняется ориентацией их характера, а не каким-то врожденным отсутствием оригинальности. <...>

Поскольку они хотят использовать и эксплуатировать людей, они “любят” тех, кто прямо или косвенно может стать объектом эксплуатации, и им “наскучивают” те, из кого они уже выжали всё. Крайний пример — kleптоман, который наслаждается только теми вещами, какие можно украсть, хотя у него достаточно денег, чтобы купить их. Символом этой ориентации, кажется, может служить яз-

вительная гримаса, которая часто бывает отличительной чертой таких людей. <...> стоит отметить, что они часто делают “язвительные” замечания в адрес других людей. Их установка окрашена смесью враждебности и манипуляции. Каждый человек рассматривается как объект эксплуатации и оценивается по его полезности. Вместо доверчивости и оптимизма, свойственных рецептивному типу, здесь мы обнаруживаем подозрительность и цинизм, зависть и ревность. Поскольку они удовлетворяются только вещами, которые могут отнять у других, они склонны переоценивать то, что принадлежит другим, и недооценивать свое собственное.

Стяжательская ориентация совершенно отлична от рецептивного и эксплуататорского типов, сходных в том, что оба надеются получить вещи из внешнего мира. Данная же ориентация дает людей, мало верящих в то, что они могут получить из внешнего мира что-то новое; их безопасность основывается на стяжательстве и экономии, а траты они воспринимают как угрозу. Они окружают себя как бы защитной стеной, и их главная цель — как можно больше в свое укрытие приносить и как можно меньше из него отдавать. Их скупость распространяется как на деньги и материальные вещи, так и на чувства и мысли. Любовь для них — это, по существу, обладание: сами они не дают любви, но стараются получить ее, завладевая “любимым”. Ориентированный на стяжательство человек часто демонстрирует особый вид верности людям и даже воспоминаниям. Его сентиментальность превращает прошлое в золотой век; он держится за прошлое и предается воспоминаниям о прежних чувствах и переживаниях. Такие люди всё знают, но они бесплодны и неспособны к плодотворному мышлению.

Их также можно узнать по выражению лица и жестикуляции. У них плотно сжаты губы; у них характерные жесты погруженных в себя людей. Если у рецептивного типа жесты как бы манящие и плавные, у эксплуататорского — агрессивные и резкие, то у стяжательского — жесты чопорные, как будто эти люди хотят обозначить границы между собой и внешним миром. Другой характерный элемент их установки — педантичная аккуратность. У стяжателя всегда упорядочены вещи, мысли и чувства, но опять же, как и в случае с памятью, его аккуратность бесплодна и ригидна. Он терпеть не может, если вещи не на своем месте, и будет автоматически приводить их в порядок. <...>

Ориентацию характера, коренящуюся в восприятии себя как товара, а собственной ценности как меновой, я называю рыночной ориентацией. <...> Тот факт, что, чтобы добиться успеха, недостаточно обладать умением и умственным багажом для выполнения поставленной задачи, но нужно еще быть способным вступить в состязание со многими другими, формирует у человека определенную установку по отношению к самому себе. Если бы для достижения жизненных целей было достаточно полагаться на то, что ты знаешь и умеешь делать, самооценка была бы пропорциональна собственным способностям, т. е. собственной полезной ценности; но поскольку успех зависит, по большей части, от того, как ты умеешь продать свою личность, то ты воспринимаешь себя как товар или, вернее, и как продавца, и как товар одновременно. Человек заботится не о своей жизни и счастье, а о том, чтобы стать ходовым товаром»¹.

Продуктивная ориентация социального характера по Фромму — идеал, к которому должен стремиться каждый человек. «Она охватывает психические, эмоциональные и сенсорные реакции на других людей, на самого себя и на вещи. Продуктивность есть способность человека применять свои силы, реализуя заложенные в нем возможности. Если мы говорим, что он должен приложить свои силы, то мы имеем в виду, что он должен быть свободен, а не зависеть от кого-либо, кто контролирует его силы. Мы, далее, подразумеваем, что он руководствуется собственным разумом, так как для того, чтобы реализовать свои силы, надо понимать, каковы они, как и для чего они должны применяться. Продуктивность означает, что человек ощущает себя неким воплощением своих сил и при этом как бы “актером”; то есть он чувствует себя чем-то единым со своими силами (другими словами, он есть то, что есть его силы) и в то же время, что они не скрывают его, как маски, и не отчуждаются, как маски, от него»².

В своей работе Фромм среди прочего отмечает, что человек, овладевший способностью мыслить, вынужден решать вопросы без ответа, или, как он их называет, — «экзистенциальные дихотомии». Главная из них — противопоставление жизни и смерти. Человек осознаёт, что его земной путь ограничен. Но в силу того, что смерть абсолютно чужда жизни, является ее полной противополож-

¹ Фромм Э. Человек для самого себя. М.: АСТ, 2010. С. 77—83, 85.

² Там же. С. 102—103.

ностью, он не приемлет сам факт своей кончины, пытаясь отрицать ее, создавая различные концепции бессмертия, в первую очередь религиозные.

Вслед за первой дихотомией перед людьми возникает вторая — они не могут реализовать заложенные в них возможности в силу временной ограниченности существования. Более того, чаще всего люди даже не понимают, какие способности они хотели бы реализовать. Идеологии или религиозные культы и здесь приходят на помощь человеку, объясняя ему, что смысл жизни не в реализации себя, а в достижениях общества, государства, или вообще что эта самореализация наступит лишь после смерти.

Наконец третьей дихотомией является противоречие между одиночеством отдельного индивида и его невозможностью обходиться в этом мире без других: «Человек одинок и в то же время опутан многочисленными связями с другими. Он одинок, поскольку является уникальной сущностью, совершенно не похожим ни на кого другого, осознающим себя в качестве существа отдельного и отделенного от других. Он должен оставаться один на один с собой, когда требуется вынести суждение или принять решение, руководствуясь только силами собственного разума. И в то же время он не может выносить своего одиночества, не может не вступать в связи с другими людьми. Его счастье зависит от чувства солидарности, которое он испытывает к своим соотечественникам, к прошлым и будущим поколениям»¹.

В 1944 году Эрих Фромм женился во второй раз. Его избранницей стала Хенни Гурланд. Хенни родилась в 1900 году в Германии в семье еврейского торговца табачными изделиями. В юности она была активной участницей левых молодежных организаций, а также являлась ярким приверженцем сионистских идей. Ее первый брак не был удачным. После развода муж добился опеки над сыном Йозефом, фактически запретив ей общаться с сыном, что стало серьезным личным испытанием для Хенни. Чтобы отвлечься от семейных неурядиц, она с энтузиазмом погрузилась в политическую деятельность, став ведущим фотографом главной социал-демократической газеты Германии «Вперед!» (от нем. «Vorwärts!»). После прихода нацистов к власти Хенни, успев забрать с собой сына, бежала сначала в Бельгию, а затем в Париж. Оккупация нацистами Франции

¹ Там же. С. 56.

заставила Хенни и других немецких эмигрантов задуматься об очередном бегстве. Ей удалось получить американскую визу, но, чтобы оказаться в США, нужно было преодолеть фашистскую Испанию. При переходе через франко-испанскую границу нелегальная группа, в которой находилась и Гурланд со своим сыном, была обстреляна и арестована испанцами. Хенни получила серьезное ранение, сказывавшееся на состоянии ее здоровья на протяжении всей последующей жизни. В силу межправительственных соглашений франкисты должны были передать арестованных правительству Виши. Опасаясь этого, а также возможных пыток, один из соратников Гурланд, известный немецкий философ Вальтер Беньямин, бежавший вместе с ней, покончил жизнь самоубийством. Как оказалось, напрасно. Судьба была благосклонна к оставшимся (среди бежавших также была известный мыслитель Ханна Арендт). Им было разрешено пересечь Испанию и добраться до Португалии, откуда Гурланд с сыном отправилась в США. В Нью-Йорк беженцы прибыли в 1940 году.

Оказавшись в Америке без гроша за душой, Гурланд пыталась заработать фотографией. На этом поприще она сблизилась с Рут Штаудингер, отец которой был президентом Новой школы социологических исследований, где Эрих Фромм время от времени преподавал. В 1941 году они познакомились и спустя некоторое время начали встречаться. Фромм даже стал оплачивать обучение ее сына в колледже и ходатайствовал о получении ими американского гражданства. В 1944 году Фромм и Гурланд поженились. Чтобы обеспечить семью, Фромм работал не покладая рук в нескольких учебных заведениях и вел частную психоаналитическую практику. Времени на общение с друзьями у него просто не оставалось, а если же и удавалось с кем-то продолжать поддерживать контакты, то они были скорее формальными. Некоторые знакомые стали отзываться о нем как о замкнутом и высокомерном человеке. Они и не подозревали, что мировосприятие Эриха Фромма было омрачено болезнью жены. Полученное во время бегства из оккупированной Франции ранение привело к развитию тяжелой формы артрита, доставлявшего ей с каждым годом всё больше мучений. Страдая от боли и будучи прикованной к постели, Хенни всё чаще пребывала в глубокой депрессии. Чтобы разобраться в ее тяжелом душевном состоянии, Фромм обратился к известному психиатру Карлу Бингеру, и тот пришел к неутешительному выводу: Хенни

больна шизофренией. Фромм делал всё для того, чтобы облегчить супруге жизнь. Он перевез ее из Нью-Йорка в Беннингтон, где строил огромный дом в живописной местности. С 1948 года Хенни уже не могла ходить, и Фромм практически прекратил преподавательскую деятельность, чтобы посвящать всё время жене.

Лекарства не облегчали страданий, и в середине 1949 года врачи рекомендовали Хенни Гурланд лечение источниками в Мексике. Посчитав, что переезд в Мехико продлит жизнь супруге, Фромм принял решение окончательно перебраться в новую страну в 1950 году. (Фромм несколько раз бывал в Мексике еще с Карен Хорни в конце 1930-х годов.) К сожалению, Хенни Гурланд уже нельзя было помочь. В июне 1952 года она покончила жизнь самоубийством, не выдержав приступов боли.

Годы болезни жены заставили Фромма сократить не только преподавательскую, но и научную деятельность, и тем не менее именно в этот период им были написаны несколько важных работ, в том числе «Человек для самого себя» и «Психоанализ и религия» (1950). В основу последней был положен курс лекций, прочитанных Фроммом в Йельском университете в осеннем семестре 1948/49 года.

После смерти жены, несмотря на тягостные воспоминания, Фромм всё же решил остаться в Мексике. Тем более что ему предложили должность преподавателя на медицинском факультете Национального мексиканского университета. Свою роль в этом назначении в первую очередь сыграла популярность его книги «Бегство от свободы». Основным лекционным курсом, которым он начал преподавательскую деятельность, стал курс по психоанализу для психиатров. Тем самым Фромм получил возможность вдохнуть новую жизнь в развитие психоаналитической мысли в Мексике.

Его ученики, выбравшие психоаналитическую специализацию, вспоминали о первых занятиях с Фроммом как о проблемных. Психоаналитик был постоянно раздражен, вел себя высокомерно, и было непонятно, как вообще можно чему-либо у него научиться. Но со временем ситуация изменилась — между учителем и учениками возникло доверие и уважение друг к другу. Подобные изменения в отношениях с учениками были следствием перемен к лучшему в личной жизни.

В декабре 1952 года Фромм начал переписываться с Аннис Фримен, с которой познакомился несколькими годами ранее в Нью-Йорке. Через год они поженились, но при-

вычка писать друг другу послания или небольшие записки сохранялась у них на протяжении всей совместной жизни. Этот брак стал последним и самым счастливым для Эриха Фромма.

Аннис была на несколько лет моложе Фромма. Американка по происхождению, она провела долгое время вместе с бывшим мужем в Индии, где приобщилась к буддизму, различным восточным практикам, поверила в астрологию. Аннис и Эрих дополняли друг друга во всём — он делился с ней своими интеллектуальными размышлениями, она учила его наслаждаться жизнью.

К моменту начала их отношений они оба были состоятельными людьми. Аннис получила значительное наследство от умершего мужа. Эрих зарабатывал не только в университете, но и продолжал давать частные консультации, а также получал значительные гонорары за издание книг. Супруги приобрели несколько гектаров земли в Куэрनावаке, неподалеку от Мехико, построили там новый дом, который стал для них настоящим райским уголком. Он буквально утопал в зелени и цветах, а по живописной территории прогуливались розовые фламинго. В новом жилище Фромм принимал клиентов, коллег, устраивал дружеские вечеринки. Наслаждаясь жизнью, он стал гурманом — нанял шеф-повара для приготовления изысканных блюд. Новой страстью психолога стали автомобили, самым любимым из которых был кабриолет «бьюик».

В 1955 году вышла в свет его новая книга «Здоровое общество». В ней Фромм продолжил развивать идеи, заявленные в работе «Человек для самого себя», в частности попытался дать ответ на вопрос: каковы истинные потребности человека?

Фромм подчеркивает, что помимо физиологических потребностей — голод, жажда, сексуальное влечение, которые связывают человека с животным миром, у него имеются и те, которые можно отнести к экзистенциальным потребностям, заставляющим его искать гармонию в человеческом обществе. Именно удовлетворение экзистенциальных потребностей делает человека человеком. Однако не все люди осознают это. «Вся жизнь индивида есть не что иное, как процесс рождения самого себя, — пишет Фромм. — По существу, мы должны бы полностью родиться к моменту смерти, но судьба большинства людей трагична: они умирают, так и не успев родиться»¹.

¹ Фромм Э. Здоровое общество. М.: АСТ, 2006. С. 19.

Что же это за истинно человеческие потребности, о которых говорит Фромм? Первая из них — принадлежность к человеческому обществу. Без этого человек, с точки зрения Фромма, является психически нездоровым. Единения с миром и окружающими людьми можно добиться способами, о которых психолог уже писал в своих работах ранее: подчиниться отдельной личности, организации, Богу (мазохизм), подчинить себе окружающий мир (садизм), «объединиться с кем-либо или чем-либо вне самого себя при условии сохранения обособленности и целостности своего собственного “Я”» (любовь). Лишь последний путь удовлетворяет человеческую потребность в единении.

Вторая потребность экзистенциального характера — стремление к созидательности, творчеству. Таким образом человек пытается преодолеть собственную пассивность, отстраненность в процессе эволюционного происхождения.

Третья потребность — в укорененности — возникает в человеке, как и предыдущие, в силу его разрыва с природой. Он ищет или создает в окружающем мире новый дом, пытаясь преодолеть чувство изоляции. Аналогично складывается ситуация в жизни человека, когда он отлучается от матери. В первые годы жизни она является для беспомощного ребенка тем, кто поддерживает в нем жизнь, обеспечивая всем необходимым, реализуя его потребность в укорененности. Повзрослевший человек сам активно взаимодействует с окружающим миром и находит способы восстановить чувство принадлежности к нему. Однако этого может не произойти, и взрослый человек оказывается не в состоянии осваивать мир без материнской поддержки. В особенно тяжелых случаях это приводит к шизофрении, в более мягких и распространенных «люди, задержавшиеся на этой стадии рождения, испытывают сильную потребность в том, чтобы к ним относились по-матерински, чтобы с ними нянчились, чтобы их по-матерински опекали; это люди, вечно зависимые; лишенные материнской защиты, они оказываются во власти страха и неуверенности, зато при наличии — действительном или воображаемом — любящей матери или кого-нибудь, заменяющего ее, они полны оптимизма и активности»¹.

Четвертая потребность состоит в осознании человеком себя как отдельной сущности, субъекта, отличающегося от остальных. Как и в случае с другими экзистенциаль-

¹ Там же. С. 30.

ными потребностями при ее нереализации человек может лишиться рассудка, поэтому он всеми возможными способами стремится ее удовлетворить. Люди используют заменители настоящего чувства тождественности, заявляя о себе как о представителе нации, религии, класса или профессии.

Последняя, пятая потребность — в системе ориентации, позволяющей индивиду сформировать некую непротиворечивую картину окружающего мира, выстроить систему ценностей: «Ответы, даваемые на потребность человека в системе ориентации и в объекте поклонения, весьма различны как по форме, так и по содержанию. Это и примитивные системы, такие, как анимизм и тотемизм, в которых ответ на поиски смысла жизни представлен образами предков или природными объектами. Есть и нетеистические системы, например, буддизм, — их часто называют религиозными, хотя в своем первоизданном виде они не содержат понятия бога. Существуют и чисто философские системы, как, например, стоицизм, а также монотеистические религиозные системы, в которых ответ на поиски человеком смысла жизни связывается с понятием бога.

Однако независимо от своего содержания все эти системы соответствуют потребности человека не только в некоторой системе мышления, но и в объекте поклонения, придающем смысл его существованию и его положению в мире. Только анализ различных форм религии может показать, какие системы подсказывают более, а какие менее удачное решение проблемы поисков человеком смысла жизни и потребности в объекте поклонения, и при оценке — что лучше, а что хуже, всегда следует брать в расчет природу человека и ее развитие»¹.

Свою главную книгу Фромм начал писать, когда у него начались отношения с Аннис Фримен. В 1956 году из-под его пера вышел всемирно известный бестселлер «Искусство любить». В этой небольшой по объему работе, написанной афористичным стилем и рассчитанной на массового читателя, Фромм попытался раскрыть то, что называется «теорией любви» — основные виды любви, «практику любви» — советы по обретению любви, и в очередной раз выступить с критикой современного западного общества. В этой книге он надеялся доказать, казалось бы, элементарную вещь — настоящая любовь требует труда.

¹ Фромм Э. Здоровое общество. М.: АСТ, 2006. С. 50.

Одиночество, отдельность от остальных живых существ в этом мире — одна из особенностей человека. Это состояние, с точки зрения Фромма, неизменно ведет к тревоге, а если оно не преодолевается, — к безумию. Единственный продуктивный путь справиться с одиночеством заключается в любви.

Но что же такое любовь? Фромм называет ее искусством, которому нужно учиться. Это способность, которую следует в себе развивать. Она носит активный характер и только так может существовать в человеке. Любовь означает давать что-либо человеку, а не брать у него. В этом процессе отдачи проявляется сила индивида, высокая жизнеспособность, которая наполняет его радостью. Любовь — это активная заинтересованность в жизни и развитии того, что мы любим. Это забота об объекте любви, добровольная ответственность за существование любимого. Наконец, любовь — знание о другом, проникающее в самую сущность другого и основанное на этом знании уважение этого другого как уникальной индивидуальности.

Фромм формулирует цель, которая кажется недостижимой: «Любовь не является исключительно связью с конкретным человеком; она — установка, ориентация характера, которая определяет отношение человека к миру в целом, а не к единственному “объекту” любви. Если человек любит кого-то одного и безразличен ко всем остальным, то это не любовь, а симбиотическая привязанность или расширенная версия эгоизма»¹.

Основываясь на наблюдениях из собственной психоаналитической практики и выделяя в дальнейшем разные типы любви (братскую, материнскую, эротическую, любовь к себе, к Богу), психолог, используя марксистскую терминологию, описывает кризис любви в современном западном обществе: «Современный человек отчужден от себя, от других людей и от природы. Он превращен в товар, воспринимает свои жизненные силы как вклад, который должен принести ему максимальный доход, возможный при существующих рыночных отношениях. Поэтому человеческие связи становятся отчужденными и автоматическими, когда каждый боится себя принадлежностью к толпе и стремится не отличаться от других своими мыслями, чувствами, поступками. Стараясь как можно меньше отличаться от окружающих, он неожиданно оказывается одинок, его одолевают чувства неуверен-

¹ Там же. С. 81.

ности, тревоги и вины, что всегда происходит, когда человеческая разобщенность не может быть преодолена. <...>

Счастье человека сегодня заключается в том, чтобы “получать удовольствие”. Удовольствие заключается в потреблении товаров, зрелищ, пищи, напитков, сигарет, людей, лекций, книг, фильмов — всё это потребляется, поглощается, заглатывается. Весь мир — один огромный объект аппетита: большое яблоко, большая бутылка, большая грудь, а мы — сосунки, вечно ожидающие кормежки, вечно надеющиеся и вечно разочаровывающиеся. Наш характер ориентирован на то, чтобы продавать и получать, обмениваться и потреблять; все — как духовные, так и материальные — ценности делаются предметами купли-продажи и потребления.

Ситуация с любовью неизбежно соответствует такому социальному характеру современного человека. Автоматы не могут любить; они могут обмениваться своими личными «наборами качеств» в расчете на удачную сделку. Нагляднее всего отчуждение любви, особенно в том, что касается брака, проявляется в идее «команды». В многочисленных статьях о счастливых браках идеальная семья описывается как хорошо сыгравшаяся команда. Такое описание мало отличается от ситуации с оптимально взаимодействующими наемными работниками: каждый из них должен быть «достаточно независимым», склонным к совместным действиям, толерантным, но в то же время амбициозным и агрессивным. Соответственно, как говорят консультанты по семейным отношениям, муж должен «понимать свою жену и помогать ей. Ему следует одобрять ее новое платье и вкусный обед. Она, в свою очередь, должна относиться с пониманием, когда муж приходит домой усталый и раздраженный, должна внимательно слушать его рассказы о трудностях в бизнесе, не должна сердиться, если он забывает о ее дне рождения. Отношения такого рода сводятся к хорошо отрегулированному взаимодействию между двумя людьми, остающимися чужими друг другу всю жизнь, никогда не достигающими “глубинной связи”, но вежливыми и старающимися обеспечить партнеру хорошее самочувствие.

В такой концепции любви и брака главный упор делается на том, чтобы избавить людей от невыносимого чувства одиночества. В “любви” человек находит убежище от него. Двое образуют союз против мира, и этот эгоизм “вдвоем” ошибочно принимается за любовь и близость¹.

¹ Фромм Э. Искусство любить. М.: АСТ, 2017. С. 147—149.

Как же можно освоить искусство любви? Что нужно делать, чтобы развить в себе необходимые навыки? Фромм пишет, что конкретных предписаний по достижению этой цели не может быть, но есть некоторые общие для всех желающих любить предпосылки, которые необходимо учитывать. Первая из них — дисциплина, распространяющаяся на всю жизнь человека, а не только на его работу. С точки зрения Фромма, люди, работающие в заданном им извне ритме и строго определенных рамках по восемь и более часов в сутки, бунтуют против подобного диктата в свое свободное время, превращая остаток жизни в бессмысленное времяпрепровождение, забывая о самодисциплине, считая ее еще одним, излишним бременем.

Для любви необходима сосредоточенность на ней. Но большинство людей просто не обладают подобным навыком: «Вы делаете много вещей одновременно: читаете, слушаете радио, разговариваете, курите, едите, пьете. Вы — потребитель с разинутым ртом, жаждущий и готовый проглотить что угодно — кинофильм, выпивку, знание. Такое отсутствие концентрации ясно видно из того, как трудно нам оставаться наедине с собой. Сидеть спокойно, не разговаривая, не куря, не читая, не потребляя спиртных напитков, для большинства из нас просто невозможно. Они нервничают и ерзают, им нужно чем-то занять рот или руки. (Курение — один из симптомов такой неспособности сосредоточиться; сигарета занимает руки, рот, зрение и обоняние)»¹. Наконец, терпение и заинтересованность являются еще двумя необходимыми условиями для освоения искусства любви.

В дальнейших своих размышлениях Эрих Фромм акцентирует внимание на тех способах, которыми можно достичь условий любви. Однако его рекомендации по развитию навыков дисциплины, сосредоточенности, терпения и заинтересованности остались весьма поверхностными и вряд ли действительно способны помочь добиться той истинной любви, которую Фромм описывал в теории. В качестве примера можно привести лишь его предложения по развитию дисциплины: «Вставать в определенный час, посвящать определенное время в течение дня таким вещам, как медитация, чтение, прослушивание музыки, прогулки; не предаваться, по крайней мере больше некоторого минимума, эскапистскому времяпрепровождению вроде чтения

¹ Там же. С. 184.

детективов и просмотра кинофильмов, не есть и не пить слишком много — таковы простые и очевидные правила»¹.

Еще в начале 1940-х годов Эрих Фромм познакомился с идеями дзен-буддизма в изложении Тэйтаро Судзуки — известного популяризатора этого религиозного направления, который в то время преподавал в Колумбийском университете, как и сам Фромм. Сближение двух мыслителей произошло после того, как Судзуки прочитал работы Фромма «Бегство от свободы» и «Человек для самого себя». После непродолжительной переписки они встретились в Нью-Йорке в 1956 году, где за ужином долго обсуждали близость идей психоанализа и дзен-буддизма. Фромм предложил Судзуки приехать к нему в Мексику, чтобы принять участие в запланированной на 1957 год международной конференции, в ходе которой предполагалось обсудить психоанализ и дзен. Судзуки принял предложение и через год стал главным гостем этого масштабного мероприятия, которое привлекло внимание не только мексиканских, но и американских психологов целого ряда направлений. По его итогам появилась совместная работа Фромма и Судзуки — «Дзен-буддизм и психоанализ» (1960). В ней Фромм попытался сравнить эти два направления познания человека и пришел к выводу, что они очень похожи: «Описание целей дзен-буддизма могло бы без изменений быть приложено к тому, чего стремится достичь психоанализ: понимания собственной природы, достижения свободы, счастья и любви, высвобождения энергии, спасения от безумия и травмированности»².

Дзен и психоанализ выступают, по мнению Фромма, против алчности, эгоизма и прочих человеческих пороков. Но при этом ни в том, ни в другом учении человеку не запрещается «жить во грехе» — подобный путь просто рассматривается как его выбор. Предполагается тем не менее, что, совершенствуясь этически, человек сам откажется от патологичных форм поведения как непродуктивных.

Еще одной общей чертой дзена и психоанализа является их отрицание каких-либо авторитетов: «Наставник дзен — и то же самое можно сказать о психоаналитике — знает больше ученика и потому уверен в своих суждениях, но это вовсе не означает, что он навязывает свое суждение

¹ Фромм Э. Искусство любить. М.: АСТ, 2017. С. 188.

² Фромм Э. Психоанализ и религия. Дзен-буддизм и психоанализ. М.: АСТ, 2018. С. 197.

ученику. Он не звал ученика и не препятствует тому его покинуть. Если ученик добровольно приходит к нему и желает его руководства на крутом пути к просветлению, мастер бывает готов наставлять его, но только при одном условии: как бы ни хотел наставник направлять ученика, тот должен сам о себе заботиться. Никто из нас не может спасти душу другого человека; спасти себя может только он сам. Всё, что может сделать мастер, — это играть роль повитухи, проводника в горах. Как сказал один наставник: “У меня действительно нет ничего, чем я мог бы наделить тебя, и если бы я попытался это сделать, у тебя был бы шанс посмеяться надо мной. Кроме того, что бы я ни мог тебе сказать, — это мое и никогда не сможет стать твоим”»¹.

Взаимодействие этих практик было бы крайне продуктивно, как считал Фромм: «Дзен-буддизм, как ни отличны его методы от психоанализа, может навести взгляд на фокус, бросить новый свет на природу прозрения, усилить понимание того, что значит видеть, что значит творить, что значит преодолеть аффективное загрязнение и ложное сознание, неизбежно вытекающее из опыта, основанного на субъект-объектном расколе»².

К концу 1950-х годов Фромм достиг пика славы. В 1956 году он инициировал создание Мексиканского психоаналитического общества. В дальнейшем он начал публиковать на испанском языке серию «Психологическая библиотека», в которую входили переводы работ ведущих психологов. В это же время Фромм увлекся социалистическими идеями и пацифизмом. На фоне «гонки вооружений» США с Советским Союзом Фромм стал одним из учредителей и спонсоров появившегося в 1957 году «Национального комитета за разумную ядерную политику» — общественной организации, в которую вошли многие видные деятели американского искусства и науки. Через год он вступил в Социалистическую партию США, правда ненадолго, оказывая ей помимо финансовой идейную поддержку. Он написал для партии «Манифест», в котором провозглашал необходимость поиска золотой середины между американским капитализмом и советским коммунизмом, то, что впоследствии он назвал «гуманистическим социализмом». В частности, Фромм предлагал начать с разоружения противоборствующих военно-политических блоков,

¹ Там же. С. 200—201.

² Там же. С. 222.

но в перспективе отказаться от любого вида вооруженных сил в принципе. Его идеалом стала некая всемирная организация, которая должна была заменить национальный суверенитет.

Фромм также пытался наладить постоянное взаимодействие мыслителей гуманистического направления разных стран, создав для них площадки для дискуссий. Издание международного гуманистического журнала организовать не получилось, зато удалось провести симпозиум по проблемам гуманизма.

Помимо публичной политической деятельности Фромм неофициально консультировал ряд представителей американского истеблишмента, в том числе и сотрудников Госдепартамента США, в частности по вопросам, связанным с послевоенным устройством Германии. Некоторые из политических деятелей, с которыми Фромм был знаком и которые разделяли его взгляды по вопросам «разрядки» в период холодной войны, стали советниками Джона Кеннеди в годы его президентства. Последний не только был знаком с работами Фромма, например с «Бегством от свободы», но, по некоторым данным, во время Карибского кризиса лично связывался с психоаналитиком, чтобы узнать его мнение о сложившейся ситуации¹.

Кроме политической деятельности Фромм в первой половине 1960-х годов был увлечен исследованием проблем марксизма, посвятив этому такие работы, как «Марксова концепция человека» (1961), «По ту сторону порабащающих нас иллюзий. Как я столкнулся с Марксом и Фрейдом» (1962); христианства — «Догмат о Христе» (1963), «Вы будете как боги: радикальная интерпретация Ветхого Завета и его традиции» (1966) — и конечно же гуманизма — в работе «Социалистический гуманизм» (1965). Тем не менее многие его новые труды оцениваются критиками и читателями как менее концептуальные, чем предыдущие. Его книги этого времени представляют собой повторение прежних идей с незначительными дополнениями.

Несмотря на критику, на которую Фромм никогда не обращал серьезного внимания, он продолжал заниматься популяризацией собственных взглядов, практически ежедневно получая приглашения от разных университетов и институтов США и Европы. Будучи исключенным из

¹ *Friedman L. The lives of Erich Fromm: love's prophet. New York: Columbia University Press, 2013. P. 210.*

Международной психоаналитической ассоциации, Фромм инициировал в 1962 году создание Международной федерации психоаналитических обществ, в которую вошли неортодоксальные фрейдисты.

Карибский ракетный кризис, во время которого мир оказался на грани ядерной катастрофы, заставил Фромма еще более пессимистично смотреть на перспективы предотвращения глобального конфликта. И хотя в июле 1962 года он наряду с Жаном Полем Сартром и Бертрамом Расселом посетил конференцию по разоружению в Москве в качестве наблюдателя, его представления о будущем становились всё более мрачными. В одном из писем этого периода он писал: «Едва ли есть шанс избежать атомной войны, и причина, по которой люди так пассивны в отношении опасности этой войны, заключается в том, что они не любят жизнь»¹. Подобные размышления подвигли Фромма поделиться ими в работе «Душа человека: ее способность к добру и злу» (1964), а окончательно он сформулировал их в книге «Анатомия человеческой деструктивности» (1973).

В этих работах Фромм выделил два свойства личности, которые присущи людям и определяют их характер и поведение. Психолог назвал их биофилией и некрофилией. «Биофилия — это страстная любовь к жизни и ко всему живому; это желание способствовать развитию, росту и расцвету любых форм жизни, будь то растение, животное или идея, социальная группа или отдельный человек. Человек с установкой на биофилию лучше сделает что-то новое, чем будет поддерживать или реставрировать старое. Он больше ориентирован на бытие, чем на обладание. Он в полной мере наделен способностью удивляться, и потому, быть может, он стремится лучше увидеть что-то новое, нежели подтверждать и доказывать то, что давно известно. Приключение для него важнее безопасности. С точки зрения восприятия окружающего ему важнее видеть целое, чем отдельные его части, его больше интересует совокупность, чем ее составляющие. Он стремится творить, формировать, конструировать и проявлять себя в жизни своим примером, умом и любовью (а отнюдь не силой, разрушительностью или бюрократизмом, который предполагает такое отношение к людям, словно это бесчувственные куклы или просто вещи). Он не “ловится” на приманку рекламы и не покупа-

¹ Ibid. P. 254.

ет “новинок” в пестрых упаковках, он любит саму жизнь во всех ее проявлениях, отличных от потребительства»¹.

Гораздо больше внимания он уделил патологическому развитию личности: «Человек с некрофильным ориентированием чувствует влечение ко всему неживому, ко всему мертвому: к трупам, гниению, нечистотам и грязи. Некрофильны те люди, которые охотно говорят о болезнях, похоронах и смерти. Если они могут говорить о смерти и мертвом, они становятся оживленными. Явным примером чисто некрофильного типа личности является Гитлер. Он был очарован разрушением и находил удовольствие в запахе мертвого. Если в годы его успеха могло создаться впечатление, что он пытался уничтожить лишь тех, кого считал своими врагами, то последние дни “гибели богов” показали, что он испытывал глубочайшее удовлетворение при виде тотального и абсолютного разрушения: при уничтожении немецкого народа, людей своего окружения и самого себя. <...>

Для некрофила характерна установка на силу. <...> В конечном счете всякая сила покоится на власти убивать. Может быть, я и не хотел бы человека убивать, я хотел бы только отнять у него свободу; может быть, я хотел бы его только унижить или отобрать у него имущество, — но, что бы я ни делал в этом направлении, за всеми этими акциями стоит моя способность и готовность убивать. Кто любит мертвое, неизбежно любит и силу. Для такого человека наибольшим человеческим достижением является не производство, а разрушение жизни. Применение силы не является навязанным ему обстоятельствами преходящим действием — оно является его образом жизни. <...>

Влияние людей типа Гитлера и Сталина также покоится на их неограниченной способности и готовности убивать. По этой причине они были любимы некрофилами. Одни боялись их и, не желая признаваться себе в этом страхе, предпочитали восхищаться ими. Другие не чувствовали некрофильного в этих вождях и видели в них созидателей, спасителей и добрых отцов. Если бы эти некрофильные вожди не производили ложного впечатления созидающих защитников, число симпатизирующих им вряд ли достигло бы уровня, позволившего им захватить власть, а число чувствующих отвращение к ним предопределило бы их скорое падение.

¹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2010. С. 476—477.

В то время как жизнь характеризуется структурированным, функциональным ростом, некрофил любит всё, что не растёт, всё, что механично. Некрофил движим потребностью превращать органическое в неорганическое, он воспринимает жизнь механически, как будто все живые люди являются вещами. Все жизненные процессы, все чувства и мысли он превращает в вещи. Для него существенно только воспоминание, а не живое переживание, существенно обладание, а не бытие. Некрофил вступает в отношение с объектом, цветком или человеком только тогда, когда он им обладает; поэтому угроза его обладанию означает для него угрозу ему самому, если он теряет владение, то он теряет контакт с миром. Отсюда его парадоксальная реакция, которая заключается в том, что он скорее потеряет жизнь, чем свое владение, хотя вместе с потерей жизни он перестает существовать как владелец. Он хотел бы господствовать над другими и при этом убивать жизнь. Его наполняет глубокий страх перед жизнью, поскольку жизнь неупорядоченна и неконтролируема соответственно своей сущности. <...>

Некрофила привлекают ночь и темнота. В мифологии и поэзии он представлен тянущимся к пещерам, в глубину океана или слепым. <...> Он хотел бы вернуться в темноту материнского лона и в прошлое неорганического или животного существования. Он принципиально ориентирован на прошлое, а не на будущее, к которому относится с ненавистью и которого боится. Сродни этому и его сильная потребность в безопасности. Но жизнь никогда не бывает чем-то определенным, ее никогда нельзя предсказать и поставить под контроль, чтобы сделать ее контролируемой, ее нужно превратить в мертвое; смерть — единственное, что определено в жизни.

Обычно некрофильные тенденции явственнее всего проявляются в снах такого человека. В них имеют место убийства, кровь, трупы, черепа и экскременты; иногда в них появляются люди, превращенные в машины, или люди, которые ведут себя как машины. Многим время от времени снится что-то подобное, однако это не служит указанием на некрофилию. У некрофильного человека такие сны появляются часто и, как правило, повторяется один и тот же сон.

Высокую степень некрофильности человека часто можно распознать по его внешним проявлениям и жестам. Он холоден, его кожа кажется безжизненной, и нередко, глядя на его выражение лица, можно подумать, что он ощущает дурной запах. Некрофил одержим любовью к принудитель-

но-педантичному порядку. Подобную некрофильную личность представлял собой Эйхман¹. Он был очарован бюрократическим порядком и всем мертвым. Его высшими ценностями были повиновение и упорядоченное функционирование организации. Он транспортировал евреев так же, как транспортировал уголь. Он едва ли воспринимал, что речь в данном случае идет о живых существах. Поэтому вопрос, ненавидел ли он свои жертвы, не имеет значения. Примеры некрофильного характера имеют место отнюдь не только среди инквизиторов, среди гитлеров и эйхманов. Существует бесчисленное множество людей, которые, хотя и не имеют возможности и власти убивать, выражают свою некрофилию другим, на первый взгляд более безобидным образом. Примером такого рода является мать, которая интересуется только болезнями и невзгодами своего ребенка и придает значение только мрачным прогнозам относительно его будущего; напротив, поворот к лучшему не производит на нее впечатления; она холодна к радости своего ребенка и не обращает внимания на то новое, что в нем растет. Вероятно, в ее снах появляются болезнь, смерть, трупы и кровь. Она не причиняет своему ребенку очевидного вреда, однако постепенно она может задушить его радость жизни, его веру в рост и в конце концов заразить его собственным некрофильным ориентированием.

Часто некрофильное ориентирование находится в конфликте с противоположными тенденциями, так что возникает своеобразный баланс. Выдающимся примером такого типа некрофильного характера был К. Г. Юнг. В опубликованной после его смерти автобиографии имеются многочисленные подтверждения этому. В его снах часто появлялись трупы, кровь и убийства. В качестве типичного выражения его некрофильного ориентирования в реальной жизни я хотел бы привести следующий пример. Когда строился дом Юнга в Боллингене, там были найдены останки французского солдата, который утонул за 150 лет до этого во время вступления Наполеона в Швейцарию. Юнг сделал фотографию трупа и повесил ее на стену. Он похоронил мертвого и произвел три выстрела над могилой в качестве военного салюта. Поверхностному наблюдателю это может показаться

¹ Адольф Эйхман (1906—1962) — подполковник СС, начальник отдела «IV В 4» Главного управления имперской безопасности, отвечавшего за организацию уничтожения евреев в годы Второй мировой войны.

несколько необычным, но, впрочем, не имеющим значения. Однако это как раз одно из тех многих “незначительных” действий, в которых лежащее в их основе ориентирование проявляется яснее, чем в заранее спланированных важных акциях <...>. В данную картину вполне вписывается тот факт, что Юнг был более всего очарован прошлым и лишь изредка настоящим и будущим, камни были его любимым материалом, и в детстве он мечтал о том, чтобы Бог разрушил церковь, ниспровергнув на нее большую кучу нечистот. В его симпатиях к Гитлеру и в расовых теориях также находит свое выражение склонность к людям, которые любят мертвое. Однако, с другой стороны, Юнг был необычайно творческим человеком, а творчество является прямой противоположностью некрофилии. Он разрешил свой внутренний конфликт благодаря тому, что уравнил деструктивные силы в себе своим желанием и способностью лечить и сделал свой интерес к прошлому, мертвому и разрушению предметом блестящих умозаключений»¹.

В отличие от концепции Фрейда, писавшего о двух равнозначных человеческих инстинктах — эроте (инстинкте жизни) и танатосе (инстинкте смерти), Фромм считал лишь биофилию биологически нормальным явлением, в то время некрофилию следовало рассматривать как патологию. «Я попытался дать картину некрофильного и биофильного ориентирования в их чистой форме. Конечно, в таком виде они проявляются лишь изредка. Рафинированный некрофил — душевнобольной; рафинированный биофил — святой. У большинства людей некрофильная и биофильная тенденции смешаны, и речь идет о том, какая из них доминирует. Те, у кого господствующим является некрофильное ориентирование, будут постепенно уничтожать в себе биофильную сторону. Обычно они не осознают своей склонности к мертвому; они ожесточают свое сердце; они ведут себя таким образом, что их любовь к мертвому является логичной и разумной реакцией на то, что они переживают. Напротив, те, у кого любовь к жизни взяла верх, страшатся, когда замечают, как близко они находятся от “долины теней смерти”, и эта боязнь может побудить их к новой жизни. Поэтому очень важно не только распознать, сколь сильны некрофильные тенденции в человеке, но и до какой степени они им осознаются. До тех пор, пока он думает, что находится в стране жизни, а между тем в дей-

¹ Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. С. 31—34.

ствительности пребывает в стране смерти, он потерян для жизни, поскольку для него нет возврата»¹.

Напряженный график работы — постоянные разъезды с лекциями, общественная и политическая деятельность, написание книг — не мог не сказаться на здоровье Фромма. Но, несмотря ни на какие болезни, он на протяжении ряда лет продолжал вести привычный образ жизни. Только в декабре 1966 года он был вынужден его изменить. После очередного выступления в Нью-Йорке у Фромма случился первый сердечный приступ. Врачи рекомендовали ему остаться в США для полного восстановления, однако уже через несколько месяцев, весной 1967 года, он вместе с супругой отправился на лечение и реабилитацию в Локарно. В этом швейцарском городе Фромм поначалу проводил каждое лето, а в 1974 году переехал туда на постоянное место жительства.

После перенесенного инфаркта Фромм всё равно продолжал активно участвовать в политической жизни США. В 1968 году он поддерживал президентскую кампанию Юджина Маккарти, выступавшего против войны во Вьетнаме, но проигравшего Ричарду Никсону. Не оставил Фромм и исследовательскую деятельность. Он возглавил проект, который в итоге был оформлен в виде книги «Социальный характер в мексиканской деревне» (1970), написал гуманистическую работу «Революция надежды. Навстречу гуманизированной технологии» (1968) и еще целый ряд трудов, из которых, пожалуй, самым известным стала книга «Иметь или быть» (1976) — в ней Фромм фактически подвел итог своих размышлений о человеке и обществе.

По мнению психолога, современная индустриальная цивилизация находится в глубоком кризисе. Одна из главных причин — сформированный ею определенный тип человека, ориентированного на удовлетворение любых своих желаний (радикальный гедонизм), эгоистичного и алчного, и как следствие — не способного к нормальному взаимодействию с другими людьми. Естественно, в подобной ситуации не может быть и речи о «здоровом обществе»: «Наше общество — это общество хронически несчастных людей, мучимых одиночеством и страхами, зависимых и униженных, склонных к разрушению и испытывающих радость уже от того, что им удалось «убить время», которое они постоянно пытаются сэкономить»².

¹ Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. С. 37.

² Фромм Э. Забытый язык. Иметь или быть. М.: АСТ, 2009. С. 220.

Единственным выходом из сложившейся ситуации может стать гуманизация человека и общества. Для этого необходимо изменить базовые установки — с «иметь» на «быть». В первом, повсеместно распространенном случае человек относится к миру и людям в нем как к вещам, как к собственности, которыми можно только обладать. Во втором он ориентирован на любовь к жизни, на стремление раскрыть свою личность за счет собственных усилий и талантов, а не за счет других. Люди с установкой «иметь» — это поверхностные, не вникающие в суть индивиды, счастье для них заключается в превосходстве над другими. В отличие от них те, кто ориентирован на «быть», интересуются своей жизнью, они творческие личности, способные создавать что-то новое, счастье для них — забота о других, доходящая до самопожертвования.

В конце книги Фромм формулирует идеалистические образы «нового человека» и «нового общества», выступая как пророк «радикального гуманизма»: «Функция нового общества — способствовать возникновению нового человека, с новой структурой характера, которая будет включать следующие качества:

- Готовность отказаться от всех форм обладания ради того, чтобы в полной мере быть.

- Ощущение чувств безопасности, идентичности и уверенности в себе, основанных на вере в то, что человек существует, что он есть, на его внутренней потребности в привязанности, любви, единении с миром, которая заменила желание иметь, обладать, властвовать над миром и, значит, быть рабом своей собственности.

- Осознание того факта, что никто и ничто вне нас самих не может придать смысла нашей жизни и что условием для плодотворной деятельности, направленной на служение своему ближнему, может быть только полная независимость и отказ от вещизма.

- Ощущение себя на своем месте.

- Радость, получаемая от служения людям, а не от стяжательства и эксплуатации.

- Любовь и уважение к жизни во всех ее проявлениях, понимание, что священны жизнь и всё, что способствует ее расцвету, а не вещи, власть и всё то, что мертво.

- Стремление как можно больше умерить свою алчность, ослабить чувство ненависти, освободиться от иллюзий.

- Жизнь без идолопоклонства и без иллюзий, так как будет достигнуто такое состояние, когда иллюзии будут не нужны.

— Развитие способности к любви наряду со способностью к критическому, реалистическому мышлению.

— Освобождение от нарциссизма и принятие всех трагических ограничений, которые внутренне присущи человеческому существованию.

— Всестороннее развитие человека и его близких как высшая цель жизни.

— Понимание того, что никакое развитие не может происходить вне какой-либо структуры, а также понимание различия между структурой как атрибутом жизни и “порядком” как атрибутом безжизненности, смерти.

— Развитие воображения, но не как бегства от невыносимых условий жизни, а как предвидения реальных возможностей, как средства положить конец этим невыносимым условиям.

— Стремление не обманывать других, но и не быть обманутым; можно прослыть простодушным, но не наивным.

— Всё более глубокое и всестороннее самопознание.

— Ощущение своего единения с жизнью, т. е. отказ от подчинения, покорения и эксплуатации природы, от ее истощения и разрушения, стремление понять природу и жить с ней в гармонии.

— Свобода, но не как произвол, а как возможность быть самим собой — не клубком алчных страстей, а тонко сбалансированной структурой, которая в любой момент может столкнуться с альтернативой: развитие или разрушение, жизнь или смерть.

— Понимание того, что лишь немногим удастся достичь совершенства по всем этим пунктам, и в то же время отсутствие амбициозного стремления “достичь цели”, так как известно, что такого рода амбиции — всего лишь иное выражение алчности и ориентации на обладание.

— Счастье всевозрастающей любви к жизни, независимо от того, что уготовано нам судьбой, ибо жизнь сама по себе приносит человеку такое удовлетворение, что он едва должен беспокоиться о том, чего он еще мог бы или не мог бы достичь»¹.

Последние годы жизни, проведенные Фроммом в Швейцарии, были отягощены болезнями. Он перенес два инфаркта, а за пять дней до восьмидесятилетнего юбилея, 18 марта 1980 года, его не стало. По завещанию Фромма

¹ *Фромм Э. Забытый язык. Иметь или быть. М.: АСТ, 2009. С. 393—395.*

его останки были кремированы, а пепел развеян над озером Маджоре. Эрих Фромм не стал ни раввином, ни ортодоксальным фрейдистом, ни радикальным марксистом, ни буддийским проповедником, он достиг большего — пройдя долгий путь длиною в жизнь, он стал самим собой.

* * *

Один человек пришел к Бокудзю и спросил:

— Вы действительно следовали своему Учителю?

— Да, я следовал ему, — ответил Бокудзю.

Но всем было известно, что Бокудзю вовсе не следовал своему Учителю.

Поэтому человек недоверчиво спросил:

— Вы хотите обмануть меня? Все знают, что вы не следовали своему Учителю, и всё же вы утверждаете, что следовали ему. Что вы имеете в виду?

Бокудзю ответил:

— Я следовал своему Учителю, потому что мой Учитель никогда никому не следовал, даже своему Учителю. Этому я научился у него!

Глава IV

КАРЕН ХОРНИ (1885—1952)

«Низкорослый, узкоплечий, широкобедрый пол мог назвать прекрасным только отуманенный половым возбуждением рассудок мужчины: вся красота женского пола и кроется в вызываемом им возбуждении. С большим основанием его можно бы было назвать неэстетичным или не-изящным полом.

Действительно, женщины не имеют ни восприимчивости, ни истинной склонности ни к музыке, ни к поэзии, ни к образовательным искусствам; и если они предаются им и носятся с ними, то это не более как простое обезьянничанье в целях кокетства и желания понравиться.

Женщины не способны ни к какому чисто объективному участию или интересу к чему-либо, и причина этому, я полагаю, следующая. Мужчина стремится во всём к непосредственному владычеству над вещами: или посредством постижения, или одоления и усвоения их. Но женщина всегда и во всём обречена только на посредственное господство, а именно — посредством мужа, которым она только и может обладать непосредственно.

Поэтому совершенно в натуре женщины смотреть на всё как на средство для приобретения мужа, и интерес их к чему-либо другому есть всегда только притворный и кажущийся, простой подвох, то есть дань кокетству и обезьянничанью»¹. Автор этих строк — немецкий философ Артур Шопенгауэр. Биографические словари характеризуют его как мизантропа и мизогиниста (женоненавистника). Даже если судить по одному приведенному выше отрывку, можно со всей уверенностью говорить, что словари не врут.

¹ *Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы.* М.: Эксмо, 2006. С. 173—174.

Однако философ в своем произведении «О женщинах» выражал не только личное мнение о представительницах противоположного пола, но и умонастроения, в той или иной мере присущие немецким мужчинам в середине XIX века. Этот текст представляет собой сплав женоненавистничества Шопенгауэра с самыми темными стереотипами, укорененными в немецком обществе того времени. Как показала история, в дальнейшем ситуация не спешила меняться.

В конце XIX — начале XX века женщины в Германской империи были практически бесправны. Эксплуатация труда десяти миллионов работниц была нещадной. Только к началу XX века появился закон о шестидневном отпуске по рождению ребенка, был введен воскресный выходной и десятичасовой рабочий день, запрещен ночной труд, установлен восьминедельный отпуск по беременности. И это при том, что подобные льготы касались только рабочих. Основной формой образования являлась начальная школа для девочек. Посещать гимназии можно было только в исключительных случаях, а первые студентки появились лишь в 1900 году. Принятый в том же году Гражданский кодекс ущемлял права женщин и в брачных отношениях. В частности, супруг имел право принимать любые решения, касающиеся совместной жизни. Жена не могла устроиться на работу без разрешения мужа. Ее собственность после свадьбы переходила в распоряжение мужа, а в случае, если «муж был не в состоянии содержать самого себя», жена была обязана обеспечить ему соответствующее его положению содержание «по мере своего имущества и своей работоспособности». Хотя борьба за права женщин развертывалась всё шире, родиться девочкой на рубеже столетий в Германии означало получить весьма незавидную долю, не говоря уже о шансах на успешную карьеру. И тем не менее некоторым женщинам удалось изменить свою предполагаемую судьбу.

Пятнадцатого сентября 1885 года в пригороде Гамбурга на свет появилась Карен Клементина Теодора Даниельсен, ставшая всемирно известной под именем Карен Хорни. Отец ее Берндт Даниельсен был коммодором в одной из частных судоходных компаний, и в день рождения дочери он находился в очередном плавании к мысу Горн. Он появился дома лишь спустя несколько месяцев, как раз к моменту крещения дочери. Берндт вообще проводил большую часть времени в плаваниях, а не дома с семьей. Но если учитывать его характер, то, может быть, это было и к

лучшему. Глава семейства Даниельсен умел только отдавать приказы и требовать от домашних покорности. То, что он был верующим человеком, не смягчало характер «морского волка». Напротив, вера лишь усугубляла его худшие черты — авторитаризм и догматичность. Экзальтированные приступы «праведного» гнева в отношении близких становились обыденным явлением в доме, когда Берндт возвращался из полугодового плавания. Дети даже придумали ему прозвище — «метатель Библии», так часто он использовал священный текст не по назначению.

Клотильда Даниельсен — мать Карен была несчастлива в браке с таким человеком. Она вышла замуж в 28 лет за 43-летнего Берндта, так как боялась, что останется одна. В конце XIX века подобное положение не представлялось немецкой женщине достойной перспективой, хотя и было весьма распространено в силу значительного дисбаланса между количеством мужчин и женщин. В одном только Бремене половина девушек и женщин от шестнадцати до пятидесяти лет были не замужем. Клотильда решила, что привыкнет к нраву супруга, разнице в возрасте и социальном происхождении и сможет ужиться с его четырьмя детьми от первого брака. Ни то, ни другое, ни третье ей так и не удалось. Не было и речи о каких-либо чувствах, а постоянная неудовлетворенность своей жизнью из-за выходок мужа приводила к тому, что в психологии называется «бегством в болезнь» — Клотильда постоянно испытывала недомогание и часто пребывала в депрессии. Подобное состояние матери не могло положительно сказываться на ребенке. Раздражение Клотильды нередко отражалось на дочери. Только в 1904 году, когда Карен было уже 19 лет, Клотильда ушла от Берндта, забрав с собой детей, правда, не решившись развестись.

Несмотря на характер отца, маленькая Карен любила его. Но, увы, Берндту чувства дочери были безразличны. Он проводил больше времени с сыном, воспитывая «настоящего мужчину», которого даже назвал собственным именем. Эта неудовлетворенная потребность в отцовской любви будет заставлять Карен на протяжении всей жизни искать ее подобие, строить отношения с мужчинами, похожими на отца, но которые, как и он, были не в состоянии дать ей то, чего она так желала.

Когда для Карен настала пора идти в школу, отец отказался поддерживать ее в этом стремлении. Берндт не видел необходимости для девочки получать какое-либо образова-

ние в принципе, что было вполне естественно для человека его типа. К счастью для Карен, ее мать была иного мнения, и, настояв на своем, отправила девочку учиться.

Ребенок, в котором поддерживают интерес к окружающему миру и дают свободу, может стать великой личностью. Школа довольно быстро превратилась для Карен в место, куда она наконец-то могла сбежать от гнетущей домашней атмосферы. Ее интересы здесь, возможно впервые, находили удовлетворение, а учителя увидели в девочке способную ученицу. Однако в школьные годы у Карен сложилось убеждение о своей внешней непривлекательности, и, вероятно, отчасти компенсировать этот недостаток она стремилась успехами в учебе.

Научившись читать, Карен буквально не отрывалась от книг. Она обожала романы Карла Мая, блистательно описывавшего в них американский Дикий Запад, этот загадочный и полный приключений мир, куда, как, наверное, тогда казалось маленькой Карен, отправлялся ее отец. Самым любимым персонажем Карен был Виннету. Однажды они вместе со школьной подругой решили поклясться друг другу в вечной дружбе, проколов пальцы и смешав кровь. Девочки даже взяли себе прозвища. Карен выбрала себе имя этого храброго индейца.

Мечты о путешествии с отцом к дальним берегам были настолько сильны, что, уже будучи состоявшимся психоаналитиком, Хорни рассказывала журналистам о плавании к Южной Америке. На самом же деле этого путешествия никогда не было — ни в ее дневнике, ни в школьных документах не говорилось об этом ни слова. Но Карен так о нем мечтала, что придумала это событие для себя, поверила в него и никогда с ним не расставалась, бережно храня «воспоминания» о том, как они с отцом были единственный раз вместе.

В 13 лет Карен поступила в школу при католическом монастыре. Освоение большинства предметов давалось ей легко, поэтому она вскоре стала выделяться среди одноклассников. Тогда же Карен начала вести дневник, которому доверяла самые сокровенные тайны своей души. Одна из первых записей запечатлела ее учителя истории и религии господина Шульце: «...неземной, то есть интересный, умный... привлекательный, ироничный, заинтересованный нами, его учениками, любезный и т. д.»¹. Большинство днев-

¹ Jones C. Karen Horney. New York: Chelsea House Publishers, 1989. P. 26.

никовых записей этого времени было посвящено именно учителю Шульце, которого она обожала, кроме того, Карен восхищалась и преподавательницей французского языка — фрау Баннинг. Но ответных чувств, о которых она грезила в своих мечтах, девочка не встретила, что вызывало у Карен печаль и мысли о том, что ее никто не любит.

Болезненным для Карен был и вопрос веры. Она всё более сопротивлялась попыткам отца навязать ей религиозное мировоззрение. Карен писала в дневнике, что ненавидела пастора церкви, которую посещала вместе с семьей, а день конфирмации, или сознательного воцерковления (семья была лютеранами) назвала лицемерием. Религиозный путь познания мира оказался ей чужд, Карен интересовало только образование. Она даже сделала в дневнике такую запись: «Школа — единственная стоящая вещь»¹. Однажды Карен заболела гриппом. Она была настолько впечатлена добротой и готовностью помочь лечившего ее простого сельского доктора, что по выздоровлении решила: буду врачом. Карен захотела так же бескорыстно служить людям, облегчая их страдания, но на пути ее мечтаний было несколько препятствий. Главное из них — это, конечно же, позиция отца. Берндт Даниельсен и слышать не хотел о том, чтобы его дочь продолжала учиться. Будучи человеком крайне консервативных взглядов, он не видел смысла в образовании девушки, ведь ее предназначение — воспитывать детей, готовить и посещать церковные службы. Знаменитое выражение «дети, кухня, церковь» (от нем. «Kinder, Küche, Kirche») как нельзя лучше характеризовало его мировосприятие.

Карен повезло, так как ее мечты смогли реализоваться. После объединения Германии в 1871 году в империи началась борьба за права женщин. Одним из первых вопросов, которым озаботились сторонники эмансипации, стало женское образование. В стране начали появляться гимназии для девушек. Когда в 1900 году такое учебное заведение открылось в Гамбурге, Карен, узнавшая об этом из газет, поняла, что ее мечта о продолжении образования может исполниться. Благодаря поддержке матери и брата сопротивление отца вновь было сломлено. Правда, Карен должна была подписать документ, в котором отказывалась от финансовой поддержки отца после окончания гимназии. Этот

¹ *Quinn S. A Mind of Her Own. The Life of Karen Horney. New York: Summit Books, 1987. P. 35.*

факт ее нисколько не смутил, и в своем дневнике девушка написала: «Я счастлива как никогда!» 1 апреля 1901 года Карен начала учиться в гамбургской гимназии для девушек, где и провела следующие пять лет.

Карен всё яснее понимала, какую огромную роль играет в ее жизни образование. Возвращаясь домой из гимназии, она погружалась в домашние проблемы несложившихся родительских отношений. Гимназия же позволяла ей получить ту отдушину в жизни, которой не имело большинство немецких женщин. В это время Карен впервые заинтересовалась вопросами психологии и отношений между людьми, в том числе и сексуальными. В своем дневнике она записала: «...один вопрос не дает мне покоя на протяжении недель или даже месяцев — является ли дурным поступком отдать-ся мужчине вне брака или нет?»¹

В 18 лет она впервые влюбилась. Его звали Эрнст Шорши. Он был другом ее брата и на рождественских каникулах гостил в доме Даниельсенов. В эти дни Карен повела-ла своему дневнику: «...когда он покрыл мое заплаканное лицо поцелуями и когда я поцеловала его, то всё казалось... настолько естественным, как будто так всегда и было»². Их романтические отношения продолжались ровно два дня, а потом Эрнст уехал в Берлин. Карен засыпала его письма-ми, на которые он отвечал крайне редко. Когда через не-сколько месяцев они вновь встретились, девушка поняла, что безразлична своему возлюбленному.

Для юного создания, впервые испытавшего, как ей ка-залось, вечную любовь, такое развитие событий было рав-носильно катастрофе вселенского масштаба, после которой жизнь не имеет смысла. Но уже через несколько месяцев Карен писала, что «слишком молода и энергична, чтобы подобный удар сломил меня».

Еще не успев забыть прошлого возлюбленного, она при-обрела нового воздыхателя — парня по имени Рольф, сту-дента-музыканта. Ее выбор не был одобрен родителями, которые, естественно, мечтали о более респектабельном кавалере для дочери. Но молодые люди не спасовали перед трудностями и стали встречаться тайно. Рольф и Карен знакомились с богемной жизнью, обретали вкус свободы от родительских ограничений. Их платонические отношения,

¹ Jones C. Karen Horney. New York: Chelsea House Publishers, 1989. P. 31.

² Ibid. P. 71.

продолжавшиеся около полутора лет, так и не переросли в нечто большее — Карен была не готова к интимной близости. Они расстались, потому что молодой человек уехал в Грац, чтобы там продолжить учебу. Это вновь на некоторое время повергло Карен в депрессию, из которой она вышла, лишь опять влюбившись. Этот роман померк на фоне куда более важного события в ее жизни.

В 1906 году Карен Даниельсен в числе других пятидесяти семи девушек поступила во Фрайбургский университет на медицинский факультет. Она сделала это вопреки возражениям родителей, несмотря на сохранявшиеся в обществе предрассудки (помимо прочих мифов люди верили в то, что высшее образование у девушки может привести к бесплодию) и несмотря на нежелание абсолютного большинства университетских профессоров «бесполезно тратить время» — обучать девушек медицине. Детская мечта Карен сбылась наперекор всем.

Университетская жизнь дала ей не только возможности в сфере образования и науки, но и позволила обзавестись новыми знакомыми. Некоторые из них серьезно повлияли на ее жизнь. Через несколько месяцев учебы Карен подружилась с двумя студентами — Луи Гроте и Оскаром Хорни. Со временем из них образовался любовный треугольник. Сначала романтические отношения начались между Луи и Карен, а Оскар уехал защищать диссертацию в Брауншвейг, и девушка вела с ним переписку, в которой делилась самым сокровенным.

У всех романов Карен этого периода была одна закономерность — она влюблялась в тех юношей, которые через некоторое время должны были ее покинуть, уехав куда-нибудь. Складывается ощущение, что раз за разом она повторяла лишь одну, известную ей с детства модель, — ожидание дома отправившегося в дальнее плавание отца, которого можно любить, только когда он где-то далеко. В отличие от предыдущих романов, Карен регулярно получала от Оскара Хорни ответы на свои письма, и это всё больше с ним сближало. Любить же тех, кто оставался рядом, так сказать «на берегу», ей было тяжело, она этого пока что не умела.

Когда во Фрайбург переехала ее мать, вместе с подругой Карен по гимназии было принято решение совместно арендовать жилье. Сначала Карен в своих письмах Оскару Хорни называла их совместную жизнь идиллией в «кукольном домике», но вскоре такая ситуация стала ее тяготить, осложнив и отношения с Луи. Карен упорно и напряженно

училась, и хотя она описывала этот процесс как абсолютное счастье, ей необходим был отдых после утомительной двенадцатичасовой работы.

На фоне усталости и неразрешенных внутренних конфликтов девушку стала мучить депрессия, доводившая ее время от времени до глубочайшей апатии. Единственное, что Карен могла противопоставить этому состоянию, была практика самонаблюдения, начавшаяся неосознанно с детского дневника и продолжавшаяся в студенческие годы с позиции будущего врача.

В 1907 году между Карен и Оскаром начался настоящий роман, а в следующем году они вместе отправились в Гёттинген для продолжения обучения. Там Карен получила медицинскую практику, знакомясь с диагностикой заболеваний, основами хирургии и акушерства, патанатомией и бактериологией. Через несколько лет они переехали в Берлин, где 30 октября 1909 года поженились. Оскар устроился на работу юристом в известную и богатую корпорацию Гуго Стиннеса¹, а Карен продолжила обучение, но теперь уже в стенах Берлинского университета. Здесь она сосредоточилась на фармакологии и неврологии.

Надеясь, что она вскоре получит возможность помогать людям, Карен по-прежнему не могла разрешить собственные проблемы. Депрессия не оставляла ее, становясь всё более мучительной. Не зная, как облегчить страдания, Карен в 1910 году обратилась к доктору Карлу Абрахаму, практиковавшему новую форму терапии подобных расстройств — психоанализ. Абрахам, один из основоположников психоанализа в Германии, познакомился с этим методом благодаря Карлу Юнгу, вместе с которым он работал в клинике Бургхольцли². Позднее он стал одним из ближайших учеников Фрейда, а также одним из создателей Берлинского психоаналитического общества. Абрахама порекомендовал Карен Хорни руководитель одной из берлинских клиник Герман Оппенгейм, у которого она работала ассистенткой.

Психоанализ как метод познания личности и решения ее проблем ошеломил Хорни. Он казался ей не только ключом к разрешению личных вопросов, но и тем путем, по которому она хотела бы идти в дальнейшем как врач.

¹ *Гуго Стиннес* (1870—1924) — немецкий предприниматель, создатель горнодобывающей и металлургической корпорации.

² См. подробнее главу о Карле Юнге.

Хорни со свойственной ей страстью к чтению проглатывала работы известных психоаналитиков одну за другой. Она стала посещать неформальные встречи небольшой группы берлинских психоаналитиков, проходившие у Абрахама дома. Когда же в 1910 году перед ней встал вопрос о выборе специализации в интернатуре, она не задумываясь выбрала психиатрию.

В феврале 1911-го умерла мать Карен, что глубоко ее ранило (когда годом ранее скончался отец, она не выразила никакого сожаления по этому поводу). А уже 29 марта у Карен и Оскара родилась первая дочь — Бригитта (в 1913 году родится вторая дочь — Марианна, а в 1916 году третья — Рената). Карен хотела быть хорошей матерью для своих детей. Она стремилась использовать полученные знания, для того чтобы воспитать их в духе свободы и любви. К сожалению, как это часто бывает, желания расходились с действительностью. Дети вспоминали, что мать обычно была занята на работе. Во время проходивших дома сеансов терапии с клиентами она запрещала им беспокоить ее. Дети были предоставлены либо сами себе, либо няням. Когда же необходимо было принимать какие-либо решения, Карен делала это единолично, не спрашивая у девочек их мнения. Так она решила организовать для них курс психоанализа с целью предупредить будущие психологические проблемы. Для этого Карен Хорни обратилась к Мелани Кляйн — основательнице детского психоанализа. Старшая дочь Бригитта напрочь отказалась заниматься подобной практикой. Марианну, которой было 12 лет, и Ренату, которой было всего лишь 9 лет, никто не спрашивал об их желаниях. Во время сеансов дети описывали, во что они играли, с кем общались, о чем думали. После этого Кляйн предлагала им анализ действий и мыслей, который повергал девочек в шоковое состояние. Рената вспоминала: «Я рассказывала Мелани, что я делала или что думала. Я хотела рассказать ей о моих деревьях, играх, куклах, а она отвечала своими интерпретациями о зависти к пенису, анальным играм и прочему...»¹ Через несколько подобных «сеансов» Рената начала забиваться под кушетку, затыкая уши руками и не произнося ни слова. Ей стали сниться кошмары. Кроме того, девочка вместе с одним из своих друзей решила поделиться тем, что она узнавала на психоаналитических

¹ *Quinn S. A Mind of Her Own. The Life of Karen Horney. New York: Summit Books, 1987. P. 183.*

сеансах с соседями. Дети писали записки и разбрасывали их в ближайшие почтовые ящики. Карен Хорни пришлось объясняться перед соседями по этому поводу. Но чтобы проучить Ренату, она заставила ее ходить по домам и извиняться за свои «послания». Тем не менее дети добились своего — психоаналитические сеансы прекратились.

Об отце девочки говорили, что он бывал дома так же редко, как и мать, почти всё время проводил на работе. Когда они оказывались вместе, он учил их играть в настольные игры, организовывал яркие представления на день рождения или Рождество. Но в то же время мог и отшлепать за какой-то проступок.

В 1918 году произошел эпизод, повлиявший на последующие отношения Карен Хорни с дочерью Марианной. В том году Бригитта заболела туберкулезом, и врач рекомендовал отправить ее на лечение в Швейцарию. Вместе с Бригиттой Карен решила отправить в туберкулезный санаторий и Марианну, которая была абсолютно здорова. В отличие от старшей сестры Марианна плохо перенесла разлуку с матерью. Лечение Бригитты продолжалось несколько месяцев. Психологическая травма, полученная тогда Марианной, по всей вероятности, в дальнейшем наложилась на другие проблемы в отношениях с матерью, и уже во взрослом возрасте всё это переросло в конфликт.

Финансовое положение семьи Хорни было стабильным благодаря доходам Оскара, который успешно продвигался по карьерной лестнице на предприятии, обеспечивавшем оборонный заказ государства. При взгляде со стороны эта семья являла собой пример успешных буржуа. Супруги приобрели собственный дом в берлинском пригороде Далем, потом виллу в Целендорфе, у них появилась прислуга и личный шофер. Вот только отношения между Карен и Оскаром нельзя было назвать идеальными. В это время у Карен начался роман с одним из друзей мужа — Вальтером Хонротом. Она описывала свои бурные чувства к нему всё в том же дневнике, при этом упоминая и его супругу Лизу, называя ее «лучшей женщиной, которую когда-либо встречала». Когда отношения между Карен и Вальтером прекратились, пары продолжили дружить и даже жили в домах, располагавшихся друг напротив друга. Для Карен этот разрыв был очередным болезненным ударом. Она даже задумывалась о суициде. Ее психоаналитик Карл Абрахам интерпретировал этот роман как проявление эдипова комплекса, то есть стремления Карен разрушить брак Вальтера

и Лизы, в которых она бессознательно видела образы отца и матери. Как это было в прошлых отношениях Карен с мужчинами, для выхода из кризиса она решила начать новую связь. В ее дневнике появилось упоминание о некоем Карле, однако через некоторое время он так же бесследно исчез со страниц, как и из ее жизни.

Обучаясь в интернатуре, Карен Хорни не только практиковалась в психиатрической клинике, но и продолжала расширять познания в области психоанализа. На одном из заседаний Берлинского психоаналитического общества она сделала первый доклад о сексуальном воспитании детей, о котором Абрахам отозвался весьма лестно, даже упомянул о нем в одном из писем Фрейду. Правда, психоаналитические сеансы у самого Абрахама Карен Хорни прекратила, по всей вероятности, в связи с отсутствием позитивных изменений в решении ее проблем. Через несколько лет после этого она писала в дневнике: «Я думаю, что он (Абрахам. — С. А.) не мог помочь мне, за исключением кратковременного облегчения, которое было вызвано переносом¹. Со своей проблемой я должна была справиться сама»².

Хорни не оставила классическое медицинское образование, защитив в 1915 году диссертацию по психозам, наступавшим вследствие травм головы, а также посттравматическим расстройствам. Научным руководителем ее исследования являлся Карл Бонхёффер — известный немецкий психиатр и невропатолог, изучавший различные формы психических расстройств, а также занимавшийся терапией зависимостей (кокаиновой и морфиновой)³.

Специализация Хорни оказалась как нельзя к месту. Начавшаяся в 1914 году Первая мировая война привела к значительному увеличению количества солдат, имевших расстройства психики, спровоцированные боевыми действиями, поэтому Хорни без проблем устроилась на работу сначала ассистенткой в клинику Германа Оппенгейма⁴, а

¹ Проецирование ранее пережитых эмоций на человека, к которому они не относятся.

² *Quinn S. A Mind of Her Own. The Life of Karen Horney.* New York: Summit Books, 1987. P. 159.

³ После прихода нацистов к власти Карл Бонхёффер принимал участие в реализации программ принудительной стерилизации. Его сын Дитрих, погибший в нацистском концлагере Флоссенбург, стал известным протестантским пастором.

⁴ *Герман Оппенгейм* (1858—1919) — известный немецкий невропатолог, исследовавший, помимо прочего, посттравматический синдром.

потом в психиатрическую больницу в берлинском районе Ланквиз, где проработала до 1918 года. Уже в это время она весьма успешно использовала психоанализ в лечении пациентов.

В феврале 1917 года Карен Хорни выступила с докладом «Техника психоаналитической терапии» в Берлинском медицинском обществе сексологии. Хорни отметила имеющиеся возможности и ограничения психоанализа. Она подчеркнула, что психоаналитик обращает внимание в первую очередь на то, что говорит клиент, интерпретирует, казалось бы, бессмысленные идеи, приходящие клиенту в голову, связывает в единое целое то, что представляется разрозненным. Вместе с тем у клиента в отношении психоаналитика возникают различные эмоциональные реакции. Например, привязанность, любовь или ненависть. Эти эмоции переносятся клиентами с реальных людей, которым они должны были предназначаться, на аналитиков. В процессе анализа у клиента также может возникнуть сопротивление, которое проявляется смущением или даже гневом в отношении психоаналитика, узнавшего самые сокровенные его тайны. По мнению Хорни, разбор процессов переноса и сопротивления психоанализ уделял недостаточно внимания, что лишало его еще одного эффективного инструмента решения проблем человека.

После окончания войны Хорни начала частную практику. Большинство ее клиентов были женщины, поэтому она буквально погрузилась в изучение женской психологии и пришла к выводу, что психоанализ не дает ответы на многие вопросы в этой сфере. В 1920 году Хорни стала одним из основателей Берлинского психоаналитического института, где занялась подготовкой будущих психоаналитиков. И нужно отметить, что отзывы о ее педагогическом таланте и даре психоаналитика были самые восторженные. Как впоследствии вспоминал со свойственной только ему афористичностью и сарказмом Фриц Перлз — один из создателей гештальттерапии, а в те годы ученик Карен Хорни: «От Фенихеля¹ я получил беспорядок, от Райха² наглость, от Хорни человеческое участие безо всякой терминологии»³.

¹ *Отто Фенихель* (1897—1946) — психоаналитик, автор фундаментального труда «Психоаналитическая теория неврозов».

² Имеется в виду психолог Вильгельм Райх.

³ *Quinn S. A Mind of Her Own. The Life of Karen Horney.* New York: Summit Books, 1987. P. 200.

Другой ее ученик, американский психоаналитик Генри Ловенфельд, писал: «...она была мила со всеми. У нее в кабинете был стол для пин-понга, и она играла с нами. Я не думаю, что многие учителя способны на такое»¹.

Появление института привело к тому, что Берлин фактически стал новым центром психоанализа, придя на смену Вене. В 1922 году Международная психоаналитическая ассоциация провела свой конгресс во главе с самим Фрейдом именно в Берлине. Хорни представила коллегам доклад «О происхождении комплекса кастрации у женщин», заявив о себе как о самостоятельном психоаналитике, имеющем собственный взгляд на проблемы, связанные с психикой человека.

Во время работы в Берлинском институте она решилась на повторный курс психоанализа, на сей раз под руководством коллеги Ганса Сакса. Но и этот опыт нельзя было назвать удачным. Возможно, сам Сакс к тому времени был еще недостаточно опытен, чтобы ответить на ее вопросы (он был старше Хорни всего на три года, а психоанализом они занимались примерно одинаковый период). Возможно, ответы нужно было искать другими способами. Как бы то ни было, больше к психоанализу у кого бы то ни было кроме себя самой Хорни не обращалась.

В 1923 году у Карен Хорни от пневмонии умер брат, что стало для нее тяжелым испытанием. В это же время из-за экономического кризиса в Германии ее муж оказался на грани разорения. Это серьезно осложнило их отношения, и без того находившиеся на грани краха. У каждого из супругов уже давно была своя жизнь, а дети проводили большую часть времени с нянями или в школе-интернате. Оказалось, что между Оскаром и Карен не осталось ничего общего. В 1926 году она рассталась с мужем (развод состоялся лишь в 1938 году), переехав с дочерьми в отдельную квартиру, где на протяжении последующих нескольких лет им пришлось переносить все тяготы бедности.

Но оказалось, что так для Хорни начался весьма плодотворный период в области ортодоксального психоанализа. Главным образом ее тогда интересовали вопросы женской психологии и брачных отношений. В работе «Уход от женственности» (1926) она утверждала: «В реальной жизни девочка от рождения обречена убеждаться в своей неполно-

¹ *Quinn S. A Mind of Her Own. The Life of Karen Horney. New York: Summit Books, 1987. P. 200.*

ценности, высказывается ли это грубо или исподволь. Такое положение постоянно стимулирует ее комплекс маскулинности¹. <...> Благодаря тому, что наша цивилизация до сих пор носила чисто мужской характер, женщине гораздо труднее было достичь сублимации, которая реально удовлетворяла бы ее естество, ведь все обычные профессии всегда были рассчитаны на мужчин. Это усугубляло ее чувство неполноценности, поскольку она, естественно, не могла достичь того же, что и мужчина, и ей начинало казаться, что это и есть реальное основание для ее дискриминации»².

Исходя из своего доминирующего положения, мужчины «приписывают объективность своему субъективному, аффективному отношению к женщинам». Сами женщины вынуждены «приспосабливаться к желаниям мужчин и принимают эту адаптацию за свою истинную природу. Они видят (или раньше видели) себя такими, какими хотят их видеть мужчины, бессознательно усваивая подсказку мужской мысли». Естественно, и психоанализ не избежал подобной участи искаженного или, по крайней мере, недостаточного понимания женской психологии: «Психоанализ — творение мужского гения, и почти все, кто развивали его идеи, тоже были мужчинами. Естественно и закономерно, что они были ориентированы на изучение сущности мужской психологии и понимали больше в развитии мужчины, чем женщины»³.

В отличие от классической психоаналитической позиции Карен Хорни считала, что женщина обладает специфическими чертами и особенностями развития, которые нельзя считать неполноценными по сравнению с мужскими. Более того, у мужчин «зависть к матке» (беременности, деторождению, материнству, к женской груди и возможности кормить ею) гораздо сильнее, чем так называемая «зависть к пенису»⁴, которую выделял Фрейд, поэтому

¹ Комплекс маскулинности — комплекс чувств и фантазий женщины, содержание которых определяется бессознательным желанием тех преимуществ, которые дает положение мужчины, зависть к мужчинам, желание быть мужчиной и отказ от роли женщины.

² Хорни К. Женская психология. СПб.: Восточноевропейский институт психоанализа, 1993. С. 39.

³ Там же. С. 26.

⁴ В психоанализе таким термином обозначается женская установка, отражающая неудовлетворенность собственными гениталиями. Эта установка формирует характер и психосексуальное поведение женщины.

мужчины гораздо сильнее стремятся обесценить женские достижения, чем женщины мужские.

В работе «Проблемы брака» (1932) Хорни охарактеризовала причины распада отношений. Первой из них она считала неправильный выбор партнера, когда решение о вступлении в брак принимается с учетом лишь некоторых качеств будущего супруга, тогда как все остальные его черты представляются несущественными. Когда в дальнейшем муж и жена открывают друг в друге все стороны характера, это становится для них шоком: «Какие-то качества партнера и правда отвечают нашим ожиданиям, что-то в нем и впрямь обещает исполнение наших желаний и, возможно, на самом деле исполняет их в браке. Но если остальные черты личности при этом не учитываются как ненужные или второстепенные, эта “отчужденность” от партнера потом неизбежно скажется на взаимоотношениях. Следовательно, существенная ошибка такого выбора состоит в том, что он был сделан лишь для того, чтобы выполнить какое-то отдельное условие. Один-единственный импульс, одна-единственная страсть вырвалась на авансцену и всё заслонила собой»¹.

Другим фактором, способным уничтожить брак, могут стать противоречивые требования в отношении партнера. С наибольшей силой такая противоречивость проявляется в сексуальной сфере. «Мужчина, очень мягкий, зависимый и в чем-то женственный, женился на женщине, превосходящей его витальностью и “масштабами” и воплощавшей в себе материнский тип. Это был истинный брак по любви. Однако желания мужа, как это обыкновенно бывает у мужчин, были противоречивы. Он увлекся женщиной легкой, кокетливой и требовательной, словом, воплощением всего того, что первая дать ему не могла. Двойственность его желаний и развалила брак. Следует также упомянуть мужчин, тесно связанных со своей родительской семьей и тем не менее выбравших жен по контрасту со своим ближайшим окружением, в том числе — по национальности, внешности, интересам и общественному положению. Этот контраст, первоначально притянувший их, их же и отпугивает, и они неосознанно начинают искать чего-нибудь более привычного. Можно вспомнить и о женщинах с претензиями, желающих достичь высокого положения и в то же время не

¹ Хорни К. Женская психология. СПб.: Восточноевропейский институт психоанализа, 1993. С. 90.

осмеливающихся осуществить свои амбициозные мечты. Они подыскивают мужей, которые бы сделали это вместо них. Муж должен быть во всех отношениях совершенством: знаменитым, образованным и достойным восхищения. Многие женщины на этом и успокоятся. Однако столь же часто бывает, что жену скоро перестает удовлетворять ситуация, когда ее желания осуществлены не ею, а мужем, так как ее собственное стремление к власти не может смириться с тем, чтобы муж ее затмевал. И, наконец, есть женщины, выбирающие женственного, деликатного и слабого мужчину. Ими руководит их маскулинная позиция, хотя они могут и не осознавать этого. Однако они же нередко таят в себе также неосознанное стремление к сильному грубому самцу, который возьмет их силой. Таким образом, от мужа их будет отвращать его неспособность выполнить оба желания одновременно, и они будут тайно презирать его за слабость»¹.

Большая часть проблем в браке является результатом развития в детстве, в частности под влиянием эдипова комплекса². В результате у мужчин, например, навсегда остается особый ужас перед женскими запретами, страх не удовлетворить женщину, а также формируется идея святости женщины: «В крайних случаях она оказывается связанной с убеждением, что порядочная или достойная женщина — асексуальна и желать ее — равносильно тому, что унижить ее. Эта концепция предполагает, что не стоит ожидать полноценной сексуальной жизни с такой женщиной, даже если очень любишь ее, и поэтому сексуального удовлетворения следует искать у второсортных женщин, потаскух. В некоторых случаях это приводит к тому, что муж любит и ценит жену, но не может ее желать, потому что она для него — более или менее запретный объект»³.

Завершая свои размышления, Хорни приходит к выводу, что сам по себе моногамный брак требует изменений, так как он не в состоянии удовлетворить потребности супругов: «...в строго моногамном браке мы идем дальше —

¹ Там же. С. 92—93.

² Эдипов комплекс — суть его, по мнению Фрейда, состоит в бессознательном сексуальном влечении мальчика к своей матери и, как следствие, агрессивном поведении в отношении отца. У девочек аналогичный комплекс получил обозначение комплекс Электры, его содержанием является сексуальное влечение к отцу и конкуренция с матерью.

³ Хорни К. Женская психология. СПб.: Восточноевропейский институт психоанализа, 1993. С. 94—95.

мы обязаны решительно отказаться от поиска и нахождения путей удовлетворения не только сексуальных, а всех наших желаний, которые партнер оставляет невостребованными или неисполненными. Нам приходится оставить эти требования, глубоко скрытые или явные, которые, иначе, полностью отравили бы атмосферу абсолютно моногамного брака. Другими словами, из этого следует вывод, что стандарт моногамии нуждается в пересмотре, и мы должны вновь попытаться непредубежденно исследовать его происхождение, ценность и исходящую от него опасность»¹. В подобных взглядах можно усмотреть новую мораль и борьбу с репрессивными общественными институтами, ограничивающими личность человека, а можно увидеть в этой точке зрения обиду на судьбу женщины, у которой не сложился собственный брак, хотя она об этом так мечтала. И кто знает, чего в словах Карен Хорни было больше.

Постепенно взгляды Хорни претерпевали изменения. Всё больше значения она придавала культурным и социальным факторам в развитии личности, что противоречило позиции ортодоксальных фрейдистов. Сам Фрейд критически отзывался о ее работах, что фактически привело к изоляции Хорни в кругах немецких психоаналитиков. Да и политическая ситуация в Германии становилась всё более неопределенной. Национал-социалисты приобретали популярность, обещая радикальное переустройство общества, что вынуждало многих интеллектуалов, не поддерживавших крайне правые взгляды, эмигрировать.

Одним из таких эмигрантов стал Франц Александер, учившийся в Берлине и хорошо знавший Карен Хорни по работе в группе Карла Абрахама. Он был приглашен в Чикаго для создания психоаналитического института. Прекрасно понимая, что одному ему не справиться, в середине 1931 года он позвонил Карен Хорни и предложил ей должность своего заместителя в новом институте. Карен согласилась, договорившись с ним о начале работы в новом году. В США с ней отправилась младшая дочь Рената. Старшая, Бригитт, хотела стать актрисой в Германии, средняя, Марианна, желала продолжать обучение на медицинском факультете во Фрайбургском университете.

Карен Хорни переехала в США, когда страна находилась в жесточайшем кризисе, получившем название

¹ Хорни К. Женская психология. СПб.: Восточноевропейский институт психоанализа, 1993. С. 100.

«Великая депрессия». Америку захлестнула преступность. Каждый четвертый американец был безработным. Люди часами простаивали в огромных очередях, чтобы получить бесплатную еду, абсолютно не важно, из чьих рук — государства (так называемую «гуверовскую похлебку»¹) или мафии (сеть бесплатных столовых была открыта Аль Капоне). Самыми известными бандитами, о которых позже будут слагать легенды, писать романы и снимать фильмы, стали любовники-грабители Бонни и Клайд (Бонни Паркер и Клайд Бэрроу), «враг общества номер один» Джон Диллинджер, «малыш Нельсон» Лестер Гиллис. Карен Хорни и ее дочь, наверное, впервые осознали, в какой стране они оказались, когда стали свидетелями ограбления и перестрелки прямо в холле отеля, где они остановились по приезде. И всё же Хорни, не привыкшая пасовать перед трудностями, решила остаться в США, которые вскоре стали для нее новой родиной.

Сразу же по прибытии Карен Хорни погрузилась в работу. Для студентов вела курс по технике психоанализа и женской психологии, с научно-популярными лекциями на эту тему выступала перед различными любительскими аудиториями. В эти первые годы в США особое влияние на нее оказали известный антрополог Маргарет Мид и старый друг Эрих Фромм. Под влиянием этих мыслителей она всё больше обращала внимание на культурный и социальный фон, оказывавший влияние на психологическое развитие личности.

В своей первой работе, представленной в США под названием «Проблема женского мазохизма» (1933), Хорни отмечала, что в изучении обозначенной проблемы психоанализ ошибочно не желает учитывать культурного контекста, в котором живет человек, между тем как именно этот фактор, а отнюдь не инстинкты, определяет многие патологии развития. В ходе терапевтической практики она всё чаще сталкивалась с клиентами, проблемы которых классический психоанализ объяснить не мог. В дополнение к этому ее личные проблемы так и не были решены, что заставляло Хорни сомневаться в незыблемости идей и методов Фрейда и его последователей.

Отход от ортодоксального психоанализа довольно быстро привел к конфликту с Францем Александером. Осе-

¹ Похлебка получила прозвище по имени президента США, правившего в это время, — Герберта Гувера (1929—1933).

нию 1934 года Хорни решила перебраться в Нью-Йорк, где ее взгляды не так критично воспринимались местным психоаналитическим сообществом. Помощь в переезде ей оказывал Эрих Фромм, отношения с которым у Хорни к тому моменту переросли в дружеские, о чем она так мечтала. Благодаря Фромму Хорни быстро вошла в круг нью-йоркских интеллектуалов, многие из которых были эмигрантами из Германии. Одним из близких ей людей, с которыми она познакомилась в это время, стал теолог и философ Пауль Тиллих. Их дружба была очень крепкой и продолжалась вплоть до самой смерти Хорни. Вместе с Тиллихом она частенько обсуждала свои новые идеи за изысканным обедом в дорогом ресторане. Выпивка и хорошая еда были неизменными атрибутами интеллектуальных встреч и так называемой группы «Зодиак» (как они сами себя называли) — неформального кружка, к которому присоединилась Карен Хорни.

Переехав на восточное побережье, она начала преподавать в Новой школе социальных исследований и Нью-Йоркском психоаналитическом институте, а кроме того, впервые открыла частную практику. Хорни не имела проблем с работой, несмотря на тяжелую экономическую ситуацию в стране. Она сняла себе жилье прямо у Центрального парка, взяла прислугу для ведения домашнего хозяйства, а в ее офисе, расположившемся в Манхэттене, всегда было полно состоятельных клиентов, желавших решить свои проблемы, и становилось их всё больше на фоне Великой депрессии. К середине 1930-х годов Хорни стала вполне состоятельным человеком. Она могла позволить себе покупку двух апартаментов на двадцать шестом этаже одного из небоскребов, там же, у Центрального парка. В этих апартаментах после перепланировки она принимала клиентов и жила, совсем как когда-то в Германии в особняке мужа. Но мечты о собственном уютном доме ее не оставляли, поэтому Хорни не единожды покупала и продавала дома, пытаясь найти тот самый, где она была бы счастлива.

Новая школа социальных исследований в середине 1930-х годов стала центром притяжения множества блестящих ученых, эмигрировавших из Европы. В это время в ней преподавали основатель гештальт-психологии Макс Вертгеймер, одна из будущих авторов теории тоталитаризма Ханна Арендт, итальянский экономист и будущий лауреат Нобелевской премии Франко Модильяни и многие другие. Примкнув к Новой школе в 1935 году, Хорни начала читать курс «Культура и невроз», в котором она доказыва-

ла обусловленность человеческого развития и его проблем не инстинктами, а культурными факторами. У слушателей курс Хорни вызывал неподдельный интерес и всегда пользовался огромной популярностью. Секрет успеха крылся не только в содержании излагаемого материала, но и в умении Хорни объяснять сложные психологические проблемы доступным языком.

Одним из восторженных посетителей ее лекций оказался Уолтер Нортон — глава крупного американского издательства. Нортон предложил Хорни подготовить на основе ее выступлений книгу, чтобы в популярной форме донести свои идеи до широкой публики. Весной 1937 года книга под названием «Невротическая личность нашего времени» была опубликована.

В этой работе Карен Хорни, по сути, впервые систематизировала свое несогласие с теорией Фрейда, сформулировав собственную позицию, в которой культуре отводилась ведущая роль в формировании личности, а при анализе невротических проблем уделялось особое внимание не только детству, но и структуре личности взрослого человека.

Хорни подчеркивала, что понятие «невроз» нельзя использовать в отношении какого-либо человека, не учитывая условий культуры, в которой он живет, и в первую очередь не учитывая норму поведения, принятую в окружающем его обществе, которая меняется с течением времени даже в рамках одной культуры. Если же поведение человека отклоняется от стандартов культуры, то оно может быть названо неврозом при наличии нескольких составляющих в структуре личности человека — жесткости реакций, расхождения между возможностями и достижениями, тревоги и направленных против нее механизмов: «Под жесткостью реакций я понимаю недостаток той гибкости, которая позволяет по-разному реагировать в разных ситуациях. Например, нормальный человек подозрителен в тех случаях, когда он ощущает или видит для этого причины; невротик же может быть подозрителен независимо от ситуации, всё время, сознавая свое состояние или нет. Нормальный человек способен различать искренние комплименты от неискренних; невротик же не отличает одно от другого или во всех случаях пренебрегает тем и другим. Нормальный человек может обозлиться, почувствовав, что его вводят в заблуждение; невротик может злобно реагировать на любой намек, даже понимая, что это делается в его

собственных интересах. Нормальный человек может быть иногда нерешителен, когда речь идет о важном или трудном деле; невротик может быть нерешителен всегда. <...>

Расхождение между возможностями личности и ее фактическими достижениями в жизни может объясняться лишь внешними факторами. Но это расхождение указывает на невроз, если личность остается непродуктивной вопреки ее дарованиям, в благоприятных для ее развития внешних условиях. Мы имеем дело с неврозом также в том случае, когда человек не чувствует себя счастливым, несмотря на все имеющиеся для этого условия; или, например, когда красивая женщина ощущает, что не может быть привлекательной для мужчин. Иными словами, у невротика есть ощущение, будто он сам себе мешает.

Оставив в стороне явную картину и присмотревшись к динамике, производящей неврозы, мы обнаруживаем важный общий фактор, присутствующий во всех неврозах: это беспокойство¹ и направленные против него механизмы. Как бы ни была сложна структура невроза, беспокойство — это двигатель, запускающий и поддерживающий невротический процесс².

Что же такое невротическая тревога и откуда она появляется? В отличие от страхов, имеющих реальные основания, невротическая тревога иррациональна, скрыта и субъективна. Истинные причины того, что человек тревожится, ему неизвестны. Он даже может не осознавать, что испытывает невротическое беспокойство, которое определяет его поведение. Но благодаря определенной установке психики невротик преувеличивает опасность, исходящую от какого угодно объекта или ситуации, и преуменьшает собственную возможность справиться с проблемой: «Он ощущает сильную, неизбежную опасность, перед которой сам он совершенно беспомощен. Беспокойство может проявляться в любом виде — это может быть ипохондрический страх заболеть раком, или беспокойство по поводу бури, или боязнь высоты, или какая-нибудь другая подобная фобия, — но во всех случаях неизменно присутствуют два фактора: подавляющая опасность и беззащитность перед нею.

¹ Здесь и далее работа Хорни цитируется по переводу А. И. Фета, который использует термин «беспокойство», а не «тревога», хотя последний является устоявшимся применительно к концепции Хорни.

² Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Nyköping: Philosophical arkiv, 2016. С. 13—14.

Иногда индивид чувствует, что опасная сила, перед которой он беспомощен, приходит извне — это буря, рак, несчастный случай и так далее; иногда же он чувствует угрозу со стороны его собственных неуправляемых побуждений — он боится, что может прыгнуть с высокого места или зарезать кого-нибудь ножом; иногда опасность ощущается как нечто совершенно неопределенное и неосязаемое, как это часто бывает в приступах внезапного беспокойства»¹.

По мнению Хорни, невротическую тревогу побуждает подавленная детская враждебность, прежде всего в отношении близких людей, которых ребенок любит и от которых зависит. В этом случае пугающая его в себе самом враждебность вытесняется из сознания. Однако подавленный аффект, находящийся вне контроля сознания, никуда не исчезает, он ищет своей разрядки в определенный момент. Одним из главных способов подобной разрядки становится проекция собственной враждебности на окружающий мир. Теперь плохими объявляются все вокруг, так как именно они якобы мешают человеку, обижают его, издеваются над ним. В результате невротик как бы разрешает себе отвечать окружающим их же монетой, а значит, он делает собственную подавленную враждебность явной и при этом имеющей право на существование.

Если обратить внимание на глубинные причины невротической тревоги у взрослого, то в ее основе непременно будет обнаружена та тревожность, которую Хорни назвала базальной, появившаяся у ребенка на самом раннем этапе развития. Эта тревога возникла из-за отсутствия подлинной любви со стороны родителей, которые в принципе не могли ее дать, так как сами являлись невротиками, не умеющими любить. Подобные родители, конечно же, чаще всего врут себе, что заботятся о ребенке, и делают всё для его же блага, вот только самого ребенка, который на инстинктивном уровне чувствует ложь и отсутствие любви, они обмануть не могут. В итоге у ребенка возникает ощущение ненужности и абсолютной незащищенности перед жизнью, а значит, появляется и тревога.

В дальнейшем родители-невротики непременно совершают действия, которые порождают в ребенке базальную враждебность. Например, они могут выражать предпочтения другим детям, могут не выполнять данные ребенку обещания, игнорировать его реальные потребности, подменяя

¹ Там же. С. 38.

их своими желаниями и представлениями о том, «как надо» и «как лучше», подавлять его самостоятельность и прочее. Такие родители не готовы встретиться с враждебностью ребенка, они лишь готовы ее всячески пресекать. Поэтому он с большим рвением начинает подавлять свою враждебность в силу беспомощности, страха, любви или чувства вины. «У детей, растущих в неблагоприятных условиях, беспомощность обычно искусственно усиливается запугиванием, балованием или приведением и удержанием ребенка в состоянии эмоциональной зависимости. Чем более беспомощным сделают ребенка, тем меньше он осмелится чувствовать или оказывать сопротивление и тем дольше можно оттянуть это сопротивление. В такой ситуации лежащее в основе чувство можно передать девизом: я должен подавить мою враждебность, потому что ты мне нужен.

Страх может вызываться прямыми угрозами, запрещениями и наказаниями или взрывами раздражения и яростными сценами, происходящими на глазах у ребенка; он может вызываться также косвенным запугиванием, когда на ребенка воздействуют угрожающими ему в жизни опасностями, такими как микробы, автомобили, незнакомые люди, невоспитанные дети или падение с дерева. Чем чувствительнее ребенок ко всем этим вещам, тем меньше он осмеливается проявлять или даже сознавать в себе враждебность. Здесь действует девиз: я должен подавить мою враждебность, потому что я тебя боюсь.

Еще одной причиной подавления враждебности может быть любовь. Где отсутствует подлинная любовь, там особенно настойчиво объясняют, как сильно родители любят ребенка, как они готовы отдать за него последнюю каплю крови. Ребенок, в особенности запуганный чем-нибудь другим, может цепляться за такой суррогат любви и потому боится взбунтоваться, чтобы не потерять вознаграждение за свою кротость. В таких ситуациях действует девиз: я должен подавлять враждебность, потому что боюсь потерять любовь. <...>

Кроме того, в нашей культуре ребенку внушают обычно чувство вины за любое выражение враждебности или несогласия; иными словами, ему внушают, что он должен чувствовать себя недостойным или заслуживающим презрения, если выразит или почувствует возмущение против родителей, или нарушит установленные ими правила. Эти две причины чувства вины тесно связаны между собой. Чем больше ребенок чувствует себя виноватым в выходе на

запрещенную территорию, тем меньше он осмелится испытывать досаду на своих родителей или в чем-нибудь их обвинять»¹.

Однако опасность того, что ребенок находится в состоянии постоянной тревоги в семье, заключается еще и в том, что постепенно он начинает воспринимать негативно весь окружающий его мир. Он видит в нем лишь агрессивную среду, от которой нужно только защищаться, но ни в коем случае не доверять или просить помощи.

Появившись в раннем детстве и будучи давно забытыми, тревога и враждебность в дальнейшем могут не покидать человека на протяжении всей жизни, наполняя ее страданиями. Для того чтобы справиться с ними, человек вынужден вырабатывать различные способы защиты, среди которых любовь, подчинение, власть и отдаление являются основными.

«Во-первых, обеспечить себе в любой форме любовь — значит обрести сильную защиту от беспокойства. Девиз здесь таков: если ты любишь меня, ты меня не обидишь. Во-вторых, средством от беспокойства может быть подчинение; его можно в общих чертах разделить на два вида, в зависимости от того, относится оно или нет к определенным лицам и учреждениям. Центральное место занимает здесь, например, подчинение стандартизованным традиционным взглядам, ритуалам некоторой религии или требованиям некоторого могущественного человека. Подчинение этим правилам или требованиям становится определяющим мотивом всего поведения. Такая установка может формулироваться как требование быть “хорошим”, хотя смысл этого выражения меняется в зависимости от того, каким правилам следует подчиняться.

Если установка подчинения не связывается с определенным учреждением или лицом, она принимает более общую форму угождения потенциальным желаниям всевозможных людей и избежания всего, что может кого-нибудь обидеть. В таких случаях индивид подавляет все собственные требования, подавляет критическое отношение к другим, позволяет оскорблять себя, не защищаясь, и готов без разбора помогать всем другим. Иногда люди сознают, что за такими действиями стоит беспокойство, но обычно они не подозревают об этом и твердо убеждены, что они

¹ Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Nyköping: Philosophical arkiv, 2016. С. 55—56.

действуют таким образом, руководствуясь идеалами бескорыстия и самопожертвования, доходящими до отречения от собственных стремлений. Как в специфической, так и в общей форме подчинения действует один и тот же девиз: если я уступлю, меня не обидят.

Установка подчинения может также служить цели получить успокоение от любви. Если для человека так важно быть любимым, что от этого зависит его ощущение жизненной безопасности, то он готов платить за любовь какую угодно цену, а это значит, главным образом, подчиняться желаниям других. Но часто человек не способен поверить ни в какую любовь, и тогда его установка подчинения направлена не к приобретению любви, а к приобретению защиты. Есть люди, чувствующие себя в безопасности лишь при жестком подчинении. Их беспокойство столь сильно, и их неверие в любовь столь полно, что возможность любви они даже не принимают в расчет.

Третий способ защиты от основного беспокойства — это власть; человек пытается обеспечить свою безопасность, добившись реальной власти или успеха, богатства, восхищения окружающих или интеллектуального превосходства. Девиз этого способа защиты: если у меня будет власть, никто меня не обидит.

Четвертый способ защиты — это отдаление. Описанные выше защитные механизмы имеют общую черту — готовность бороться с миром, тем или иным путем справляться с ним. Но можно обрести защиту, также удалившись от мира. Это не значит, что надо уйти в пустыню или в полное одиночество; это значит добиться независимости от других в том, что касается внешних или внутренних потребностей индивида. Независимости в отношении внешних потребностей можно добиться накоплением имущества. Здесь стремление к обогащению имеет совсем иную мотивацию, чем в том случае, когда оно должно дать власть или влияние; и соответственно этому имущество используется иначе. Когда копят имущество для независимости, испытывают обычно слишком много беспокойства, чтобы можно было им наслаждаться, и оно охраняется с установкой скупости, потому что единственной целью является сохранение его при всех обстоятельствах.

Другое средство, служащее той же цели — достижение внешней независимости, — это сведение к минимуму личных потребностей. Независимость в отношении внутренних потребностей может быть достигнута, например,

если человек эмоционально отделяет себя от людей, чтобы ничто не могло его задеть или разочаровать. Это означает отключение своих эмоциональных потребностей. Одно из выражений такой отрешенности — установка ничего не принимать всерьез, в том числе и самого себя, весьма распространенная в интеллектуальных кругах. Не принимать себя всерьез — вовсе не то же самое, что не придавать себе значения. В действительности эти установки могут быть прямо противоположны.

Эти приемы отдаления имеют то сходство с приемами подчинения и угождения, что те и другие требуют отречения от собственных желаний. Но если человек стремится быть “хорошим” или угождает желаниям других, чтобы чувствовать себя в безопасности, то в случае отдаления представление о “хорошем” поведении вообще не играет роли, а целью отречения является достижение независимости от других. Девиз здесь таков: если я отдаляюсь, ничто не сможет меня обидеть»¹.

Книга Хорни «Невротическая личность нашего времени» сразу же стала бестселлером. Но в среде психоаналитиков она вызвала недовольство из-за критической позиции в отношении теории Фрейда. В своем труде Хорни, помимо прочего, высказывалась против универсальности одной из фундаментальных идей создателя психоанализа — эдипова комплекса, объявив его частным случаем, возникающим лишь в западной культуре.

Оппоненты Хорни в психоаналитических кругах пытались дискредитировать ее, используя самые разные обвинения, далекие от научной дискуссии. Появились слухи о якобы лояльности Хорни нацистскому режиму. В качестве аргументов приводилось то, что ее дочь Рената вернулась в Третий рейх, где вышла замуж (правда, довольно быстро супруги эмигрировали в Мескику, и помогала им в этом как раз Хорни), а еще одна дочь — Бригитт сделала в Германии успешную актерскую карьеру, снявшись с 1930 по 1943 год в нескольких десятках немецких фильмов. Припоминали Хорни и поездки в нацистскую Германию в 1936 и 1937 годах, когда она навещала дочерей. Казалось бы, что во всем этом такого? Ведь ни Рената, ни Бригитт, ни тем более сама Хорни не были замечены в поддержке режима. Тем не менее некоторые психоаналитики пытались найти тайные

¹ Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Nyköping: Philosophical arkiv, 2016. С. 62—63.

смыслы там, где их не было. Это вполне можно было бы проинтерпретировать как издержки профессии, но, скорее всего, причина была куда более прозаична — зависть к чужому успеху.

Карен Хорни не только игнорировала подобные сплетни, но и своими действиями и заявлениями однозначно демонстрировала личную позицию в отношении нацизма. В 1939 году она опубликовала газетную статью, в которой предложила краткий психологический анализ причин того, почему люди поддерживали нацизм, и назвала в первую очередь страх и неуверенность в себе и в своем положении. Она подчеркивала, что только демократия, а не режим, подобный Третьему рейху, способна создать условия для гармоничного развития личности.

Противники Хорни пришли в еще большее негодование после публикации ее очередной книги «Новые пути в психоанализе» (1939). В этой работе Хорни утверждала, что при выявлении причин невротического поведения психоанализ не должен ограничиваться ранним детством. Этого явно недостаточно. Человек развивается, и его взрослое поведение — не простое повторение детских реакций, как считал Фрейд, а результат всего накопленного в течение многих лет жизни опыта взаимодействия с окружающей средой: «Теоретическое ожидание успехов анализа, которых можно добиться, восстановив детские воспоминания, искушает нас воспользоваться необоснованной реконструкцией смутных воспоминаний, которые так и не разрешают наше сомнение, реальны ли эти переживания или это просто фантазии. Когда реальная картина детства отходит на задний план, искусственные попытки проникнуть сквозь туман кажутся стремлением объяснить одно неизвестное — специфические черты настоящего — с помощью другого неизвестного — детства. Кажется более продуктивным оставить подобные усилия и сосредоточиться на тех силах, которые фактически направляют и ограничивают человека в настоящем, тогда возникает шанс их постепенного понимания, даже без значительного знания о детстве»¹.

Если Фрейд делал акцент на решающей роли детских сексуальных переживаний, то Хорни видела причину неврозов во всей совокупности травмирующего детского опыта. Она считала, что в плане патологического развития ребенка

¹ *Horney K. New Ways in Psychoanalysis. New York: Norton Company, 1939. P. 146.*

гораздо важнее оказывается нелюбовь к нему родителей, в результате чего он чувствует себя ненужным, попадая в замкнутый круг тревоги. Карен Хорни писала: «Короче говоря, теория либидо и все ее тезисы ничем не подкреплены. Это тем более важно, что на нее опирается психоаналитическая концепция и терапия. То, что подается как очевидный факт, — на самом деле неподтвержденные и зачастую грубые обобщения отдельных ценных наблюдений»¹.

После издания этого труда в 1941 году Хорни и ее сторонники были исключены из Нью-Йоркского психоаналитического общества и одноименного института. Сохранилось несколько воспоминаний участников этого события, которые описывали его с диаметрально противоположных сторон. Кто-то отмечал, что Хорни уходила из института в слезах, а, например, Клара Томпсон, покинувшая институт в знак солидарности вслед за Карен Хорни, рассказывала, как вся группа «отступников» от ортодоксального психоанализа, в том числе Хорни, прогуливалась в праздничном настроении по Пятой авеню, взявшись за руки, и распевала песню «Сойди, Моисей»².

Ни Хорни, ни ее сторонники, исключенные из Нью-Йоркского психоаналитического общества, не собирались сдаваться. Они решили создать свою организацию — Ассоциацию содействия развитию психоанализа. Правда, попытки включить новое сообщество в Американскую психоаналитическую ассоциацию успеха не имели. Хорни и ее соратники даже разослали членам Американской ассоциации письмо, в котором представили свою деятельность как некое новое направление в психоанализе, которое экспериментирует с концепцией и методами Фрейда, пытаясь ее развивать. Всё было безуспешно — ортодоксальный психоанализ бережно хранил свои догматы и не был готов ими поступиться.

Тем не менее благодаря личным связям «отступников», в первую очередь, конечно же, самой Карен Хорни, Ассоциации содействия развитию психоанализа удалось привлечь в свои ряды нескольких известных исследователей, таких как Гарри Стэк Салливан и Эрих Фромм, а также пригласить к сотрудничеству Маргарет Мид, Франца Александера, что повлияло на рост ее авторитета и популярности. Летом 1941 года при ассоциации открылся Американский

¹ Ibid. P. 68.

² По-английски — *Go down Moses*.

институт психоанализа, в котором Карен Хорни стала деканом.

В 1942 году Хорни опубликовала свою третью книгу под названием «Самоанализ». В ней психоаналитик задалась вопросом, постановку которого ранее сложно было представить: можно ли анализировать самого себя? Фрейд считал, что главная цель анализа — устранение невротических симптомов. Дальнейшие позитивные изменения личности и реализация ее возможностей его не интересовали. Более того, он полагал, что в основе желания к саморазвитию лежит невротическое стремление к превосходству над другими. Не могло быть и речи об анализе собственных переживаний клиентом без участия психоаналитика.

Хорни была категорически не согласна с родоначальником психоанализа. Она считала, что развитие личности, раскрытие настоящего «Я» человека — это и есть главная цель психоанализа. Как не бывает завершенного человеческого развития, так не может быть и оконченного анализа как одного из способов, которым человек пользуется на протяжении всей своей жизни.

В основе самоанализа, с точки зрения Хорни, как и в случае работы клиента с психоаналитиком, находится метод свободного ассоциирования, то есть метод, позволяющий человеку фиксировать тот бессвязный, повторяющийся, пугающий поток мыслей, мелькающих в сознании, и обращать внимание на собственные действия или реакции на какие-либо поступки. Задача эта, безусловно, непростая. На первом этапе человеку всегда следует «стремиться выразить то, что он действительно чувствует, а не то, что “должен” чувствовать в силу традиции или собственных нравственных норм». Ему необходимо воздерживаться от скоропалительных толкований того или иного образа или идеи, дав время для их спонтанного проявления. Тем более он не должен стараться «подогнать» поток собственных мыслей под уже имеющиеся концепции или интерпретации.

На следующем этапе, когда человек решает приступить к анализу полученного материала, он должен обратиться к аналитическим способностям собственного разума. Карен Хорни весьма творчески и свободно подходила к определению необходимости переходить от одного этапа к другому и методам анализа: «К счастью, здесь нет каких-либо правил. До тех пор пока мысли текут свободно, нет смысла задерживать их искусственно. Раньше или позже их остановит что-то, что сильнее их. Возможно, что человек достигнет

момента, где у него проснется любопытство, что же всё это может значить. Или он может внезапно задеть эмоциональную струну, которая обещает пролить свет на нечто, что его тревожит. Или его мысли просто иссякнут, что может быть признаком сопротивления, но может также указывать на то, что на данный момент он исчерпал эту тему. Или же он может располагать лишь ограниченным временем и хочет попробовать себя также в интерпретации своих записей.

Что касается понимания ассоциаций, то диапазон тем и их сочетаний является настолько неисчерпаемым, что здесь не могут быть установлены какие-либо фиксированные правила относительно смысла индивидуальных элементов в индивидуальных контекстах. Но в силу необходимости многое остается на долю собственной изобретательности, чуткости и сосредоточенности»¹.

Вместе с тем процесс анализа не должен быть только рациональным. Человеку следует обращать внимание на то, что его заинтересовывает, возбуждает в нем положительные или отрицательные эмоции, на то, что интуитивно кажется ему значимым. Все проблемы или вопросы, которые соответствуют подобным критериям, к моменту самоанализа могут быть вытеснены из сознания в меньшей степени, чем все остальные, поэтому именно с их решения и есть смысл начинать этот долгий и тернистый путь к утраченному «Я».

Если человеку удастся связать воедино разрозненные мысли и поступки и осознать причины их появления, он переживает то, что называется инсайтом. Он не должен спешить при переходе от одного инсайта к поискам следующего. Следует дать себе время, чтобы результат этого озарения был полностью осознан и укоренен в душе. Но вместе с тем любой, кто занимается самоанализом, должен понимать, что инсайт не бывает одиночным, что не менее важным на пути разрешения собственных проблем или совершенствования себя является установление связей между инсайтами.

Одним из препятствий в процессе любого анализа, будь то работа с аналитиком или самоанализ, является «сопротивление» внутренних психических сил человека процессу изменения: «Психоанализ приводит в движение или обостряет игру сил внутри “Я” между действующими двумя группами факторов с противоположными интересами.

¹ Хорни К. Самоанализ. М.: Канон+, 2018. С. 236—237.

Одна группа заинтересована в том, чтобы сохранить неизменными иллюзии и безопасность, создаваемые невротической структурой; интерес другой группы заключается в достижении определенной степени внутренней свободы и силы посредством ниспровержения невротической структуры. Именно по этой причине психоанализ, как это уже неоднократно подчеркивалось, не является главным образом процессом беспристрастного интеллектуального исследования. Интеллект — это оппортунист, служащий любым интересам, имеющим наибольший вес в данное время. Силам, которые противостоят освобождению и пытаются сохранить статус-кво, бросает вызов каждое осознание, которое способно подвергнуть опасности невротическую структуру; мобилизованные таким образом для противодействия, они пытаются блокировать прогресс тем или иным путем. В психоаналитической работе они проявляются как “сопротивление” — термин, использованный Фрейдом для обозначения всего того, что затрудняет эту работу изнутри»¹.

«Источники сопротивления лежат в общей, совокупной заинтересованности человека в сохранении его статус-кво. Эта заинтересованность не тождественна — и, безусловно, категорически не тождественна — желанию оставаться больным. Каждый хочет избавиться от своих недостатков и страданий, и в этом желании он целиком “за” изменение, и притом за быстрое изменение. На самом же деле он хочет сохранить не сам “невроз”, а те его аспекты, которые приобрели для него огромную субъективную ценность и которые, в его сознании, дают надежду на будущую безопасность и удовлетворение. Теми базальными факторами, которые никто не хочет изменять ни на йоту, являются, если говорить кратко, те факторы, которые имеют отношение к его скрытым притязаниям в жизни, к его притязаниям на “любовь”, власть, независимость и т. п., к его иллюзиям в отношении себя, к его зонам безопасности, внутри которых он действует сравнительно свободно. Конкретная природа этих факторов зависит от природы его невротических наклонностей»². Чем ближе человек приближается к важным для структуры невротической личности компонентам, тем сильнее сопротивление, проявляющееся обычно в виде страха или гнева (на самого себя или окружающих).

¹ Хорни К. Самоанализ. М.: Канон+, 2018. С. 252.

² Там же. С. 256.

С точки зрения Хорни, роль сопротивления в препятствии разрешению человеком собственных проблем не абсолютна. В психике всегда имеются конструктивные силы, направляющие развитие и противостоящие сопротивлению. Какими бы неразрешимыми ни казались проблемы, как бы ни были глубоки невротические характеристики личности, всегда остается внутренний потенциал, используя который можно изменить себя.

Рост популярности работ Хорни упрочивал ее авторитет независимого психоаналитика, имеющего собственную концепцию. В то же время побочным следствием таких изменений стало то, что стиль ее руководства процессом обучения в институте становился более жестким, если не сказать авторитарным. Большинство поступавших студентов оказывалось под ее руководством, что вызывало недовольство других психоаналитиков, как, например, Клары Томпсон и Эриха Фромма. К 1943 году между ведущими членами ассоциации накопилось множество противоречий, которые рано или поздно должны были привести к открытому противостоянию. Формальным поводом к конфликту стал запрет на проведение обучающего психоанализа Эриху Фромму в связи с отсутствием у него медицинского образования. Все прекрасно понимали, что такое решение было принято ученым советом института по инициативе Хорни, и не в последнюю очередь оно основывалось на обиде из-за несложившихся личных отношений. Ни протесты студентов, ни реакция ряда коллег, поддержавших Фромма, ситуации не изменили. В итоге вслед за Фроммом в знак солидарности институт покинули Клара Томпсон, Гарри Стэк Салливан и Жан Риош.

В 1945 году Хорни опубликовала книгу «Наши внутренние конфликты», в которой системно изложила теорию неврозов. Она отмечала, что ребенок, стремящийся справиться с невротической тревогой, формирует несколько вариантов достижения чувства безопасности в отношениях с окружающими. В дальнейшем выбранные модели межличностных отношений превращаются в поведенческие ориентации, вступающие между собой в конфликт. Условно эти ориентации можно обозначить как подчиненный тип (ориентация на людей), агрессивный тип (ориентация от людей), обособленный тип (ориентация от людей).

«Подчиненный тип проявляет все черты, которые соответствуют людям, “движущимся к”. Этот тип демонстрирует заметную потребность в любви и одобрении, а также

специфическую потребность в партнере, друге, любящем существе — муже или жене, “который должен осуществить все жизненные ожидания невротика и нести ответственность за всё происходящее, как хорошее, так и плохое, причем успешное манипулирование “партнером” становится доминирующей задачей. Эти потребности обладают признаками, общими для всех невротических влечений; т. е. они компульсивны, неразборчивы и порождают тревогу или состояние угнетения в случае фрустрации. <...> Однако эти влечения могут различаться своим проявлением, хотя все они центрируются вокруг желания человеческой близости, желания “принадлежать”.

Из-за неразборчивой природы своих влечений подчиненный тип склонен переоценивать свою близость и общие с окружающими интересы и пренебрегать разделяющими факторами. Подобная неверная оценка людей вызвана незнанием, глупостью или неспособностью наблюдать, а обусловлена компульсивной природой его влечений. Этот тип невротика ощущает себя — как показал рисунок одного из пациентов — ребенком, окруженным странными и угрожающими существами. Этот ребенок, одинокий и беспомощный, стоял в центре картины. Рядом с ним — огромная пчела, готовая его ужалить; собака, приготовившаяся укусить его; кот, намеревающийся прыгнуть на него; бык, готовый забодать его. Очевидно, поэтому действительная природа других существ не имеет для него никакого значения; существенно лишь то, что поскольку они более агрессивные, более устрашающие, то их “любовь” для невротика более всего необходима.

В итоге данный тип невротика нуждается в том, чтобы он нравился, его любили, хотели, желали; нуждается в том, чтобы чувствовать себя принятым, желанным, поддержанным, оцененным; нуждается в том, чтобы быть нужным, важным для других, в особенности для какой-нибудь одной конкретной личности; нуждается в том, чтобы ему помогали, его защищали, оберегали, им руководили»¹.

Анализ людей подчиненного типа показывает, что их психика содержит множество вытесненных агрессивных влечений. Среди них может быть и пренебрежение потребностями других людей, и паразитические наклонности, и предрасположенность к контролю других, и наслаждение от

¹ Хорни К. Наши внутренние конфликты. М.: Академический проект, 2007. С. 36—37.

мщения. Будучи подавленными, они поддерживают внутренний конфликт данного типа невротиков.

«Как подчиненный тип твердо держится убеждения, что люди “прекрасны”, и постоянно испытывает разочарование из-за противоположных свидетельств, так и агрессивный тип считает само собой разумеющимся, что все люди — его враги, и отвергает даже допущение, что это может быть неверно. Для него жизнь — это борьба всех против всех, где каждый отвечает только за самого себя. Те исключения, которые он признаёт, делаются неохотно и с оговоркой. Его аттитюд иногда ничем не маскируется, но гораздо чаще он завернут в тонкий слой мягкой вежливости, искренности и чувства товарищества. Эту “сторону” аттитюда можно представить как макиавеллиевскую уступку целесообразности. Как правило, она представляет смесь претензий, подлинных чувств и невротических потребностей. Желание убедить других в том, что он хороший товарищ, может сочетаться с некоторой долей подлинной доброжелательности, пока никто не подвергает сомнению его командирское положение. Эта сторона аттитюда может содержать элементы невротической потребности в любви и одобрении, используемые для достижения агрессивных целей. <...>

Его влечения рождаются в основном из чувства, что мир — это арена, где в дарвиновском смысле выживают только самые приспособленные, где сильный уничтожает слабого. То, что способствует выживанию, зависит большей частью от цивилизации, в которой живет этот тип невротика; но в любом случае беззастенчивая погоня за своей выгодой является высшим законом. По этой причине его главной потребностью становится потребность господства над другими.

Разнообразие способов господства бесконечно. Это может быть явное силовое воздействие, косвенная манипуляция посредством проявления чрезмерной обеспокоенности или принуждение других брать какие-либо обязательства перед ним. Он может предпочитать властвовать, скрываясь за троном. Этот способ требует интеллекта и убеждения, что с помощью одного ума или одной предусмотрительности можно всем управлять»¹.

Наконец третий — обособленный тип, характеризуется движением от людей, отчуждением от них. «Невротиков, принадлежащих к обособленному типу личности, вполне

¹ Там же. С. 49—50.

можно сравнить с зомби из гаитянского эпоса — мертвецами, оживленными с помощью колдовства; они могут работать и действовать, как живые люди, но без всякой внутренней жизни. <...>

Решающим признаком можно считать внутреннюю потребность невротиков обособленного типа устанавливать эмоциональную дистанцию между собой и другими. Более точно — их осознанная или бессознательная решимость не позволяет вовлекать себя в эмоциональную связь с другими, будь то любовь, борьба, сотрудничество или конкуренция. Они очерчивают вокруг себя что-то вроде волшебного круга, который никто не имеет права пересечь. Вот почему чисто внешне они могут оставаться “одинокими” и на людях. Компульсивный характер этой потребности обнаруживается в их тревожности при столкновении с реальным миром. <...>

Обособленная личность избегает соперничества, борьбы за престиж и успех. Она склонна ограничивать свою еду, питье и житейские привычки и стремится поддерживать их в таком объеме, который не требует от нее слишком больших денежных или энергетических затрат. Она может резко возмущаться своей болезнью, воспринимая ее как унижение, потому что вынуждает ее зависеть от других. <...>

Другой резко выраженной потребностью невротика обособленного типа является его склонность к уединению. Он похож на проживающего в гостинице человека, который только изредка снимает с двери своего номера табличку с надписью “Не беспокоить”. Даже книги он может рассматривать как средство вторжения, как нечто внешнее и чуждое. Любой вопрос о частной жизни может шокировать его; он стремится окружить свою жизнь завесой секретности. <...> Невротик обособленного типа может испытывать раздражение, если другие принимают его как “нечто само собой разумеющееся”, т. к. это вынуждает его чувствовать себя так, как будто на него наступили. Как правило, он предпочитает работать, спать, есть в одиночестве. В отличие от подчиненного типа он не любит делиться переживаниями, т. к. другие могли бы внести определенный диссонанс. Даже когда он слушает музыку, прогуливается или говорит с другими, настоящее наслаждение приходит только позже, ретроспективно»¹.

¹ Хорни К. Наши внутренние конфликты. М.: Академический проект, 2007. С. 59—62.

Особое внимание в книге Хорни уделяла последствиям неразрешенных личностных конфликтов. Одним из них становится страх, приобретающий разные формы. Например, страх того, что созданная невротиком система взаимодействия с миром будет разрушена. Невротик предполагает, что может не совладать со своими чувствами или поведением. Он боится проявить чрезмерный восторг или не справиться с приступом гнева в тех обстоятельствах, которые считает неуместными для выражения подобных эмоций. Он боится совершить неконтролируемый акт насилия над кем-то или даже самоубийство. «С другой стороны, ярость может быть полностью бессознательной; в этом случае всё, что невротик чувствует, это внезапные приступы смутной паники, сопровождаемые, возможно, выделением пота, головокружением и страхом упасть в обморок, указывающие на глубинный страх, что импульсы насилия, вероятно, вышли из-под контроля. Там, где бессознательная ярость экстернализируется, невротик может испытывать страх перед грозами, привидениями, ночными ворами, змеями и т. п., т. е. перед любой внешней и потенциально деструктивной силой»¹. Ожидание подобного провала идеального образа невротика ведет к усилению самоконтроля и, как следствие, к росту внутреннего напряжения.

Еще одним распространенным страхом является боязнь невротика быть разоблаченным. Дело в том, что он всегда желает казаться себе и другим лучше, добрее, сильнее, чем является на самом деле. Боязнь того, что окружающие узнают, каков он в своей сущности, заставляет его экстраполировать этот страх на какие-то отдельные свои качества — например, что он не столько умен или профессионален, как считают другие. Этот страх разоблачения особенно усиливается в моменты, когда к невротiku привлечено особое внимание — во время экзаменов, трудоустройства на работу, публичного выступления и в прочих подобных ситуациях.

В непосредственной связи со страхом разоблачения у невротика находится и страх унижения и осмеяния: «Если мы посмотрим с более общей точки зрения на то, что происходит с чувством собственного достоинства в процессе развития невроза, то столкнемся с двумя парами колебательных процессов. Если уровень реального чувства собственного достоинства невротика падает, то повышается уровень воображаемого чувства гордости — гордости за то,

¹ Там же. С. 121.

что он такой хороший, такой агрессивный, такой неповторимый, такой всемогущий или такой всезнающий.

В другом колебательном процессе мы находим действительное “Я” невротика карликовых размеров, уравновешенное раздутым значением других до гигантских размеров. Затемняя значительные области своего “Я” посредством вытеснения и подавления, идеализации и экстернализации, невротик теряет из виду самого себя; он чувствует себя, если не становится таковым в действительности, наподобие тени, не имеющей веса или вещественной субстанции.

Между тем потребность невротика в других и его страх перед ними делают их не только более страшными, но и более необходимыми для него. Поэтому центр тяжести его личности находится ближе к другим, чем к себе, и он уступает им те права, которые на самом деле принадлежат только ему. Цель этого состоит в том, чтобы придать оценкам других, касающихся его “Я”, несвойственное им высокое значение, принижая одновременно значения собственной самооценки. А это предоставляет мнению других безграничную власть над поведением невротика. Рассмотренные выше процессы все вместе объясняют чрезвычайную уязвимость невротика перед пренебрежением, унижением и насмешкой»¹.

Хорни подчеркивала, что страх перед унижением заставляет невротиков отдаляться от людей, устанавливать с ними враждебные отношения, но самое главное, он отнимает у них надежду на изменение к лучшему, в том числе и потому, что им, как они ошибочно полагают, в этом процессе некому помочь.

Наконец, не менее парализующим невротика страхом является боязнь перед любыми изменениями себя самого. Он боится потери собственного идеального «Я», которое сам же и выдумал, боится потери тех способов удовлетворения потребностей, которые выстраивал долгие годы, боится, в конце концов, неизвестности, которая неизбежно наступает после того, как он оставляет невротические опоры.

Однако не только страхи являются следствием неразрешенных внутренних конфликтов невротической личности. Такая личность растрчивает энергию, которая могла бы

¹ Хорни К. Наши внутренние конфликты. М.: Академический проект, 2007. С. 131—132.

идти на самореализацию и полноценное проживание жизни, впустую — на попытки избавиться от своих конфликтов. «Пустая трата энергии или ее неверное направление могут происходить из-за трех главных расстройств, характерных для неразрешенных конфликтов. Первое из них — это общая нерешительность. Она может распространяться на всё — от мелочей до вопросов, имеющих величайшее личное значение. Она может выражаться в непрерывном колебании, есть ли с этой тарелки или с той, покупать ли этот чемодан или тот, идти ли в кино или слушать радио. Она может проявиться в неспособности решиться на занятие какой-либо должности или на какой-либо решительный шаг в своей карьере; сделать выбор между двумя женщинами; решиться на развод; принять решение — умереть или продолжать жизнь. Решение, которое должно быть принято и которое являлось бы твердым, представляет для невротика тяжкое испытание и может довести его до состояния паники и изнурения. <...>

Другим типичным проявлением распыления усилий невротика является общая неэффективность его действий. <...> Неэффективность в рассматриваемом контексте является следствием неспособности невротика использовать свою основную энергию из-за внутренней амбивалентности своих мотивов. Это выглядит так, как если бы невротик попытался проехать на автомобиле с нажатой тормозной педалью; автомобиль неминуемо стал бы терять скорость. Иногда это сравнение является буквальным. Всё, чего невротик пытается достигнуть, делается намного медленнее, чем позволяют его способности и трудность самой задачи. Не потому, что он проявляет недостаточное усилие; напротив, он вынужден прилагать невероятные усилия во всём, чем он занимается. На это у него могут уходить часы — например, чтобы написать простой счет или управлять несложным механическим устройством.

Невротик может бессознательно противиться всему, что он воспринимает как принуждение; он может стремиться к совершенствованию каждой мельчайшей детали; он может быть взбешен на самого себя из-за неспособности справиться со своими обязанностями с первой попытки. Подобная неэффективность проявляется не только в медлительности; она может также проявиться в виде неуклюжести или забывчивости. Горничная или домашняя хозяйка не будет хорошо выполнять свои обязанности, если втайне полагает, что занимает неподобающее себе поло-

жение, т. к. при своей одаренности она должна выполнять умственную работу. Их неэффективность не ограничится, как правило, данной конкретной деятельностью, а распространится на все их усилия. С субъективной точки зрения это означает работу в условиях сильного напряжения, с неизбежно быстрым истощением и потребностью в продолжительном сне. Любая работа в таких условиях разрушает человека точно так же, как разрушается автомобиль, если он движется с включенными тормозами.

Внутреннее напряжение — как и неэффективность — проявляется не только в работе, но также в весьма значительной степени в контактах с людьми. Если невротик захочет быть дружелюбным, испытывая одновременно отвращение к этой идее, т. к. воспринимает ее как необходимость добиваться расположения, будет вести себя высокомерно; если он захочет чего-нибудь попросить, зная, что мог бы потребовать это, будет вести себя жестко; если он захочет утвердить себя и одновременно подчиниться, начнет колебаться; если захочет установить контакты с кем-либо, но предчувствует отказ, будет вести себя нерешительно; если он захочет вступить в сексуальную связь, но одновременно желает фрустрировать своего партнера, станет равнодушным и т. д. Чем более распространена амбивалентность мотивов, тем более напряженна жизнь невротика. <...>

Третьим характерным расстройством, имеющим значение для нашего обсуждения, является общая вялость. Страдающие ею пациенты иногда обвиняют себя в том, что они ленивы, но на самом деле они не способны обладать этим качеством и наслаждаться им. Они могут иметь осознанную неприязнь к усилиям любого рода и могут рационализировать ее, утверждая, что вполне достаточно, что они обладают идеями и что реализация “деталей”, т. е. выполнение всей работы, является уделом других. Неприязнь к напряжению может также проявиться в виде страха, что оно могло бы их погубить. Этот страх понятен, если учесть, что они знают о своей быстрой утомляемости; и он может быть усилен советами врачей, которые придают нервному истощению весьма поверхностное значение.

Невротическая вялость представляет паралич инициативы и действия. В общем, она является следствием сильного отчуждения от себя и отсутствия целенаправленного управления поведением. Длительное переживание неудовлетворенного напряжения делает невротика полностью

равнодушным, хотя иногда наступают периоды лихорадочной деятельности»¹.

По мнению Карен Хорни, ощущение безнадежности — вот еще одна важнейшая характеристика невротической личности, которая запуталась в собственных противоречиях, которая понимает, что сконструированный идеальный образ «Я» и реальное «Я» — несопоставимы и, более того, идеальный образ недостижим в принципе, и которая презирает себя за неспособность измениться и стать идеальной.

Во второй половине 1940-х годов Карен Хорни по-прежнему обучала будущих психоаналитиков, консультировала клиентов, писала книги. Но постепенно в ее жизни становилось всё меньше обязанностей и всё больше удовольствий. Хорни много путешествовала по Европе, любила посещать Мексику, где жила ее дочь Рената. Где бы она ни была, на работе или на отдыхе, ее всегда сопровождал любимый кокер-спаниель Бутчи. Студенты и клиенты, общавшиеся с Хорни в это время, вспоминали, что она приглашала их к себе в офис около шести-семи часов утра и вне зависимости от погоды и времени года встречала их в комнате с распахнутыми настежь окнами, курила одну сигарету за другой, а Бутчи лежал у ее ног.

В свои шестьдесят с лишним Хорни не охладела к романтическим связям. Вот только отношение к ним изменилось. По воспоминаниям ее секретаря, Хорни однажды на полном серьезе решала дилемму — начинать ли новые отношения или купить собаку. В приоритете оказалась собака (тот самый спаниель Бутчи). Правда, позднее Хорни не удержалась и всё же завела новый роман.

По-настоящему близка в эти годы Карен Хорни была лишь с Гертрудой Ледерер-Экардт — свекровью своей дочери Марианны. Подруги вместе проводили время, а позднее даже купили дом и стали жить вместе. Гертруда фактически являлась ее секретарем и решала различные бытовые проблемы. Сама Карен не любила заниматься хозяйством и переложила всякие будничные мелочи на свою подругу. Но нельзя сказать, что Хорни лишь использовала Экардт в своих интересах. Этот союз приносил что-то ценное им обоим. Как вспоминала Ледерер-Экардт: «Мне нравилось быть наседкой, а ей (Хорни. — С. А.) вести себя как испорченный и

¹ Хорни К. Наши внутренние конфликты. М.: Академический проект, 2007. С. 138—141.

избалованный ребенок»¹. Казалось, что Хорни наконец-то обрела покой и стала счастливой: «Я не знала никого, кто бы так искренне наслаждался жизнью. И было всё равно, что доставляло ей удовольствие в тот или иной момент. Это мог быть цветок, или Бутчи, делающий что-то забавное, или кусочек свежее испеченного хлеба, или победа в игре... У нее всегда была счастливая, как у ребенка, улыбка»².

В последней работе «Невроз и рост личности» (1950) Хорни писала о роли в формировании невроза того идеального образа, который складывается у человека в отношении самого себя. С целью компенсации собственной слабости или несоответствия требованиям окружающих человек придумывает свой идеал, наделяя его только лучшими чертами. Он начинает думать о себе как о самом умном, самом красивом, самом талантливым, самом могущественном и т. д., и только в превосходной степени.

Представления человека об идеальном себе во многом зависят от той стратегии защиты в отношении людей, которую он избрал. «Смиранный тип» личности представляет себя добрым, щедрым, сострадательным, практически святым. «Мстительный» непобедимым, умным, расчетливым. «Нарцисс» верит, что у него особая миссия, что он с легкостью может добиться каких угодно высот. Особенности идеального «Я» есть у каждого невротического типа, но у всех у них есть психический феномен, который Хорни обозначила как гордыня, подменяющая реальное самоуважение.

Беда невротика в том, что нигде больше, как только в собственных фантазиях, подобного идеального человека не существует. Он всеми силами пытается добиться недостижимого образа и не может этого сделать. Как следствие невротик еще больше презирает свое реальное «Я» за несостоятельность. В этом противостоянии двух «Я» Хорни видела главный внутренний конфликт.

«Когда человек смещает “центр тяжести” своей личности на идеальное Я, он не только возвеличивает себя; в неизбежно неверной перспективе предстает перед ним и его наличное Я: он сам, каким он является в настоящий момент, его тело, его сознание, здоровое и невротическое. Возвеличенное Я становится не только призраком, за которым он гонится, оно становится мерой, которой мерится

¹ *Quinn S. A Mind of Her Own. The Life of Karen Horney. New York: Summit Books, 1987. P. 382.*

² *Ibid. P. 385.*

его наличное существо. И это наличное существо, рассматриваемое с точки зрения богоподобного совершенства, предстает таким невзрачным, что он не может не презирать его. Хуже того, динамически более важно, что человек, которым он является в действительности, продолжает мешать ему, причем значительно мешать в его погоне за славой, и поэтому он обречен ненавидеть “его”, то есть — самого себя. И поскольку гордость и ненависть к себе на самом деле представляют одно целое, я предлагаю называть всю совокупность этих факторов обычным словом: гордыня. <...>

Неважно, насколько неистово наш Пигмалион пытается переделать себя в сверкающее, великолепное существо — его попытки обречены на неудачу. В лучшем случае он может устранить из поля своего зрения некоторые досадные расхождения с идеалом, но они продолжают лезть ему в глаза. Факт остается фактом — ему приходится жить с самим собой: ест ли он, спит, моется, работает или занимается любовью, он сам всегда тут. Иногда он думает, что всё было бы гораздо лучше, если бы он только мог развестись с женой, перейти на другую работу, сменить квартиру, отправиться в путешествие; но от себя всё равно не уйдешь. Даже если он функционирует, как хорошо смазанная машина, всё равно остаются ограничения — времени, сил, терпения; ограничения любого человека.

Лучше всего ситуацию можно описать, представив, будто перед нами два человека. Вот уникальное, идеальное существо, а вот — чужой, посторонний человек (наличное Я), который всегда рядом, всюду лезет, мешает, всё путает. Описание конфликта, как конфликта между “ним” и “чужим”, представляется вполне уместным, очень подходящим к тому, что чувствует наш Пигмалион. Более того, пусть даже он сбрасывает со счета фактические неувязки, как не относящиеся к делу или к нему самому, он никогда не сможет так далеко убежать от себя, чтобы “не отмечать” их. Он может иметь успех, дела его могут идти очень неплохо, или он может уноситься на крыльях фантазии к сказочным достижениям, но он, тем не менее, всегда будет чувствовать себя неполноценным или незащищенным. Его преследует грызущее чувство, что он обманщик, подделка, уродец — чувство, которое он не может объяснить. Его глубинное знание о себе недвусмысленно проявляется в его сновидениях, когда он близок к себе настоящему.

Наяву эта реальность вторгается болезненно и тоже узнаваема безошибочно. Богоподобный в своем вообра-

жении, он неловок в обществе. Он хочет произвести неизгладимое впечатление на этого человека, а у него трясутся руки, он заикается или краснеет. Ощущая себя героем-любовником, он может вдруг оказаться импотентом. Разговаривая в воображении с шефом как мужчина, в жизни он выдавливает только глупую улыбку. Изумительное замечание, которое могло бы повернуть спор и всё раз и навсегда уладить, приходит ему в голову только на следующий день. Как ни хочется ему сравниться с сильфом в гибкости и изяществе, это никак не получается, потому что он переедает и не в силах удержаться от этого. Наличное, данное в опыте Я становится досадной, оскорбительной помехой, чужим человеком, с которым случайно оказалось связанным идеальное Я, и оно оборачивается к этому чужаку с ненавистью и презрением. Наличное Я становится жертвой возгордившегося идеального Я.

Ненависть к себе делает видимым раскол личности, начавшийся с сотворения идеального Я. Она означает, что идет война. И действительно, это — существенная характеристика каждого невротика: он воюет с самим собой. На самом деле, имеют под собой основу два различных конфликта. Один из них — внутри его гордыни... <...> это потенциальный конфликт между влечением к захвату и влечением к смирению. Другой, более глубокий конфликт, это конфликт между гордыней и подлинным собой. Подлинное Я, хотя и оттесненное на задний план, подавленное гордыней при восхождении к власти, всё еще потенциально могущественно и может при благоприятных обстоятельствах вновь войти в полную силу»¹.

Как когда-то Эрих Фромм, Карен Хорни тоже оказалась под влиянием идей дзен-буддизма в изложении Тэйтаро Судзуки. Она желала интегрировать их в свою психоаналитическую теорию. Завершая работу над последней книгой, Хорни начала планировать поездку в Японию, чтобы лучше познакомиться с интересовавшим ее религиозным направлением. Однако выбраться в Японию оказалось не так-то легко. Еще с начала 1940-х годов Хорни попала под наблюдение ФБР. В ее досье отмечалось, что она была связана с деятельностью Новой школы социальных исследований — организации, якобы симпатизировавшей коммунистам. Да и сама Хорни характеризовалась как «коммунистка». Ког-

¹ Хорни К. Невроз и рост личности: борьба за самореализацию. М.: Академический проект, 2008. С. 107—109.

да же в 1952 году, в самый разгар эпохи «маккартизма»¹, Хорни подала заявление на получение загранпаспорта для поездки в Страну восходящего солнца, ей было отказано именно по этой причине. Среди прочего в секретных на тот момент документах говорилось: «Может оказаться, что американцы, отправляющиеся вместе с Хорни, активно участвующие в нескольких коммунистических организациях, посещая Японию в это критическое время и затрагивая различные темы с японскими преподавателями, в том числе несомненно и предмет социализма и коммунизма, могут повлиять на умонастроения японцев в ущерб американским интересам на Дальнем Востоке. Поэтому рекомендуется отказать ей (Хорни) в паспорте с целью посещения Японии в это время»².

Жизнь научила Карен Хорни никогда не пасовать перед трудностями. Она обратилась за помощью к влиятельным друзьям, и через некоторое время отрицательное решение было пересмотрено. Летом 1952 года Хорни вместе с дочерью Бригиттой и одной из своих знакомых наконец-то вылетела в Японию. Тэйтaro Судзуки организовал для гостей посещение всех главных дзенских монастырей. Путешествие продолжалось более месяца. Хорни встречалась с японскими психоаналитиками, беседовала с ними о методах их работы. Поездка оказала на Хорни неизгладимое впечатление, еще больше убедив ее в необходимости синтеза идей дзен и психоанализа. Она вернулась в США полная надежд его реализовывать. Но, как это часто бывает, судьба распорядилась иначе.

Практически сразу же по возвращении у Карен Хорни был диагностирован неоперабельный рак. 4 декабря 1952 года в возрасте шестидесяти семи лет она скончалась. Провожая ее в последний путь, известный богослов Пауль Тиллих сказал: «Она писала книги и любила людей, помогая им пролить свет на темные уголки их душ»³. Карен Хорни нет уже более шестидесяти лет, но ее труды до сих пор служат прекрасными путеводителями, ведущими человека к самому себе по запутанным лабиринтам его души.

¹ Маккартизм — общественно-политическое движение в США в 1950—1957 годах, названное по имени сенатора Джозефа Маккарти, для которого была характерна антикоммунистическая направленность.

² Quinn S. A Mind of Her Own. The Life of Karen Horney. New York: Summit Books, 1987. P. 395.

³ Ibid. P. 418.

Глава V

ВИКТОР ФРАНКЛ (1905—1997)

Вторая мировая война подходила к концу. Оставались считанные дни до падения Третьего рейха. Красная армия и войска союзников продвигались с востока и запада по территории противника, уничтожая остатки сопротивлявшихся сил вермахта и СС, освобождая тех, кто долгие годы находился в плену у нацистов. 27 апреля 1945 года американские подразделения вошли в немецкий город Тюркхайм. В нескольких сотнях метров от главного вокзала они обнаружили за колючей проволокой около пятисот истощенных узников в построенных наспех бараках и землянках. Это был один из нацистских лагерей, которые буквально испещрили территорию Германии и оккупированных ею стран. Он назывался Кауферинг VI и был одним из более чем сотни филиалов концентрационного лагеря Дахау. Среди заключенных, для которых день освобождения стал вторым днем рождения, находился Виктор Эмиль Франкл, человек, которому в дальнейшем судьба уготовила особую роль — философа, нашедшего смысл человеческой жизни, и врача, способного лечить людские страдания с помощью этого смысла.

Виктор Франкл родился 26 марта 1905 года. В этот теплый весенний день его родители — Габриель и Эльза Франкл отдыхали за чашечкой кофе в уютном венском кафе «Зиллер». Неожиданно беременная Эльза почувствовала схватки, и молодые люди поспешили домой. Несколько часов спустя Виктор Франкл появился на свет. При случае он любил вспоминать обстоятельства и дату своего рождения. Франкл упоминал, что он чуть было не родился в знаменитом кафе «Зиллер», которое позднее стало одним из мест, где проводил свои собрания Альфред Адлер, а также подчеркивал, что дата его рождения, 26 марта, связана с пе-

чальным событием — в 1827 году в этот день умер Бетховен. Виктор был вторым ребенком в семье Франкл. В 1902 году у них родился сын Вальтер, а в 1909 году на свет появилась дочь Стелла.

Мать Виктора Франкла происходила из известного еврейского рода, прославленного такими именами, как Раши¹, в честь которого даже названа разновидность еврейского письма, и Махараль рабби Лёв² — один из особо почитаемых пражских раввинов. Виктор обожал свою мать, как и подобает еврейскому мальчику. Он описывал ее только превосходными эпитетами — «добрейшая и сердечнейшая». Его духовная связь с матерью была настолько сильна, что в первые годы самостоятельной взрослой жизни он ужасно страдал, когда был вынужден надолго покидать родной дом. Ни в одном из интервью или мемуарах, в которых он делился воспоминаниями о детстве, Франкл ни разу не упомянул о каком-либо ее недостатке. Для него она была практически святой.

Отец по характеру был абсолютной противоположностью матери. Виктор вспоминал о нем как о человеке со «спартанским, даже стоическим отношением к жизни». В мемуарах Виктор Франкл писал, что он был в большей степени похож на отца, чем на мать. Его отец происходил из очень бедной семьи. Окончив обучение на медицинском факультете, Габриель Франкл не смог работать по специальности и поступил на государственную службу. Благодаря своему трудолюбию и перфекционизму он дослужился от стенографа в парламенте до директора одного из департаментов Министерства социального попечения.

Габриель Франкл был человеком вспыльчивым, однажды даже сломал о Виктора свою трость, наказывая за какой-то проступок. Тем не менее сын упоминал об этом случае безо всякой обиды на отца и более того, считал его справедливым человеком, обеспечивавшим семье ощущение полной защищенности: «Чувство безопасности в детские годы проистекало, разумеется, не из философских размышлений или внушений: его дарила мне сама обстановка, в которой я рос. Мне было, наверное, пять лет (это детское воспоминание я считаю образцовым); я проснулся солнечным

¹ Соломон бен Исаак (1040—1105) — толкователь Талмуда.

² Махараль — принятая в еврейской литературе аббревиатура титула «Морену Ха-рав Раббену» («наш учитель, наш рабби»). Так именовался Иегуда бен Беацель, рабби Лёв.

утром на даче в Хайнфельде, охваченный невыразимым чувством счастья, блаженства — открыл глаза и увидел над собой улыбку отца»¹. Как справедливо отметил один из учеников Франкла Альфريد Лэнгле, «подобное переживание архаично и поистине никогда не забывается. Оно охватывает мальчика и остается живым для старика. Всю жизнь оно связывало благодарного Виктора с отцом. С характерной для себя феноменологической зоркостью он почувствовал тогда, что этот строгий, правильный и, должно быть, неприступный мужчина всем сердцем желает ему добра и рад его существованию. Переживание, коснувшееся ребенка, можно описать только как истинную отцовскую любовь. Малыш мог воспринять и ощутить этот поток именно как любовь, которая согревает его жизнь, и осознать себя в своем пробуждении. Снова и снова мог Франкл соприкоснуться с этим чувством. Тот факт, что он хранил и заботливо поддерживал в себе этот полюс тепла, говорит о его сильной потребности в теплых отношениях»².

Супруги Франкл были верующими людьми, хотя их и нельзя было назвать ортодоксальными иудеями. До Первой мировой войны, когда это стало невозможно в силу сложной ситуации с продовольствием, семья соблюдала правила кашрута³. Франклы регулярно посещали синагогу и отмечали все иудейские праздники. Каждое утро глава семьи произносил главную и первую из известных иудейских молитв, по сути символ веры — «Шма Исраэль», которая начинается со слов: «Слушай, Израиль: Господь — Бог наш, Господь один! Благословенно славное имя владычества Его во веки веков!» Раз в неделю, вечером в пятницу, отец заставлял Виктора и Вальтера молиться вместе с ним. Причем делать это надо было на иврите, языке, который дети в школе не учили, а только практиковали его с отцом. Чтение молитв давалось мальчикам с большим трудом, но отец требовал их безошибочного исполнения. Поэтому за каждое правильное прочтение он награждал детей монетой в десять геллеров⁴. Правда, случалось это лишь несколько раз в году.

¹ Франкл В. Воспоминания. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. С. 23.

² Лэнгле А. Виктор Франкл. Портрет. М.: РОССПЭН, 2011. С. 23.

³ К а ш р у т — система ритуальных правил в иудаизме, определяющих соответствие еврейскому Закону. Чаще всего данный термин употребляется в отношении религиозных предписаний, связанных с пищей.

⁴ Геллер — мелкая разменная монета в Австро-Венгерской империи.

Что касается отношений Виктора Франкла с братом и сестрой, то о них практически ничего не известно. Франкл о них упоминал крайне редко. Сложно сказать, почему это было так. Скорее всего, они слишком сильно расходились с Виктором во взглядах, интересах, и, вполне возможно, разница эта была очевидна с самого детства.

Семья Франкл жила в доме 6 по улице Чернингассе в еврейском квартале Вены — Леопольдштадт. В этом же районе, буквально в соседнем доме, некоторое время проживал и Альфред Адлер, с которым в будущем судьба сведет Виктора Франкла. Неподалеку от дома находился знаменитый парк Пратер, где Франклы любили проводить свободное время. Летом же вся семья отдыхала на даче в предместье Вены.

Уже в три года Виктор Франкл определился с выбором профессии. Он решил, что будет врачом. Его отец, мечтавший когда-то о подобной карьере, был, конечно, рад такому выбору сына. Прогуливаясь с маленьким Виктором по Вене, он нередко проходил мимо зданий медицинского факультета Венского университета, где можно было почувствовать специфический запах формальдегида и прочие неприятные для обывателя ароматы. Но Виктора они притягивали, позволяя мечтать о будущем в белом халате. И хотя позднее маленький Франкл задумывался о том, чтобы стать юнгой и дослужиться до звания офицера, его первая мечта была самой сильной, и ей он не изменил.

В возрасте семи-восьми лет Виктор и его брат пережили сексуальные домогательства служанки, работавшей в их семье. Подобный опыт, безусловно, был для детей травмой. Однако когда психолог вспоминал об этом факте в своих мемуарах, он ограничился лишь тем, что охарактеризовал эту девушку как «бойкую и глупую» особу, ни слова не написав о том, как он пережил произошедшее и каковы были последствия для его детской психики. Опубликованные на склоне лет воспоминания Франкла умалчивают или приукрашивают многие факты в его биографии. Трудно понять, а тем более объяснить подобную особенность. Возможно, Франкл просто не помнил нюансы каких-то событий. Возможно, не хотел о них вспоминать, чтобы не навредить своему образу «патриарха психологии». А возможно, он переосмыслил многие вещи на фоне своего жизненного опыта, оставив в стороне всё, что считал несущественным. Хотя, скорее всего, сыграли свою роль все названные причины, каждая понемногу.

Начавшаяся Первая мировая война кардинально поменяла жизнь семьи Франкл. Для граждан воюющих стран наступило время разрухи, голода и болезней. С обеспечением Вены продуктами питания были большие проблемы. Девятилетний Виктор вынужден был вставать около трех часов ночи, спешить на рынок, чтобы занять очередь за картошкой или каким-либо другим товаром, столь дефицитным в военное время. В начале восьмого утра приходила мать, а мальчик отправлялся в школу. Для того чтобы хоть как-то прокормиться, семья Франкл уезжала на лето в небольшой городишко Порлитц, где когда-то родился глава семейства. Дети ходили по крестьянским дворам, выпрашивали хлеб, а на близлежащих полях воровали кукурузу. Едва ли не единственным развлечением для Виктора и его старшего брата в то время являлось участие в любительских спектаклях. Их играли в крестьянских дворах с целью получить хоть какое-то вознаграждение за доставленное удовольствие зрителям.

Детство в небогатой семье, жизненные трудности в годы Первой мировой войны и, конечно же, последующий экстремальный опыт выживания в нацистских лагерях приучили Франкла довольствоваться малым. Он никогда не стремился к богатству, хотя со временем стал состоятельным человеком, невротически желая обеспечить себе финансовую стабильность «на всякий случай». И те люди, которые занимали схожую жизненную позицию, были ему гораздо ближе, чем те, кто имел капиталы и социальный статус.

Первая мировая война закончилась, когда Виктору было 13 лет — возраст бар-мицвы, или совершеннолетия. К тому моменту он уже посещал гимназию, в которой являлся одним из лучших учеников. Это неудивительно, так как Франкл был очень пытлив в освоении окружающего его мира, о котором он хотел знать как можно больше, и кроме того, обладал выдающимися интеллектуальными задатками. Еще гимназистом он начал самостоятельно, как вольный слушатель, посещать Народный университет, изучая там прикладную психологию и демонстрируя свои познания в школе. Науки о человеке, такие как философия, психология и политология, увлекали его всё больше, о чем говорит хотя бы тема работы, которую он защитил для получения аттестата зрелости, — «Психология философского мышления».

В поисках жизненных ориентиров Франкл оказался под влиянием науки и политики, полностью отказавшись от

религии. Гимназистом он стал членом Союза социалистической рабочей молодежи, на заседаниях которого молодые люди с упоением обсуждали теории Маркса и Фрейда, способные, как тогда казалось юношам, не только объяснить окружающий мир и место человека в нем, но и переустроить и то и другое.

Виктору было всего лишь 15 лет, когда он вступил в переписку с самим Фрейдом, делясь с создателем психоанализа своими размышлениями о психологии. По всей вероятности, мысли столь юного человека заинтересовали Фрейда, так как он отвечал на каждое письмо Франкла, и более того, даже рекомендовал один из его текстов под названием «О происхождении мимических знаков согласия и несогласия» для публикации в «Международном журнале психоанализа». Юный гений впечатлил умудренного патриарха, не склонного к сантиментам. Когда же в 1923 году Франкл поступил в Венский университет, они даже случайно встретились. Фрейд, услышав фамилию молодого человека, сразу же вспомнил его почтовый адрес — настолько часто он отправлял ему письма. К сожалению, эта переписка была утеряна в годы Второй мировой войны. Но личные отношения Франкла и Фрейда не сложились. Более того, довольно скоро Франкл вообще отошел от идей психоанализа.

В одном из писем Зигмунду Фрейду Виктор Франкл поинтересовался, у кого можно было бы пройти курс обучающего психоанализа для последующего вступления в психоаналитическое сообщество. Фрейд порекомендовал своего ученика — Пауля Федерна¹. Встреча с Федерном глубоко задела Франкла, так как психоаналитик не только долгое время не удостоивал пришедшего к нему гостя вниманием, но и когда обратился к нему, сразу же, без выяснения цели визита или соблюдения элементарных норм вежливости, спросил: «Ну-с, в чем заключается ваш невроз, господин Франкл?» Обескураженный Виктор не сразу нашелся, что на это ответить. Через 15 минут общение и вовсе было закончено. Федерн порекомендовал молодому человеку сначала доучиться в гимназии, а потом приступать к психоанализу. Подобное отношение обидело юного гения. И он

¹ *Пауль Федерн* (1871—1950) — психоаналитик, изучал феномен делинквентности, проблемы подавления в сновидениях, психоаналитические аспекты меланхолии. В 1924 году был объявлен Фрейдом его преемником.

повел себя как и свойственно подростку — быть психоаналитиком Франкл расхотел, задумавшись о карьере акушера или дерматолога. Но интерес к психологии победил. Франкл вспоминал, что случайный разговор с одним из студентов, который сравнил его сомнения с мыслью Кьеркегора¹: «Отчаиваются, отчаявшись в желании быть собою самим», — заставил его переосмыслить ситуацию. Благодаря этому неожиданному инсайту Франкл осознал, что ничто кроме психологии его не интересовало. Оставалось найти учителей, и Вена подходила для этого как никакой другой город. Ведь именно в столице Австрии помимо психоанализа сформировалось другое направление — индивидуальная психология. Франкл решил примкнуть к группе сторонников Альфреда Адлера.

Впервые он услышал лекции Адлера еще в начале 1920-х годов, когда школьником посещал Народный университет. В дальнейшем Франкл познакомился с несколькими адлерианцами, один из которых — Уго Лукач и представил его основоположнику индивидуальной психологии в том самом кафе «Зиллер», где когда-то чуть было не появился на свет Виктор. Франкл вспоминал: «Сам “клуб” индивидуальных психологов, в состав которого я позднее вошел, собирался в кафе “Зиллер”, где Адлер сживал каждый вечер — летом с порцией фирменного шоколадного мороженого; прежде чем съесть лакомство, Адлер основательно его перемешивал, пока оно не становилось полностью жидким. Время от времени он приглашал нас в клубный бар на втором этаже, где играл для нас на фортепиано, а иногда пел»².

Его сближение с Адлером объяснялось не только разрывом с фрейдизмом, но и другими причинами. С одной стороны, близостью политических взглядов. В 1924 году Франкл стал президентом социалистической организации, объединявшей молодежь всей Австрии. Альфред Адлер, как и его супруга, также являлся социалистом со стажем и к тому моменту был одним из признанных авторитетов у молодых людей с подобным мировоззрением. С другой стороны, Франкл, по всей вероятности, открыл в себе сильное стремление к власти. Превосходство над другими в

¹ *Серен Кьеркегор* (1813—1855) — философ, один из основоположников экзистенциализма.

² *Франкл В.* Логотерапия и экзистенциальный анализ: Статьи и лекции. М.: Альпина нон-фикшн, 1998. С. 158.

способностях в столь юном возрасте было ему очевидно и подталкивало к развитию «комплекса власти». Например, его интерес к гипнозу привел к тому, что Франкл уже к пятнадцати годам мог загипнотизировать человека¹. Проблема стремления к власти являлась одной из центральных для психологической концепции Альфреда Адлера, поэтому совсем не удивительно, что Франкл остановил свой выбор на индивидуальной психологии.

В 20 лет Виктор сдал экзамен в венской секции Международного союза индивидуальной психологии и стал ее полноправным членом. Практически сразу же он начал редактировать новый журнал «Человек в быту», а в 1925 году в «Международном журнале индивидуальной психологии» опубликовал свою статью «Психотерапия и мировоззрение», в которой попытался найти точки соприкосновения психологии и философии, впервые обратив внимание на проблему смысла и ценностей в психотерапии. Надо сказать, что вопросы смысла жизни человека, которые впоследствии стали главной темой в концепции Франкла, начали интересовать его уже в юные годы. В 15-летнем возрасте он, будучи гимназистом, сделал доклад в философском обществе Народного университета для взрослых слушателей, как раз по теме смысла жизни. С аналогичной темой в 21 год Франкл, теперь уже студент-медик, по приглашению Союза социалистической молодежи выступил перед огромной студенческой аудиторией. Франкл упорно пытался разобраться в этой проблеме, с самых юных лет раз за разом возвращаясь к ней. Почему он был столь настойчив? Точного ответа нет, кроме, пожалуй, смутных представлений самого психиатра о том, что в четырехлетнем возрасте он осознал, что его жизнь конечна, и, возможно, поэтому хотел найти смысл своего бытия.

В любом случае уже в юные годы Франкл был блестящим оратором. В пору молодости, желая впечатлить понравившуюся девушку, он приглашал ее на лекцию «некого Франкла», убеждая спутницу, что это того стоит. Когда они оказывались в переполненной аудитории, Франкл под аплодисменты студентов выходил на кафедру, а девушке ничего не оставалось, как восхищаться — сначала умением своего кавалера экстравагантно ухаживать, а затем его талантом владеть аудиторией. В зрелом возрасте, уже после Второй мировой войны, коллеги Франкла, отдавая дань его

¹ Франкл В. Воспоминания. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. С. 63.

ораторским способностям, ехидно подшучивали над ним, называя «Неврогеббельсом».

С Альфредом Адлером у Виктора Франкла отношения тоже не сложились. Основоположник индивидуальной психологии, так же как и Фрейд, не терпел несогласия с его взглядами. Адлеру недоставало философской глубины в осмыслении психологических проблем, которая так интересовала Франкла. Кроме того, Альфред Адлер обычно контактировал с учениками через их старших и более опытных коллег, поэтому личные отношения у Франкла возникли лишь с Освальдом Шварцем и Рудольфом Аллерсом, которые стали его настоящими учителями: «Два человека, встреченные в начале жизни, оказали на меня сильнейшее влияние не только как личности, но и как профессионалы: Рудольф Аллерс и Освальд Шварц. Аллерс предоставил мне возможность проводить эксперименты в возглавляемой им психофизиологической лаборатории, а Шварц, основатель психосоматического направления в медицине и медицинской антропологии, оказал мне честь и написал предисловие к книге, которую я готовил для издательства “Hirzel”, выпускавшего литературу по индивидуальной психологии. Однако этой книге не суждено было выйти в свет, потому что я тем временем покинул Общество индивидуальной психологии (краткое изложение основных идей этой погибшей в зародыше книги появилось в 1939 году в “Швейцарском еженедельном медицинском обозрении”). В предисловии Шварц заявил, что эта книга станет для истории психотерапии тем же, чем для философии — “Критика чистого разума” Канта. Он и вправду в это верил»¹.

Хотя в мемуарах Франкл и называл своими учителями обоих психологов, всё же большее влияние на него оказал Рудольф Аллерс — ученый, которого интересовали самые разнообразные вопросы, в том числе и философские. Аллерс познакомил Франкла с работами Макса Шелера — одного из основоположников философской антропологии. Философия Шелера впечатлила молодого Франкла настолько, что, формулируя в дальнейшем собственную концепцию, он называл ее «результатом применения подхода Шелера в психотерапии», а самого немецкого философа именoval не иначе как «своим великим учителем».

В своих работах Шелер, в частности, характеризовал человека как существо, обладающее единой трехчастной

¹ Франкл В. Воспоминания. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. С. 78.

структурой — телом, душой и духом. Дух философ обозначал понятием личность, которая стремится познать себя через иного, того, кем она сама не является. Этим «иным» может быть другой человек, любимое дело, вера в Бога. Личность человека не обусловлена какими-либо физическими, психическими или социологическими законами. Однако эти законы задают границы ее свободы. Благодаря воле человек может контролировать собственную психофизиологию и направлять биологические импульсы на реализацию ценностей, которые существуют независимо от человека и обладают определенной иерархической структурой. Развивая в себе личностное начало, он получает свободу, которую может использовать для самореализации¹.

Разногласия в среде формировавшихся психологических школ были обычным делом. Адлер знал об этом не понаслышке. Однако он не был склонен принимать иные взгляды в рамках собственной школы, особенно те, которые, как ему казалось, не имели эмпирической базы, а представляли лишь философские размышления. Для Адлера подобный вопрос был особенно болезненным, так как именно в это время его работа «Невротический характер», представленная университетской академической комиссии для получения докторской степени, была отклонена с формулировкой: «Книга не является медицинским исследованием». В свою очередь, Аллерс и Шварц не были готовы мириться с авторитаризмом Адлера, тем более потому, что они не соглашались с его стремлением любые процессы, касавшиеся человека или общества, объяснять лишь посредством психологии. В 1927 году они объявили о выходе из Общества индивидуальной психологии.

Виктор Франкл придерживался аналогичной позиции, и хотя он поначалу не собирался покидать общество, отношение к нему Адлера не оставило иного выхода: «Адлер с того дня больше ни словом со мной не обмолвился и даже перестал здороваться, когда я, как прежде из вечера в вечер, входил в кафе “Зиллер” и приближался к столику, за которым он проводил заседания. Так и не простил, что я не пожелал безоговорочно во всём ему следовать. Вновь и вновь он давал мне понять, что пора выйти из основанного им общества, хотя я и прежде, и тогда не видел на то ни

¹ Лэнгле А., Уколова Е. М., Шумский В. Б. Современный экзистенциальный анализ: история, теория, практика, исследования. М.: Логос, 2014. С. 66—68.

малейшей причины. Тем не менее два месяца спустя я формально разорвал связь с этим объединением.

Нелегко дался мне этот “исход”. На протяжении года я занимался изданием журнала по индивидуальной психологии, “Человек в повседневности”, и теперь, разумеется, выпуск журнала прекратился. И в целом я лишился прежней компании. Лишь немногие индивидуальные психологи сохранили со мной если не научные, то хотя бы человеческие отношения»¹. Несмотря на разрыв отношений, Франкл впоследствии никогда не отзывался об Адлере плохо. Говорить о людях хорошо или вообще не говорить о них — таков был принцип Виктора Франкла.

К моменту, когда он был вынужден покинуть Общество индивидуальной психологии, Франкл заявил о необходимости разработки нового направления, которое в 1926 году он обозначил как логотерапия (от греч. «логос» — смысл). Однако оказавшись вне научной среды и без должного руководства, Франкл не мог развивать свои идеи и сосредоточился на практической работе врача.

В 1927—1928 годах Франкл вместе с коллегами (ему помогали как адлерианцы, так и фрейдисты) при поддержке Венской палаты рабочих и служащих организовал сначала в Вене, а потом еще в шести австрийских городах оказание бесплатной психологической помощи молодежи, находившейся в трудной жизненной ситуации — в первую очередь безработным и склонным к суицидам. Через несколько лет Франкл и его коллеги обратили внимание еще на одну группу, которой была необходима психологическая помощь, — выпускники школ. Психологи давали объявления в газетах, расклеивали в школах плакаты, в общем, делали всё, чтобы дети знали, к кому следует обращаться за помощью в тяжелых жизненных ситуациях. Лекции о смысле жизни человека, об устройстве психики и путях выхода из личностного кризиса и абсолютно бесплатное консультирование, которое проходило на дому у психологов, оказались настолько эффективны, что вплоть до 1931 года в Вене не было зарегистрировано ни одного случая самоубийства среди выпускников школ.

Работой Франкла и его коллег по оказанию консультативной помощи молодежи заинтересовались за рубежом. Подобные центры были открыты в Цюрихе, Праге, во многих городах Германии. Идеи Франкла и их практическое

¹ Франкл В. Воспоминания. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. С. 81.

воплощение привлекли внимание таких маститых ученых, как Вильгельм Райх, о котором Франкл вспоминал, что тот, «увлекшись разговором, часами возил меня в своем открытом авто по Берлину»¹, и Отто Петцль², который даже по сравнению с Фрейдом и Адлером казался ему «несомненным гением».

В своих мемуарах Франкл писал, что уже к 1929 году сформулировал первые фундаментальные принципы логотерапии, которые позднее будут обозначены как пути, ведущие к смыслу жизни человека: «...я продумал различия между тремя ценностными группами, то есть тремя возможностями придать жизни — вплоть до последнего мгновения, до последнего вздоха — смысл. Эти три возможности придать жизни смысл суть поступок, который человек совершает, работа, которую человек делает, или переживание, любовь. Даже перед лицом необоримой судьбы (например, неизлечимой болезни, неоперабельного рака) мы в состоянии придать жизни смысл, принеся свидетельство самого человеческого из всех человеческих даров: способности преобразить страдание в свершение духа»³.

К этому времени относится и первое применение на практике одного из главных методов логотерапии — парадоксальной интенции. Ее суть заключается в том, что человеку, страдающему от невроза, предлагается не избегать того, чего он боится или что он навязчиво повторяет, а, наоборот, пожелать этого, причем как можно сильнее. Одной из особенностей протекания фобического⁴ или обсессивно-компульсивного⁵ невроза является усиление тревоги, обсессий или компульсий из-за попыток избежать ситуации, действия, мысли, в которых, по мнению невротика, может произойти нечто ужасное. Невротик живет в напряженном ожидании худшего. В итоге он лишь усиливает свои стра-

¹ Там же. С. 91.

² *Отто Петцль* (1877—1962) — невролог, психиатр, первым начал читать лекции по психоанализу на немецком языке.

³ *Франкл В.* Воспоминания. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. С. 84.

⁴ Фобический невроз характеризуется у человека неконтролируемым чувством страха в отношении какого-то предмета, воспоминания, действия и проч., в реальности не представляющих для него опасности.

⁵ Обсессивно-компульсивное расстройство, или невроз навязчивых состояний, характеризуется наличием у человека навязчивых или пугающих мыслей (обсессий), от которых он пытается избавиться повторяющимися действиями (компульсиями).

хи и навязчивости. Логотерапия предлагает разорвать этот порочный круг посредством замещения страха желанием того, чего невротик избегает. Причем это желание должно быть гиперболизированным, что позволяет дистанцироваться от невроза, высмеивая его.

Франкл и его коллеги активно использовали метод парадоксальной интенции, достигая значительных успехов в терапии неврозов. Многочисленные примеры, которые Франкл приводит в своих работах, являются тому доказательством: «Тридцатипятилетняя женщина была пациенткой неврологического отделения поликлинической больницы, когда я представлял ее на одной из моих клинических лекций. Она рассказывала, что в детстве отличалась большой дотошностью, и, когда ее подруги играли в парке, она занималась тем, что всё скребла и чистила в доме. В течение трех лет пациентка была фактически парализована боязнью бактерий; сотни раз за день она мыла свои руки. Из страха перед микробами она больше уже не выходила из дома. Боясь опасности извне, она исключила все визиты и даже не позволяла мужу прикасаться к детям, боясь, что он перенесет микробы на них. В конце концов она решила развестись, так как чувствовала, что делает несчастной свою семью. Она была госпитализирована после нескольких попыток суицида. После безуспешного лечения в нескольких клиниках и больницах она, наконец, была принята на неврологическое отделение поликлинической больницы, так как уже стала совершенно беспомощной.

В лекционном зале больницы в присутствии группы студентов я говорил с пациенткой в первый раз. Я спросил ее: “Вы привыкли проверять дверь много раз, прежде чем уйти из дома, или проверять, действительно ли письмо упало в почтовый ящик или нет, или проверять несколько раз, выключен ли газ, прежде чем лечь спать?” — “Да, это так”, — отвечала пациентка с тревогой в голосе. После этого я сказал, что это означает, что она относится к определенному типу структуры характера, который в традиционной европейской психиатрии обозначается как “ананкастический”, и что это свидетельствует об иммунитете к психозам. Ответом на мои слова был вздох облегчения, облегчения после многих лет страдания от страха сойти с ума. Боясь, что ее навязчивости были симптомами психоза, она боролась с ними. Но именно этим контрдавлением она лишь увеличивала их внутреннее давление. Затем я сказал ей: “У вас нет оснований для страха. Любой нормальный

человек может стать психотиком, за единственным исключением — людей ананкастического типа характера. Я должен сказать вам это и разрушить все ваши заблуждения на этот счет. Таким образом, у вас нет никакой необходимости бороться с вашими навязчивыми мыслями. Вы можете спокойно шутить с ними”.

Затем я приступил к парадоксальной интенции. Я предложил пациентке подражать моим действиям. Я начал скрестить пол руками, говоря: “В конце концов, вместо того чтобы бояться инфекции, для разнообразия давайте будем ее приглашать”. Нагнувшись, я тер пол своими руками и продолжал: “Видите, я никак не могу набрать достаточно грязи, не могу получить достаточно бактерий!” При моем поощрении пациентка последовала моему примеру. Так началось лечение, которое за пять дней устранило девятью процентами ее симптомов. Регулярные терапевтические сеансы с моим сотрудником ускорили ее выздоровление. Таким образом, парализующий паттерн поведения, действовавший в течение трех лет, был ликвидирован за несколько недель. Пациентка шутила по поводу всех ее прежних симптомов. Она спрашивала других пациентов, не могут ли они добавить ей еще “некоторое количество бактерий”. Она ухаживала за прооперированными пациентами ларингологического отделения, постоянно имея дело с окровавленными бинтами и другими подобными вещами. Она мыла руки только три раза в день, хотя ей приходилось часто работать со всевозможными грязными вещами. Она хотела “как можно лучше познакомиться с микробами”. Она вдруг спонтанно заявляла: “Я хочу, чтобы бедняжки жили, и не хочу их смывать”. На шестой день она покинула больницу, чтобы купить шерсти для вязки пуловера своему младшему ребенку, чтобы связать его “здесь, где полно бактерий”. Она шутила, говоря, что хочет, “чтобы на каждой петле сидела бактерия”. Она светила радостью и чувствовала себя совершенно здоровой.

Когда она отправилась на Рождество домой, ее поведение было таким же нормальным, как до начала невроза три года назад. Больше уже не было никакой необходимости в парадоксальной интенции. Пациентка обнимала своих детей, ласкала их без малейшей боязни заразить их, говоря при этом: “Теперь я перенесу бактерии на моих детей”. Навязчивость мытья рук исчезла. Она говорила: “Я самый счастливый человек на Земле!” Теперь она могла выполнять все повседневные дела, включая те, что раньше

выполнять была неспособна. Она выполняла всю домашнюю работу и посвящала себя детям так, как не была способна с того времени, когда развился ее невроз»¹.

В 1929 году Франкл окончил университет, а уже через год (!) в возрасте двадцати пяти лет защитил диссертацию, получив степень доктора медицинских наук, что в очередной раз подтвердило его выдающиеся способности. После защиты Франкл практиковал в нескольких неврологических и психиатрических клиниках. Особым местом работы для него стала больница Штайнхоф, в которой с 1934 года и на протяжении четырех последующих лет он принял несколько тысяч пациентов со склонностью к суициду — Франкл возглавлял так называемый «павильон самоубийц». Напряженный график работы, когда из-за нехватки врачей ему подолгу приходилось трудиться в отделении одному, да и сами больные, особенно в первое время, заставляли молодого доктора находиться в постоянном напряжении.

На первую половину 1930-х годов в жизни психиатра пришелся период апатии, который, по словам самого Франкла, можно было бы назвать «экзистенциальным вакуумом», заполнить который он старался с помощью «буйно расцветавшего либидо» или, проще говоря, еженедельным посещением варьете и периодическим «кувырканием с женщинами»². Однако потребности высшего порядка нельзя удовлетворить посредством реализации базовых инстинктов. Франкл чувствовал бессмысленность собственной жизни и рано или поздно должен был что-то в ней изменить.

В 1937 году он открыл частную практику сразу по двум специальностям — неврология и психиатрия, а также вернулся к исследовательской деятельности, что позволило ему в скором времени опубликовать несколько статей. Уже через год появилась работа, которая фактически стала манифестом логотерапии — «К духовной проблематике психотерапии». В ней Франкл постулирует идею, что назрела необходимость формирования «высокой психологии» в дополнение к «глубинной психологии» фрейдистского и адлеровского толков. Это новое направление должно быть

¹ Франкл В. Доктор и душа // https://www.e-reading.club/bookreader.php/111534/Doktor_i_dusha.html (дата обращения — 20.08.2018 г.).

² Лэнгле А. Виктор Франкл. Портрет. М.: РОССПЭН, 2011. С. 55—56.

ориентировано на духовную сферу человека, решать задачу поиска смысла жизни.

С точки зрения философского основания нового подхода, который Франкл также называл экзистенциальным анализом, ведущей ценностью является ответственность. При помощи психолога человек должен самостоятельно осознать, «перед кем или чем он чувствует себя ответственным — например, собственной совестью или Богом, и за что он чувствует себя ответственным, то есть каким ценностям он готов служить, в каком направлении усматривает смысл своей жизни и через решение каких задач их достигает»¹. Пациент должен понять, что не он должен вопрошать жизнь о смысле, а ему самому следует отвечать на ее вопросы (вызовы), обретая в этом непрерывном процессе личный смысл.

Всё, что делает и чего не делает человек, — уникальные события в уникальной судьбе, которая никогда больше не повторится. Из подобной единичности бытия человека, по мнению Виктора Франкла, автоматически проистекает осознание ответственности перед своим, ни с чем не сравнимым предназначением, возникает ощущение определенной миссии, какого бы содержания она ни была, выполнение которой невозможно возложить на другого.

В конце статьи психолог, отвечая на вопрос, кому показана психотерапия в форме экзистенциального анализа, называет несколько групп лиц — духовно неустойчивых «пациентов-интеллектуалов», больных, которым такой подход придаст быстрый терапевтический эффект в отношении невротических симптомов, людей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации из-за социальных потрясений, и инвалидов. «Таким людям необходимо в первую очередь указать на тот факт, что жизнь человека, сознающего свою ответственность, далеко не всегда сводится к творческому воплощению ценностей или к самовыражению в переживании впечатлений (искусство, наслаждение природой), но что существует и последняя категория ценностных возможностей, которые мы могли бы упрощенно назвать “установочные ценности”... <...> здесь речь идет о том, как человек воспринимает судьбу — если в данном случае действительно уместно говорить о судьбе, позволяет ли он ей себя низвергнуть либо находит силы устоять перед ней и сохраняет

¹ Франкл В. Логотерапия и экзистенциальный анализ: Статьи и лекции. М.: Альпина нон-фикшн, 1998. С. 14.

за собой последнюю возможность воплотить собственные ценности (смелость, мужество, достоинство). Нам нужен человек, который, например, после ампутации ноги смог серьезно спросить себя: на самом ли деле смысл жизни заключается в том, чтобы как можно лучше ходить, или же он верит, что человеческая жизнь настолько бедна ценностными возможностями, что потеря конечности может сделать всю жизнь бессмысленной?»¹

В работе 1939 года «Философия и психотерапия: к обоснованию экзистенциального анализа» Виктор Франкл дополнил свои рассуждения идеей, что психотерапия не просто должна подводить человека к осознанию наличия у него ответственности, но помогать ему переживать именно его личную ответственность перед кем-либо или чем-либо. В результате у человека складывается представление о собственном предназначении, которое помогает ему справиться с неврозом, преодолеть жизненные трудности, принять смерть близкого.

Уже в начале своей врачебной практики Франкл применял не только психотерапию, но и активно использовал развивающиеся возможности фармакологии. Он даже написал по этому поводу статью «О медикаментозной поддержке психотерапии при неврозах» (1939), в которой отмечал возможности лекарственных препаратов и в то же время предостерег от того, чтобы видеть в них панацею. Франкл стал одним из пионеров в изучении транквилизаторов².

Однако уже в 1938 году политическая ситуация в стране в корне изменилась. В результате аншлюса³ Австрия была включена в состав Третьего рейха. В стране был установлен нацистский режим, что сразу же отразилось на жизни австрийских евреев. Ни о какой частной практике теперь не могло быть и речи. Франклу было запрещено лечить «арийских» пациентов. Он решил эмигрировать в США, но, не получив визы, был вынужден остаться в Австрии и искать пути спасения себя и близких. В 1940 году он получил предложение возглавить неврологическое отделение в еврейском госпитале Ротшильда и не раздумывая согласился, так как эта должность давала ему возможность не только зара-

¹ Франкл В. Логотерапия и экзистенциальный анализ: Статьи и лекции. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. С. 18.

² Там же. С. 9.

³ От нем. *Anschluss* — «присоединение».

батывать, но и защищала, хотя бы временно, от депортации в концлагерь.

В госпитале Франкл начал осваивать абсолютно новую для себя область медицины — нейрохирургию. До этого момента он никогда не проводил и, более того, даже не видел, кроме примеров в учебниках, как проводятся трепанации черепа. Теперь же в его руках оказывались люди, совершившие суицид и находившиеся в состоянии предсмертной агонии. От этих пациентов, как от безнадежных, отказывались все остальные врачи клиники. Пытаясь хоть немного продлить их жизнь, Франкл вводил им внутривенно различные стимуляторы, в том числе и пресловутый амфитамин первитин¹, который так любило «арийское» население Третьего рейха. Если же и это не помогало, он проводил операции по вскрытию черепной коробки и введению лекарства непосредственно в один из желудочков мозга. После чего пациенты без дыхания и пульса оставались живы еще несколько дней². Фактически Франкл проводил медицинские эксперименты. И нацистское руководство больницы поддерживало их, разрешив психологу опубликовать результаты в одном из научных журналов за границей. Нацисты надеялись, что эти опыты будут служить на благо Третьего рейха. Как отмечают некоторые биографы Франкла, психиатр с помощью этих операций мог обеспечивать собственное выживание во время нацистской оккупации³.

Во время работы в больнице Ротшильда перед Виктором Франклом возникла еще одна этическая проблема — имеет ли он право оставлять жить тех, кто осознанно выбрал суицид как путь избавления от продолжающихся страданий. Франкл отвечал на этот вопрос следующим образом: «Уважая решение человека, вознамерившегося покончить с собой, я требую, однако, уважения и к моим принципам, а они гласят: спасать, пока я могу. Лишь один раз изменил я этому принципу. Престарелые супруги решили вместе уйти из жизни. Их доставили к нам в больницу. Жена была уже мертва, муж умирал. Меня спросили, пушу ли я и в этот

¹ Первитин — коммерческое название метамфетамина, распространённого в Третьем рейхе и массово использовавшегося как стимулирующее средство.

² Франкл В. Воспоминания. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. С. 105.

³ Pytell T. The Missing Pieces of the Puzzle: A Reflection on the Odd Career of Viktor Frankl // Journal of Contemporary History. — Vol. 35. — No. 2. — 2000. P. 294—295.

раз в ход крайние меры, чтобы оживить его. Я не смог, ибо спросил себя: неужели я готов взять на себя такую ответственность, вернуть этого человека к жизни лишь затем, чтобы он мог присутствовать на похоронах жены?

Такой же подход я считаю правильным по отношению к неизлечимо больным людям, которым жить осталось недолго, а страдания их велики. Разумеется, и эти страдания — еще один шанс, последняя возможность для человека реализоваться. Следует с величайшей деликатностью указать больному на эту принципиальную возможность, но требовать такого подвига в пограничной ситуации можно лишь от одного человека — от себя самого»¹.

В октябре 1939 года Адольф Гитлер подписал распоряжение о переходе евгенической программы «Т4»² по стерилизации людей с психическими расстройствами, наследственными заболеваниями и умственно отсталых, к новой стадии — эвтаназии. В шести специальных центрах, несколько из которых располагались в Австрии³, началось уничтожение «неполноценных», с точки зрения нацистских представлений о «здоровом обществе», людей. В ходе этой программы впервые были использованы газовые камеры. Немецкие врачи, среди которых было много известных психиатров во главе с рейхсляйтером Виктором Бракком и личным врачом Гитлера Карлом Брандтом, к августу 1941 года подписали смертные приговоры семидесяти тысячам ни в чем не повинных людей. Только под давлением немецкой общественности программа была свернута и перенесена в концентрационные лагеря, подальше от глаз посторонних.

Франкл в своих мемуарах описывал, как один из его бывших руководителей, глава университетской психиатрической клиники Отто Петцль, кандидат в члены НСДАП, помог некоторым психически больным пациентам-евреям избежать эвтаназии. Он передавал больных Франклу, подделывавшему их медицинские справки, исправляя смертоносные диагнозы, констатируя психические расстройства, на безопасные, и потом отправлял в дом престарелых, где мог их лечить.

¹ Франкл В. Воспоминания. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. С. 106—107.

² Акция называлась таким образом в связи с тем, что центральное бюро, координировавшее программу, находилось в Берлине по адресу: Тиргартенштрассе, 4.

³ Хартхайм и Халль.

В конце 1941 года Франкл наконец-то дождался разрешения эмигрировать в США. Но он не сделал этого, оставшись в Вене. В своих воспоминаниях, которые были написаны уже в преклонном возрасте, он отмечал, что не эмигрировал якобы из-за нежелания оставить родителей, понимая, что их ждала участь быть депортированными в концентрационный лагерь, которую он хотел с ними разделить. В этих мемуарах в нем говорила боль от потери родителей, и он не желал признаться себе, что остался в Вене из-за девушки Тилли Гроссер. Виктор не мог покинуть ее, так как влюбился. Отношения между молодыми людьми начались задолго до этих событий. У Виктора был роман с лучшей подругой Тилли, которую он потом бросил. Тилли же решила отомстить ему за подругу — влюбить в себя и после расстаться. Но Франкл разгадал ее желание и объявил девушке об этом. Он умел производить впечатление. И уже через несколько дней после отказа в получении американской визы Виктор и Тилли узаконили свои отношения. По словам Франкла, это был один из последних разрешенных нацистами браков еврейской пары в Вене. В их дальнейшей совместной судьбе было много трагедий — решение об аборте с целью спасти Тилли от отправки в концлагерь, последующее заключение и ее гибель в лагере, но взаимная любовь позволяла им выносить тяготы жизни, такой, какой она у них была.

Спустя некоторое время после свадьбы больница Ротшильда была закрыта, и Франкл вместе с семьей потерял возможность избежать депортации. В ожидании скорой неминуемой отправки на восток он стал писать книгу, в которой впервые обобщил свои мысли о логотерапии. Франкл понимал, что в любой момент может погибнуть, и желал оставить после себя хотя бы что-то значимое. 25 сентября 1942 года Виктор Франкл вместе с родителями и женой были депортированы в гетто Терезиенштадт. Понятно, что он был вынужден оставить все ценные вещи дома (например, переписку с Фрейдом). Лишь рукопись книги он успел зашить в подкладку пальто, надеясь, что спасет ее. К сожалению, в Аушвице при смене гражданской одежды на робу узника он потерял свое детище, как тогда ему казалось, навсегда.

Терезиенштадт, куда была депортирована семья Франкл, был основан в 1780 году и получил название в честь императрицы Марии Терезии. В крепостной тюрьме с 1914 по 1918 год содержался Гаврила Принцип — тот самый, кото-

рый совершил успешное покушение на эрцгерцога Франца Фердинанда, что стало поводом для начала Первой мировой войны. После того как нацисты оккупировали Чехословакию, на территории городка была создана тюрьма, получившая название «маленькая крепость». Первые узники оказались там уже 14 июня 1940 года, то есть через четыре дня после оккупации. В ноябре 1941 года нацисты создали гетто в так называемой «большой крепости» — еще одной части Терезиенштадта. И начиная с 1942 года в него были депортированы десятки тысяч евреев из Чехословакии, Германии, Австрии, Голландии, Венгрии, Дании. Общее количество прошедших через гетто евреев составило не менее 140 тысяч человек. Из них лишь около 17 тысяч пережили войну, более 30 тысяч человек умерли в самом Терезиенштадте от голода, болезней и нацистского террора, остальные погибли в концлагерях, куда их депортировали нацисты в рамках «окончательного решения еврейского вопроса», в основном в Аушвице.

Терезиенштадт использовался нацистами не только как транзитный пункт для отправки евреев на восток, но и для утилитарных, а также пропагандистских целей. Утилитаризм заключался в использовании труда узников гетто. Они занимались добычей слюды, шитьем униформы для вермахта, сортировкой одежды, конфискованной у еврейского населения. Пропагандистские цели состояли в том, что нацисты объявили Терезиенштадт «образцовым гетто», пытаясь создать ложную картину о том, как хорошо в нем живет еврей. Самым известным случаем использования гетто в целях пропаганды стало прибытие комиссии Красного Креста 23 июня 1944 года. Нацисты пригласили представителей международной организации с целью развеять «слухи» о своих преступлениях в лагерях и гетто. При подготовке к визиту комиссии для ликвидации перенаселенности гетто, а также для уничтожения больных и ослабевших узников нацисты организовали массовую депортацию в Аушвиц. Гостей провели в гетто по специальному маршруту, показывая обновленные и заново выкрашенные дома, квартиры, где евреи жили якобы лишь по несколько человек в отдельной комнате.

Желая использовать свой пропагандистский успех и даже превзойти его, нацисты решили снять фильм, в котором должна была демонстрироваться «прекрасная» жизнь в гетто. Его режиссером стал узник Курт Геррон, снимавшийся когда-то с самой Марлен Дитрих. После окончания съе-

мок все принимавшие в нем участие «актеры»-заключенные были депортированы в Аушвиц и уничтожены. Сам фильм до конца так и не был смонтирован и не получил широкого распространения.

Обратной стороной пропагандистской нацистской медали стало то, что в Терезиенштадт направлялись в первую очередь евреи, представлявшие интеллектуальную элиту своих стран. В гетто были собраны выдающиеся писатели, художники, врачи, поэты, музыканты, которым нацисты разрешали заниматься творчеством, а значит, узники получали хотя бы какую-то минимальную возможность облегчить свое выживание и отсрочить уничтожение.

Общее количество культурных мероприятий в Терезиенштадте могло достигать нескольких десятков в неделю. В гетто было создано несколько оркестров, оперная и драматическая труппы. Пожалуй, самой популярной постановкой, представленной в гетто, стала детская опера «Брундибар» (в переводе с чешского «Шмель»). Она демонстрировалась более пятидесяти раз, в том числе и перед той самой комиссией Красного Креста. В гетто существовала библиотека, насчитывавшая десятки тысяч томов, а профессиональные художники в своих картинах отражали повседневную жизнь заключенных.

В Терезиенштадте нелегально действовали школы, функционировали подпольные молодежные организации, где узники вели воспитательную и просветительскую работу. Среди образовательных учреждений выделялся так называемый университет, в котором для всех желающих проводились лекции на самые разные темы. В июле 1943 года Виктор Франкл прочитал там лекции «Нарушения сна», «Душа и тело», «Медицинское попечение о душе», «Психология альпинизма», «Как сохранить здоровое самообладание?», «Экзистенциальные проблемы в психотерапии» и др. Многие из них содержали практические советы по оказанию психологической помощи узникам в критических условиях.

Однако главным образом Франкл работал в гетто сначала врачом общей практики, а позднее психиатром. Совместно с доктором Карлом Флейшманом он организовал и возглавил так называемую «шоковую бригаду». Франкл и его коллеги получали информацию от других заключенных об узниках, которые в силу тяжелого психологического состояния планировали совершить самоубийство, и благодаря использованию различных психотерапевтических тех-

ник помогали больным и престарелым узникам пережить тяжелые условия гетто.

Там, в Терезиенштадте, умер отец Франкла. Вспоминая последние часы его жизни, психолог писал: «Среди контрабанды, которую мне удалось протащить в Терезиенштадт, была и ампула морфия. Эту дозу я ввел отцу, когда глазами врача увидел, что развивается терминальный отек легких, то есть ему предстоит заведомо проигрышная предсмертная борьба за каждый глоток воздуха. Отцу исполнился 81 год, он долго недоедал, и всё же, чтобы прикончить его, понадобилась повторная пневмония.

Я спросил его:

— Ничего не болит?

— Нет.

— Ты чего-нибудь хочешь?

— Нет.

— Что-нибудь сказать напоследок?

— Нет.

Тогда я поцеловал его и ушел. Я знал, что живым больше его не увижу, но дивное чувство охватило меня: я исполнил свой долг. Из-за родителей я остался в Вене, а теперь проводил отца в последний путь, избавив его от бессмысленных мучений»¹.

После двухлетнего пребывания в гетто, о котором Франкл упоминает в своих мемуарах лишь вскользь, 19 октября 1944 года он вместе с женой был депортирован в Аушвиц, а через четыре дня другим «транспортом»² туда же была отправлена и его мать. Прощание с ней разительно отличалось от последней встречи с отцом: «И когда дело дошло до того, что меня с первой моей женой Тилли повезли в Освенцим и мы с матерью расстались, я в последнюю минуту попросил ее благословения. Никогда не забуду, как она с воплем, исходившим из самой глубины души — страстным, отчаянным воплем, — ответила мне: “Да, да, я тебя благословляю”, — и дала мне благословение. Оставалась неделя до того, как ее в свой черед транспортировали в Освенцим и там сразу же умертвили газом»³.

Сохранившиеся нацистские документы содержат информацию о том, что только с 26 по 28 октября 1944 года в Аушвиц из Терезиенштадта было привезено 46 750 человек

¹ Франкл В. Воспоминания. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. С. 17.

² Так нацисты обозначали поезда, прибывавшие в концлагеря.

³ Франкл В. Воспоминания. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. С. 11.

на двадцати семи «транспордах». Депортации шли одна за другой. Избежать подобной участи было практически невозможно. Франкл полагал, что его жена могла спастись, оставшись в гетто, так как имела бронь, работая на военном предприятии. Он возвращался к этой мысли в дальнейшем, так как не смог уговорить ее остаться в Терезиенштадте, а значит, выжить. Франкл ошибался. Он не смог принять последующей разлуки с женой в Аушвице и ее гибели в Берген-Бельзене — концлагере, превращенном нацистами в конце войны в «зону смерти», куда направлялись самые истощенные узники концентрационных лагерей и где они погибали от голода.

Читая воспоминания Франкла или его книги, может сложиться впечатление, что он находился в Аушвице-Биркенау значительное время. Однако это не так. Он пробыл там лишь два или три дня, фактически транзитом. Скорее всего, его поместили в ту зону лагеря, которая на лагерном жаргоне называлась «Мексика»¹. Существует малая доля вероятности, что эту часть лагеря посещал и проводил там селекцию доктор Менгеле, о котором в своих мемуарах вспоминает Франкл². Наверное, его личный тяжелый опыт к моменту написания мемуаров дополнялся фактами, с которыми он ознакомился уже после войны. Подобное явление весьма распространено в свидетельствах бывших узников и имеет своей основой специфику человеческой памяти, которая каждый раз реконструирует прошлое заново, «пересобирая» его с учетом новых фактов. В созданное им самим прошлое человек верит без тени сомнения.

Оказавшись после Аушвица в филиале Дахау — Кауферинг III, Франкл впервые получил лагерный номер: 119104. В этом лагере он сначала рыл траншеи на строительстве железной дороги, потом был определен ассистентом врача в тифозный барак. 8 марта 1945 года Франкл был перевезен из Кауферинга III в Кауферинг VI (Тюркхайм), причем он

¹ Одна из секций Аушвица, в которой временно размещались узники, направлявшиеся в дальнейшем в другие лагеря и филиалы. Название «Мексика» происходит из лагерного жаргона и, по всей вероятности, связано с тем, что узники этой части лагеря не получали специальную униформу, а в основном им выдавались одеяла с лагерного склада. Замерзавшие узники ходили, завернувшись в эти разные по цвету и форме одеяла, что вызывало у окружающих отдаленные ассоциации с мексиканскими пончо.

² Pytell T. Viktor Frankl's Search for Meaning: An Emblematic 20th-Century Life. New York: Berghahn, 2015. P. 104.

добровольно записался в новый «транспорт». Там он заболел тифом и оказался на грани жизни и смерти. Франклу вновь повезло, в этом лагере он был назначен старшим в бараке, что означало, помимо прочего, получение доступа к лекарствам и дополнительного пайка. Но не только и даже не столько это спасло Франкла от гибели. Главным фактором стало то, что он смог сформулировать новый смысл собственного существования — воссоздание рукописи книги, которая пропала во время депортации в Аушвиц. Для Франкла экстремальная ситуация пребывания в концлагере означала подтверждение его долагерных теоретических рассуждений о том, что для обретения смысла жизни человеку необходимо дистанцирование, выход за пределы собственного «Я» и обретение смысла в чем-то внешнем: «Что касается меня лично, я убежден, что выжил отчасти и благодаря твердому намерению восстановить утраченную рукопись. Я начал это делать во время болезни, стараясь не заснуть ночью (я опасался сосудистого коллапса). На сорокалетие товарищ подарил мне огрызок карандаша и несколько эсэсовских формуляров; на их обороте я начал, в лихорадке, с высокой температурой, делать стенографические пометки, по которым я надеялся восстановить текст “Доктора и души”»¹.

Двадцать седьмого апреля 1945 года Виктор Франкл был освобожден, и для него, как и для всех бывших узников нацистских концлагерей, началась вторая жизнь, в которой вновь нужно было искать смысл своего существования. После освобождения Франкл несколько месяцев работал в американском госпитале для перемещенных лиц в Бад-Веррихофене (Бавария). Он еще ничего не знал о судьбе матери и жены, поэтому мечтал, как только появится возможность, отправиться в Вену, чтобы получить хотя бы какую-то информацию о них. Столица Австрии находилась под контролем советских войск, поэтому вернуться домой Франкл смог далеко не сразу. Он оставался еще несколько месяцев в Мюнхене, где по инициативе американских оккупационных властей вел для немецкого населения радиопередачи о психологических проблемах.

В августе 1945 года Франклу удалось полулегально на грузовике выехать в столицу Австрии. За день до отъезда на родину он узнал, что в Аушвице погибла его мать, а ока-

¹ Франкл В. Воспоминания. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. С. 137.

завшись в Вене, он получил тягостное известие о том, что потерял и любимую супругу. Франкл сам оказался в той ситуации потери смысла жизни, в которой обычно находились его пациенты.

Вернувшись в Вену, он в первую очередь захотел увидеть родной дом на улице Чернигассе. В бывшей квартире Франклов уже обитали другие люди, и поселиться в ней было невозможно. Виктор отправился к друзьям, желая узнать, кому из них удалось выжить. Перед депортацией в гетто его родители оставили некоторые вещи (несколько книг, веревку для скалолазания и филактерии¹ отца) у своих знакомых, и теперь Виктор мог их забрать и хранить в память о прошлом.

У Франкла не осталось в живых никого из близких родственников, кроме сестры, эмигрировавшей в Австралию. Виктор некоторое время раздумывал о том, чтобы поехать к ней, но, видимо, в силу того, что они никогда не были особенно близки, не решился на этот шаг. Правда, были и другие причины, повлиявшие на его желание остаться в Вене.

Друзья и коллеги Франкла понимали, что он может не выдержать тяжести обрушившихся на него испытаний. Один из них, будущий вице-канцлер Австрии Бруно Питтерман, фактически заставил Виктора возглавить одно из отделений Венской неврологической больницы. Позднее Франкл стал главврачом всей клиники. На этой должности он проработал четверть века.

Помимо прочего, друзья настаивали на воссоздании и последующей публикации книги, которую Франкл начал писать еще до депортации в гетто. Франкл и сам мечтал об этом, поэтому всего за девять дней, практически без остановки, он надиктовал текст книги, которая получила название «Сказать жизни “Да!”»: психолог в концлагере»². Франкл вспоминал о процессе написания книги так: «Я диктовал непрерывно, три стенографистки только успевали сменять друг друга — столько надиктовывал я ежедневно, наизусть, из самого сердца, в неотапливаемой и

¹ Филактерии, или тфилин — элементы молитвенного облачения иудея: две маленькие коробочки (батим, букв. «домики») из выкрашенной черной краской кожи кошерных животных, содержащие написанные на пергаменте отрывки (паршиот) из Торы.

² На английский язык книга сначала была переведена под заголовком «Из лагеря смерти к экзистенциализму: путь психиатра к новой терапии», а с 1963 года стала переиздаваться как «Человек в поисках смысла».

практически необставленной венской квартире, где окна были “застеклены” картонкой. Диктуя, я расхаживал взад-вперед по комнате. А порой — я и сейчас это отчетливо помню — бросался в кресло и плакал, не в силах справиться с мыслями, которые обретали для меня щемящую ясность. Открылись шлюзы...»¹ Его страдания, обретя форму текста, получили смысл и в результате перестали представлять собой только негативный опыт. Благодаря книге Франкл становился свидетелем произошедшего в нацистских лагерях. Как и многие узники, прошедшие через подобную экстремальную ситуацию, он воспринимал свое свидетельство как миссию, служение на благо людей. Кроме того, в том же году Франкл написал вторую работу — «Вречечное душепопечение»², посвященную в большей мере его взглядам на психотерапию.

Описание Франклом лагерной действительности биографично, и вместе с тем оно позволяет представить происходившее в нацистском заключении с позиции психолога-исследователя. Франкл выделял три стадии реакции узников на лагерную реальность: фазу после попадания в лагерь, фазу адаптации и фазу, следовавшую за освобождением.

Главным симптомом первой стадии был шок. Оказавшиеся в лагере люди не могли поверить в окружавшую их реальность, поэтому их психика зачастую реагировала так называемой «иллюзией помилования» — они были уверены, что будут освобождены в самое ближайшее время. Когда освобождения не происходило, почти у каждого из заключенных появлялись мысли о самоубийстве. Настолько безнадежной казалась им ситуация, в которой они оказались, и настолько опасной для жизни они ее воспринимали. Тяжелое внутреннее состояние ухудшалось тоской по близким и отвращением ко всему окружающему. Человек всё более истощался психологически, и постепенно наступала вторая фаза лагерного существования.

Для этой стадии были характерны апатия, притупление эмоций и чувство безразличия ко всему происходящему вокруг. Психика начинала защищаться от экстремальной

¹ Франкл В. Воспоминания. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. С. 147.

² Книга больше известна под названием, с которым она появилась на английском языке, — «Доктор и душа: от психотерапии к логотерапии».

действительности. «Сначала заключенный отворачивался, если видел наказание других людей; он не мог видеть, как другие заключенные часами маршируют взад-вперед по грязи, направляемые ударами охранников. Дни или недели спустя положение вещей изменялось. Рано утром, когда еще было темно, заключенный стоял перед воротами с его командой, готовый к выходу. Он слышал крик и видел, как его товарища сбивают с ног, поднимают и сбивают снова — и почему? У него был жар, но он не сообщил об этом в соответствующее время, и теперь его наказывают за попытку получить освобождение от работы. Но заключенный, перешедший во вторую фазу психологических реакций, теперь уже не отводит свой взгляд в сторону. С этого времени его чувства притуплены, и он всё созерцает бесстрастно»¹.

Франкл уделил особое внимание выживанию в лагере интеллектуалов. Он подчеркивал, что эти люди уходили от окружавшей их жестокой реальности внутрь себя, как, собственно, и все остальные, но в отличие от многих там их ждал богатый внутренний мир, наполненный прошлыми переживаниями и мечтами о будущем, становившийся опорой для них.

Наконец, психолог констатировал наличие такой фундаментальной характеристики человека, как свобода выбора, которая с особой отчетливостью проявлялась в условиях лагерной реальности: «Опыт лагерной жизни показал, что у человека имеется возможность выбора действий. Там было достаточно примеров, часто героического плана, доказывающих, что апатия может быть преодолена, раздражительность подавлена. Человек может сохранить частицу духовной свободы, независимости разума даже в таких ужасных условиях психического и физического стресса.

Мы, бывшие узники концлагерей, можем вспомнить тех людей, которые поддерживали других узников, делились с ними последним куском хлеба. Их могло быть немного, но они являют собой достаточное доказательство того, что всё можно отнять у человека, за исключением одного: последней частицы человеческой свободы — свободы выбирать свою установку в любых данных условиях, выбирать свой собственный путь.

И там всегда можно было сделать выбор. Каждый день, каждый час давал возможность принять решение, которое

¹ Франкл В. Доктор и душа // https://www.e-reading.club/bookreader.php/111534/Doktor_i_dusha.html (дата обращения — 20.08.2018 г.).

определяло, подчинишься ты или нет тем силам, которые грозили лишить тебя твоей самости, твоей внутренней свободы, которое определяло, станешь ты или нет игрушкой обстоятельств, отказавшись от свободы и достоинства, с тем чтобы стать сформированным по образцу типичного узника»¹.

Что касается третьей фазы выживания узника, то она наступала после освобождения. И в ней было не только счастье свободы, но и проблемы, о которых бывшие заключенные даже не подозревали. В первую очередь они сталкивались с тем, что Франкл определил термином «деперсонализация». Люди вновь не верили в то, что с ними происходило. Всё окружающее их казалось им чем-то нереальным. Таким образом проявляла себя та самая апатия, в которую, как в летаргический сон, погрузился когда-то узник. Пробуждаясь, бывшие заключенные могли столкнуться с проявлением в себе чрезмерной агрессивности в отношении окружавших их людей, превращаясь в один момент из угнетенных в угнетателей. Они как будто реализовывали свою мечту, которую лелеяли все эти годы неволи — подняться над другими во что бы то ни стало, какими угодно средствами и способами.

В конце концов бывший узник, возвращаясь домой, в тот самый мир, о котором он так мечтал в неволе, нередко сталкивался с непониманием окружающими случившейся с ним трагедии. Людям не было дела до его горя. «Горечь обиды вызывалась рядом вещей, с которыми он сталкивался, вернувшись в родной город. Когда по возвращении человек видел, что во многих местах его встречают, равнодушно пожав плечами или высказав несколько банальных фраз, его переполняла горечь обиды, и он спрашивал самого себя, для чего он прошел через всё это. Когда он слышал одни и те же фразы почти повсюду: “Мы не знали об этом” и “Мы тоже страдали”, тогда он спрашивал самого себя, неужели у них нет ничего лучшего, что они могли бы сказать ему?

Переживание утраты иллюзий имеет иной характер. Здесь это были не другие люди (чья поверхностность и черствость были столь отвратительны, что в конце концов вызывали такое чувство, что хотелось бы заползти в нору и больше не видеть и не слышать ни одного человеческого

¹ Франкл В. Доктор и душа // https://www.e-reading.club/bookreader.php/111534/Doktor_i_dusha.html (дата обращения — 20.08.2018 г.).

существа), но сама судьба, которая казалась такой жестокой. Человек, который в течение нескольких лет думал, что он достиг абсолютного предела возможных страданий, теперь видел, что страдание не имеет границ и что он может страдать еще больше и еще сильнее»¹.

Помимо анализа собственного лагерного опыта, в опубликованных книгах Франкл излагает авторский взгляд на психотерапию. Развивая свои ранние идеи, он отмечал, что ни Фрейд, ни Адлер не обратили внимания на духовное измерение человека. В основании психоанализа находится воля к удовольствию, в основе индивидуальной психологии — воля к власти. Но куда более важной, с точки зрения Франкла, является воля к смыслу, которая и должна рассматриваться в рамках предлагаемой им логотерапии. «Эта воля к смыслу — наиболее человеческий феномен, так как животное никогда не бывает озабочено смыслом своего существования. Однако психотерапия превращает эту волю к смыслу в человеческую слабость, в невротический комплекс. Терапевт, который игнорирует духовную сторону человека и, следовательно, вынужден игнорировать волю к смыслу, отрицает одно из самых ценных его достоинств. Потому что именно к этой воле должен апеллировать психотерапевт. Снова и снова мы видим, что убеждать, продолжать жизнь, постараться выжить в самых неблагоприятных условиях можно только тогда, когда выживание представляется имеющим смысл. Этот смысл должен быть специфическим и личным, смыслом, который может быть реализован только этой личностью. Потому что мы никогда не должны забывать, что каждый человек уникален во вселенной»².

Виктор Франкл подчеркивает, что логотерапия не собирается подменять существующую психотерапию. Она ставит своей целью дополнить ее, занявшись духовными проблемами человека или ноогенными (от греческого «ноос» — разум, дух, смысл) неврозами. Последние отличаются от психогенных неврозов, возникая не в результате противостояния бессознательных влечений и сознания, а из-за конфликтов между различными ценностями человека или в результате потери смысла. Ноогенные неврозы становятся всё более распространенными, когда в эпоху всеобщего конформизма возникает то, что Франкл называет

¹ Там же.

² Там же.

«экзистенциальным вакуумом». Люди живут, не осознавая, что ценности, которыми они руководствуются, чаще всего навязаны извне и не являются их собственными. Они как бы плывут по течению, а когда оказываются на мели, не понимают, как с этим справиться. Чаще всего они подменяют смысл так называемой «невротической триадой»: депрессией, наркоманией (алкоголизмом) и агрессией. Экзистенциальный вакуум распространяется всё больше и больше, так как рушатся традиционные системы ценностей, а молодежь не имеет примеров для подражания — тех людей, которые действительно нашли смысл жизни, и поэтому ориентируется в поведении на самих себя. «Дело даже не в том, что индустриальное общество прямо нацелено на удовлетворение всех потребностей человека. Более того, будучи обществом потребления, оно сначала создает некоторые потребности, а затем их же и удовлетворяет. Лишь одна потребность при этом нисколько не реализуется, причем это самая человеческая из всех наших потребностей, которую я называю “воля к смыслу”. Она остается во многом угнетенной»¹.

По мнению Франкла, логотерапия не должна приводить человека к состоянию гомеостаза, разрешая все проблемы за него. Необходимым условием психического здоровья является наличие у человека внутреннего напряжения, постоянного стремления к смыслу жизни, который он должен реализовать.

Развивая свои ранние идеи, Виктор Франкл отмечал, что любой человек может обрести смысл жизни через осознание значимых для него ценностей. Эти ценности могут лежать в области труда (креативные ценности). Они могут переживаться человеком, как, например, истина, красота или любовь (ценности переживания). Но также они могут проявиться в страдании, когда человек принимает свою судьбу, свое несчастье как оно есть (ценности установки). Франкл подробно разъяснял последний тип ценностей, обращаясь в первую очередь к личному лагерному опыту. Он писал, что так как жизнь имеет смысл, а страдание — это непременная часть жизни, то и оно не может быть бессмысленным. Человек отличается от животного, помимо всего прочего, тем, что может достойно принять страдания, реализовав такие высокие моральные ценности, как мужество,

¹ Франкл В. Логотерапия и экзистенциальный анализ: Статьи и лекции. М.: Альпина нон-фикшн, 1998. С. 168.

бескорыстность, долг перед другими. На такое способны немногие, но шанс есть у всех. Любой может «превратить страдания в достижение».

Франкл возвращался и к фундаментальной для него идеи ответственности, которая наряду с духовностью и свободой делают человека таким, каков он есть. Психиатр задавался вопросом, по отношению к кому человек может быть ответствен? Первой в этом списке идет собственная совесть, а значит, человек должен быть ответствен перед самим собой. Для того чтобы поддерживать в себе чувство ответственности, Франкл рекомендовал использовать сформулированную им максиму: «Жить так, как если ты живешь уже второй раз и как если ты поступил в первый раз так же неправильно, как собираешься поступить сейчас!»

Для большинства людей подобной ответственности недостаточно, и они видят главного «оценщика» собственных действий в Боге. «Мы не должны впадать в ошибку, трактуя религию как нечто, возникающее из сферы “ид” (оно), и тем самым снова сводя ее к инстинктивным побудителям. Даже последователи Юнга не избежали этой ошибки. Они сводят религию к коллективному бессознательному или архетипам. Меня однажды после лекции спросили, не считаю ли я, что существуют такие вещи, как религиозные архетипы? Разве не замечательно, что все примитивные народы пришли к идентичному понятию Бога — что, по-видимому, указывает на существование архетипа Бога? Я спросил своего собеседника, не существует ли такая вещь, как архетип четырех. Сначала он не понял меня, и тогда я сказал: “Видите ли, все люди независимо друг от друга открывают, что два и два равняется четырем. Возможно, мы не нуждаемся в архетипе для объяснения; возможно, два и два равняется четырем. И, может быть, мы также не нуждаемся в архетипе Бога для объяснения человеческой религии. Может быть, Бог действительно существует!”»¹.

Франкл неоднократно подчеркивал, что психотерапевт не должен навязывать пациентам собственное мировоззрение, включая веру или неверие в Бога. Врач не должен решать что-либо за пациента, он должен помочь человеку научиться принимать решения. Вместе с тем он не имеет права избегать дискуссий о ценностных ориентирах: «Доктор не должен лечить транквилизаторами отчаяние чело-

¹ Франкл В. Доктор и душа // https://www.e-reading.club/bookreader.php/111534/Doktor_i_dusha.html (дата обращения — 20.08.2018 г.).

века, который пытается разрешить духовные проблемы. Скорее, он должен с помощью “психотерапии в духовных терминах” попытаться дать пациенту духовную опору, обеспечить ему некий духовный якорь спасения»¹.

Видя главную специализацию логотерапии в работе с ноогенными неврозами, Франкл тем не менее приводил множество примеров, когда обретение или переоценка смысла жизни позволяли добиться результатов, причем достаточно быстро, у больных с различными невротическими и даже психотическими проблемами. Логотерапевт менял базовую установку невротика, что приводило к улучшениям в клинических симптомах заболевания.

Характеризуя механизм помощи логотерапии, Франкл приводил пример одной из пациенток, столкнувшейся с проблемой тревожного невроза: «Эта пациентка была красивой женщиной, душой общества. Теперь она вступила в новый период жизни, в котором ее физическая красота утратила былое значение. Она должна была “остаться на высоте”, несмотря на ее исчезающую красоту. Эротически эта женщина приблизилась к финишу. Она оказалась без цели в жизни; жизнь ее стала бессодержательной; ее существование казалось ей лишенным смысла. “Я встаю утром, — говорила она, — и спрашиваю себя: что происходит сегодня? — Ничего сегодня не происходит...” Естественно, что она становилась тревожной. И поскольку в ее жизни отсутствовало содержание, так как у нее не было ресурсов для организации полноценной жизни, она вынуждена была инкорпорировать тревогу в структуру своей жизни. Для нее стало необходимым искать какое-то содержание, обрести смысл своей жизни и тем самым найти саму себя, свое “я”, свои внутренние возможности. Эротические успехи и социальный статус выпали из игры; она могла стремиться лишь к моральному статусу. Было необходимо побудить эту пациентку отвернуться от ее тревоги и обратиться к ее задачам. <...>

Что здесь было необходимо сделать, так это привести конкретную личность в ее конкретной ситуации к пониманию уникальной задачи ее жизни. Ей нужно было стать тем, чем она собиралась стать; перед ней стоял образ той, кем она должна была быть, и до тех пор, пока она не стала ею, она не могла найти покоя. Климактерический кризис

¹ Франкл В. Доктор и душа // https://www.e-reading.club/bookreader.php/111534/Doktor_i_dusha.html (дата обращения — 20.08.2018 г.).

должен был быть трансформирован в духовное возрождение — такова была в данном случае задача логотерапии. Терапевт играл роль повитухи в сократовском смысле. Было бы явной ошибкой, как мы увидим, пытаться навязывать пациенту любую частную задачу. Напротив, экзистенциальный анализ ставит своей целью приведение пациента к независимой ответственности. И если это удастся, пациент находит “свою” жизненную задачу, как было с пациенткой в описанном примере. Обратившись всем сердцем к новому содержанию ее жизни, посвящая себя вновь обретенному смыслу существования и переживанию осуществления ее собственной личности, она возродилась как новая личность — и в то же самое время все ее невротические симптомы исчезли. Все функциональные сердечные расстройства, от которых страдала пациентка — сердцебиение, чувство тяжести в области сердца — исчезли, даже при том, что их климактерическая основа осталась. Очевидно, эти невротические реакции сердца, эта тяжесть были в конечном счете выражением духовной тяжести. “Беспокойны наши сердца...” — говорит Августин. Сердце нашей пациентки оставалось беспокойным до тех пор, пока она не смогла успокоиться в сознании своей единственной и уникальной жизненной задачи, в сознании ответственности и обязательности ее выполнения»¹.

Дорабатывая логотерапевтические методы, Франкл добавлял к парадоксальной интенции так называемую дерефлексию — метод, когда человек должен игнорировать собственную патологическую склонность к самонаблюдению, когда пациента следует переориентировать со своих проблем на внешние задачи. И парадоксальная интенция, и дерефлексия должны привести человека к тому, что Франкл называл самотрансценденцией, то есть выходу за пределы своего «Я» и ориентации на ком-то или на чем-то внешнем. Человек может стать человеком или как минимум справиться со своими невротическими переживаниями, только забыв, отказавшись от себя и обратившись на другого.

В дальнейшем Виктор Франкл разработал еще один метод логотерапии — общего знаменателя, когда в, казалось бы, несравнимых ситуациях, в которых оказывается пациент, находится нечто общее, и именно по этому критерию сравнивается значимость событий или ценностей в

¹ Там же.

жизни человека. «Молодой человек пришел к своему доктору за советом по поводу решения, которое он должен был принять. Подруга его невесты фактически пригласила его отправиться с ней в постель. Теперь молодой человек ломал себе голову, какое принять решение, как ему поступить. Должен ли он изменить своей невесте, которую он любил и уважал, или же игнорировать предоставившуюся возможность и сохранить свою верность ей?

Доктор принципиально отказался принимать решение за пациента. Однако он поступил совершенно правильно, постаравшись разъяснить пациенту, каковы его подлинные желания и что он думал достичь в том и другом случае. С одной стороны, молодой человек имел единственную возможность для единичного удовольствия; с другой стороны, он также имел единственную возможность для морально одобряемого поведения, а именно самоотречение во имя любви, что могло означать “достижение” для его собственного сознания (не для его невесты, которая, возможно, никогда не узнала бы ничего обо всем этом деле). Молодой человек проявил такую заинтересованность этой возможностью потому, что, как он выразился, он “не хотел упускать ничего”. Но предлагавшееся ему удовольствие, вполне вероятно, могло бы оказаться весьма сомнительным, так как доктор лечил этого пациента по поводу нарушений потенции. Доктор вполне мог, следовательно, предполагать, что нечистая совесть пациента могла бы оказаться таким фактором, который может вызвать переходящую импотенцию. По очевидным причинам доктор оставил свои прагматические соображения при себе. Но он постарался сделать понятной пациенту его ситуацию, которая напоминала ситуацию “буриданова осла”, осла из схоластической теории, который непременно умер бы от голода, будучи помещенным на равном расстоянии от двух равных по величине порций овса, так как он был бы неспособен выбрать одну из них. Чего доктор старался достичь — так это привести две возможности, так сказать, к общему знаменателю. Обе возможности были “единственными возможностями”; в обоих случаях пациент “упускал бы что-то”, делая тот или иной выбор. В одном случае он имел бы сомнительное удовольствие (вероятно, несомненное неудовольствие), а в другом случае он был бы способен подтвердить для себя глубокую благодарность, которую он чувствовал к своей невесте и которую, по его словам, он никогда не мог выразить полностью. Его отказ от этого ма-

ленького сексуального порыва мог бы послужить выражением этой благодарности.

Из его беседы с доктором молодой человек уяснил, что в обоих случаях он терял бы что-то, но также и то, что в одном случае он терял бы сравнительно немного, а в другом — несравнимо больше. Без необходимости того, чтобы доктор указывал правильный путь, пациент сам теперь понимал, какой путь ему следует избрать. Он принял свое решение, принял его независимо. Оно было независимым не вопреки, но фактически в результате этой проясняющей беседы»¹.

Книга «Доктор и душа» имела огромный успех у читателей — сначала в Австрии, потом в США и, наконец, по всему миру. Судьба второй книги — «Скажи жизни “Да!”» — была поначалу менее успешной. Она практически не продавалась, и часть тиража даже пришлось сдать в макулатуру. Лишь благодаря тому, что книгу перевели на английский язык, она получила мировое признание. В США она стала второй по популярности книгой после дневника Анны Франк, раскрывавшей проблему нацистских преступлений. Первый перевод и издание книги в Америке были осуществлены благодаря бывшему учителю Франкла — Рудольфу Аллерсу. Именно ему в знак уважения Виктор Франкл отправил свои книги. Аллерс же познакомил с ними известного американского психолога Гордона Олпорта — одного из основоположников системного подхода к изучению личности. Олпорт был настолько впечатлен работой Франкла, что инициировал ее перевод на английский язык и даже написал к ней предисловие, открыв, таким образом, австрийского психиатра англоязычной аудитории.

Благодаря своим книгам Виктор Франкл получил международное признание уже в послевоенные годы. Он вновь обратился к тому, что умел и любил делать, — чтению лекций. Уже в 1946 году Франкл сделал доклад во французской оккупационной зоне. Его первым из австрийцев пригласили выступать с лекциями за границу, в Цюрих. Многие слушатели были так впечатлены его ораторским даром и высоким профессиональным мастерством, что начали интересоваться психологией, а некоторые из них впоследствии стали профессиональными психиатрами или психотерапевтами.

¹ Франкл В. Доктор и душа // https://www.e-reading.club/bookreader.php/111534/Doktor_i_dusha.html (дата обращения — 20.08.2018 г.).

Работая в неврологической больнице Вены, Франкл без остатка отдавал себя любимому делу, тем более что кроме этого дела у него ничего и не было. Некоторые сотрудники клиники отмечали, что он нередко был очень раздражен, весьма резко высказывал свое недовольство. Первоклас-ный профессионал, Франкл требовал абсолютной отдачи и от других. Правда, нельзя не отметить, что сильные нега-тивные переживания в прошлом, а также редукция смысла жизни лишь к одной сфере — работе сделали нервным даже такого великого психиатра, как Франкл. Порой сотрудни-ки клиники боялись подходить к нему с каким-либо вопро-сом. Так, однажды, в 1946 году, хирургическому отделению клиники понадобилась дополнительная кровать. Лишняя кровать была только в неврологическом отделении, но все боялись обратиться к его руководителю — Виктору Фран-клу. Лишь одна молодая девушка, медсестра, которую зва-ли Элеонора, вызвалась поговорить с ним. Эта встреча из-менила жизнь обоих. Франкл вспоминал этот эпизод так: «В сопровождении коллег я обхожу свое (неврологическое) отделение Венской поликлиники. Только я вышел из пала-ты и присоединился к остальным, как вдруг ко мне подо-шла юная медсестра и от имени своего начальника (из ли-цевой хирургии) попросила выделить запасную койку для только что прооперированного пациента. Я дал согласие, она поблагодарила меня улыбкой и ушла, а я обернулся к ассистенту и пробормотал: “Видели, какие глаза?”»¹. Ког-да же Элеонора вернулась в свое отделение и сказала, что Франкл разрешил получить кровать для хирургии, ей не поверили. Медсестры спрашивали ее: «Он кричал на вас? Сердился?» А она отвечала: «Нет, он был очень дружелю-бен». Виктор Франкл с первого взгляда влюбился в девушку и наконец-то обрел новый смысл жизни.

Через год Элеонора Швиндт стала его женой. Для того чтобы жениться, Виктор должен был получить официаль-ное подтверждение гибели своей первой супруги. 16 июля 1947 года Франкл получил уведомление о смерти Тилли, а через два дня он женился на Элли. Так как невеста была католичкой, а жених иудеем, от религиозной церемонии пришлось отказаться, ограничившись гражданским бра-ком. Свадьба была очень скромной. На Элли были дешевое платье и единственные имевшиеся у нее чулки, а Виктор и

¹ Франкл В. Воспоминания. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. С. 180.

вовсе был обут в женские ботинки, которые привез с собой из лагеря. Свадебный десерт представлял собой «мороженое», приготовленное из воды, сахара и красителя¹. Но молодые любили друг друга, а не это ли главная составляющая брака? Через два года у Франклов появилась дочь Габриелла. Виктор и Элеонора прожили вместе до того дня, когда «смерть разлучила их». Это были классические идеальные отношения, о которых принято говорить банальную фразу: «Они были созданы друг для друга».

Супружеское долголетие объяснялось тем фактом, что супруги во многом дополняли друг друга. Виктор Франкл славился чувством юмора. Он даже посвятил этой черте характера отдельную главу в мемуарах, назвав ее «Остроумие». В частности, он рассказывал такой случай из жизни: «Я прочел лекцию в Мюнхене, в Академии изящных искусств, и после этого на меня напал — даже набросился — молодой человек:

— Господин Франкл, вы тут рассуждаете о сексуальности, но разве профессор, который целый день торчит на семинарах да читает лекции, способен на естественный здоровый секс? Вы хотя бы представление о нем имеете?

— Знаете, любезный, — отвечал я, — ваш стиль полемики напоминает мне одного венского остряка: узнав, что у пекаря десять детей, он его спросил: “А когда ж вы печь растапливаете?”

Публика засмеялась, и я продолжал:

— Вот и вы: неужто вы сомневаетесь, что человек, который день напролет выполняет свои обязанности в университете, ночью может вести нормальную половую жизнь?

Так я завоевал аудиторию»².

Элеонора Франкл не уступала в чувстве юмора своему супругу, нередко заставляя его самого оказываться в смешной ситуации. Так, однажды, еще в пору, когда они только начали встречаться, Виктор сказал ей, что у него разболелся зуб, однако он пойдет к врачу лишь на аркане, так как очень боится стоматолога. Через несколько дней Элеонора появилась на пороге его кабинета в клинике, держа в руках изготовленное ею самой лассо из бинтов, и заявила, что она готова отвести его к стоматологу. Франкл был вынужден сознаться, что он не боится стоматолога, да и зуб у него здо-

¹ Pytell T. Viktor Frankl's Search for Meaning: An Emblematic 20th-Century Life. New York: Berghahn, 2015. P. 104.

² Франкл В. Воспоминания. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. С. 41.

ров. «Я лишь хотел еще раз встретиться с вами», — ответил он в свое оправдание¹.

Элли (как он ее называл) была практичной женщиной, и потому все домашние дела были на ней. Виктор, как и свойственно гениям, либо размышлял, либо делился своими мыслями. Организация бытовой стороны жизни была ему чужда.

Франкл во многом изменился благодаря жене. Как отмечала сама Элеонора, она встретила страдающего человека, но с годами он превратился в веселого, озорного мальчишку. Правда, некоторые черты личности и привычки великого психиатра никуда не делись. Для Франкла был характерен нарциссизм, по всей вероятности, уходящий корнями глубоко в детство. Один из его известных учеников и автор биографии А. Лэнгле писал: «Это была громоздкая, очень “много о себе воображающая” манера, которая сопровождалась желанием делать себя центром всего. Франкл, ведущий свою родословную от знаменитого Махарала — рабби Лёва в Праге (он подчеркивает это в первом же абзаце своей автобиографии), очевидно, нес в себе ощущение, что он — нечто великое и особенное. Я замечал: он уделял немало сил, времени и умения для поддержания такого образа на публике. К сожалению, не самое приятное впечатление производят уже первые страницы его автобиографии, когда в главе о матери он пишет в основном о самом себе и обо всех “знаменательных” обстоятельствах, которые сопровождали его рождение»². Из-за этой черты характера Франкл особенно страдал на родине, не раз теряя поддержку коллег или даже приобретая их неприязнь.

Еще одной особенностью Франкла была боязливость, порождавшая в нем ипохондрию и даже тягу к суевериям. Он считал, что научный журнал, который примет к публикации его статью, непременно должен закрыться. Если он похвалит какие-либо часы, они остановятся. Если он сфотографируется у сложного подъема на гору, то никогда его не одолеет³. Если он поселялся в отеле, то заранее заботился о том, чтобы рядом не было храмов, так как колокольный звон будил в нем неприятные воспоминания о Терезиен-

¹ Pytell T. Viktor Frankl's Search for Meaning: An Emblematic 20th-Century Life. New York: Berghahn, 2015. P. 103.

² Лэнгле А. Виктор Франкл. Портрет. М.: РОССПЭН, 2011. С. 102.

³ Там же. С. 114—115.

Карен Хорни за роялем

Карен Хорни и ее
любимый спаниель
Бутчи

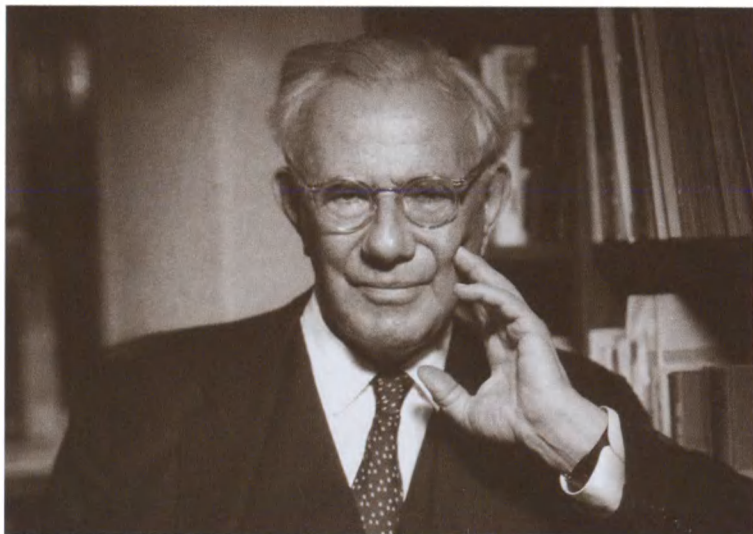

«Лучший ученик»
Фрейда
Карл Абрахам

Гарри Салливан —
основатель интер-
персонального
психоанализа

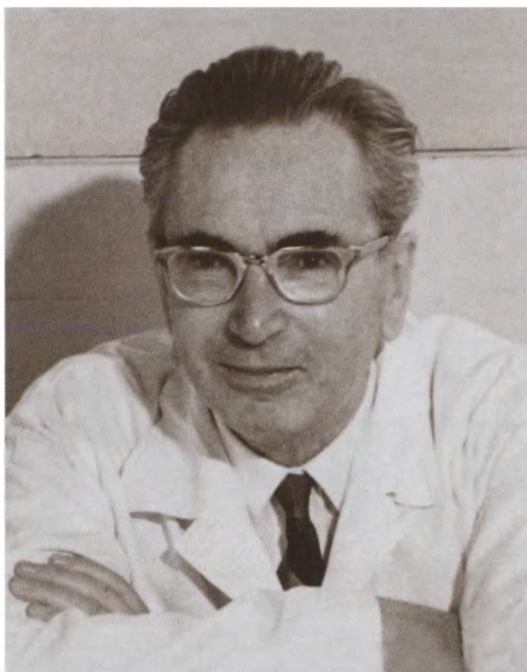

Известный
протестантский
теолог
Пауль Тиллих

Очередь за бесплатной похлебкой во время Великой депрессии.
США. Конец 1920-х гг.

Виктор Франкл —
создатель
логотерапии

Родители Виктора
Франкла — Габриель
и Эльза

Франкл со своей
первой женой
Тилли Гроссер.
Начало 1940-х гг.

Виктор Франкл
и Элеонора
Швиндт

Один
из основополож-
ников
философской
антропологии
Макс Шелер

Виктор Франкл вместе с коллегами у больницы Ротшильда.
Начало 1940-х гг.

Вход в гетто Терезиенштадт

Филиал Дахау Кауферинг VI. 1945 г.

Виктор Франкл. 1947 г.

Франкл во время
одной из лекций
общается со своим
пациентом

Восхождение
Франкла на вершину

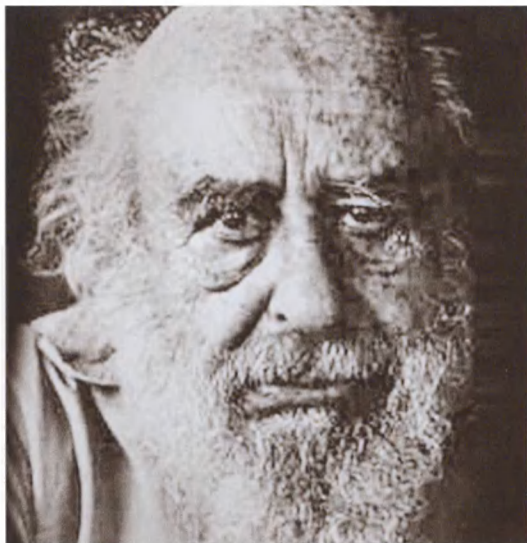

Фриц Перлз
в молодости

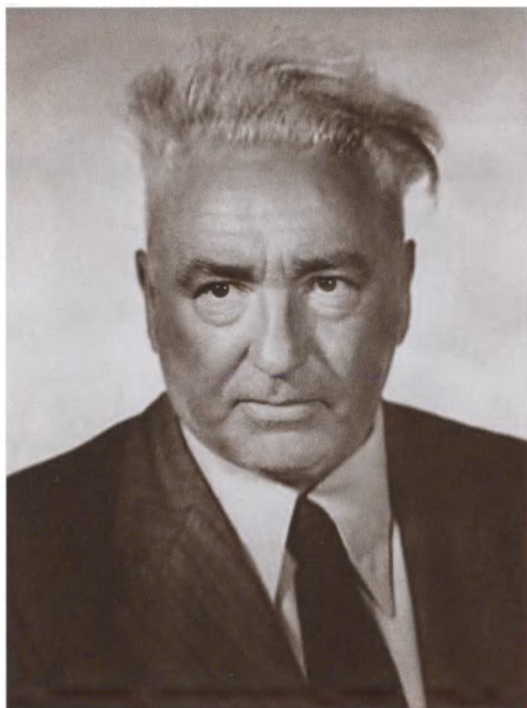

Лора Перлз – жена
и соавтор
Фрица Перлза

Гуру
гештальттерапии
Фриц Перлз.
Конец 1960-х гг.

Автор теории
«мышечного
панциря»
Вильгельм Райх

Пол Гудман — анархист, пацифист, интеллектуал

Перлз за работой в Эсалене. *Конец 1960-х гг.*

Абрахам Маслоу —
основатель
гуманистической
и трансперсональной
психологии

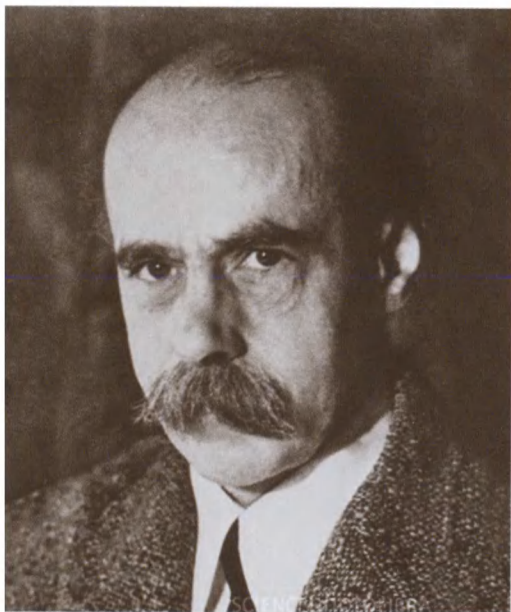

Гарри Харлоу
во время опытов
над обезьянами.
Конец 1950-х гг.

Патриарх
американской
психологии Эдвард
Торндайк

Один из авторов
гештальт-
психологии Макс
Вертгеймер

Маслоу во время посещения Института Эсален. *Середина 1960-х гг.*

Абрахам Маслоу проводит семинар

Счастливый отец — Маслоу со своими дочерьми Энн и Эллен

Маслоу с супругой Бертой и внучкой. *Конец 1960-х гг.*

штадте. Он в принципе не любил шум и поэтому всегда имел при себе беруши, причем только определенной марки, которые можно было приобрести либо в одном-единственном магазине в Граце, либо в США. В общем, даже такой профессионал в области психологии, как Виктор Франкл, оставался человеком со своими слабостями, с которыми он не хотел или не мог расстаться.

Элеонора Франкл разделяла с мужем всё, даже такое экстремальное увлечение, как альпинизм, которым Виктор занимался с юных лет с целью преодолеть в себе страх подъема на горы. Но с годами страх исчез, а любовь к восхождению осталась до глубокой старости. Он поднимался на вершины в Австрии и в ЮАР, в Италии и в США. Несколько маршрутов в Альпах были названы в его честь «тропами Франкла». Элли говорила, что альпинизм, конечно, не являлся ее мечтой, но когда она находилась рядом с мужем, ей казалось, что он в безопасности. Франкл вообще связывал свою страсть к покорению вершин с теми психологическими взглядами, которых придерживался: «Друзья намекали, что моя любовь к скалолазанию связана с моим интересом к “высокой психологии”, которую я открыл и впервые описал в 1938 году. Пожалуй, да: в шестьдесят семь лет я начал обучаться на пилота и через пару месяцев совершил первый самостоятельный полет»¹.

Альпинизм являлся далеко не единственной страстью Франкла. Создатель логотерапии был заядлым кофеманом. Он зависел от кофе настолько, что брал с собой в любую поездку кофеиновые таблетки на тот случай, если не удастся выпить крепкого кофе. Франкл обожал галстуки и покупал их при любой возможности. Он разбирался в дизайне очков, да так, что одна из крупных фирм прислала ему эскиз одного из своих изделий для оценки, перед тем как очки отправились в массовое производство. Франкл сочинял музыку, которую исполняли профессиональные композиторы. Он написал пьесу под названием «Синхронизация в Биркенвальде», в которой осмысливал свой лагерный опыт. Он коллекционировал автографы известных личностей. Сохраняя всю жизнь детскую непосредственность, Франкл обожал смотреть детские телевизионные передачи. Когда он бывал в США, то всегда спешил к телевизору, чтобы посмотреть «Мапет-шоу». Он даже дал себе прозвище — «лягушонок Кермит» (Франкл считал, что у него такое же боль-

¹ Франкл В. Воспоминания. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. С. 50.

шое туловище и длинные тонкие ноги) по имени одного из персонажей этой постановки¹. В общем, если бы Франкл не стал психиатром, ему точно было бы чем заняться.

В 1948 году Франкл получил еще одну ученую степень, на сей раз по философии. Степень была присвоена ему за новую книгу «Бессознательный Бог: психотерапия и религия»². Основой труда послужили как раз те самые лекции, которые Франкл читал в послевоенные годы. Психотерапевт настаивал, что в бессознательном человека находятся не только инстинкты, как считал Фрейд, но и духовность, которая должна быть главным объектом глубинной психологии. Анализируя сновидения своих пациентов, Франкл пришел к выводу, что подавляются не только сексуальные или агрессивные инстинкты, но и религиозность, являющаяся частью духовного бессознательного. Даже у атеистов имеется бессознательная религиозность. Однако «подсознательный Бог», как называл это Франкл, не связан с какими-то конкретными конфессиями, он индивидуален, неповторим у каждого человека. Осознание своего Бога, своей религиозности, а не слепое следование навязываемым различными церквями убеждениям и есть открытие в себе истинной духовности. Этому осмыслению способствует человеческая совесть, инстинктивно связывающая нас с бессознательным.

Книга «Бессознательный Бог» оказалась особенно популярна среди верующих американских читателей. Уже в середине 1950-х годов к Франклу за обучением основам логотерапии обратились протестантские священники Методистской церкви³, занимавшиеся пасторской психологией. Один из его новых учеников — Роберт Лесли даже издал книгу под названием «Иисус и логотерапия», в которой сравнивал Новый Завет и логотерапию. А Элизабет Кюблер-Росс — автор концепции психологической помощи умирающим, полагавшая, что только после смерти люди становятся полноценными, назвала книгу Франкла «самой честной» книгой о Боге⁴. После выхода в свет этого труда некоторые

¹ *Pytell T.* Viktor Frankl's Search for Meaning: An Emblematic 20th-Century Life. New York: Berghahn, 2015. P. 111.

² *Frankl V.* Der unbewufite Gott: Psychotherapie und Religion. Munchen: Kosel, 1988.

³ *May R.* Existential psychology. New York: Random House, 1961. P. 42.

⁴ *Pytell T.* Viktor Frankl's Search for Meaning: An Emblematic 20th-Century Life. New York: Berghahn, 2015. P. 7.

критики заявляли, что логотерапия не является психотерапией, а представляет собой скорее продолжение религии. На это Франкл отвечал, что «психотерапия (и логотерапия в частности) стремится к психическому здоровью, тогда как религия нацелена на спасение»¹.

С годами, особенно после пережитого лагерного опыта, Франкл вновь стал верующим человеком. Он никогда не говорил об этом публично, и его вера была верой в непостижимый, парадоксальный Абсолют, который не может быть описан ни одной из существующих религий в полной мере. Тем не менее он сохранял дань традициям своей семьи и оставался иудеем. Несколько раз в год посещал синагогу, отмечал наиболее значимые праздники, регулярно молился. Но также вместе с женой он мог побывать на службе в католическом храме или отпраздновать Рождество. В 1977 году они с Элеонорой решили снова попробовать обвенчаться, надеясь, что времена изменились и иудей и католичка смогут получить благословение священников на брак. Католический кардинал дал согласие, а вот главный раввин Вены отказался. Франкла и его супругу нельзя было смутить подобным решением. Они теперь считали, что отсутствие церковного благословения брака больше не является их личной проблемой.

Известность Франкла и его логотерапии продолжала расти. Хотя нередко можно было услышать и критические замечания в адрес его теории. Одним из его оппонентов в начале 1960-х годов стал известный американский психотерапевт, представитель экзистенциальной психологии Ролло Мэй. В своей работе «Экзистенциальная психология» Мэй заявил, что логотерапия авторитарна, так как «кажется, что (у терапевта. — С. А.) имеются решения всех проблем, но это противоречит сложности реальной жизни. Кажется, что, если пациент не может найти собственную цель в жизни, Франкл предоставит ее. Это снимает с пациентов ответственность и... принижает пациента как личность»². Основатель логотерапии отвечал, что она «нисколько не колеблется в сторону авторитаризма и меньше всего стремится сделать так, чтобы взять на себя ответственность пациента и принизить его как человека... На-

¹ *Redsand A. Viktor Frankl. A Life worth Living. New York: Clarion books, 2006. P. 123.*

² <https://www.psychologytoday.com/us/blog/authoritarian-therapy/201604/the-case-against-viktor-frankl> (дата обращения — 20.08.2018 г.).

оборот, логотерапия может быть определена как обучение ответственности»¹.

Однажды американский врач поинтересовался у Франкла, в чем же принципиальное отличие логотерапии от психоанализа. Франкл спросил его, как тот представляет себе психоанализ, и услышал ответ: «Во время психоанализа клиент должен лечь на кушетку и рассказать вам вещи, которые ему неприятно говорить». Виктор Франкл отреагировал на это определение с присущим ему чувством юмора: «В логотерапии пациент может оставаться сидеть, но он должен слышать вещи, которые ему неприятно слышать»².

Франкл не боялся критики. Например, в послевоенные годы он высказывался против идеи коллективной вины немцев, даже тех, кто имел нацистское прошлое. В своих выступлениях и статьях он подчеркивал, что люди гораздо более сложные создания, а ситуации, в которых они оказываются, не всегда однозначны. Возможно, что в основе такой позиции Франкла лежал и его личный опыт работы во время оккупации в больнице Ротшильда, управлявшейся нацистами. Он прекрасно понимал, что делал свое дело для помощи людям и спасения семьи, но кто-то мог увидеть в этом и сотрудничество с нацистами. «В 1946 году отрицать коллективную вину, а тем более заступаться за члена национал-социалистической партии было немодно. На меня это неоднократно навлекало критику со стороны различных организаций. Пришлось и мне прятать в своей квартире коллегу, который был награжден почетным значком гитлерюгенда, — мы узнали, что за ним охотится полиция, чтобы доставить его в народный суд. В ту пору существовало только два исхода — оправдательный приговор или смерть. Я укрыл этого человека от властей.

Против понятия коллективной вины я высказался тогда же, в 1946 году, в присутствии генерала, командующего французскими оккупационными войсками (я выступал с докладом во французской зоне оккупации). На следующий день ко мне явился профессор университета, бывший

¹ *Frankl V. Unconscious God: Psychotherapy and theology. New York: Simon and Schuster, 1975. P. 121.*

² *Redsand A. Viktor Frankl. A Life worth Living. New York: Clarion books, 2006. P. 114.*

офицер СС, и со слезами на глазах спросил меня, как мне достало духу выступить против огульных обвинений. “Вы сделать это не можете, — ответил я. — Это выглядело бы как самозащита. Но я — бывший заключенный № 119104 и в качестве такового вполне могу высказывать подобное мнение, а значит, должен его высказывать. К моим словам прислушиваются, и это налагает определенные обязательства”»¹.

В 1978 году Франкл был приглашен в качестве одного из докладчиков на мероприятие, проходившее в синагоге Нью-Йорка. Во время выступления, говоря о коллективной вине немцев, психиатр начал приводить примеры людей, сотрудничавших с нацистами и спасавших евреев. Большая часть аудитории была в негодовании, из зала даже были слышны крики «нацистская свинья», кто-то вставал и уходил в знак протеста². Но Виктора Франкла это нисколько не смутило.

К 1960-м годам Франкл был уже всемирно известным психологом, настоящим гуру. Десятки, если не сотни писем ежедневно приходили на его имя домой или в клинику. Супруга помогала ему вести переписку, организовывать лекции и поездки, в которых сопровождала его. Каждый рабочий день Франкла был расписан по минутам, и так как он был педантом, то следовал этому графику неукоснительно. Только США Франкл посетил около ста раз. Он прочитал лекции более чем в двухстах университетах за пределами Европы. Франкл четырежды совершал кругосветные поездки с лекциями³.

Он стал почетным доктором двадцати восьми университетов. Никто из психологов или психотерапевтов до сих пор не может сравниться с ним своими достижениями. Основанная им логотерапия получила всеобщее признание и стала называться Третья Венская школа психотерапии, дополняя психоанализ и индивидуальную психологию, также появившиеся в столице Австрии. В общей сложности Франклом была написана 31 книга и более четырехсот статей. Но свои главные работы он создал сразу же после окончания войны. Десятки, если не сотни обществ, институтов, центров еще при жизни Франкла почитали за честь

¹ Франкл В. Воспоминания. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. С. 144.

² Redsand A. Viktor Frankl. A Life worth Living. New York: Clarion books, 2006. P. 120.

³ Франкл В. Воспоминания. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. С. 162.

назваться его именем. Его супруга, без помощи которой развитие любимого дела Франкла вряд ли было возможным, тоже была удостоена в 1993 году почетной степени доктора наук Чикагского университета, вместе с мужем. Чтобы подчеркнуть ее значение для становления логотерапии, Виктор отказался от своей степени в ее честь. Элеоноре такое признание вряд ли было необходимо. Она видела в логотерапии скорее соперницу, которая в течение многих лет отнимала у нее мужа. Супруга Франкла мечтала о том дне, когда она не услышит больше ни слова о своей «конкурентке»¹.

Громкая слава, заставлявшая Франкла вместе с женой большую часть времени посвящать работе, вызывала у Элеоноры опасения, что их дочери будет не хватать родительского внимания и заботы. Однако позднее Габриелла вспоминала, что она не испытывала дефицита любви родителей в первую очередь потому, что они проводили с ней всё свободное время, когда находились дома. Франкл был не только выдающимся лектором, но и прекрасным рассказчиком сказок для любимой дочери. Если же Габи было очень нужно, она всегда могла найти отца в клинике, располагавшейся неподалеку от их дома, персонал которой обожал девочку. Неудивительно, что, когда Габриелла выросла, она выбрала сферой своих интересов психологию. Правда, решила заняться детской психологией, а не логотерапией.

Виктор Франкл поистине стал человеком мира. Его желали видеть и слышать рядовые граждане. Аудитории, в которых он читал открытые лекции, не вмещали всех желающих, так как нередко их было несколько тысяч. К нему обращались с вопросами заключенные американской тюрьмы, и он ехал поговорить с ними, несмотря на напряженный лекционный график. Президенты, религиозные и общественные деятели в разных уголках Земли хотели общаться с ним. Некоторые из этих встреч сам Франкл выделял особенно. Он вспоминал аудиенцию у папы римского Павла VI: «Мы явились на аудиенцию вместе с супругой, и оба были глубоко тронуты. Павел VI поздоровался с нами по-немецки и продолжил беседу на итальянском языке, а присутствовавший на аудиенции священник переводил: папа говорил о значении логотерапии не только для Като-

¹ Лэнгле А. Виктор Франкл. Портрет. М.: РОССПЭН, 2011. С. 135.

лической церкви, но и для всего человечества. И он также похвалил мое поведение в лагере, хотя, откровенно говоря, не очень понимаю, что конкретно он мог иметь в виду.

Когда мы распрощались и уже уходили, приблизились к двери, он вдруг снова перешел на немецкий и почти крикнул вслед мне, еврейскому неврологу из Вены: “Пожалуйста, молитесь обо мне!”»¹.

Франкл нередко вспоминал и о встречах с двумя классиками философии — Мартином Хайдеггером и Карлом Ясперсом. Идея ответственности, фундаментальная для логотерапии Франкла, была созвучна взглядам хайдеггеровской герменевтической феноменологии. Они встретились впервые в 1958 году на конференции в Вене. На память об этой встрече осталась фотография, на которой Хайдеггер написал слова, объединявшие его взгляды с позицией Франкла: «Прошлое уходит, будущее настает». Виктор Франкл высоко оценивал эту фразу с психотерапевтической точки зрения. Он говорил: «То, что существовало, то, что было сущностным, живет в тебе и дальше, не утрачивается, а возвращается! А время, с его суетой, угрозами, страхами, — оно минуло. Оно прошло»².

От общения Виктора Франкла с Карлом Ясперсом сохранилось три письма, написанных в период с 1953 по 1961 год, и воспоминания основателя логотерапии о личной встрече с философом весной 1961 года: «Когда я навещил его в Базеле, Карл Ясперс сказал мне: “Господин Франкл, я знаком со всеми вашими книгами, и всё же книга о концентрационных лагерях (и он показал мне ее в своей библиотеке) — одна из немногих по-настоящему больших книг человечества»³. Несмотря на близость идей, в том числе понятий — самотрансценденции Франкла и коммуникации Ясперса, они не нашли общего языка друг с другом для того, чтобы поддерживать отношения. Как отмечал сам Франкл, ему были чужды стиль общения и аристократические манеры Ясперса.

В последние годы жизни судьба приготовила для Виктора Франкла новое испытание. Однажды вечером, когда жена вошла в гостиную, где он как обычно смотрел теле-

¹ Франкл В. Воспоминания. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. С. 172.

² Лэнгле А. Виктор Франкл. Портрет. М.: РОССПЭН, 2011. С. 89.

³ Karl T. Jaspers and Viktor E. Frankl: Compared Thoughts of Two Psychiatrist. Alcoholism and Psychiatry Research. 2015. № 51. P. 90.

визор, Франкл спокойным голосом произнес: «Элли, я ослеп». Ему было 85 лет. Франкл воспринял слепоту стоически, не сожалея о случившемся, не требуя жалости к себе или поддержки. Еще семь лет до своей кончины Виктор Франкл продолжал вести активную деятельность. В возрасте девяносто одного года он прочитал последнюю лекцию в Венском университете и был удостоен права выступить с торжественным докладом на Первом Всемирном конгрессе по психотерапии, проходившем в его родной Вене, где он прожил всю свою жизнь. 2 сентября 1997 года во время операции на сердце Виктор Франкл скончался. Так завершилась жизнь великого психолога, познавшего ее смысл и пытавшегося помочь другим найти этот смысл.

Глава VI

ФРИЦ ПЕРЛЗ (1893—1970)

Каждый новый год привносит в историю что-то свое. Некоторые события сохраняются в исторической памяти навсегда, а какие-то исчезают из нее бесследно. В результате подобных метаморфоз возникает мозаика разнообразных, не сравнимых друг с другом фактов, из которых складывается то, что называется историей человечества. 1893 год не был исключением и оставил для истории немало интересного.

Например, в этом году норвежский полярный исследователь Фритьоф Нансен отправился к Северному полюсу на корабле «Фрам»¹. Экспедиция, являвшая собой пример выдающейся силы человеческого духа и плоти, продолжалась четыре года и открыла существование в районе Северного полюса океанского бассейна.

Посетители Всемирной выставки в Чикаго впервые в мире прокатились на колесе обозрения, которое по замыслу организаторов должно было затмить Эйфелеву башню — визитную карточку парижской выставки 1889 года. В это же время в США в результате биржевой паники начался экономический кризис, равных которому до той поры не было. Всего за несколько месяцев почти четыре миллиона человек оказались безработными.

В конце года в Москве были открыты Верхние торговые ряды (получившие в советскую эпоху название ГУМ) — на тот момент самый большой и самый модный пассаж в Европе. Помимо великолепной архитектуры в «русском стиле», богатейшего ассортимента на любой вкус универмаг имел собственную электростанцию, артезианскую скважину, отделение банка, телеграф, рестораны, ателье, выставочные

¹ От норв. «вперед».

залы и многое другое, что могло впечатлить любого самого придирчивого посетителя.

Ну и конечно же ни один год не обходится без рождения великих людей. В 1893 году на свет появился Владимир Маяковский, писавший о себе:

Четыре.
Тяжелые, как удар.
«Кесарево кесарю — богу богово».
А такому,
как я,
ткнуться куда?
Где для меня уготовано логово?
Если б был я
маленький,
как Великий океан, —
на цыпочки б волн встал,
приливом ласкался к луне бы.
Где любимую найти мне,
такую, как и я?
Такая не уместилась бы в крохотное небо!

Пожалуй, подобные строки мог бы написать о себе и наш герой, потому что Маяковский, этот вечно влюбленный романтик и хулиган, как никто был похож на него (они даже появились на свет с разницей в несколько дней), хотя родились они в разных странах и приобрели славу в абсолютно не схожих сферах — литературе и психологии. Фридрих Соломон Перлз, более известный как Фриц Перлз, родился 8 июля 1893 года в одном из еврейских районов, располагавшихся в предместьях Берлина. Он стал третьим, самым младшим ребенком в семье Натана Перлза и Эмилии Ранд. Роды были тяжелыми, потребовались даже акушерские щипцы, чтобы помочь ребенку появиться на свет. К тому же в первые недели жизни Фриц чуть было не умер из-за того, что мать заразила его какой-то инфекцией. Но кто-кто, а уж Фриц Перлз был точно не из тех людей, которые безропотно покоряются обстоятельствам. И по всей вероятности, эта его черта характера начала формироваться еще тогда, во младенчестве, когда он сначала родился, а потом выжил, несмотря ни на что.

Отец Фрица Натан Перлз торговал вином и, как все предприниматели, находился в постоянных разъездах. Фриц Перлз вспоминал, что тот любил танцевать, пить, целоваться, при этом не забывал о работе — он был «главным

представителем компании Ротшильда»¹. Кроме этого, Натан Перлз являлся масоном, чуть ли не Великим мастером, участвовавшим в учреждении новых лож, которые, правда, лопались уже через несколько недель после возникновения. Когда Фрицу исполнилось 18 лет, отец захотел ввести сына в тайную общину, но ритуал не вызвал у Фрица ничего, кроме разочарования, и он так и не стал масоном.

Мать Фрица Эмилия Ранд происходила из семьи ортодоксальных евреев, но, так же как и ее супруг, была далека от иудейских традиций. Нельзя сказать, что она была человеком образованным, но всегда интересовалась изобразительным искусством, театром и оперой. Фриц вспоминал о ней с теплотой: «Она имела на меня виды, но не как все “еврейские мамы”». Но потом отец промотал все ее деньги, и мы радовались, когда нам хватало еды. Она была хорошей поварихой, но никогда не готовила нам еду... Она собрала немного денег, так что у нас было постоянное место в Королевском театре и крыло в Императорской опере и Театре. Еще она хотела, чтобы я обучался игре на скрипке и плаванию. Но он не давал денег, а она не была в состоянии оплатить скрипку. Только уроки плавания. И я стал настоящей водяной крысой»².

Кроме Фрица у Натана и Эмилии Перлз было еще две дочери. Старшая, Эльза, была наполовину слепой, и мать, естественно, уделяла ей больше внимания, чем остальным детям. Фриц ревновал сестру к матери и боялся, что когда он повзрослеет, то будет вынужден ухаживать за ней. Когда они уже будут взрослыми и Фриц однажды узнает, что Эльза погибла в концлагере, он несколько не расстроится. Со средней сестрой Гретой Фриц был близок на протяжении всей жизни. Он вспоминал ее как «девчонку-сорванца, отчаянную, с упрямыми волнистыми волосами». В пору зрелости Фриц с удовольствием отмечал, что Грета им очень гордилась, а еще присылала в подарок самые изысканные конфеты, чтобы побаловать брата.

К моменту рождения Фрица брак Перлзов фактически распался. Главной причиной тому были многочисленные романы Натана на стороне. Однако разводы в конце XIX века в силу существовавших традиций были невозможны, поэтому, как и бывает в подобных случаях, вынуж-

¹ Перлз Ф. Внутри и вне помойного ведра. СПб.: Петербург-XXI век, 1995. С. 199.

² Там же. С. 150.

дены были страдать все — и супруги, и дети. Чаше всего от отца доставалось Фрицу. Авторитарный Натан не терпел выходок мальчика, обзывая его и, по всей вероятности, избивая.

И всё же свое детство Фриц Перлз считал счастливым. Он писал: «...я действительно должен был стать милым ребенком. Любящим, стремящимся радовать и учиться»¹. Фриц любил кататься на коньках, плавать, бегать с друзьями по берлинским улицам, как и подобает мальчишке. Он научился читать довольно рано, и вполне возможно, что к этому его побудил интерес к библиотеке отца, запертой от глаз посторонних в отдельной комнате. Мальчик пробирался туда тайком от всех, однако запомнил он не то, что прочитал в книгах, а совсем другой случай, произошедший с ним в возрасте десяти лет: «Мое вторжение в секретную комнату не имело бы суровых последствий, не будь оно осложнено: свинья-копилка, содержащая золотые монеты, которые, как предполагалось, станут приданым моей сестры Эльзы. Я вынул эти монеты и купил марки для своего красивого белокурого христианского друга, надеясь купить его дружбу, или в знак своей дружбы. Сколько упреков я получил за эту кражу, и как долго мне потом пришлось возмещать ее!

Когда кража раскрылась, я в ужасе убежал. Я спал на лестницах в чужих домах, у меня не было денег. Потом я посетил каких-то друзей в другом конце Берлина, получил хорошую еду и деньги на проезд, которые оставил, чтобы купить хлеба на следующий день. Потом я рассчитал: по-видимому, “они” думают, что я покончил жизнь самоубийством, и “они” не пошлют меня в исправительное заведение, как “они” часто угрожали. Может быть, “они” даже обрадуются, что я жив.

Итак, я вернулся и обнаружил их всех в сборе с сердито сдвинутыми бровями, исключая дядю Евгения, брата доктора моей сестры, еще одного напыщенного осла. Приговор моего отца был таков: “Я прошу тебя, но я никогда не забуду, что ты сделал”. Лаконично, не так ли?»²

В дальнейшем последовали и другие выходки подростка, причиной которых был не только возраст, но и негативная обстановка в семье. Своим провокационным поведением Перлз пытался дать понять родителям, что он хочет

¹ Перлз Ф. Внутри и вне помойного ведра. СПб.: Петербург-XXI век, 1995. С. 197.

² Там же. С. 200.

заботы и любви, а не скандалов, упреков и невнимания. Отца, как главного виновника семейных проблем, он ненавидел всё больше и больше. Но и отношения с матерью оставляли желать лучшего, особенно когда стало понятно, что мальчик напрочь не желает учиться. Однажды Фриц убежал от разгневанной матери и вдребезги разбил перед ней дверное стекло, а потом корчил рожи, радуясь, что она не может его поймать. По всей вероятности, в это время мать посетила с сыном психотерапевта, чтобы понять негативные изменения, произошедшие с ее чадом. Врач прописал мальчику успокоительные и физические упражнения, ни слова не сказав самой Эмилии о том, что необходимо менять не поведение мальчика, а свои отношения с мужем. Фрицу прописанное лечение, естественно, не помогло, тем более что доктору он не поверил.

Если в начальной школе маленький Фриц был успешным учеником, то оказавшись в средней, в гимназии имени Теодора Моммзена¹, ситуация изменилась на противоположную. Здесь ему сразу же не понравились учителя, которых он характеризовал как не любящих детей и грубых. Перлз стал учиться настолько плохо, что в седьмом классе его отчислили. Это было неудивительно, ведь назло родителям он занимался чем угодно, только не сидел за учебниками. Например, вместе с одним из друзей, которого звали Фердинанд, он впервые в жизни воспользовался услугами жрицы любви, когда ему было всего лишь 13 лет.

После отчисления из школы Фриц устроился помощником торговца потребительскими товарами, но и там он не собирался заниматься делом, а лишь подшучивал над начальником, за что и был сразу же уволен. В это же время Перлз отрекся от иудаизма, объявив себя атеистом и оставшись таковым до самой смерти (иногда он саркастически называл себя дзен-иудаист).

Через год после отчисления из гимназии благодаря стараниям всё того же закадычного друга Фердинанда он нашел новую — Асканийскую гимназию, которая была готова его принять. Эта гимназия славилась своими либеральными устоями, и именно там Перлз впервые получил поддержку в реализации своих интересов. Главной его страстью стал театр (видимо, материнское воспитание всё же дало свои плоды). Он даже начал подрабатывать в массовке Королев-

¹ *Теодор Моммзен* (1817—1903) — историк, филолог, лауреат Нобелевской премии по литературе 1902 года за труд «Римская история».

ского театра всего за 12 с половиной центов за спектакль, благодаря чему смог самостоятельно оплачивать свое обучение в театральной школе и даже купить себе велосипед.

Через несколько лет он поступил в драматическую школу при Немецком театре в Берлине, которой в то время руководил известный режиссер Макс Рейнхард. Впоследствии Перлз называл Рейнхарда первым творческим гением, которого он встретил. Режиссер был ярким экспериментатором, придавая огромное значение ритмичности спектаклей, звуку, свету, декорациям на сцене. Возможно, именно у Рейнхарда Перлз научился понимать язык тела, что позднее успешно использовал в своей терапии.

Кроме театра Фриц увлекался рисованием, писал тексты и сочинял стихи — он искал себя в творчестве. Но главное — он продолжил образование, что не могло не радовать его мать. Задумываясь о будущем, Перлз видел перед собой пример дяди Германа Стауба — «величайшего адвоката Германии», как он его называл. Дядю он любил, а вот юриспруденцию нет, поэтому и не хотел идти по стопам родственника. К моменту окончания школы Фриц сделал свой выбор. Под влиянием родителей он поступил на медицинский факультет Берлинского университета. Правда, психология его еще не увлекала, а медициной он занимался без особого интереса.

Его первые студенческие годы оказались ничем не примечательны, но в 1914-м началась Первая мировая война, изменившая судьбы миллионов. Среди них оказался и 21-летний Фриц Перлз. Он обозначил это время весьма лаконично: «Мир взрывается. Жизнь в агонии окопов. Бесчувственность. Ужас жизни и ужас умирания. Замешательство». Правда, поначалу война не касалась Фрица. Призывная комиссия определила его в запас из-за проблем со спиной и сердцем с формулировкой «годен для земляных работ».

В 1915 году Фриц решил стать волонтером Красного Креста. Он добровольно отправился в Монс, находившийся на границе с Бельгией, провел там месяц, а когда ему стало скучно, без всякого разрешения руководства уехал в Берлин. Вполне естественно, что его поймали. Чтобы хоть как-то объяснить свой побег, Перлз заявил, что у него сильно разболелась нога и он не может продолжать заниматься волонтерской работой. Однако его отговорки во время войны мало кого волновали. После болезненной инъекции Фрица вернули в Монс, где он должен был дежурить на станции, раздавая питание раненым, возвращающимся

с фронта. Перлз вспоминал, что именно тогда он впервые ощутил «вкус и шок бесчеловечности войны».

Потери на фронте становились всё более существенными, и Генштаб увеличил призыв запасников в ряды кайзеровской армии. В 1916 году Перлз, не дожидаясь призыва, отправился на фронт — устроился вспомогательной силой в батальон, обслуживавший недавно появившуюся авиацию. Служил он в этом батальоне недолго. Благодаря медицинскому образованию Перлз был направлен санитаром в 36-й пионерский батальон, получавший специальную подготовку для ведения боя с применением боевых отравляющих веществ. Для него, бывшего студента, никогда до этого момента не видевшего так близко и так обыденно массовую гибель людей, всё происходившее стало шоком: «Я уже добился успеха в закаливании и снижении своей чувствительности, но два раза я почти видел смерть в лицо. Первый — во время атаки десантно-диверсионного отряда. Они карабкались из траншеи в траншею после того, как газовое облако покрывало линии противника. Они были вооружены длинными эластичными молотками, которыми они убивали и били любого, кто еще показывал признаки жизни. Я так никогда и не узнал, делали ли они это, чтобы сохранить боеприпасы, боясь привлечь внимание, или из садистских побуждений.

Другой раз встреча со смертью произошла случайно. Утром мы проверяли наши противогазы с помощью слезоточивого газа. Они казались в хорошем состоянии. Той же ночью мы провели газовую атаку. Последняя проверка стальных бутылок. Метеоролог проверяет скорость, устойчивость, направление ветра. Проходил час за часом. Я не слишком напряжен, сидя в блиндаже и читая утонченную литературу. Наконец метеорологические условия, по видимому, прекрасны. Открыть клапаны! Желтое облако стелется по направлению к траншеям. Потом внезапное завихрение. Ветер изменил направление. Траншеи лежат по зигзагу. Газ идет в наши траншеи. И мы действительно погружаемся в него, а противогазы у многих испорчены. И многие получают отравление от легкого до сильного, а я единственный медик, и у меня только четыре кислородных баллона, и каждый должен вырывать баллон, чтобы улучшить положение другого солдата. Не раз я порывался сорвать маску со своего вспотевшего лица»¹.

¹ Перлз Ф. Внутри и вне помойного ведра. СПб.: Петербург-XXI век, 1995. С. 128.

Перлз провел в окопах около девяти месяцев, прежде чем впервые был отправлен в увольнение. Он отравился боевым газом, из-за чего пострадало легкое. Во время этого отпуска оказавшийся на лечении в Берлине Фриц выкроил время, чтобы отправиться в Королевскую оперу на спектакль «Фигаро». После невзгод войны Перлз, может быть, впервые в жизни поддался тогда сильным эмоциям — он плакал, потрясенный красотой увиденного.

К 1917 году Фриц Перлз стал младшим лейтенантом медицинской службы. Его жизнь на войне изменилась в лучшую сторону. Уже не было той окопной грязи и вшей, от которых он так страдал раньше, ему полагался большой продуктовый паек. Он даже получал недельные увольнительные, чтобы съездить домой в Берлин — его капитан, который был алкоголиком, регулярно отправлял своего подчиненного за очередной порцией бутылок вина, хранившихся в погребах Натана Перлза.

Когда Первая мировая закончилась, немецким военным подразделениям был отдан приказ вернуться на места их постоянной дислокации. Фриц вспоминал, что они вынуждены были сутками идти пешком без куска хлеба. Именно тогда он приобрел привычку курить, сохранившуюся на всю жизнь. Как и все участники войны, Перлз потерял близких (погиб его лучший друг, тот самый Фердинанд, с которыми они когда-то были изгнаны из школы). Он пережил период абсолютной бесчувственности к гибели окружавших его людей. Ему почти ежедневно приходилось сталкиваться с антисемитизмом в рядах своих товарищей по оружию. Перлз утверждал, что на несколько лет потерял способность мечтать и фантазировать о чем-то хорошем.

Вернувшись домой, он сначала отправился доучиваться в университет Фрайбурга, а спустя полгода вновь уехал в Берлин, где и получил в 1920 году степень магистра, а еще через год степень доктора медицины. Потерпевшая поражение Германия оказалась в тяжелом кризисе. Фриц вместе с матерью и младшей сестрой Эльзой переезжали из одной квартиры в другую, с трудом оплачивая аренду жилья (Грета вышла замуж и покинула семью). Натан же практически не общался с женой и детьми, никак не помогал им в бедственной ситуации. Когда через несколько лет он умер, Фриц отказался прийти на его похороны, чтобы проводить в последний путь.

Перлз в эти годы, как и многие молодые немцы, пытался принимать участие в политической жизни страны, од-

нако он достаточно быстро понял, что это не его поприще. В 1921 году он начал «неуклюже подбираться к психиатрии с лекарствами, электрошутками, гипнозом и разговором», занявшись частной практикой со специализацией в нейропсихиатрии.

Считая себя чуждым рядовым бюргерам, Фриц всё больше увлекался жизнью берлинской богемы. Ему был близок этот дух противопоставления себя обществу, который сохранился у него навсегда. Перлза интересовал появившийся как реакция на Первую мировую войну дадаизм, с его критикой рационализма как одной из главных причин конфликтов, с восхвалением иррациональности и цинизма. Он увлекался идеями Баухауса, также ломавшего традиции и провозглашавшего «красиво то, что функционально». Наконец, он открыл для себя одного из авангардистских писателей Саломо Фридлендера, скромно называвшего свое творчество синтезом Имануила Канта и Чарли Чаплина и подписывавшего произведения «Минона» (что означало слово «Аноним», только написанное наоборот).

Перлза не устраивали классические немецкие философские системы, казавшиеся ему чрезмерно сложными. Фридлендер в своей работе «Творческое безразличие» описывает так называемую нулевую точку, или точку баланса, в которой сходятся противоположности, переходя друг в друга. Только находящийся в этой точке человек может обрести покой и равновесие, так как в этом случае он перестает разделять мир на хороший и плохой, белый и черный, осознавая, что это деление иллюзорно. Фриц Перлз называл Фридлендера гуру и считал, что его взгляды схожи с даосизмом. Кроме того, в своей терапии Перлз будет использовать идею точки баланса как одну из главных, подчеркивая, что организм стремится достигнуть этого равновесия, дополняя ненависть любовью, страх агрессией и т. д.

Несмотря на продолжающийся экономический кризис, Перлз хорошо зарабатывал, причем делал это весьма необычно: «Давайте вернемся к моему спасителю, мясному ангелу, который слетел с неба Бременхевена (так в тексте, верно — Бремерхафен. — С. А.) прямо ко мне в комнату для консультаций или, скажем, в кладовую? Он страдал от головных болей и, как все невротики, утверждал, что хочет излечиться. До Бременхевена было восемь часов езды на поезде, и он раз в неделю приезжал ко мне с огромным пакетом мяса и сосисок. Я жил с родителями и сестрой Эль-

зой. Как говорится, мы никогда не жили так хорошо. Но это еще не всё. После нескольких недель лечения он стал утверждать, что чувствует себя лучше, хотя и не излечился полностью, но эти длительные поездки на поезде не приносят пользы его голове. У него много друзей, желающих консультироваться у меня, да и в Бременхевене нет аналитика с достаточной квалификацией. “Но мне не представляет интереса, — сказал я, — превратиться в инструктора, вымученного вагонной тряской”.

“Хорошо, — был его ответ, — мы можем заплатить американскими долларами”. Сердце мое замерло. Не может быть! Такое чудо просто не существует. Но это было так.

Что означает доллар во времена галлопирующей инфляции, трудно представить. Только один пример из многих. В 1923 году я собирался поехать в Штаты. У меня никогда не было денег для получения диплома доктора медицины, который можно было получить только после уплаты денег за печатание диссертации. Я редко интересовался медициной самой по себе, и моя диссертация была на глупейшую тему: адипозо-генитальная липодистрофия, или еще что-то в этом роде, редкое заболевание, когда женщина выглядит как кенгуру с массивными отложениями жира выше талии и очень тощей снизу. Я не был заинтересован в публикации. Я отправился к университетскому казначею и предложил ему доллар за выполнение работы по печатанию. Его глаза заблестели, он не поверил собственным ушам. Целый доллар? Он взял на себя всю работу, и за одну неделю я получил все бумаги, отпечатанные и подписанные, оставив его глубоко признательным мне и не пошевелив для этого пальцем. Такова была магия доллара в 1923 году.

По тем временам я был богатым человеком. Я накопил 500 долларов, на которые мог купить несколько многоквартирных домов в Берлине. Но я использовал их для поездки в Нью-Йорк. Бременхевен имел репутацию пригорода Нью-Йорка. Это был германский порт одной из двух трансатлантических линий, по которым ходили такие большие корабли, как “Бремен” или “Европа”. Экипаж оплачивался в долларах. В течение нескольких месяцев я ездил в Бременхевен еженедельно на два дня, имел там нескольких пациентов, пользуясь в то время в основном гипноанализом, и кроме того, получал массу удовольствий»¹.

¹ Перлз Ф. Внутри и вне помойного ведра. СПб.: Петербург-XXI век, 1995. С. 66.

Перлз прибыл в Нью-Йорк в октябре 1923 года, воспользовавшись приглашением одного из дальних родственников, который считал, что в США возможностей для реализации гораздо больше, чем в Германии. Фриц устроился работать в отделе неврологии одной из больниц, параллельно готовясь пройти сертификацию на получение возможности вести собственную практику. Однако этому не суждено было случиться. Мешал языковой барьер, да и среда, в которой он оказался, не устраивала молодого нонконформиста. Воспользовавшись удобным предложением — болезнью старшей сестры Эльзы, Фриц вернулся на родину уже через полгода.

И там в судьбе Перлза началась вереница событий, кардинально изменивших его жизнь. В один из самых обычных дней 1925 года подруга его матери, да к тому же еще и дальняя родственница Перлзов, попросила молодого человека навестить ее дочь, лежавшую в больнице. Фриц согласился, не предполагая, что, войдя в больничную палату, он встретит там восхитительную блондинку — одну из тех, «перед которыми он благоговел, как перед богинями». Сутулый, небольшого роста, уже начинавший лысеть, он считал себя безобразным, и тем не менее по прошествии десяти минут общения с Люси, а именно так звали его новую знакомую, он услышал магические и столь желанные слова: «Ты восхитителен! Подойди поцелуй меня!» После этого поцелуя в больничной палате начались бурные интимные отношения, открывшие Фрицу новый мир. Люси, у которой на тот момент был муж и ребенок, стала его любовницей, подталкивавшей Фрица к самым запретным желаниям. «Я любил несколько раз. Первой была Кэтти, беленькая дочь пекаря. Мне было восемь лет. Позднее я полюбил Лотту Сайэлински, но самой любимой была Марти. С Лорой у нас возникло несколько периодов любви, но, в основном, мы были спутниками, у которых был ряд общих интересов. Люси очаровала и возбудила меня. Она была очень страстной и любила меня так сильно, насколько была способна. Для меня она была лишь чудесным приключением»¹.

Связь с Люси имела куда более серьезные последствия для Перлза, чем просто очередной роман, которых в его жизни будет очень и очень много. Она пробудила в нем доселе неведомые, противоречивые чувства, разобраться с которыми самостоятельно он не мог. Ему была нужна по-

¹ Там же. С. 167.

мощь, и он решил обратиться за ней к одному из наиболее обсуждаемых и осуждаемых направлений психологии того времени — психоанализу. Это было вполне логично, учитывая страсть Фрица ко всему неординарному и вызывающему.

Его аналитиком стала Карен Хорни, и первой же рекомендацией, которую она ему дала, было прекращение отношений с Люси. Перлз последовал ее совету, порвав со своей любовницей, и даже уехал во Франкфурт, чтобы эта связь как можно скорее ослабела. Больше они с Люси не общались. Спустя несколько лет Фриц узнал, что она стала наркоманкой и покончила жизнь самоубийством, но судьба бывшей любовницы его уже не интересовала.

В жизни Перлза начался период страстного увлечения психоанализом и бесконечных попыток разобраться в себе самом. Позже Фриц опишет это время со свойственным ему сарказмом: «1925 год. Начал семь лет бесполезной жизни на кушетке. Чувствовал, что был глуп. Наконец, Вильгельм Райх, тогда еще в здравом уме, привнес некоторый смысл. И Карен Хорни, которую я любил. Остальные — самоуверенные подражатели, искажившие добрые намерения Фрейда. Замешательство»¹.

Во Франкфурте Перлз продолжил анализ с ученицей Хорни Кларой Хэппель и начал работать в Институте исследований последствий повреждений мозга, который возглавлял Курт Гольдштейн. На основе своей практики Гольдштейн пришел к выводу, что при поражении одних отделов мозга их функции могут быть компенсированы другими отделами и подобный принцип компенсации действует во всем организме. Эти идеи были близки недавно появившемуся направлению — гештальтпсихологии.

Само название происходило от немецкого термина гештальт (нем. Gestalt), что означает «образ» или «форма». Оно было основано в 1912 году Максом Вертгеймером, Вольфгангом Кёлером² и Куртом Коффкой³, возникнув в результате исследования учеными процессов восприятия.

¹ <http://www.gestalt.lv/фриц-перлз/> (дата обращения — 20.08.2018 г.).

² *Вольфганг Кёлер* (1887—1967) — психолог, экспериментально доказал роль инсайта (неожиданного решения задачи без очевидной связи с предшествующим анализом) как принципа организации поведения.

³ *Курт Коффка* (1886—1941) — психолог, применявший методы гештальтпсихологии к широкому кругу вопросов, в частности к исследованию психического развития детей.

Центральной проблемой, которую рассматривали исследователи, стала характерная особенность психики структурировать разрозненный опыт в единое целое, восполнять недостающие пробелы. Возникающая в результате структура, упорядочивающая многообразие отдельных явлений психики и не сводимая к сумме свойств этих явлений, и получила название гештальт. Например, мелодия не сводится к простому объединению и повторению отдельных нот, но является чем-то большим. Если однажды человек услышал мотив и запомнил его, то в следующий раз он узнает его даже в том случае, если услышит в другой тональности. Или же он завершит его в своем сознании, если она не будет доиграна до конца. В последнем случае проявится фундаментальное свойство гештальта — стремление к завершенности.

Среди прочих открытий гештальтпсихологов стало выявление так называемых «фигуры» и «фона» — фундаментальных форм, организующих восприятие человека. Фигура — это то, что воспринимается человеком наиболее отчетливо. Всё остальное, смутно присутствующее в сознании, называется фоном. Фигура размещена как бы впереди, она ярче и обладает большим содержанием. Фон находится позади, он имеет меньше нюансов. Человек выбирает, что для него будет фигурой, а что фоном, на чем он сосредоточит внимание, а что оставит в стороне, и мыслит человек о фигуре, а не о фоне. Тем не менее расположение фигуры и фона — вещь в принципе обратимая. Человек может поменять их местами, если сможет или захочет.

В дальнейшем в своей терапии Фриц Перлз будет понимать под фигурой (гештальтом) желания, чувства, мысли, доминирующие у человека в данный момент над всеми остальными. В том случае, если желание удовлетворено, мысль завершена или чувство угасло, гештальт закрывается, то есть фигура уходит на задний план, становясь фоном. На ее месте возникает новая фигура. Подобный ритм является нормальным человеческим существованием. Таким образом организм человека также взаимодействует с окружающей средой, с которой он представляет единое целое: контакт со средой сопровождается формированием гештальта, отход от нее — его завершением.

В определенных ситуациях удовлетворить потребность оказывается невозможно, поэтому гештальт остается незавершенным и фигура (чувство, мысль, желание и т. д.) не отступает на второй план, не позволяет появляться другим

фигурам. Если незавершенных гештальтов становится всё больше или они блокируют значимые потребности, у человека развивается невроз. Для этого состояния человека также характерно постоянное прерывание контакта со средой. «Не каждый контакт свидетельствует о здоровье, так же как и не каждый уход. Одна из характеристик невротика состоит в том, что он не способен ни к хорошему контакту, ни к правильному осуществлению ухода. Когда ему следует быть в контакте со средой, его ум блуждает где-то еще и он не способен сосредоточиться. Когда ему следует уйти, он не может и этого. Бессонница — частая жалоба невротиков — является примером неспособности уйти.

Другим таким примером является скука. Скука возникает, когда мы пытаемся оставаться в контакте с предметом, который не поддерживает нашего интереса. Мы быстро истощаем всё возбуждение, находящееся в нашем распоряжении, устаем и стремимся отойти; мы хотим выйти из этой ситуации. Если мы не можем найти подходящего основания для этого и чрезмерный контакт становится болезненным, мы именно так это и выражаем, говоря, что нам “скучно до смерти” или “до слез”. Если мы дадим своей усталости взять верх, то ускользнем в фантазию, к более интересному контакту. То, что усталость является лишь временной, можно увидеть по обновленному интересу, когда мы вдруг обнаруживаем, что наклонились вперед и внимательно слушаем более интересного оратора. Мы снова в контакте, мы “целиком здесь”»¹.

Гештальтпсихология была новаторским направлением, но ее представители не предполагали использовать свои разработки в практике психотерапии, оставаясь лишь в рамках теоретических исследований. Несмотря на то что в дальнейшем, создавая собственную гештальттерапию, Перлз позаимствует у них некоторые идеи, его концепция будет существенно отличаться от гештальтпсихологии. Да и сам Фриц неоднократно подчеркивал, что прочитал лишь несколько статей основоположников гештальтпсихологии и не был истинным гештальтистом.

Однако Институт Гольдштейна, в котором работал Перлз, оказался ему интересен отнюдь не в силу развивавшихся там идей гештальтпсихологии — Перлз по-прежнему был верен психоанализу. Его заинтересовала девушка, с которой он

¹ Перлз Ф. Практика гештальттерапии. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001. С. 284.

познакомился в 1926 году на одном из научных семинаров. Эта встреча изменила его судьбу. Девушку звали Лора Познер. Ей шел двадцать первый год и к тому моменту она была аспиранткой Адемара Гельба — коллеги Гольдштейна и одного из основоположников гештальтпсихологии.

У Фрица и Лоры было не так много общего. Пожалуй, кроме интереса к психологии их объединяла только страсть к искусству. Лора, как и Фриц, обожала оперу и классическую музыку, вдобавок она увлекалась поэзией. Ее родители были состоятельными людьми, поэтому высказались категорически против каких бы то ни было отношений с неизвестным выскочкой, у которого не было за душой практически ни гроша. Кроме того, родители были против еще и потому, что Фриц был старше Лоры на 12 лет, а у девушки уже был неудачный опыт первой любви к мужчине намного старше ее. Эта влюбленность закончилась нервным срывом и лечением в адлерианском санатории. Но юная, образованная, эмансипированная девушка взбунтовалась против диктата родителей, продолжив общаться с Перлзом, который привлекал ее своей непосредственностью и жизненным опытом. В 1927 году у молодых людей начался роман: «Когда я встретила Фрица, мне был 21 год, я была девственницей, маленькой девочкой из небольшого городка, студенткой, которая ничего не знала. Ему было 33, он был доктором, очень выдающимся, но он ничего с этим не делал, в Германии это называют *Geistscheissen* — он называл это слоновьим дерьмом. Но он был весьма впечатляющим. Он к тому же был на войне, прошел через все эти ужасы и был, к моменту нашей встречи, отчаянным циником, но в конце концов стал *mensch* (от нем. человек)»¹.

Без Лоры, которая вскоре стала его женой, Фриц вряд ли бы достиг в своей жизни того, что ждало его впереди. Лора Перлз была таким же выдающимся психологом, а возможно, в чем-то и более значительным по сравнению с ее супругом, внеся свой вклад в развитие гештальттерапии. Уже в самом начале их общения во многом благодаря Лоре, которая училась у Эдмунда Гуссерля и лично знала Мартина Бубера, Фриц Перлз познакомился с феноменологическими и экзистенциалистскими идеями. Особенно повлияли на взгляды Перлза представления Гуссерля о том, что важна не сама реальность, а то, как она воспринимается

¹ Диалоги о гештальттерапии. Сборник интервью. Гомель: Кайрос, 2006. С. 35.

человеком. С точки зрения феноменологии в первую очередь необходимо уделять внимание тому, как человек переживает нечто — страх, боль, любовь и прочее, а не тому, как он объясняет эти переживания себе и другим.

Плодотворной для развития гештальттерапии окажется концепция «Я—Ты» отношений Мартина Бубера, под которыми философ понимал живое, межличностное общение, противопоставляя его утилитарному, формальному подходу в общении в формате «Я—Оно». Перлз воспримет и взгляды Бубера на такую важнейшую философскую категорию, как ответственность. Под ответственностью Фриц Перлз будет понимать способность человека к ответу, к реакции, проявлению эмоций в определенной ситуации, а отнюдь не некий долг, который ему следует исполнять.

Тем не менее и Фриц оказывал влияние на становление Лоры. Благодаря Перлзу она заинтересовалась психоанализом, так как хотела понять психоаналитические термины, которые Фриц использовал, общаясь с друзьями. Они интерпретировали всё вокруг, в том числе и поведение Лоры, которую это очень задевало. Фриц порекомендовал ей своего психоаналитика Клару Хэппель, которая, правда, через полгода перебралась в Гамбург, посоветовав Лоре продолжить курс психоанализа у Карла Ландауэра, ставшего позднее основателем Франкфуртского института психоанализа вместе с Фридой Фромм-Райхманн. Фрида Райхманн была первой преподавательницей психоанализа у Лоры. На протяжении двух с половиной лет каждый день Лора проходила курс, параллельно работая в Институте Гольдштейна. Как она сама позже признавалась, это было крайне изматывающим занятием, так что на работе «она почти засыпала, как павловские собаки в ответ на двойной стимул». По словам Лоры, ей понадобилась целая жизнь, чтобы объединить психоанализ и гештальтпсихологию.

Уезжавшая из Франкфурта Клара Хэппель неожиданно объявила Фрицу Перлзу: его личный анализ завершен, он освобожден от комплексов и может приступать к практике психоанализа под контролем супервизора¹. Перлз был изрядно удивлен такому повороту событий, так как совсем не ощущал себя свободным от внутренних проблем. Но последовал совету Хэппель и в 1927 году отправился в Вену, где

¹ Психоаналитик, прошедший специальную подготовку или имеющий соответствующий опыт для обсуждения и коррекции полученного клинического материала.

устроился на работу ассистентом в психиатрической клинике. Там он получал супервизию от двух известных психоаналитиков — Хелены Дойч и Эдуарда Хичмана: «Я всё еще должен вернуться назад, в Вену 1927 года. Что заставляет меня так бояться Вены? Ничего особенного, чего бы я мог стыдиться! Я приезжал несколько раз в Вену последние десять лет. Я наслаждался оперой, театрами, кафе, пищей.

Туман начал рассеиваться. Несмотря на репутацию, венские девушки особенно не привлекали меня. У меня никогда не было связей в Вене. Там существовали мизерные различия между крайностями буржуазного пуританства и проституцией. Свободное и легкое вступление в сексуальные взаимоотношения, которые были хорошо знакомы мне по Берлину и Франкфурту, здесь отсутствовали. Я получил ассистентскую ставку в психиатрической больнице, где Вагнер-Яурегг¹, знаменитый своим малярийным лечением церебрального сифилиса, и Пауль Шильдер² были моими боссами.

Шильдер был яркой личностью и имел достаточно хорошее понимание структуры и функций в организме. Я не чувствовал себя комфортно на его лекциях. Его высокий голос и беспокойные движения наводили на меня страх. Всё же было нечто привлекательное и честное в нем.

Другой психоаналитик, который произвел впечатление на меня, был Пауль Федерн³, особенно его предложение во время лекции. Представьте себе величественную патриархальную фигуру, говорящую: «Вы просто не можете достаточно совокупляться». Там была атмосфера, в которой поощрялось обычно только умственное совокупление. <...>

Моими контролерами были Елена Дойч и Хичман, теплый, беспечный человек. Когда я спросил его однажды, что он думает о различных развивающихся парафрейдистских школах, его ответ был таков: «Все они делают деньги». Елена Дейч, с другой стороны, казалась мне красивой и хо-

¹ *Юлиус Вагнер-Яурегг* (1857—1940) — психиатр, в 1927 году стал лауреатом Нобелевской премии по медицине за открытие терапевтического эффекта заражения малярией при лечении прогрессивного паралича.

² *Пауль Шильдер* (1886—1940) — психиатр, ученик Зигмунда Фрейда, автор понятия «образ тела» — осознанного представления человека о собственном теле.

³ *Пауль Федерн* (1871—1950) — психиатр, психоаналитик, ученик Зигмунда Фрейда. Изучал проблемы садизма и мазохизма, развивал идеи социальной психологии.

лодной. Однажды я сделал ей подарок и вместо “благодарю Вас” получил в ответ интерпретацию моего поступка”¹.

Вена угнетающе действовала на Перлза, и в 1928 году он решил вернуться в Берлин, где начал собственную психоаналитическую практику, а его супервизором стал венгр по фамилии Харник. Опыт их общения был крайне неудачным, а по прошествии многих лет, когда об этом вспоминал сам Перлз, он казался еще и комичным: «Мы должны вернуться к аналитику, венгру по имени Харник. Я надеюсь, что смогу в какой-то мере описать состояние глупости и морального малодушия, до которого довело меня его так называемое лечение. Возможно, это был дидактический анализ для подготовки меня к статусу официально признанного аналитика. Но это уже никогда не выяснится. Всё, что тогда было установлено: “Терапевт должен быть свободен от комплексов, тревоги и вины”. Позже я слышал, что он умер в психиатрической больнице. Насколько помог здесь психоанализ, я не знаю.

Он верил в пассивный психоанализ. Этот противоречивый термин означал, что я ходил восемнадцать месяцев пять раз в неделю, чтобы лежать на кушетке без всякого анализа.

В Германии во время приветствия каждый жал руку; он не жал мою руку ни при встрече, ни при расставании. За пять минут перед концом сеанса он дотягивался ногами до пола, чтобы показать, что отпущенное мне время истекает.

Самое большее, что он говорил мне, — одно предложение в неделю. Одно из его утверждений было, что я обратился к нему, чтобы стать дамским угодником. Так началось лечение. Я заполнял пустоту моей жизни на кушетке амурными историями, чтобы завершить образ Казановы, который он уже составил обо мне. Чтобы быть на высоте, я должен был вовлекаться всё сильнее во всё большее число, главным образом, выдуманных приключений. Через год, или около того, я хотел уйти от него. Но оказался трусом, чтобы просто уйти. После неудачи с анализом у Клары Хэппель разве оставались у меня шансы когда-нибудь стать аналитиком.

В это время Лора настаивала на женитьбе. Я знал, что не принадлежу к типу способных стать мужьями. Я не сходил с

¹ Перлз Ф. Внутри и вне помойного ведра. СПб.: Петербург-XXI век, 1995. С. 50.

ума от любви к ней, но у нас было много общих интересов, и мы часто хорошо проводили время. Когда я заговорил с Харником об этом, он ответил типичной психоаналитической уловкой: “Вам не разрешается принимать важные решения во время лечения. Если вы женитесь, я прерву анализ”. Будучи слишком трусливым, чтобы прекратить кушеточную жизнь по собственной инициативе, я переложил ответственность на него и променял психоанализ на женитьбу»¹.

Отношения Перлза с противоположным полом никогда не были глубокими. Это можно объяснить и развратным поведением отца, о котором мальчик мог знать, и подавленной агрессией в отношении к матери, распространившейся впоследствии на остальных женщин, которая нередко наказывала его за плохое поведение. Так что маленький Фриц не чувствовал родительской любви в той мере, в которой это было необходимо ребенку. Это означало, что на протяжении всей дальнейшей жизни он был не уверен в себе и искал подтверждения своей состоятельности среди других людей. И чем больше было этих «других», тем было, как ему казалось, лучше.

Несмотря на то что Перлз переехал из Франкфурта в Вену, а затем в Берлин, он сохранял отношения с Лорой, регулярно приезжая к ней. В своих воспоминаниях Фриц подчеркивал, что Лора заставила его жениться на себе, хотя он не был к этому готов. Да, у них были общие интересы, но о любви речи не шло.

Его супруга описывала ситуацию с браком совсем иначе. Она никогда не верила, что Перлз может на ней жениться, а случилось это лишь из-за желания Фрица побороть страх, что он бесплоден, и узнать, может ли он иметь детей. Так как на ребенка вне брака Лора не соглашалась, ему пришлось жениться. Кажется, что в тот момент она его всё-таки любила.

Двадцать третьего августа 1929 года Фриц и Лора поженились. Они обосновались в Берлине, став частью той богемы, к которой так стремились. Перлз достаточно успешно вел свою частную практику, а родители Лоры, такова уж судьба любящих родителей, смирились с ее выбором и даже подарили молодоженам жилье. Надо отметить, что квартира Перлзов была настолько современно декорирована дизайнерами группы Баухауз, что ее фотографии даже были

¹ Там же. С. 44.

размещены в одном из известных архитектурных журналов Германии¹.

Перемены в жизни Перлза затронули и профессиональную сферу. После неудачного психоанализа с Харником Фриц вновь обратился к Карен Хорни с вопросом, кто может стать его психоаналитиком. Ответ Хорни был однозначным: единственный, кто способен справиться с ним, — это Вильгельм Райх. Так Фриц на несколько лет обрел наставника, которому мог доверять и у которого мог чему-то научиться.

Главная идея, которую Перлз, а позже его супруга восприняли у Райха, заключалась в том, что характер человека состоит из постоянного набора защитных реакций на различные ситуации. Эти реакции включают как системы ценностей, стиль поведения, так и физические позы, манеру двигаться. Определенные эмоции, которые выражает человек, соматически связаны с различными частями тела. Если эмоции подавляются, то в мышцах возникает зажим, который приводит к проблемам со здоровьем. Например, зажимы в области шеи означают подавленный гнев или плач, в области живота — злость или неприязнь и т. д. Из подобных зажимов формируется мышечный панцирь, который не позволяет человеку получать удовольствие, в первую очередь в сексуальной сфере. Только после выражения подавляемых эмоций и чувств хроническое напряжение снимается. Правда, работает и обратный процесс — расслабление мышц приводит к выражению эмоций и разрешению проблемы. Эти идеи Райха фактически позволили ему стать основоположником телесно ориентированной терапии.

Перлз вспоминал годы работы с Райхом как весьма плодотворные. После того как Райх эмигрировал из нацистской Германии, их отношения прекратились. Они встретились лишь пару раз, и обе встречи Перлз характеризовал весьма критично: «Райх также был вынужден уехать в спешке. Он отправился в Норвегию. С этого времени, казалось, он стал крайне своеобразным... <...> я потерял связь с ним до того времени, когда увидел его на психоаналитическом конгрессе в 1936 году. Он был третьим разочарованием. Он сел отдельно от нас и с трудом узнал меня. Он сидел долго, тараща глаза и размышляя.

¹ *Clarkson P., Mackewn J. Fritz Perls. London: Sage Publications, 1993. P. 12.*

Я вновь потерял связь с ним, до тех пор, когда десятью годами позже посетил его кратковременно в Штатах. Тогда я действительно испугался. Он был раздут, как огромная лягушка-бык, лицевая экзема стала еще интенсивнее. Голос ревел надо мной напыщенно, недоверчиво вопрошая: “Вы не слышали о моем открытии — оргоне?” <...> Я исследовал функционирование оргона-ящика и ряд его владельцев и постоянно обнаруживал заблуждение: внушаемость, которая могла быть ориентирована в любом направлении, которое мне нравилось. Райх умер в тюрьме, но не отказался от своей навязчивой идеи. Полагая, очевидно, что оказался гением, он тем не менее в большей мере снискал себе славу “сумасшедшего ученого”»².

Умиротворенная, богемная жизнь Перлзов продолжалась недолго. После прихода Гитлера к власти в 1933 году ситуация резко ухудшилась. В течение нескольких предыдущих лет Фриц и Лора, придерживавшиеся левых взглядов, принимали активное участие в политической деятельности. Фриц преподавал в колледже для рабочих, поддерживал связи как с коммунистами, так и социал-демократами, доказывая необходимость единого фронта против нацистов. Поэтому, когда Гитлер стал рейхсканцлером и начал реализовывать политику ликвидации оппозиции, Перлзы, боясь за свое будущее, уже весной 1933 года вынуждены были покинуть Берлин. Лора вспоминала, что последние несколько ночей в столице они ночевали в разных квартирах у знакомых, оставив всё свое имущество и дом, чтобы не быть арестованными. В итоге Лора с дочерью Ренатой отправились к матери Лоры (отец умер незадолго до этого) на юг Германии. А Фриц бежал в Голландию, надеясь найти там убежище, куда позже смогут перебраться жена и дочь. Всё, что у него было за душой, это сто марок, спрятанные в зажигалке.

Надежды Перлза на обустройство в Голландии быстро рассеялись. Он не мог найти работу, так как не имел офи-

¹ Термином «оргон» В. Райх обозначал якобы обнаруженную им «энергию жизни». Он считал, что блокирование этой энергии в теле человека приводит к различным заболеваниям, влияет на эмоциональную и сексуальную сферу. «Лечение» пациентов осуществлялось посредством помещения их в специальные «оргонные накопители». Подобные методы «лечения» были признаны псевдонаучными. Сам Райх был приговорен в США к двухлетнему тюремному заключению, где и скончался от сердечного приступа.

² Перлз Ф. Внутри и вне помойного ведра. СПб.: Петербург-XXI век, 1995. С. 45.

циального разрешения на ведение трудовой деятельности, да и поиск жилья оказался непростым делом. Фрицу пришлось жить на благотворительные пожертвования для еврейских беженцев из Германии, в доме, переполненном такими же, как он, людьми, спасавшимися от нацистов. Когда в сентябре 1933 года к нему приехали Лора с дочерью, работы по-прежнему не было, и Перлзы вынуждены были жить на деньги от проданных вещей и книг и на то, что Фриц называл «милостыней», которую он получал от одного местного актера (по непонятным причинам) и от молодой женщины, одним из любовников которой Фриц был в это время. И без того тяжелая ситуация осложнилась еще и тем, что у Лоры случился выкидыш.

Необходимо было искать выход из положения, и он нашелся. Фриц переписывался с одним из психоаналитиков в США, который обещал помочь с переездом. Однако у Фрица еще был свеж в памяти опыт безуспешного пребывания в Америке. Поэтому когда он получил предложение поработать психоаналитиком в Южной Африке, то немедленно согласился.

Главным препятствием для адаптации и успешной работы было плохое знание английского языка. Но Фриц был упрямым человеком, он начал практиковаться уже во время трехнедельного плавания к Южной Африке, читая на английском небольшие рассказы, детективы, приставая к экипажу и пассажирам с беседами. В общем, плох или хорош был его английский язык, но психоаналитиком Перлз начал работать сразу по приезде, в то время как Лора изучала язык еще три месяца.

Жизнь Перлзов вновь изменилась до неузнаваемости. Фриц вспоминал: «Нас встретили очень гостеприимно. Я открыл практику и основал Южно-африканский институт психоанализа. В течение года мы построили себе первый дом в современном стиле в шикарном районе, с теннисным кортом, бассейном, няней (у нас был следующий ребенок), управляющим и двумя слугами-аборигенами.

В течение следующих лет я мог предаваться своим хобби: теннис и пинг-понг. Я получил права летчика. Мои друзья наслаждались полетами со мной, хотя Лора никогда не доверяла мне. Моим величайшим удовольствием было остаться одному в самолете, выключить мотор и планировать вниз в величественной тишине и одиночестве.

У нас также был большой каток. Как я любил танцевать на льду! Широкие скользящие движения, грацию и баланс

нельзя сравнить ни с чем. Я даже выиграл медаль на соревнованиях.

Экскурсии на океан, плавание в теплых водах Индийского океана, наблюдение изобилия диких животных, отснятие фильмов на самом современном уровне, направляющие игры (я учился у Макса Рейнхарда), получение первого места среди любителей, посещение знахарей, некоторые открытия, обучение игре на скрипке, составление ценной коллекции марок, несколько теплых и продолжительных дружеских отношений.

Какое отличие от нашей предыдущей жизни! Я всегда имел достаточно денег и всегда был занят, но никогда это не было так. Это была вспышка активности, деятельности и траты денег. Лора обычно называла меня смесью пророка и бездельника. В то время, конечно, была опасность потери обоих¹.

Однако жизнь в Южной Африке была отнюдь не так безмятежна, как ее описывал Перлз. Отношения с женой ухудшались. Лора вновь забеременела, но Фриц не хотел иметь еще одного ребенка и попытался убедить жену сделать аборт. Она ответила категоричным отказом: «Если ты не хочешь ребенка, это будет мой ребенок, но он будет». 23 августа 1935 года на свет появился сын Стефан.

Ни Стефану, ни Ренате детство не казалось счастливым. Рената вспоминала, что боялась отца: «Меня часто отправляли на каникулы на эти ужасные фермы, места, которые я ненавидела и где я чувствовала себя изгоем. Я помню, что Фриц обращал на нас мало внимания. Он постоянно отсутствовал, работал. Но во время войны это был ад, когда он был дома. “Вы не должны существовать. Вы не должны иметь друзей, пока я не разрешу”. У него практически на всё было “Нет”. Тогда как с Лорой неизменно “Да”. Никакой золотой середины <...> Я помню тот первый раз, когда он вышел из себя. Мне было пять лет, и меня заперли в сарае на целый день. Я не помню, что я такого сделала. Я просила нашего садовника Джона, чтобы он выпустил меня, но он ответил: “Я не могу. Я потеряю работу. Он уволит меня, если вас освобожу”»². Подобные истории были в детстве

¹ Перлз Ф. Внутри и вне помойного ведра. СПб.: Петербург-XXI век, 1995. С. 40.

² Shepard M. Fritz. An Intimate Portrait of Fritz Perls and Gestalt Therapy. New York: Bantam Books, 1975. P. 51.

Ренаты, увы, не редкостью. Иногда дело доходило даже до рукоприкладства со стороны Перлза.

К тому же для Фрица и Лоры работа была превыше семьи. Времени на детей практически не оставалось. Лора вспоминала: «Я работала от десяти до тринадцати часов ежедневно, шесть дней в неделю, иногда и по воскресеньям. Мне тогда шел третий десяток, и я была весьма энергична. Однажды я зашла в кухню, в восемь вечера, и сказала горничной: “Я совершенно измотана”. Она удивилась: “Да что вы делаете? Вы ж сидите и разговариваете!”»¹.

Прием клиентов имел первостепенное значение. Даже совместные ужины, которые становились реже и реже, превратились в деловые беседы. Фриц отдалялся от семьи, и каким бы образом это ни объяснялось, он становился всё больше похож на отца, которого сам когда-то презирал за подобное поведение. В своих воспоминаниях он уделил детям лишь один абзац: «Я всегда испытываю смесь защиты и агрессивности. Когда родилась Рената, наша первая дочь, я полюбил ее и даже начал примиряться со статусом женатого человека. Но когда позднее меня обвинили в чем-то, что было ошибочным, я начал всё больше и больше отдаляться от своей роли. Они обе жили, может быть, по-прежнему живут в особенно тесном симбиозе.

Стив, наш сын, родился в Южной Африке, и сестра всегда относилась к нему, как к тупице. Он развивался в противоположном направлении. В то время как Рената была лживой, он был настоящим, медлительным, зависимым, скорее боязливым и упрямым, когда предлагали принять какую-нибудь помощь. Я был тронут, когда получил в последнее Рождество первое персональное и теплое письмо от него. У нас четверо внуков, правнуков еще нет»². В дальнейшем у Фрица сложились более или менее сносные отношения с сыном, он даже изредка оказывал ему финансовую помощь, а вот отношения с дочерью так и не наладились. Даже когда Рената выходила замуж, Перлз не приехал к ней на свадьбу, заявив, что у него на это время назначена консультация клиента.

Элитарное положение, которое Перлз и его супруга сначала заняли в Южной Африке, объяснялось тем, что в то

¹ Диалоги о гештальттерапии. Сборник интервью. Гомель: Кайрос, 2006. С. 13.

² Перлз Ф. Внутри и вне помойного ведра. СПб.: Петербург-XXI век, 1995. С. 211.

время они были единственными психоаналитиками в стране, причем высокопрофессиональными. Но, как и многие до них, Перлз и его жена были не во всём согласны с Фрейдом. Впервые это несогласие проявилось в 1936 году, когда Фриц был приглашен на Международный психоаналитический конгресс в Чехословакии. Перлз к тому моменту уже хорошо пилотировал, а учитывая его страсть к эпатажу и актерству, он не придумал ничего лучше, как приобрести небольшой самолет и самому совершить перелет из Южной Африки в Чехословакию, чтобы сделать доклад. Мечта стать первым в мире пилотом-психоаналитиком не сбылась, так как самолет, который Перлз хотел приобрести, был кем-то перекуплен. И он отправился в Европу на корабле.

Перлз выступил с докладом «Оральное сопротивление», который основывался на исследовании его жены о методах кормления и отлучения от груди младенцев. К тому моменту ортодоксальный психоанализ придерживался однозначной позиции, что сопротивление клиента в процессе анализа восходит к детской привычке ребенка досаждать (сопротивляться) матери, отказываясь ходить в туалет в соответствии с определенным распорядком и устоявшимися культурными нормами. Главным тезисом Перлза была идея, что сопротивление ребенка может также проявляться в отказе от еды. Эта точка зрения была раскритикована абсолютным большинством присутствовавших на конгрессе аналитиков. Фрейд не терпел пересмотра своих идей. Его верные соратники придерживались аналогичной позиции. Надежды Перлза на то, что он будет признан коллегами и внесет вклад в развитие теории психоанализа, рухнули в одночасье.

Еще одна мечта Перлза состояла в том, чтобы встретиться с Фрейдом и поделиться с ним своими идеями. Они увиделись, но этот визит обернулся для Перлза сплошным разочарованием: «Я договорился о встрече, меня встретила пожилая женщина (я полагаю, сестра), и ждал. Потом дверь открылась на 2,5 фута, и вот он перед моими глазами. Казалось странным, что он не покидает дверной проем, но в то время я ничего не знал о его фобиях.

“Я приехал из Южной Африки сделать доклад и увидеть Вас”. “Ну, и когда Вы уезжаете?” — спросил он. Я не помню остального четырехминутного разговора. Я был шокирован и разочарован. Один из его сыновей был направлен пригласить меня на обед. Мы ели мое любимое блюдо — запеченного гуся. Я ожидал быстрой “болевой” реакции, но

был просто ошеломлен»¹. Перлз был обижен, разочарован, разозлен столь неудачной поездкой. И решил ответить на удар по его самоуважению, продолжив развивать собственный взгляд на психоанализ.

Через несколько лет Международная психоаналитическая ассоциация постановила: аналитики, которые ранее не работали преподавателями психоанализа в Европе, не могут заниматься подобной деятельностью в других частях мира. Перлз лишился своего официального статуса и должен был закрыть институт в Южной Африке, сохранив только частную практику.

Фриц и Лора всё больше отходили от взглядов ортодоксального психоанализа. Итогом их работы стала опубликованная в 1942 году книга «Эго, голод и агрессия: пересмотр фрейдовских теории и метода», в которой впервые были представлены основы нового направления практической психологии — гештальттерапии. Правда, тогда подобного названия еще не было, оно появилось позже, а Фриц и Лора по-прежнему продолжали называть себя психоаналитиками. Несколько глав книги написала Лора, но весь текст был издан под авторством Фрица.

Одной из базовых идей, на которой Перлз строил свою концепцию, являлся холизм Яна Сметса. Психоаналитик рассматривал организм как единое целое, в котором всё взаимосвязано, и в первую очередь взаимосвязаны тело и душа. Законы же функционирования организма могут быть перенесены в область психической жизни. Поэтому Перлз считал, что психика человека формируется на основе, а в дальнейшем по аналогии с пищевой потребностью, так как она является витальной для организма.

Фриц Перлз выделил четыре стадии развития ребенка, связав их с этапами становления инстинкта утоления голода: пренатальную — до рождения ребенка, когда он получает всё необходимое посредством плаценты и пуповины; предентальную — от рождения до появления первых зубов, когда ребенок может только сосать и заглатывать; резцовую — когда появляются передние зубы и ребенок становится способным кусать; молярную — стадию развития коренных зубов, когда ребенок может измельчать пищу до состояния, облегчающего ее усвоение. Подобный взгляд Перлза противопоставлялся концепции Фрейда,

¹ Перлз Ф. Внутри и вне помойного ведра. СПб.: Петербург-XXI век, 1995. С. 51.

который брал за основу развития личности сексуальный инстинкт.

То, каким образом люди перерабатывают пищу, определяет их личностные особенности. Перлз писал, что многие взрослые относятся к твердой пище так, как будто она жидкая и ее можно поглощать большими глотками. Таких людей всегда, а не только при употреблении пищи, характеризует нетерпение. Они «проглатывают» даже чужие мысли, оставляя их в непереработанном состоянии.

Перлз считал, что младенец у материнской груди является паразитом, получая готовую пищу. Тех людей, которые сохраняют подобный подход во взрослой жизни, всегда ожидая получить что-то, ничего не давая взамен, он называл неограниченными паразитами. «Так как люди понимают, что с таким характером им далеко не уйти, им приходится либо скрывать его, либо косвенным образом платить за него. Таких людей можно узнать по преувеличенной скромности и бесхребетности. За столом такой подавленный паразит останавливается в замешательстве перед каждым поданным ему блюдом, но при ближайшем рассмотрении за скромностью очень скоро обнаруживается жадность. Он украдкой таскает сладости, пока никто не смотрит, и окружает тысячью хитростей и извинений свои всё возрастающие запросы. Положите ему в рот палец — и он отхватит руку. Малейшая оказанная им услуга раздувается до размеров самопожертвования, в награду за которое он ожидает благодарности и восхвалений. Его таланты проявляются в раздаче по большей части пустых обещаний, неуклюжей лести и услужливом поведении.

Его противоположностью можно считать сверхкомпенсированного паразита, который не принимает пищу как должное, но живет в постоянном бессознательном страхе голодной смерти. Его часто можно найти среди государственных служащих, которые жертвуют своей индивидуальностью и независимостью в обмен на безопасность. Он лежит у груди государства, полагаясь на пенсию по старости, гарантирующей ему пропитание до конца своих дней. Подобная же тревога побуждает многих копить деньги, еще и еще больше денег, для того чтобы проценты (молоко) с капитала (матери) натекали и натекали бы бесконечно»¹.

С развитием инстинкта утоления голода Перлз связывал и проблему агрессии. По его мнению, биологическая роль

¹ Перлз Ф. Эго, голод и агрессия. М.: Смысл, 2000. С. 152.

агрессии — переработка и усвоение (ассимиляция) физической, а затем ментальной пищи. Если человек с детства привыкает не использовать активно зубы в процессе поглощения еды, то агрессия не находит естественного пути выхода. В таком случае она ищет альтернативные, нездоровые пути для разрядки. Дентальная агрессия сублимируется, то есть перенаправляется на что-либо иное, но только не на твердую пищу. Сублимированная агрессия может проявить себя в убийствах, развязывании войн, жестокости и других пагубных способах поведения.

Дентальная агрессия может растрачиваться впустую с раннего детства. Подобный вариант развития событий Перлз называл «комплексом пустышки». «Фрустрированный и неудовлетворенный ребенок ищет (и иногда ему даже дают) соску, что-то неразрушимое, то, что можно кусать без неприятных последствий. Пустышка позволяет разрядить определенную долю агрессивности, но кроме этого она не производит в ребенке никаких изменений; то есть не кормит его. Соска представляет собой серьезную помеху развитию личности, поскольку в действительности она не утоляет агрессию, а отводит ее от биологической цели, состоящей в утолении голода и восстановлении личностной целостности. Всё, что окажется у ребенка под руками, может служить в качестве соски: подушка, плюшевый медвежонок, кошачий хвост или собственный большой палец. В более поздние годы любой объект может быть “думмифицирован”, уподоблен пустышке, стоит лишь применить к нему “присасывание”. В подобных случаях индивидуум живет в смертельном страхе, что “пустышка” трансформируется в “реальную вещь” (исходно это грудь) и что присасывание может обернуться “первым укусом”. Он боится, что объект фиксации может быть уничтожен. Данный объект может быть человеком, принципом, научной теорией или фетишем. <...>

Вряд ли найдется хоть что-то, что не могло бы послужить в качестве пустышки, пока Эго помогает избежать перемен в действительности. Возьмите для примера навязчивые мысли, которые могут преследовать пациента часами, занимая его сознание, и не приводить ни к каким решениям или выходам (хроническое сомнение). Возьмите сексуальный фетишизм, фиксацию человека, например, на женских панталонах или туфельках в качестве защиты от реального полового контакта. Возьмите мечтателя, предпочитающего свои фантазии “реальной вещи”. Да-

лее, возьмите хотя бы тех пациентов, которые продолжают посещать психоаналитика год за годом и воображают, что одно их присутствие на сеансах является достаточным доказательством намерения изменить свое отношение к жизни. На самом деле они лишь меняют одну “пустышку” на другую, и как только аналитик затрагивает какой-либо существенный комплекс, пациент обычно ухитряется избежать потрясения благодаря собственной думмификации, “опустышечивания” себя»¹.

Неразвитый пищевой инстинкт приводит к нескольким последствиям, которые могут рассматриваться как невротические. Так же как и неумение жевать пищу, проглатывая ее целиком, люди не умеют усваивать нормы и установки общества, ценности и способы мышления, которые не являются их собственными. Они просто «проглатывают» их, не задумываясь о том, хотят ли они сами это или нет, в результате чего возникают внутренние противоречия. Такие люди не умеют отделять свои мысли и чувства от тех, что им предлагают или навязывают извне. Этот механизм Перлз назвал интроекцией.

Из интроектов в формате долженствований, навязанных родителями, учителями и прочими значимыми другими, формируется Супер-Эго, или совесть, которую Перлз позднее стал называть образно и весьма упрощенно «собака-сверху». Противоположную силу в структуре личности, которая саботирует задачи и поступки, начинающиеся со слов «должен», Перлз называл «собака-снизу». Гармоничными отношения этих двух «собак» будут лишь тогда, когда человек каждый раз будет соотносить звучащие у него в голове слова «Ты должен...» с его желанием это выполнить.

Люди также могут не чувствовать границы между собой и окружением, между собой и средой, как бы сливаясь с ними. Такие люди не способны на контакт с другими. И тогда возникает конфлюэнция (слияние). Ретрофлексия — следующая патологичная модель, возникающая в результате неразвитого дентального поведения и, как следствие, нереализованной должным образом агрессии. В этом случае индивид направляет эту агрессию на себя, вместо того чтобы ориентировать ее на окружающих людей. Наконец, последним вариантом невротического механизма, который препятствует росту личности, является проекция, когда человек делает ответственными за свои поступки

¹ Перлз Ф. Эго, голод и агрессия. М.: Смысл, 2000. С. 179—181.

и мысли других, а не себя самого. Интроекция, конфлюэнция, ретрофлексия и проекция являются основными, с точки зрения Перлза, формами прерывания контакта со средой.

Важным аспектом, которому Перлз уделил особое внимание в своей первой книге и который в дальнейшем станет одним из важнейших принципов гештальттерапии, стала идея ориентации на настоящее. По мнению Перлза, Фрейд чрезмерно сосредоточивался на прошлом человека, обращавшегося к нему за консультацией. В то время как Адлер, наоборот, концентрировался на будущем, на том, о чем человек мечтает. Подобные взгляды были результатом анализа клиентов, которые бегут в прошлое или будущее, не замечая того, что происходит вокруг них, обесценивая настоящее. Оба психолога были не правы. Единственная, нулевая точка, на которую следует обращать внимание пациента и где необходимо научить его находиться, — настоящее. «Мало проку в том, чтобы заставить человека, одержимого подсознательным страхом голодной смерти, понять, что его страх коренится в бедности, испытанной в детстве. Гораздо более важной представляется возможность показать пациенту, что боязливое заглядывание в будущее и стремление обезопасить себя портит его сегодняшнее существование; что его идеал накопления избыточного богатства изолирован и отделен от смысла его жизни. Важно, чтобы такой человек развил в себе чувство “самости”, заново обрел все те желания и нужды, эмоции и ощущения, способность получать удовольствие и испытывать боль, которые и делают жизнь стоящей того, чтобы ее прожить, и которые отошли на задний план либо были подавлены ради спасения драгоценного идеала. Он должен научиться устанавливать другие контакты помимо деловых. Он должен научиться работать и отдыхать. У таких людей открытый невроз развивается в том случае, если они лишаются своего единственного способа контактирования с миром — делового контакта. Такой невроз известен как “невроз отставного бизнесмена”. Зачем подвергать его историческому анализу, разве что занять пару часов его пустой жизни праздным времяпрепровождением?»¹

Для решения возникающих проблем Перлз сформулировал новый подход, который сначала обозначил как «терапия сосредоточением». Цель этой терапии, которую

¹ Перлз Ф. Эго, голод и агрессия. М.: Смысл, 2000. С. 128.

он сравнивал с йогой, Перлз определил в «восстановлении чувствования себя» посредством правильного сосредоточения, позволяющего человеку вернуться в настоящее. Этой цели психолог предлагал достигать несколькими способами. Первый из них — сосредоточение на еде. Следует удерживать внимание на самом приеме пищи, ее структуре и консистенции, не отвлекаясь на размышления или разговоры о чем-то постороннем. Сделать это будет поначалу крайне тяжело даже в течение нескольких секунд, так как мысли будут убегать либо в прошлое, либо в будущее. Однако при многократном повторении ситуация должна измениться. Причем как только человек приобретает навык сосредоточенности на приеме пищи, в лучшую сторону меняется и его обработка «пищи для ума».

Среди прочих рекомендаций Перлз упоминает и один специфический прием сублимации агрессивности: «Если вы боитесь причинять людям боль, нападать на них, говорить “нет”, когда положение того требует, вы должны проделать следующее упражнение: представьте себе, что вы откусываете от чьего-то тела кусок мяса. Можете вы вообразить, что откусываете его «чисто» или ваши зубы только создают впечатление кусания, как будто вы кусаете резину? Если в воображении вы можете прокусить тело насквозь, способны ли вы испытать соответствующее “чувство” плоти у вас на зубах? Вы можете осудить такого рода упражнение за жестокость и злобность, но этой жестокостью в той же мере проникнута каждая часть и частица вашего организма, как проникнута ею жизнь животного в борьбе за выживание. Ваша биологическая агрессивность должна где-то и как-то найти себе выход; даже под маской добродушнейшего человека, обладающего ласковым, незлопамятным характером, таится скрытая агрессивная сущность, которая обязательно проявит себя так или иначе, либо в виде проекции, либо в виде морализаторства, либо как убийственная доброта»¹.

Следующим методом терапии Перлза являлась так называемая визуализация — создание воображаемых образов и работа с ними. Многие люди в принципе не могут визуализировать. В таком случае речь идет о серьезном невротическом расстройстве — они боятся увидеть кого-либо или что-либо, поэтому блокируют возникновение образов в своем сознании. Но если человек не потерял подобного на-

¹ Там же. С. 256.

выка, то при первой же попытке его использовать он, скорее всего, столкнется с путаницей образов, возникающих хаотично. Избавиться от этой реакции можно, лишь осознав, что человек сам меняет эти образы, а не они по своей воле изменяются в его сознании. Многократное возвращение и сосредоточение на конкретных представлениях позволит остановить их скоротечность, а также понять, почему возникает желание перейти от одного образа к другому. Что лежит в основе этого желания? Страх, застенчивость, нетерпеливость, отсутствие интереса и т. д.?

Как только в сознании возникает какой-то образ, необходимо определиться со своим эмоциональным отношением к нему. Боится ли его человек или равнодушен к нему, любит или презирает? Это отношение необходимо выразить, желательно вслух и как можно более реалистично. Это может стать тренировкой в решении какой-то существующей проблемы или же со временем помочь сформировать отстраненное отношение к прошлой ситуации, которую уже не вернуть.

«Терапия сосредоточением указывает более короткий и эффективный путь к “эмоциональному возрождению”, чем путь, предлагаемый “разговорной” терапией или техникой свободных ассоциаций. Например, мы просим человека, выразившегося о своем отце достаточно пренебрежительно, представить себе его зрительный образ и сосредоточиться на деталях его внешности, и он вдруг разражается слезами. Его удивляет внезапный эмоциональный взрыв, он поражен тем, что до сих пор по отношению к старику у него осталось столько чувств. Ценность сосредоточения на образе личности или событии, с которыми у человека имеется эмоциональная связь, с точки зрения катарсиса сравнима с катарсической ценностью нарко- или гипноанализа с дополнительным преимуществом, заключающимся в усилении и укреплении сознательной личности. Более сложным, но очень ценным шагом, направленным на достижение четырехмерной духовной жизни, жизни, воссоздающей окружающую реальность, является тренировка остальных чувств: слуха, обоняния и вкуса. Для достижения такого пластического четырехмерного душевного устройства вам необходимо будет установить по возможности наиболее полный воображаемый контакт, и под этим я подразумеваю нечто большее, нежели просто визуализация картин. Если вы зрительно представляете себе пейзаж, вы можете описать все его детали: деревья, луга, тени, пасущийся

скот, свежие цветы. Но от вас требуется больше. Вы должны побродить по этим местам, взобраться на деревья, зачерпнуть пригоршню жирного чернозема, ощутить аромат цветения, посидеть на траве в тени, прислушаться к пению птиц, пошвырять в поток камешки, понаблюдать за занятыми своим делом пчелами! Осуществляйте всевозможные импульсивные желания с полным размахом, главным образом те из них (повалить девушку на траву под прикрытием живой изгороди, украсть яблоко из сада, помочиться в канаву), которые в реальной жизни вызвали бы ваше смущение, но которые время от времени появляются у вас в воображении»¹.

Перлз уделял особое внимание умению человека ощущать окружающую его действительность, то есть находиться в настоящем. Описывая свои переживания, которые человек осознаёт в данный момент, он возвращается к действительности, останавливая свое желание убежать в своих размышлениях в прошлое или с помощью мечтаний отправиться в будущее.

Ставя перед читателем цель «достичь контакта с более глубокими слоями нашего существа, омолодить наше мышление и обрести “интуитивное понимание” (гармонию мышления и жизни)», Перлз предлагает освоить метод внутреннего молчания. Для этого сначала необходимо обратить внимание на то, как человек разговаривает — тембр, темп и прочие особенности его голоса. При этом нужно не оценивать свою речь, а просто принимать ее как данность. Затем, через некоторое время, когда без труда будет удаваться услышать себя говорящего, следует переключить внимание на внутренний голос. Скорее всего, поначалу его будет трудно уловить, но позже это должно получиться, и тогда необходимо постараться осознать его особенности. Подобная работа не только поможет человеку лучше справиться с возникающими у него проблемами, такими как чрезмерное многословие или, наоборот, заикание, но и открывает новые стороны его «Я», проявляющиеся в агрессивности, жалобах или желании что-то приукрасить, выражающихся внутренним голосом. Наконец, вышшим пилотажем должен стать навык внутреннего молчания — способность остановить свой бесконечный внутренний монолог. «Когда у вас получится продлевать эту внутреннюю тишину до минуты или около того, энергии, или, скорее, те виды активности, что

¹ Перлз Ф. Эго, голод и агрессия. М.: Смысл, 2000. С. 270—271.

затмевались речью, восстанут из более глубоких биологических слоев — ваше биологическое “Я” начнет выбирать-ся из-под коросты слов»¹.

Для того чтобы восстановить собственное Эго, продолжить развитие личности, необходимо перейти в общении, хотя бы с самим собой, от безличного языка к языку с использованием местоимения «Я». Это позволит не только перейти к правильному самовыражению, но и приведет к осознанию ответственности за свои поступки: «Итак, первым делом вы должны понять, уклоняетесь ли вы, а если да, то в каких случаях, от употребления слова “я”. Затем начните переводить свою речь с языка “безличных оборотов” на язык “Я”, сначала про себя и в конце концов вслух. Вы легко сможете осознать различия, существующие между двумя этими видами речи, когда услышите от кого-нибудь: “Чашка выскользнула у меня из руки” вместо “Я уронил чашку”; “Рука сорвалась” вместо “Я дал ему пощечину”; или же “У меня такая плохая память” вместо “Я забыл” или даже еще более правдивого “Я не хотел запоминать этого, не желал утруждать себя”. Привычно ли для вас винить во всём судьбу, обстоятельства или болезнь и т. п. за свои жизненные промахи? Может быть, вы укрываетесь за безличным местоимением подобно тому человеку, которого высмеял однажды Фрейд, заметив: “Небезопасность и темнота стянули у меня часы”»².

Перлз рекомендовал уделять больше внимание речи еще и потому, что она позволяет человеку уловить те случаи, когда он ретрофлексирует, то есть перенаправляет на себя агрессию, которая предназначалась другому лицу. Для того чтобы поймать этот момент, необходимо, по мнению Перлза, анализировать слова, заканчивающиеся на «-ся» («-сь») или начинающиеся на «само-». Вполне возможно, что ваше самообвинение относится к близкому человеку, а не вам самим.

Еще одним методом развития личности и преодоления значительного числа проблем является ассимиляция проекций, то есть принятие, встраивание в структуру собственной личности тех ее характеристик, которые человек отрицает в себе и поэтому переносит (проецирует) на других: «Человеку подозрительному приходится не доверять самому себе, превращающий себя в жертву делает жертвой

¹ Перлз Ф. Эго, голод и агрессия. М.: Смысл, 2000. С. 284.

² Там же. С. 287.

и окружающих. Если вы чувствуете, что с вами обходятся несправедливо, вы можете быть уверены, что вы — последний, кто честно обходится с другими. Возьмем пример ревнивого мужа. Когда он проецирует свое собственное желание быть неверным, он будет интерпретировать невинную дружескую улыбку своей жены другому мужчине как любовный призыв. Он страдает и требует, чтобы она не делала никаких авансов, он прилагает страшные усилия, чтобы исследовать малейшие признаки, подтверждающие его воображаемые подозрения, но всё это время ему никак не удастся заглянуть в себя. В общем, можно сказать, что когда вы чувствуете ревность, подозрение, несправедливое обращение, чувствуете себя жертвой или раздражены, вы можете поставить 100 против 1, что вы проецируете, а может быть даже — что у вас паранойяльный характер. Всем этим неприятностям паранойяльного поведения противостоит одно великое преимущество. Если вы однажды распознали механизм проекций, вы легко сможете получить колоссальные знания о себе»¹.

Наконец, применяя в своей терапии идеи Вильгельма Райха, Перлз описывает терапию сосредоточения, которая позволяет не только справиться с мышечным напряжением, но и посредством расслабления со временем осознать, что за отрицаемые (неприемлемые для «Я») чувства стоят за этой зажатостью, озвучить их и принять.

В 1942 году, когда книга была впервые опубликована, Перлз отправился на войну. В этот раз он выступил добровольцем на стороне союзных войск, воевавших в Африке против немцев. Он работал как военный врач до 1946 года, изредка приезжая домой в отпуск. Стоит отметить, что вряд ли кто-то его там ждал. Брак с Лорой фактически распался, а отношения с детьми окончательно разладились.

К моменту окончания войны Фриц и Лора уже начали тяготиться пребыванием в Южной Африке, вдали от просвещенного общества коллег и единомышленников. Да и политические изменения, произошедшие в стране, предвещавшие политику апартеида², подталкивали их к отъезду. На сей раз Фриц всё же решил отправиться в США, тем более что Карен Хорни, когда-то бывшая его психоаналитиком, согласилась помочь с переездом и обустройством.

¹ Там же. С. 322—323.

² Апартеид — политика расовой сегрегации, проводившаяся в ЮАР с 1948 по 1994 год.

В 1946 году Фриц уехал из Южной Африки в США. Лора и дети последовали за ним через год.

Оказавшись в Нью-Йорке, Перлз вновь, как и в первый свой приезд, столкнулся с бытовыми и профессиональными трудностями. Главной из них была, конечно же, проблема трудоустройства, так как ему не удалось получить должность профессора в Йельском университете, на которую он претендовал (его ученая степень доктора медицины, полученная в Германии, так никогда и не была признана в США). Перлз уже хотел было возвратиться в Южную Африку, как вдруг ему повезло. Он познакомился с Эрихом Фроммом, который ранее прочитал «Эго, голод и агрессия» и был впечатлен книгой. Фромм отговорил Перлза уезжать, пообещав, что в течение трех месяцев у него появится собственная частная практика. Благодаря поддержке Фромма и других коллег клиенты появились у Перлза уже спустя три недели.

Поначалу Перлз поддерживал контакты с неофрейдистами, членами Института Вильяма Алансона Уайта. Но не получив в нем постоянной должности, он вскоре стал отдаляться от этой организации. В это же время Перлз познакомился с Полом Гудманом — известным американским поэтом, писателем, анархистом, которому суждено было сыграть особую роль в развитии гештальттерапии. Вокруг Гудмана в то время сложился богемный круг молодежи, к которому и примкнул Фриц. Помимо прочих в окружении Гудмана были поэт Джулиан Бек и его супруга, актриса Джудит Малина — основатели «Живого театра» — театра, который, как они полагали, должен изменить мир, театра, в котором граница между сценой и зрительным залом будет стерта. Эпатажные, анархистские постановки «Живого театра» не могли не привлекать Перлза, мечтавшего о сцене с юных лет. Бек и Малина вспоминали, что он регулярно «околачивался» на их репетициях, комментируя происходящее.

Влияние Фрица и Лоры на Пола Гудмана было значительным. Через некоторое время после их знакомства Пол стал клиентом Лоры, а позднее решил сам заняться психотерапией. В 1950 году Лора начала тренинг для группы людей, профессионально заинтересовавшихся новой терапией. В эту так называемую «группу семи» помимо нее и Фрица вошли Эллиот Шапиро, Пол Вайц, Изидор Фром, Ральф Хефферлин и Джим Симкин. Они еженедельно встречались на квартире Перлзов и обсуждали перспективы гештальттерапии.

Через некоторое время Фриц вместе с Изидором Фромом решили перебраться в Лос-Анджелес, чтобы открыть там частную практику. Эта попытка потерпела неудачу из-за поведения терапевтов — грубый стиль общения с пациентами, нередко переходивший в перепалку, а также интимные связи с клиентами привели к тому, что Перлз вынужден был вернуться в Нью-Йорк, который он терпеть не мог.

После возвращения Перлз предложил Полу Гудману и Ральфу Хефферлину написать в соавторстве книгу, которая должна была представить новый терапевтический подход. В 1951 году книга появилась под заголовком «Гештальттерапия: возбуждение и рост человеческой личности». В ней впервые был использован термин «гештальттерапия» и содержались рекомендации для самостоятельной работы. Против такого названия выступала Лора, считавшая, что оно указывает на связь с гештальтпсихологией, которая у их терапии была минимальной. Она предлагала термин «экзистенциальная терапия», а Ральф Хефферлин отстаивал название «интегративная терапия». Тем не менее Фриц настоял на своем, а все остальные посчитали, что лучше с ним согласиться, чем вступать в дискуссию, которая в любой момент могла закончиться перепалкой.

В 1952 году Фриц и Лора Перлз основали в Нью-Йорке Институт гештальттерапии. Фриц так гордился этим, что табличка на здании с надписью «Доктор Фредерик Перлз, Институт гештальттерапии» была в несколько раз больше, чем все остальные, висевшие по соседству. Правда, так как Фриц не очень любил тратить деньги, даже если у него их было много, для обустройства своего офиса он где-то нашел мебель без отделки, сам отремонтировал ее и расставил в своем кабинете.

Благодаря публикации книги, а также известности Пола Гудмана гештальттерапия постепенно начала приобретать популярность у американцев. Фрица, Лору и их соратников приглашали в Кливленд, Детройт, Майами и другие города, где они проводили тренинги для специалистов и непрофессионалов.

Сам Перлз постоянно стремился дополнять гештальттерапию новыми методами и практиками. В середине 1950-х годов он познакомился с психодрамой, отдельные элементы которой начал использовать. Психодрама — метод психотерапии, разработанный Якобом Морено, который, кроме того, являлся и автором идеи групповой тера-

пии. Один из ключевых принципов психодрамы — «здесь и теперь», когда клиент должен проигрывать, а значит, проживать в настоящем времени те события, которые уже случились в прошлом или которые он ожидал в будущем. Морено разработал и использовал теорию ролей, которые играет человек в своей жизни. В психодраме человеку предлагается роль героя в игре, содержание которой сосредоточено на его проблемах. Он может свободно выражать свои чувства в направляемых психологом импровизациях, а другие члены группы исполняют роли главных персонажей его реальной жизни. Таким образом, клиент получает представление о решении проблемной ситуации, о своих ролях, которые ведут к конфликтам, а также знакомится с ролями, которые могут быть плодотворными в их разрешении.

Перлз перенял у Морено и доработал один из главных своих методов — технику «пустого стула». Чаще всего эта техника использовалась для того, чтобы человек представил на пустом стуле, стоящем напротив него, значимого другого (например, кого-то из близких людей, хотя в роли «собеседников» можно представлять и собственные мысли или ощущения), к которому он обращается и выражает то, что не было выражено ранее. Нередко человек говорит с уже умершим другим, с кем он уже не может вступить в реальный диалог. Таким образом появляется возможность закрыть неоконченный гештальт.

Фриц Перлз впоследствии использовал технику с похожим названием, так называемый «горячий стул». В этом случае терапевт как бы провоцирует одного из участников гештальтгруппы занять место в центре аудитории и начать рассказывать о своих проблемах, а также отвечать на вопросы терапевта и других членов группы.

Помимо психодрамы Перлз освоил систему чувственного сознания, которую развивала Шарлотта Селвер. Она считала необходимым научить человека возвращаться к детским воспоминаниям и чувствам, утраченным под влиянием воспитания, когда в сознании ребенка закрепляются родительские, а позднее социальные ценности и его собственная сущность при этом страдает. Для того чтобы пробудить этот детский опыт, а также отличать свои переживания от навязанных извне, Селвер практиковала медитативное осознание важнейших физиологических процессов — дыхания, ходьбы, лежания, бега и других. Кроме того, в своей практике Селвер пыталась научить человека

понимать, как он тратит собственную энергию, где она расходуется впустую, а где ее, наоборот, не хватает.

Перлз пытался освоить и использовать в гештальттерапии и куда более неординарные практики. Например, он заинтересовался идеями основателя сайентологии Рона Хаббарда и какое-то время якобы даже получал так называемый одитинг¹. Он также познакомился с дзен-буддизмом, который произвел на него сильное впечатление «мудростью, потенциалом и внеморальным отношением».

Взгляды Фрица на развитие гештальттерапии всё более расходились с позицией Лоры и большинства членов института. Ситуация осложнялась еще и тем, что Перлз не переносил критики, и с годами, а ему было уже за 60, ситуация только ухудшалась. В 1956 году врачи диагностировали у Фрица проблемы с сердцем, и он решил поменять место жительства, считая, что более мягкий климат пойдет ему на пользу. Перлз переселился из Нью-Йорка в Майами. С Лорой они больше никогда не жили вместе, правда, продолжали общаться, бесконечно спорили и жаловались друг на друга, но так и не развелись.

Переезд в Майами стал для Перлза очередным вызовом. Он оказался вдали от привычной для него обстановки. Новые гештальтгруппы не появлялись, и раз в несколько месяцев Фриц посещал уже существующие — в Нью-Йорке, Кливленде, Торонто. Его частную практику также нельзя было назвать успешной. Он превращался в отшельника, живущего в небольшой квартире, арендованной у бывшего клиента, и никто не хотел иметь с ним дела из-за его сложного характера. Единственным, что доставляло удовольствие Перлзу, не считая, конечно же, курения, было плавание.

Всё снова изменилось в декабре 1957 года. Именно тогда Перлз встретил 32-летнюю Марти Фромм, которую он впоследствии называл самой важной женщиной в жизни. Они познакомились, когда Марти пришла за консультацией к Фрицу по поводу проблем с поведением одной из ее дочерей. Перлз помог девочке, но сразу же обратил внимание Марти на ее собственные проблемы. Он стал ее психотерапевтом, а через несколько встреч и любовником. В своих воспоминаниях «Внутри и вне помойного

¹ Одитинг — практика в саентологии, представляющая собой определенным образом стандартизированное общение клиента и консультанта, имеющее гипнотическую природу.

ведра» Перлз опубликовал открытое письмо, обращаясь к Марти, когда их отношения уже закончились: «Дорогая Марти, когда я встретил тебя, ты “была” прекрасна, выше всех описаний. Прямой греческий нос, который ты позднее переделала, чтобы иметь “хорошенькое личико”. Когда ты это сделала, когда изменила свой нос, ты стала иной. Ты всё имела в избытке — ум, тщеславие, холодность и страсть, жестокость и работоспособность, безрассудство и депрессию, беспорядочность и лояльность, презрение и энтузиазм.

Когда я говорю тебе “была”, я не совсем точен. Ты — есть, и ты слишком жива, хотя стала более косной. Я еще люблю тебя, а ты любишь меня без страсти, но с доверием и пониманием.

Когда я обращаюсь к годам, прожитым с тобой, то прежде всего всплывает — не неистовые лобзания и даже не наши еще более неистовые схватки — но твоя благодарность: “Ты вернул моих детей”.

Я нашел тебя подавленной, близкой к самоубийству и разочарованной в замужестве, связанной двумя детьми, с которыми ты утратила контакт. Я гордился, что поднял тебя и сформировал для своих и твоих нужд. Ты любила меня и восхищалась мной как терапевтом и в то же время стала моим терапевтом, врезаюсь своей безжалостной честностью в мою лживость, противоречивость и манипуляции. Никогда не было потом так, как тогда, когда каждый отдавал столько, сколько брал.

Потом я взял тебя в Европу. Париж, какие-то болезненные приступы ревности с моей стороны, какие-то дикие оргии, возбуждение, но не настоящее счастье. Это счастье пришло в Италии. Я был так горд показать тебе истинную красоту, как если бы я владел ею, и помог тебе преодолеть посредственный вкус в искусстве. Конечно, мы напились допьяна.

Это исполнение “Аиды” в Вероне! Древний римский амфитеатр, вмещающий 20—30 тысяч зрителей. Сцена? Нет сцены. Один конец театра построен на равных исполинских трехметровых подпорках, египетская часть перевезена с другого континента.

Ночь, почти мрак. Публика, освещенная тысячью свечей. Потом исполнение. Голоса, плывущие с захватывающей интенсивностью над нами, сквозь нас. Финал: факел, пылающие в бесконечном пространстве и умирающие голоса, соприкасающиеся с вечностью!

Нелегко было вернуться к толкотне и суете покидающей толпы. Открытый воздух оперы в Риме был артефактом, ни на минуту не позволяющим забыть, что присутствуешь на исполнении.

Наши ночи. Нет нужды возвращаться домой, нет страха слишком мало спать. Последняя капля нашего ощущения друг друга. “Сегодня ночью было превосходно” — стало готовой фразой, но это была правда, нарастающая интенсивность бытия одного для другого. Нет слов для описания тех недель, дилетантское заикание.

В этой жизни ничего не получаешь за так. Я должен дорого платить за мое счастье. Вернувшись в Майами, я всё больше и больше становился собственником. Моя ревность достигла, действительно, психотических размеров. Стоило нам расстаться, а большую часть дня мы проводили вместе — и я беспокоился, несколько раз в день ездил к тебе, проверял тебя. Я не мог сосредоточиться ни на чем кроме: “Марти, где ты сейчас и с кем ты?”

Так было до тех пор, пока Питер не вошел в нашу жизнь и ты не полюбила его. Он не очень-то заботился о тебе. Для тебя он был отдыхом от меня и от моей пытки. Он был беззаботным, занимательным. Невозможно было скучать в его присутствии. Он был молод и прекрасен, я был стар и жесток. Усложним вопрос еще больше: я слишком любил, да и сейчас люблю его. Небеса разверзлись надо мной. Внешне я был оставлен в унижении, лелея дикие фантазии мести. Все попытки порвать с тобой не имели успеха. Потом я сделал нечто такое, что при взгляде назад кажется попыткой совершить самоубийство, но без позора такого рода малодушия.

Я пережил те операции, я пережил наше расставание, я пережил наши последние схватки и примирение. Я — здесь, ты — там. Я чувствую себя хорошо и уверенно, где бы мы ни встретились. Спасибо, что ты была самой важной личностью в моей жизни. Фриц»¹.

В этом воспоминании Перлза смешаны несколько этапов их отношений с Марти Фромм. Первый — романтический, продолжавшийся на протяжении всего 1958 года, второй — этап болезненной ревности Фрица, начавшийся в 1959-м. За год до этого Перлзу предложили стать обучающим терапевтом в психиатрической больнице Коламбу-

¹ Перлз Ф. Внутри и вне помойного ведра. СПб.: Петербург-XXI век, 1995. С. 160—162.

са. Для Фрица это означало возможность объединить его детище — гештальттерапию с официальными психотерапевтическими методами. Отказываться от подобного шанса он не собирался. Когда он заявил Марти, что уезжает, она устроила истерику, выслушав которую Фриц сказал: «Марти, я сделал для вас всё, что мог, пока был здесь. Я не ответствен за вас. Я ничего вам не должен. До свидания»¹. В этой фразе звучала вся суть отношения Перлза к женщинам, которые, если пользоваться терминологией гештальттерапии, были в его жизни лишь фоном, тогда как он сам всегда оставался для себя фигурой.

Фриц провел в Коламбусе около девяти месяцев, после чего вернулся в Майами. Может быть, впервые в жизни Перлз настолько сильно привязался к девушке, так на него похожей. Та практически параноидальная ревность, о которой вспоминал Фриц, охватившая его после возвращения, была во многом спровоцирована употреблением ЛСД, которое он начал практиковать во время романа с Марти, стремясь с помощью наркотика достичь новых ощущений и расширить границы осознания реальности. У Марти начался роман с одним из клиентов Фрица, которого звали Питер. Работа вновь спасла Фрица, не позволив сойти с ума от боли. В 1959 году его пригласили в Мендосино, на западное побережье, психологом-консультантом в одну из государственных клиник. Хотя Фриц и Марти жили в разных городах, они сохранили отношения вплоть до самой смерти Перлза. Правда, когда Фриц сделал ей предложение выйти за него замуж, она отказалась.

В Мендосино Перлза пригласил главный психолог местной больницы, экзистенциальный терапевт Вильсон ван Дузен. Фриц должен был консультировать группы социальных работников, психологов и психиатров. Во время этой работы он производил на всех сильное впечатление своим талантом, так как без труда мог охарактеризовать клиента и его проблемы, предварительно ничего не зная о нем, анализируя лишь выражение лица и позу, в которой он сидел. Но Перлз оставался Перлзом, и не в его характере было сдерживать свои желания. Так некоторое время по приезду он жил в семье Вильсона ван Дузена. Тот вспоминал, что «еда была священным ритуалом для него, и мы не должны были беспокоить его болтовней или чем-то еще,

¹ *Shepard M. Fritz. An Intimate Portrait of Fritz Perls and Gestalt Therapy. New York: Bantam Books, 1975. P. 85.*

пока он долго жевал. Он мог быть достаточно жестоким за столом, пока наконец не натренировал бы вас есть так, как он считал правильным. И вы ничем не должны были беспокоить его, так как он был очень сконцентрирован на еде». Супруга Вильсона — Марджери была не так лояльна к Фрицу: «Он жил как свинья. В своей комнате он всё разбрасывал. Становилось всё грязнее, грязнее и грязнее. Кровать никогда не застилалась, на ней был бардак. Вы или заботились о нем, или позволяли всему превращаться в хлам. Это было его стилем. Он не верил в социальное приличие. Он чувствовал, что оно было фальшивым»¹. Не выдержав однажды вызывающего поведения Перлза, Марджери даже запустила в него сахарницу, разбив часы на руке Фрица. К счастью, дело тем и ограничилось.

В 1960 году Перлз оставил быстро наскучивший Мендосино и отправился в Лос-Анджелес, где вместе с бывшим учеником Джимом Симкиным вновь стал проводить семинары гештальттерапии. Вскоре количество групп, с которыми он работал, выросло, добавились и частные клиенты. Фриц был вынужден еженедельно разъезжать между городами. Так продолжалось несколько лет, пока ему это не наскучило и он не решил отправиться в путешествие. Откровенно говоря, вся его жизнь и была одним большим путешествием. Потому он и называл себя цыганом.

Среди стран, которые посетил Перлз, знаковыми для него стали Япония и Израиль. В Киото он ближе познакомился с дзен-буддизмом. Двухмесячное обучение, если это можно было так назвать, закончилось заданием Мастера — парадоксальным вопросом — коаном, на который необходимо было дать такой же неординарный ответ. «Какого цвета ветер?» — спросил Мастер. Фриц в ответ дунул ему в лицо. Мастер был удовлетворен ответом.

В Израиле, неподалеку от Хайфы, Фриц провел несколько месяцев в общине художников Эйн Год², в результате чего тоже начал писать картины. В Эйлате он впервые познакомился с культурой хиппи, образ жизни которых оказался ему очень близок: «Здесь были бродяги, и земля, и морской пейзаж. Вместо того, чтобы следовать своему решению, я пробыл там около двух недель. Здесь не было ни любовных историй, ни культурных аттракционов, пляж

¹ Ibid. P. 101.

² Эйн Год — деревня художников, основанная в 1954 году дадаистом Марселем Янко.

скорее был каменистый, в отличие от восхитительного пляжа в Хайле, но... я встретил обаятельных бродяг, в основном американцев. Сегодня мы называем их хиппи и встречаем их тысячами. Уверен, что среди нашей богемной толпы в Берлине были отдельные личности, которые решили сделать своей профессией ничегонеделание, но большинство усиленно трудились, чтобы стать достойными людьми и что-то сделать в жизни, и очень многие, действительно, делали. Еще я встретил битников: гневные люди, разбивающие свои головы о железные правила общества. Я встретил последователей “дзен”, которые за несколько месяцев до этого отказались от гнева и были заняты поисками спасения. Найти здесь бродяг было для меня событием. Найти людей, которые были счастливы тем, что они просто есть вне зависимости от целей и достижений»¹.

Из турне Перлз вернулся в Лос-Анджелес воодушевленным и готовым приступить к работе. На Рождество 1964 года его пригласили выступить на семинаре в Институте Эсален на западном побережье Калифорнии. Фриц тогда еще ничего не знал об этом месте. Институт, являвшийся по своей сути коммуной, был основан двумя годами ранее молодыми людьми Майклом Мерфи и Ричардом Прайсом, представителями «Движения за развитие человеческого потенциала», выступавшего за раскрытие в людях экстраординарных способностей. Они были увлечены восточными духовными практиками после посещения ашрама² Шри Ауробиндо³ в городе Пудучерри (Индия). Институт Эсален должен был стать территорией, свободной от религиозных догм и политических позиций, общественных и этических запретов. Поэтому основатели института запретили когда-либо поднимать над его территорией американский флаг, читать там газеты, слушать радио и смотреть телевизор. Всё остальное, вплоть до употребления наркотиков, например ЛСД, было разрешено. В разное время в Институте Эсален работали такие психологи, как Станислав Гроф и Тимоти Лири — представители трансперсональной психологии, Вирджиния Сатир — психолог, чьи идеи оказали

¹ Перлз Ф. Внутри и вне помойного ведра. СПб.: Петербург-XXI век, 1995. С. 110.

² Ашрам — религиозная община для совместной медитации и молитвы.

³ Шри Ауробиндо (1872—1950) — индийский философ, создатель интегральной йоги — метода достижения единства человека с духовной первоосновой мира без бегства от мира или разрыва связи с ним.

огромное влияние на развитие семейной психотерапии, и Абрахам Маслоу — один из основоположников гуманистической психологии. Фриц однажды посетил семинар Маслоу, и когда ему стало скучно, он начал ползать на животе по полу, издавая различные звуки, на что Маслоу сказал: «Этот человек сумасшедший!» Перлз же в присущей ему эпатажной манере позже называл Маслоу «засахаренным нацистом», по-своему интерпретируя его мягкий характер и идеи о разделении людей на самоактуализирующихся личностей и всех остальных¹.

Уже летом 1954 года Перлз приехал в Институт Эсален, чтобы начать курс гештальттерапии, и работал там в качестве резидента вплоть до 1969 года. Первое время он вел себя как обычно — несдержанно и порой даже злобно реагируя на учеников, продолжая практиковать промискуитет: «Сам я имею очень слабое стремление неистовствовать без адекватной провокации. Но я могу рассердиться, дважды я физически выбрасывал людей с занятий, когда они бесконтрольно рушили их и отказывались уйти. Я всегда давал сдачи, когда меня атаковали. Несколько раз я приходил в ярость от ревности, но в основном удовлетворялся, мучая свою возлюбленную вопросами и безжалостными просьбами описать, как всё происходило, в деталях. Что касается сексуальных игр в ваннах² или где-либо еще, то сдержанность не применима ко мне. Фрейд назвал бы меня полиморфным извращенцем»³. Один из сотрудников института характеризовал Перлза как и большинство критиков: «Все думают, что он гений. Я же думаю, что он просто грязный старик»⁴. Его здоровье не улучшалось, проблемы с сердцем постоянно давали о себе знать. Фриц чувствовал себя отвратительно и даже задумывался о самоубийстве. Ему, конечно же, нужна была любовь и поддержка других, а он бежал от нее, причиняя близким и не очень людям боль, заставляя их страдать.

И тем не менее постепенно ему стало лучше. Перлз благодарил за это Иду Рольф — автора системы мануальной

¹ *Shepard M. Fritz. An Intimate Portrait of Fritz Perls and Gestalt Therapy. New York: Bantam Books, 1975. P. 162.*

² Перлз имеет в виду огромные каменные ванны с минеральной водой, установленные в Эсалене на берегу океана.

³ *Перлз Ф. Внутри и вне помойного ведра. СПб.: Петербург-XXI век, 1995. С. 85.*

⁴ *Shepard M. Fritz. An Intimate Portrait of Fritz Perls and Gestalt Therapy. New York: Bantam Books, 1975. P. 118.*

терапии («рольфинга»), которую по его рекомендации пригласили в Эсален. Да и его семинары — любимое детище, единственная возможная для Перлза форма контакта с миром, придавали ему сил, являлись для него терапией собственных психологических проблем. Кроме того, из Эсалена он ежегодно отправлялся в туры по Европе, посещая различные музеи и, конечно же, любимые оперные театры.

Не в последнюю очередь благодаря пребыванию в Эсалене, который посещало множество людей, Перлзу удалось сделать гештальттерапию по-настоящему популярной. Каждый его семинар привлекал по несколько сотен человек. В то же время Перлз организовывал семинары в Лос-Анджелесе, Сан-Франциско и других городах. В 1968 году фотография Перлза появилась на обложке журнала «Лайф», а его семинары записывались на видео и распространялись в массах. Всё это свидетельствовало о популярности и признании. Правда, эта популярность имела и обратную сторону. Нередко участники семинаров в Эсалене, поверхностно познакомившись с гештальттерапией и ее методами, объявляли себя терапевтами, начиная собственную практику, что, конечно же, вело к дискредитации идей Перлза и его соратников.

Критиков его работы тоже не становилось меньше. В дополнение к уже ставшим привычными замечаниям о грубости Фрица во время проведения семинаров и его практически маниакальной склонности к интимной близости с учениками добавлялись и замечания по существу. К критикам относилась и Лора, которую Фриц воспринимал как своего конкурента в гештальттерапии:

«Лора Перлз: <...> Фриц был ориентирован гораздо более аналитически, чем он полагал. Мне кажется, что горячий стул, пустой стул и подведение пациента к собственной интерпретации — это род драматизированной свободной ассоциации.

Интервьюер: В том смысле, что с пустым и горячим стулом он вернулся назад, к кушетке с терапевтом за спиной.

Лора Перлз: В результате он держал себя вне ситуации и только указывал направление или отдавал приказы. Частично это исходило из его допсихиатрического опыта в театре школы Рейнхарда.

Интервьюер: И он в основном работал с проекцией как главным средством обращения с людьми.

Лора Перлз: Вы можете работать таким образом с относительно здоровыми людьми, но нельзя работать мето-

дом пустого стула с людьми, по-настоящему больными. Он перестал на самом деле лечить. На семинарах он работал с людьми, которые все были профессионалами, — в основном опытными профессионалами, которые практиковали несколько лет или уже имели собственных терапевтов и аналитиков. Он просто пропускал людей, если чувствовал, что работать с ними небезопасно. Фриц был генератором, а не тем, кто заботится. У него были удивительные идеи и интуиция, но отсутствовало терпение»¹.

В Эсалене Перлз наконец-то решился построить свой собственный дом, которого у него не было со времен Южной Африки, а возможно, и со времен эмиграции из Германии. Увы, он не мог обрести настоящего дома, как ни мечтал о нем, никогда не признаваясь в этом. Фриц хотел быть самой яркой звездой на небосклоне Эсалена, но как только появились успешные конкуренты, он не стал с ними соперничать. Заявив, что после избрания президентом Ричарда Никсона в США может установиться фашизм, Фриц в 1969 году решил оставить Америку.

Он эмигрировал в Канаду, где на острове Ванкувер у озера Ковичан купил бывший мотель и вместе с несколькими своими студентами основал там гештальт-институт, напоминавший по своей организации кибуц². Перлз пришел к выводу, что обучения на семинарах недостаточно, так как они не позволяют достигнуть глубоких и длительных изменений личности. Совместная жизнь в течение нескольких месяцев в кибуце должна была исправить эту ситуацию.

Возможно, его коммуна была для него очередным домом, а его несколько десятков учеников, живших с ним, — новой семьей. Возможно, он чувствовал себя как правитель в своем королевстве, где больше не было никаких конкурентов или альтернативных точек зрения и где он мог сказать, удовлетворенно улыбаясь: «Это мое место». Хотя со стороны всё это могло выглядеть как секта, удовлетворяющая желания непомерно раздутого «Я» своего гуру.

В год переезда в Канаду Перлз опубликовал две книги — «Гештальт-терапия в дословном изложении», в которую вошли беседы и расшифровки семинаров, а также ав-

¹ Диалоги о гештальт-терапии. Сборник интервью. Гомель: Кайрос, 2006. С. 17.

² К и б у ц — коммуна в Израиле, с общим имуществом и равным распределением труда и потребления.

тобиографичную работу «Внутри и вне помойного ведра». Он также работал над книгой «Гештальтподход», которая была опубликована уже после его смерти, в 1973 году, вместе с текстом, получившим название «Свидетель терапии», представлявшим собой еще одну транскрипцию хода его семинаров. В этих книгах можно увидеть итог размышлений Перлза о том, что же такое гештальттерапия.

Фриц продолжал совершать поездки, популяризируя свои идеи и приглашая слушателей в кибуц на берегу озера Ковичан. В феврале 1970 года он вернулся из очередного путешествия по Европе. Вернулся усталым и больным. Он оказался в больнице с подозрением на рак поджелудочной железы. Фриц сразу же позвонил своей жене Лоре, чтобы сообщить эту новость. Спустя несколько дней, несмотря на его протесты и брюзжание, Лора приехала, чтобы поддержать его в трудную минуту. Фриц был упрям до конца, и, несмотря на сложность операции, он пережил ее, отняв у смерти еще некоторое время. 14 марта 1970 года Перлз скончался от сердечного приступа.

Фриц Перлз был одной из самых противоречивых личностей в истории психологии. Гений или поверхностный интеллеktуал, авторитарный гуру или настоящий учитель, развратный старик или чувственный любовник — подобные противопоставления можно продолжать до бесконечности. Ему же самому подобные определения были безразличны. Отношение к людям, их оценкам, Перлз выразил словами своей «Молитвы», которая была его безусловным жизненным кредо:

«Я делаю свое дело, а ты делаешь свое.

Я живу в этом мире не для того, чтобы соответствовать твоим ожиданиям,
а ты живешь в нем не для того, чтобы соответствовать моим.
Ты это ты, а я это я.

И если нам посчастливилось найти друг друга, то это прекрасно.

А если нет, этому ничем нельзя помочь».

Глава VII

АБРАХАМ МАСЛОУ (1908—1970)

Соединенные Штаты Америки — страна, созданная иммигрантами. Не последнюю роль в ее становлении сыграли и выходцы из Российской империи. Первая масштабная волна эмиграции нахлынула на далекие заокеанские берега в конце XIX — начале XX века. В те годы число иммигрантов составило более трех миллионов человек. И кого среди них только не было! Максим Факторович, открывший некогда в Рязани первую парфюмерную лавку, а после эмиграции ставший всемирно известным под именем Макс Фактор. Авиаконструктор Игорь Сикорский, создавший на родине аэропланы и истребители, а в США основавший собственную фирму, которая одной из первых в мире стала производить вертолеты. Братья Вонсколасеры — создатели кинокомпании «Warner Brothers». Лазарь Меир, Шмуль Гелбфиш и Николай Шейнкер, положившие начало гиганту американской киноиндустрии — «Metro-Goldwyn-Mayer». Кстати, брат Николая Шейнкера Иосиф был одним из творцов еще одной всемирно известной киностудии — «20th Century Fox». Благодаря его продюсерскому гению на экранах появились Чарли Чаплин и Мэрилин Монро. В общем, одна империя теряла талантливых людей, а другая их приобретала.

Но большинство иммигрантов из Российской империи, как, собственно, и из других стран, были ничем не примечательные люди. Среди них оказался и совсем невыдающийся Самуил Маслов, решивший однажды покинуть дом родителей в Киеве и в 14 лет отправившийся на поиски земли обетованной. Он прибыл в Филадельфию, не зная ни слова по-английски и не имея за душой ни гроша. Всё, что у него было, — записка от родителей родственникам, уже перебравшимся в Америку, с просьбой приютить маль-

чика. В течение нескольких лет Самуил учил английский, подрабатывая где только можно, чтобы хоть как-то прокормиться, а затем переехал вместе с родней в Нью-Йорк. Там он стал работать бондарем, что приносило скромный, но постоянный доход. Там же, в Нью-Йорке, только созревавшем «Большом яблоке»¹, молодого человека настигла первая любовь. Но как это часто бывает, чувство оказалось недолговечным. Чтобы пережить страдания от неразделенной любви, нет ничего лучше, чем влюбиться снова. Самуил был более прагматичен. Для того чтобы отношения были успешными, лучше выбирать сразу из тех, кто уже тебя любит. Он написал письмо своей двоюродной сестре на родину с предложением приехать в США и выйти за него замуж. Девушку звали Роза, и она, по крайней мере на тот момент, когда получила письмо, была без ума от молодого человека. Недолго думая Роза покинула Российскую империю, пересекла океан и оказалась в объятиях Самуила. А уже 1 апреля 1908 года у них родился ребенок, которого они называли Авраамом (или на американский манер Абрахамом) в память об одном из умерших родственников. Впоследствии у Самуила и Розы появилось еще шестеро детей — три сына и три дочери, но ни один из них не стал столь же известен, как первенец.

Абрахам уважал, но в то же время боялся своего отца. Он вспоминал Самуила как очень энергичного человека, любившего виски, женщин и драки. Отец практически всё время работал, уходя из дома рано утром и возвращаясь за полночь. Лишь изредка на выходных он проводил время с сыном. По всей вероятности, в какой-то момент брак Самуила и Розы стал рушиться, и глава семейства старался еще реже появляться дома, что не шло на пользу воспитанию детей. Правда, в силу существовавших традиций и влияния родственников супруги Маслоу долгое время не разводились. Они пошли на этот шаг спустя годы, когда Абрахам уже покинул дом.

Что касается матери, то Абрахам Маслоу ненавидел ее. Он считал свою мать жестокой и невежественной женщиной. «Так как моя мать была тем типом личности, который в литературе называют шизофреничным — она была той женщиной, которая сводит людей или детей с ума, — мне было ужасно любопытно узнать, почему я не сходил с ума, —

¹ Большое яблоко — прозвище Нью-Йорка, которое стало распространенным, скорее всего, в конце 1920-х — в 1930-е годы.

писал он впоследствии. — Я был, конечно, невротичным, чрезвычайно невротичным, на протяжении первых двадцати лет — подавленный, ужасно недовольный, одинокий, изолированный, но в теории это должно было быть намного хуже. В итоге я обнаружил, что брат моей матери — мой дядя по материнской линии — очень любезный и хороший человек по сей день, который жил поблизости, заботился обо мне и затем о моем младшем брате и следующем ребенке. Он любил младенцев и детей и просто заботился о нас каждый раз, когда моя мать беременела. Он, возможно, и спас мою жизнь, психически...»¹

Абрахам Маслоу не мог простить матери ее скупость, когда она в отсутствие отца (читай — практически всегда) закрывала на замок набитый продуктами холодильник, разрешая детям вдоволь поесть, лишь когда у нее было хорошее настроение (то есть очень редко). Он не мог ей простить жестокости, когда она в припадке гнева убила нескольких бездомных котят прямо на глазах у Абрахама, пожалевшего их и принесшего их в домашний подвал, чтобы покормить. Роза Маслоу относилась к категории людей, которые, не справляясь с воспитанием подрастающих детей, начинают запугивать их различными способами, угрожая неприятностями в случае «неправильного» поведения. Она была женщиной своей эпохи, поэтому грозила детям за непослушание «Божьей карой». У Абрахама был пытливый ум, и когда ему было четыре или пять лет, он решил проверить, обрушатся ли на него гром и молнии, если он нарушит материнские запреты. Как выяснилось, ни гром, ни молнии не обрушились. Абрахам перестал доверять матери и верить в Бога. Зато он впервые, сам того не зная, освоил азы научного мировоззрения — проверять всё опытным путем. После того как он юношей покинул дом, Абрахам видел мать еще лишь несколько раз в жизни. На похороны к ней он не пришел. «То, на что я реагировал, ненавидел и абсолютно не принимал, заключалось не только в ее внешности, но также и в ее ценностях, мировоззрении, ее скупости, ее абсолютном эгоизме, ее отсутствии любви к кому-либо еще в мире — даже ее собственному мужу и детям, ее самовлюбленности, ее рабских предубеждениях, ее использовании людей, ее предположении, что каждый, кто был с ней не согласен, был неправ, в отсутствии у нее друзей, в ее небрежности и

¹ *Wilson C. New Pathways in Psychology: Maslow and the Post-Freudian Revolution. New York: Zorba Press, 2001. P. 229.*

грязи, в отсутствии связей с ее собственными родителями и родными братьями, ее примитивной, подобной животному заботе о себе и своем теле. Я всегда задавался вопросом, откуда происходит мой утопизм, акцент на этике, гуманизм, подчеркнутое внимание к доброте, любви, дружбе, и я понял — конечно, это прямое следствие отсутствия любви матери. Вся моя жизненная философия, все мои исследования имеют корни в ненависти и отвращении ко всему тому, что отстаивала моя мать»¹.

Когда Абрахаму было девять лет, семейство Маслоу переселилось из бруклинских трущоб, где они фактически жили в еврейском гетто, в более респектабельный район. Здесь он впервые в жизни столкнулся с антисемитизмом. Абрахам был обычным еврейским мальчиком, умевшим читать с пяти лет и обожавшим это занятие. Но для того чтобы попасть в Бруклинскую библиотеку, он был вынужден проходить через кварталы, где жили итальянцы или ирландцы, где мальчишеские банды преследовали любого выходца из еврейского района. Поэтому он должен был придумывать обходные пути, чтобы не быть избитым. Надо сказать, что ему это хорошо удавалось, а наградой за тягу к знаниям становились книги, которые он с упоением читал на протяжении всего дня и не спешил возвращаться домой. Абрахам очень быстро освоил детскую библиотеку и получил разрешение читать взрослые книги.

Когда ему было девять лет, мальчик решил стать участником группы еврейской самообороны — по сути, еще одной банды подростков, которая хотела отстаивать свое место под солнцем в драках с мальчишками из других районов. Абрахам, конечно же, должен был скрыть свою любовь к чтению, это было сделать несложно, но что ему не удалось, так это пройти своеобразную инициацию, чтобы стать своим в банде. Он должен был забросать местных девчонок камнями и убить кошку. Своим среди уличной шпаны он не стал.

Антисемитизм, с которым Маслоу столкнулся в детстве, был распространен не только в подростковых кругах. Большинство учителей начальной школы, где учился Абрахам, были ирландки, далекие от идей гуманизма, национальной и веротерпимости. Некоторые из них открыто насмехались над еврейским происхождением мальчика, заставляя ребенка чувствовать свою неполноценность.

¹ *Hoffman E. The Right to be Human. A Biography of Abraham Maslow.* Los Angeles: Jeremy P. Tarcher, 1988. P. 9.

Это чувство и без того мучило Абрахама. Он был очень застенчивым, считал себя странным и некрасивым, что не удивительно. Его родной отец мог заявить во время посиделок с родственниками: «Разве Аби не самый уродливый ребенок, которого вы когда-либо видели?» Вполне очевидно, что мальчика мучил пресловутый комплекс неполноценности, возникший в результате упреков и унижений со стороны родителей. Иногда, возвращаясь из школы, он специально выбирал пустые вагоны метро, чтобы «не пугать людей своим видом», настолько он верил словам отца. Учеба была для Абрахама главной опорой в окружавшем его враждебном мире, в котором он чувствовал себя чужаком. Чтобы поддерживать свое снедаемое упреками, хрупкое «Я», мальчик старался учиться только на «отлично», а в свободное время улетал в своих мечтах в иллюзорные миры, созданные авторами прочитанных им книг.

Единственным настоящим другом Абрахама стал его двоюродный брат Уилл. Они были настолько похожи, что их считали родными братьями. Правда, Уилл был более активным парнем, и благодаря его помощи Абрахам стал понемногу преодолевать изолированность от мира. Вместе с Уиллом они учились в лучшей бруклинской средней школе, одним из выпускников которой когда-то был сам Ирвин Шоу (Маслоу поступил в нее в 1922 году). Вместе с Уиллом они проводили свободное время, играя в теннис или подрабатывая доставкой цветов в элитный район Манхэттена.

Для Абрахама новая школа стала фактически родным домом. Оказавшись среди таких же, как и он, еврейских мальчиков, страстно желающих получать знания, он понял, что учеба — это не удел одиночек. Он с головой окунулся в школьную жизнь, принимая участие в редактировании ученических газет, деятельности различных кружков и объединений. Абрахам даже увлекся спортом, веря, что только так может стать «настоящим мужчиной». К теннису добавились легкая атлетика, гандбол и любимый американцами бейсбол.

В средней школе Маслоу стал интересоваться физикой и историей. Он увлекся идеями Нильса Бора и даже написал статью в школьную газету о возможном будущем использовании атомной энергии на флоте (нужно отдать Маслоу должное: когда он фантазировал о будущем атомной энергии, шел 1923 год, и лишь в 1954 году на воду был спущен первый атомоход — американская подводная лодка «Наутилус»). В череде исторических персонажей, к ко-

торым Абрахам относился с особым уважением и неподдельным интересом, были Томас Джефферсон и Авраам Линкольн. Среди писателей, которых он открыл для себя в это время, особое место занял приверженец социалистических идей Эптон Синклер. Под влиянием произведений Синклера постепенно начали формироваться общественно-политические взгляды Маслоу, которые можно в итоге охарактеризовать как демократический социализм. Спустя несколько десятилетий Маслоу напишет Синклеру письмо, в котором будет благодарить писателя за влияние, которое тот когда-то невольно на него оказал.

Весной 1922 года в Нью-Йорк из России приехала двоюродная сестра Абрахама Берта Гудман. Родители девочки эмигрировали в США еще до Первой мировой войны, решив сначала обустроиться, а потом перевезти на новую родину дочь. Однако сначала война, а потом революция в России отложили воссоединение семьи на долгие годы. Всё это время мальчик, обожавший своих тетю и дядю, слушал рассказы об их дочери, которая была всего на год его младше. Когда же Абрахам увидел БERTУ, он был поражен ее красотой и сразу же влюбился, боясь признаться в этом не только другим, но и себе. Зато он сразу же предложил девушке помощь в обучении английскому языку, желая найти хоть какой-то предлог, чтобы видеться с ней как можно чаще.

Зимой 1925 года настало время, когда Абрахам должен был определиться с колледжем, в котором он продолжит образование. Самым престижным учебным заведением, входившим в знаменитую Лигу плюща¹ и которое к тому же без проблем принимало евреев, был Корнелльский университет. Но для того, чтобы обучаться в нем, нужны были значительные средства, которых у семьи Маслоу не было, или выдающиеся способности, которые позволили бы претендовать на стипендию, покрывавшую расходы на обучение. Двоюродный брат Уилл решил поступать в Корнелл и пытался уговорить сделать то же самое и Абрахама, но тот был непреклонен — он не верил в свои способности поступить в столь престижный университет. Так дороги Маслоу и самого близкого друга на некоторое время разошлись.

¹ Лига плюща — ассоциация восьми частных американских университетов, предлагающих исключительно высокий уровень образования. Название лиги произошло от плюща, обвивающего старейшие здания университетов.

Уилл получил необходимую стипендию и поступил в Корнелльский университет, а Абрахам выбрал Городской колледж Нью-Йорка.

В течение первого же семестра Абрахам провалил тригонометрию и получил невысокие оценки еще по ряду дисциплин. Обучению не способствовала ситуация в семье — конфликты между отцом и матерью, истерики, шум и гам от многочисленных братьев и сестер. Пытаясь сбежать от всего этого, Абрахам даже устроился работать ночным сто-рожем.

В следующем семестре юноше удалось исправить ситуацию с оценками, но стало понятно, что его интересуют английский язык и общественные дисциплины. В это же время он, абсолютно рациональный и сдержанный молодой человек, открыл для себя ранее неизведанный мир музыки и был глубоко ею поражен. В своем дневнике он писал о том времени: «Я слышу двести голосов и сто инструментов, радостно кричащих к разверстым небесам — это Бетховен. Я слышу Дебюсси, создающего изящное настроен-ие восхитительного мягкого томления. Я слышу менуэт Моцарта, и изящная, изысканная эпоха возникает в моем воображении»¹.

В 1926 году Абрахам Маслоу, продолжая учиться в Городском колледже, начал по настоянию отца посещать вечернее отделение Бруклинской юридической школы. Самуил когда-то сам мечтал стать адвокатом и теперь хотел реализовать собственные амбиции за счет сына. Абрахаму сразу же не понравилась ни атмосфера учебного заведения, ни то, чему его там учили. Уже через три месяца во время одного из семинаров Маслоу просто встал и вышел из аудитории, не взяв с собой даже учебников. Он отправился напрямик к отцу, которому заявил, что больше не желает учиться на адвоката. «Ну хорошо, тогда что же ты хочешь изучать?» — спросил расстроенный и оттого разозленный отец. «Всё», — последовал ответ молодого человека. Отец не понял ответа, но не стал препятствовать Абрахаму перевестись зимой 1927 года в Корнелльский университет.

Среди причин такого решения Абрахама была не только нелюбовь к юриспруденции, но и любовь к двоюродной сестре Берте. Родители были против их отношений, и молодой человек решил с ними не конфликтовать, а отдалиться

¹ *Hoffman E.* The Right to be Human. A Biography of Abraham Maslow. Los Angeles: Jeremy P. Tarcher, 1988. P. 21.

от своей возлюбленной. В выборе нового места обучения не последнюю роль играл другой родственник Абрахама — всё тот же Уилл, прекрасно учившийся в Корнелле и подстрекавший своего двоюродного брата поскорее приехать к нему. Маслоу не имел возможности получить стипендию для обучения в частном колледже искусств и наук, поэтому он поступил в сельскохозяйственный колледж, места в котором финансировались государством. Таким образом он мог бесплатно слушать некоторые интересовавшие его гуманитарные курсы.

Самым главным событием для Маслоу в это время стало даже не столько поступление в Корнелл, сколько то, что он наконец-то покинул родительский дом, избавился от тяготившей его атмосферы. «Это было очень красиво, и это было в первый раз, когда я оказался так далеко от дома, от тротуаров Нью-Йорка. Благодаря Уиллу у меня появились друзья и хотя бы часть той романтической жизни в колледже, которую я видел в фильмах. Я чувствовал себя настоящим студентом»¹.

Как оказалось, Корнелл был временным интеллектуальным пристанищем для юного Маслоу. Его не впечатлил ни один из прослушанных курсов, а самое главное, он не мог справиться с нахлынувшей тоской по Берте. По прошествии полугода, который, как ему казалось, тянулся бесконечно, Абрахам возвратился в родительский дом, восстановившись в Городском колледже. Вот только он никак не мог сказать своей возлюбленной о собственных чувствах. Единственное, что позволял себе болезненно застенчивый молодой человек, это постоянно ходить за ней по пятам. Неизвестно, сколько бы это продолжалось, если бы не случай в лице Анны — старшей сестры Берты, которая просто-напросто толкнула молодого человека в объятия девушки. Маслоу на всю жизнь запомнил свой первый поцелуй: «Я поцеловал ее, и ничего ужасного не произошло, небеса не рухнули, но это было началом новой жизни». Он считал этот момент одним из главных переживаний в жизни. Берта стала первой и единственной девушкой, за которой ухаживал Абрахам.

Родственники молодых людей были по-прежнему против отношений. Родители Абрахама, например, предупреждали об опасности браков между близкими людьми из-за

¹ *Hoffman E. The Right to be Human. A Biography of Abraham Maslow. Los Angeles: Jeremy P. Tarcher, 1988. P. 25.*

возможных наследственных заболеваний. Хотя, когда они женились, их самих генетика не заботила. Абрахам же был вынужден искать научные исследования, подтверждавшие безопасность подобных отношений в случае здоровья обоих партнеров, показывать эти материалы отцу и матери, которые ничего в этом не смыслили и не очень-то желали разбираться. Зачастую родителям кажется, что лучше ответить на просьбу ребенка отказом, чем согласием, и не важно, в чем суть этого обращения. Однако рано или поздно ребенок научится обходить родительское «нет» с помощью обмана или открытого бунта, и вот тогда пытаться договориться с ним о чем-то будет уже поздно.

Весной 1928 года Маслоу решил поступить в Висконсинский университет, выбрав в качестве направления обучения психологию. Выбор был отчасти случайным, так как его в то время больше интересовала философия, но незадолго до перевода в новый университет в руки Маслоу попала книга, посвященная идеям выдающихся психологов. Статья об основателе бихевиоризма Джоне Уотсоне потрясла Абрахама Маслоу: «Вещь, которая по-настоящему перевернула мои представления, была глава об Уотсоне... Сильно взволнованный, я внезапно увидел развернувшиеся передо мной будущие возможности науки психологии, программу работы, которая обещала настоящий прогресс, настоящее преимущество, реальные решения реальных проблем»¹. Подобная реакция молодого Маслоу вполне понятна, так как Уотсон предлагал ответ на те вопросы, которые волновали Абрахама. Например, он считал, что с помощью научно обоснованного бихевиористского подхода можно улучшить воспитание детей, избежав физического и морального насилия над ними. Уотсон полагал, что все люди рождаются с равными возможностями и только окружающая среда делает их различными. Если же удастся изменить эту среду, то поменяется и сам человек. Маслоу наконец-то обнаружил ту науку, которая не только заинтересовала его, но и, как тогда ему казалось, могла быть полезна человечеству.

Осенью 1928 года Абрахам отправился в Висконсинский университет в Мэдисоне, надеясь, что там-то он точно встретит среди преподавателей «Сократа или Платона». Мыслителей такого уровня он там не нашел, но и не разочаровался в учебном заведении настолько, чтобы его по-

¹ Ibid. P. 33.

скорее покинуть. Зато по приезде в Мэдисон он однозначно понял, что без Берты, которая осталась в Нью-Йорке, жить он больше не может (что уж говорить про учебу). Как и подобает застенчивому молодому человеку, прежде чем принять важное решение — сделать девушке предложение руки и сердца, он опросил всех своих друзей и даже некоторых не очень знакомых преподавателей, которым доверял, на предмет того, стоит ли ему подобное предложение делать. Все как один ответили: не стоит, достаточно логично аргументировав это неспособностью Абрахама, студента-очника, обеспечить семью. Маслоу терпеливо и вежливо выслушал их мнения и послал Берте телеграмму, в которой предлагал ей выйти замуж как можно скорее — на ближайших рождественских каникулах. Волновался молодой человек, видимо, очень сильно, так как даже забыл спросить в своем послании, а согласна ли сама девушка. Но Берта была, конечно же, согласна — она его тоже давно и сильно любила, и 31 декабря 1928 года молодые люди поженились. Родственникам ничего не оставалось делать, как прийти на свадьбу и пообещать молодоженам всяческую помощь и поддержку.

Берта отправилась с Абрахамом в Висконсин, и несмотря на то, что она еще не получила аттестат зрелости, ее зачислили в университет. Близость любимой облегчила жизнь Маслоу и позволила ему наконец-то сосредоточиться на учебе. Висконсин считался либеральным университетом, это явилось одной из причин, по которой Маслоу его выбрал. Среди преподавателей были такие люди, как, например, Курт Кофка — один из создателей гештальт-психологии, у которых он хотел учиться. Правда, вскоре выяснилось, что преподаватели, о посещении лекций которых он мечтал, покинули университет. Зато были другие, возможно, менее известные, но тем не менее они позволили Маслоу приобщиться к настоящему интеллектуальному сообществу.

У Маслоу появились и новые друзья, близкие ему по духу. Он, наверно, впервые оказался способен устанавливать доверительные отношения с посторонними людьми, не комплексуя по этому поводу. Абрахам вспоминал, что даже позволил себе впервые в жизни выпить алкоголь во время «сухого закона», сделав это в присущей ему оригинальной манере: «Я напивался пару раз и чувствовал себя очень смелым и предприимчивым. Я никогда не покупал или не пил крепкие напитки из-за боязни отравиться спир-

том. Мы крали чистый спирт из химической лаборатории. Помню, Сэм (друг Маслоу. — С. А.) принес немного спирта на вечеринку и потом смешал его с ароматизаторами, которые были безопасны. Так мы сделали наше собственное пиво»¹.

Бихевиоризм был единственной специализацией Маслоу в Висконсине. Он изучал биологию, физиологию, экспериментально исследуя в университетских лабораториях поведение животных. Позже он так вспоминал об этом времени: «Подготовка психологов в 1920—1930-е годы, как правило, отличалась крайней конкретностью (она и до сих пор отличается узостью, хотя и в меньшей степени), доходящей до узкокобья. Я, тогда еще очень молодой человек, движимый любовью к людям, желанием понять их и помочь им, поступил в университет на факультет психологии. Очень скоро с удивлением для себя я обнаружил, что попал в какое-то странное, почти масонское заведение, где ученые старцы толкуют ощущения, заставляют заучивать бессмысленные слоги и совершать магические обряды жертвоприношения, отправляя крыс в вечное странствие по лабиринту и наказывая ударом тока ни в чем не повинных собак. Более-менее полезными навыками, которые я усвоил в стенах этого храма науки, были умение применять придуманные другими техники исследования и знание статистических процедур»².

Стоит отметить, что Маслоу имел и еще одно увлечение — философию. Среди философов, с работами которых он познакомился, его главным героем был рационалист Бенедикт Спиноза, стремившийся описать окружающий мир и человека как можно более объективно и отрицавший идею трансцендентного Творца. Маслоу на дух не переносил философию Гегеля, возможно потому, что она была для него слишком сложна, и когда ему задали сделать доклад на эту тему, Абрахам просто не явился на занятие. Критиковал он и веру в существование потусторонних сил и промысел Божий, а факты якобы пережитого людьми мистического опыта объяснял человеческими способностями, которые просто еще не известны науке: «В момент мистического опыта мы видим замечательные возможности и непости-

¹ *Hoffman E.* The Right to be Human. A Biography of Abraham Maslow. Los Angeles: Jeremy P. Tarcher, 1988. P. 39.

² *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. С. 326—327.

жимые глубины в человеческой природе... Почему бы не приписать этот удивительный опыт самому человеку? Вместо того чтобы вывести из мистического опыта беспомощность и слабость человека, мы, вероятно, можем создать более замечательную концепцию о величии человеческих способностей и выдающихся перспективах прогресса, ожидающих нас в будущем»¹. Маслоу даже отправил несколько статей в университетский философский журнал, но ни одна из них не была принята к публикации.

Еще одной дисциплиной, которую Маслоу впервые открыл для себя, стала антропология. Это произошло под влиянием блестящих лекций Ральфа Линтона, развивавшего идею объединения антропологии, социологии и психологии в одну дисциплину, позволившую бы изучать поведение человека во всей его полноте. Эти мысли Линтон позже изложил в своей фундаментальной работе «Изучение человека» (1936). Абрахам Маслоу был абсолютно согласен с такой точкой зрения. Он даже подготовил доклад для конференции в Висконсинской академии наук и искусств в марте 1932 года, в котором представил критический взгляд на социальную психогигиену и психоаналитическое движение, поскольку они, по его мнению, не учитывали роль культурных факторов в формировании психологических проблем личности. Но, не справившись со страхом перед аудиторией, он так и не смог выступить.

Чрезмерная робость была характерной чертой Маслоу на протяжении всей его жизни. После каждого выступления, особенно значимого, он был настолько истощен из-за нервного напряжения, что оказывался буквально без сил. Возможно, эта социофобия, уходящая своими корнями в детский комплекс неполноценности, была той нерешенной проблемой, которая привела к серьезным проблемам со здоровьем уже во взрослом возрасте.

Годы бакалавриата пролетели незаметно. Поступив в магистратуру, Маслоу хотел написать диссертацию на интересную междисциплинарную тему, но его преподаватели отклоняли все предложения, придерживаясь жестких рамок бихевиоризма. Наконец его научный руководитель сформулировал проблему, скучнее которой, как казалось Маслоу, сложно было что-то придумать. Он должен был заняться изучением запоминания и воспроизведения вер-

¹ *Hoffman E.* The Right to be Human. A Biography of Abraham Maslow. Los Angeles: Jeremy P. Tarcher, 1988. P. 41.

бального материала, для чего проводил серию достаточно простых экспериментов, демонстрируя карточки со словами контрольным группам и меняя условия, в которых испытуемые получали информацию. Общий вывод работы был до банального прост — обучение более эффективно, если условия, в которых оно проходит, поддерживают его. В 1931 году Маслоу получил степень магистра и хвалебные отзывы на свою работу, которую даже опубликовали в журнале. Сам же молодой автор настолько был ею не доволен, считая тривиальной, что уничтожил карточку в каталоге университетской библиотеки, чтобы никто не знал о ее существовании.

После защиты магистерской диссертации Маслоу стал ассистентом на психологическом факультете. Его руководители вспоминали о нем позже как о талантливом молодом преподавателе, который мог заинтересовать предметом своих студентов и особенно студенток, многие из которых были в него влюблены. Но если Маслоу и догадывался о подобном внимании к своей скромной персоне, виду он не подавал и всегда интересовался оценкой лишь собственной жены.

Осенью 1931 года Маслоу поступил в аспирантуру к психологу Гарри Харлоу, начавшему исследование интеллекта обезьян. Всеобщее признание Харлоу получил отнюдь не за эту работу. В конце 1950-х годов он проводил эксперименты над детенышами макаков. В ходе опытов он отнимал их от настоящих матерей и помещал в клетку с суррогатными «матерями» — железными конструкциями, к одной из которых прикреплял бутылочку молока, а вторую оборачивал тканью. В течение нескольких дней маленькие обезьянки начинали проявлять привязанность и ласку к той модели «матери», которая была покрыта мягким материалом. Вторую конструкцию — с молоком они использовали лишь для удовлетворения голода, но никаких эмоций она у них не вызывала. Таким образом Харлоу пришел к выводу, что чувство привязанности у ребенка возникает из-за тактильного контакта с матерью, который ему жизненно необходим, а отнюдь не из-за удовлетворения голода. Однако, как оказалось позднее, этого было недостаточно для полноценного развития. Обезьянки, выросшие рядом с куклами, уже через год стали демонстрировать поведенческие отклонения — они не могли наладить общение друг с другом, проявляли агрессию. Стало понятно, что для полноценного эмоционального развития на самом раннем этапе

жизни необходим был контакт с живыми обезьянами, а не их заменителями, в противном случае сделать их полноценными было уже невозможно¹.

Все эти опыты будут гораздо позже, а тогда, в начале 1930-х годов, Харлоу занимался процессом обучения обезьян и поэтому привлек своего первого аспиранта Абрахама Маслоу к этому исследованию. Маслоу даже написал несколько статей, посвященных поведению обезьян, в соавторстве с Харлоу, а уже в 1934 году, в возрасте двадцати шести лет, получил докторскую степень за исследование социального поведения приматов. В своей диссертации Маслоу хотя и не заявлял об этом открыто, тем не менее фактически пытался решить вопрос о том, какая сила является ведущей в развитии личности — сексуальное влечение или стремление к доминированию. В 1932 году он открыл для себя работы Фрейда, а через некоторое время труды Адлера. Их теории заставили Маслоу взглянуть на проблемы, которыми он занимался, с иных позиций. В итоге, изучая поведение приматов, он экспериментально подтвердил гипотезу о том, что именно место обезьяны в социальной иерархии определяло их сексуальное поведение. Адлеру подобные выводы пришлось бы по душе (что так и было, когда они встретились с Маслоу лично), в то время как Фрейд, скорее всего, назвал бы размышления Маслоу глупостью.

В начале 1930-х годов Абрахам Маслоу заинтересовался гипнозом и даже провел эксперимент по определению степени внушаемости одной из студенток, которую он называл в своем дневнике псевдонимом «Адель». Гипноз считался в то время псевдонаучным методом и был запрещен. Поэтому свой интерес Маслоу не афишировал, но старался продвинуться в его изучении, даже вступил в переписку по этому вопросу с Милтоном Эриксоном, разрабатывавшим в это же время собственный метод недирективного гипноза.

Получение ученой степени не гарантировало Маслоу трудоустройство в университете. Страна уже который год была в экономическом кризисе, получившем название Ве-

¹ В дальнейшем Харлоу интересовали депрессия и способы ее лечения, так как он сам переживал подобное расстройство после смерти жены. Психолог продолжил опыты на обезьянах, создавая для них невыносимые условия, которые он назвал «колодцем отчаяния», после воздействия которых у животных наступали тяжелейшие расстройства психики. Найти лекарства и вернуть их к нормальной жизни, впрочем как и себя, Харлоу так и не удалось.

лика депрессия. Миллионы людей оказались безработными, но и те, кто работал, не всегда могли себя обеспечить. Для Маслоу ситуация осложнялась еще и происхождением. Антисемитизм стал неотъемлемой чертой эпохи, пусть и не столь явной, как сегрегация чернокожих. Знакомые и друзья Маслоу неоднократно предлагали ему сменить имя. Тем более, что для неевреев места в штате университета всё же находились. Абрахам был непреклонен и всегда отвечал категорическим отказом на подобные предложения.

Чтобы как-то обеспечить себя и Берту, Маслоу решил продолжить обучение, на сей раз в медицинской школе, где он мог получать стипендию. Но довольно быстро стало понятно, что Маслоу не сможет учиться на медика в силу своего характера — он был не способен видеть человеческие страдания. Абрахам Маслоу оставил медицинскую школу. По прошествии тридцати лет он всё еще вспоминал это неудавшееся обучение так, как будто оно было только вчера: «Первую операцию, которую я когда-либо видел, я помню очень хорошо. Она была почти парадигмой десакрализации — у студентов уничтожалось чувство страха, понятие частной жизни, застенчивость перед всем священным и запрещенным, и всё тому подобное.

С помощью электрического скальпеля должна была быть ампутирована пораженная раком грудь женщины. Грудь отрезали, чтобы предотвратить метастазы... Половину детей (студентов. — С. А.) стошнило. Хирург же делал небрежные и холодные замечания о методе операции, не обращая никакого внимания на новичков, студентов-медиков, выбегавших из-за того, что им было плохо. В конце концов он отрезал грудь, бросив ее небрежно на мраморный прилавок, куда она упала с характерным шлепком.

Я помнил этот звук на протяжении тридцати лет. Она неожиданно изменилась, превратившись из священного объекта в кусок жира, мусор, который можно выбросить в ведро. Не было, конечно, никаких молитв, ритуалов или церемоний, которые присутствуют в дописьменных обществах... Здесь обошлись абсолютно технологичным способом: специалист был безэмоционален, холоден, спокоен, даже с небольшим оттенком чванства»¹.

Несмотря на то что прекращение обучения Маслоу в медицинской школе еще больше осложнило и без того

¹ *Hoffman E. The Right to be Human. A Biography of Abraham Maslow. Los Angeles: Jeremy P. Tarcher, 1988. P. 67.*

плачевное финансовое положение молодой семьи, он не оставлял попыток трудоустроиться психологом-исследователем. Весной 1935 года он готовил доклад для выступления на ежегодном симпозиуме Американской психологической ассоциации в секции, посвященной психологии животных. Однако еще до того как симпозиум состоялся, Маслоу неожиданно получил письмо от известного американского ученого Эдварда Торндайка¹, который познакомился с текстом доклада Маслоу, и хотя не во всем был с ним согласен, но был впечатлен талантом молодого исследователя и предлагал ему работу в Колумбийском университете в рамках проекта «Человеческая природа и общественный строй». Маслоу немедленно согласился.

Переехав вместе с Бертой в Нью-Йорк, он приступил к работе. Поначалу, окрыленный поддержкой столь солидного ученого, как Торндайк, и материальной стабильностью, пришедшей на смену полному безденежью, Маслоу с энтузиазмом включился в проект. Но вскоре его воодушевление пошло на спад. Рутинная деятельность, заключающаяся преимущественно в обработке результатов тестов, его не воодушевляла, а то, что ему было неинтересно, Маслоу никогда не мог заставить себя выполнять. Проведя некоторое время в сомнениях, он отправил Торндайку письмо, в котором выражал несогласие с концепцией проекта. Сам же в это время, втайне от руководителя, обратился к изучению женской сексуальности, проводя интервью со студентками по этому вопросу прямо в офисе Торндайка. Надо сказать, что Маслоу в это время считал проблему сексуального поведения ключевой для становления гармоничного общества.

Подобная ситуация не могла продолжаться долго, тем более что такие исследования считались невозможными в это время в силу этических соображений, и однажды Маслоу был вызван к Торндайку для беседы. Он ожидал гневной отповеди и отстранения от участия в проекте, но вышло совсем наоборот. Для начала Торндайк продемонстрировал Маслоу результат его теста на IQ, который был проведен перед трудоустройством психолога. Этот результат был просто ошеломляющим. Маслоу ответил на подавляющее большинство тестовых вопросов и получил второй по величине результат из когда-либо зарегистрированных. Далее

¹ *Эдвард Торндайк* (1874—1949) — психолог, президент Американской психологической ассоциации.

Торндайк пообещал обеспечивать Маслоу на протяжении всей жизни, если тому не удастся найти постоянную работу. И наконец он сказал: «Мне не нравится ваша работа, посвященная господству и сексуальности, я хотел бы, чтобы вы ею не занимались, но если я не буду верить в результаты собственных тестов по оценке интеллектуальных способностей, то кто же будет им верить? Поэтому я думаю, что если я позволю вам заниматься тем, чем вы хотите, это будет лучше для вас, для меня и для всего мира»¹. После этих слов Торндайк оставил свой личный кабинет в пользование Маслоу, разрешив ему в дальнейшем исследовать те проблемы, которые он считал необходимыми.

Этот разговор Маслоу всегда считал одним из важнейших в своей жизни. И он действительно был таковым, не только потому, что психолог получил творческую свободу и обеспеченное будущее, но и признание ценности его личности человеком, который был для Маслоу безусловным авторитетом. Стесняющееся, комплексующее с детства «Я» Абрахама наконец-то обрело заслуженную превосходную оценку. Для Маслоу эта оценка его интеллекта Торндайком была настолько важна, что, как только представлялся случай, не важно где — на научной конференции, во время дружеской беседы или на обычной вечеринке, он непременно старался упомянуть, насколько высок его IQ. Маслоу продолжил участвовать в проекте Торндайка, параллельно занимаясь изучением проблем сексуальности и господства.

Годы, когда Маслоу жил в Нью-Йорке, были временем массовой эмиграции ученых из нацистской Германии. Среди иммигрантов оказались и выдающиеся психологи, с которыми Абрахам Маслоу постарался познакомиться. Первым и, возможно, главным из его новых учителей стал основатель индивидуальной психологии Альфред Адлер: «Я никогда не встречал Фрейда или Юнга, но я действительно встречался с Адлером у него дома, где он обычно вечером в пятницу руководил семинарами, и я много с ним общался... Я думаю, правильно будет сказано, что у меня были лучшие учителя, и формальные и неформальные, просто потому, что в Нью-Йорк по воле случая эмигрировала интеллектуальная элита, бежавшая от Гитлера. Нью-Йорк в те дни был просто фантастическим местом. Не было

¹ *Hoffman E.* The Right to be Human. A Biography of Abraham Maslow. Los Angeles: Jeremy P. Tarcher, 1988. P. 74.

подобного места со времен древних Афин. И я думаю, что я знал каждого из них в той или иной степени»¹.

В 1935 году Адлер, иммигрировавший в США, начал проводить бесплатные семинары для всех интересующихся его теорией. Маслоу был одним из них, так как концепция Адлера была связана с проблемой доминирования и сексуального поведения у приматов, которой он занимался. Да и сам основатель индивидуальной психологии поначалу заинтересовался экспериментальной работой молодого исследователя, которая подтверждала его выводы. Среди идей Альфреда Адлера наиболее значимыми для Маслоу оказались позитивные взгляды на природу человека. Адлер считал, что альтруизм, сострадание, любовь, дружба — важнейшие врожденные черты личности, которые могут нивелироваться у человека лишь под воздействием крайне негативного раннего жизненного опыта.

Тем не менее незадолго до смерти Адлера стало очевидно, что между ним и Маслоу становится всё больше противоречий. Так как Адлер не терпел несогласия со своей точкой зрения, во время одной из дискуссий он довольно агрессивно отвел Маслоу в сторону и, прижав к стене, вызываясь спросил: «Ну так что, вы за меня или против?» Огорченный подобным отношением к себе и столь высоким уровнем неприятия альтернативной позиции, Маслоу решил больше не посещать встречи у Адлера, а через несколько месяцев он узнал, что основоположник индивидуальной терапии скончался от сердечного приступа в Шотландии.

Главным интеллектуальным центром Нью-Йорка, приютившим в своих стенах многих эмигрантов из Германии, стала Новая школа социальных исследований. Маслоу проводил в ней всё свободное время. Именно в Новой школе Маслоу познакомился с Максом Вертгеймером — одним из создателей гештальтпсихологии. Их интеллектуальная близость основывалась на схожести характеров. Мягкость в общении и при этом интеллектуальная бескомпромиссность Вертгеймера как никому другому была понятна Маслоу.

Позднее он называл немецкого психолога одним из своих учителей и отмечал, что масштаб его личности был сравним с Фрейдом.

Их отношения действительно были очень близкими и в чем-то даже напоминали отношения отца и сына. Вертгей-

¹ *Hoffman E.* The Right to be Human. A Biography of Abraham Maslow. Los Angeles: Jeremy P. Tarcher, 1988. P. 87.

мер был блестящим лектором, прекрасно ориентировавшимся в западной философии, социологии, политологии и без труда связывавшим их с проблемами психологии. Основатель гештальтпсихологии впервые обратил внимание Маслоу на восточную философию, прежде всего даосизм, как источник идей для развития западной психологии. Психология искусства, психология музыки, до той поры *terra incognita* для Маслоу, также стали ему интересны благодаря Вертгеймеру. Наконец, в одном из эссе под названием «История трех дней» (1940) Вертгеймер обозначил ту проблемную область, которой Маслоу впоследствии посвятил большую часть своих исследований. Немецкий психолог выступил с критикой изучения психологами только болезненного состояния людей. Он считал, что не менее важно обратить внимание на людей здоровых, не патологичных в своем поведении и мировосприятии.

Скорее всего, благодаря Вертгеймеру Маслоу в 1940 году познакомился с немецким неврологом Куртом Гольдштейном. Маслоу разделял его мнение, что организм необходимо изучать как целостную систему. Он также использовал в своих работах переосмысленное понятие самоактуализации, впервые введенное в научный оборот Гольдштейном, который подразумевал под ним врожденное желание любого живого организма, в том числе и человека, раскрыть свои потенциальные возможности.

Другой знаковой фигурой, оказавшей влияние на развитие взглядов Маслоу, стала Карен Хорни. Как и Вертгеймер, она читала лекции в Новой школе, и Маслоу старался не пропускать ни одну из них. А ее работы, в особенности «Невротическая личность нашего времени», он считал выдающимися трудами, позволившими продемонстрировать влияние культурного контекста на формирование различных видов неврозов. Когда же Хорни создала собственную психоаналитическую ассоциацию и инициировала деятельность при ней института, Маслоу с удовольствием принимал ее предложения и читал лекции по темам, которыми занимался.

Эрих Фромм был еще одним европейским ученым, с которым Маслоу познакомился в 1936 году, когда тот работал в Институте социальных исследований. Их общение не было столь же близким, как с Адлером или Вертгеймером. Со временем их отношения стали формальными и даже в какой-то мере превратились в конкуренцию двух интеллектуалов, по-разному представлявших себе развитие

общества. Среди идей Фромма, которые были интересны Маслоу, выделялись гуманистические размышления о необходимости движения общества к социальной справедливости, к решению социально-экономических проблем как основе борьбы с неврозами.

Но Абрахам Маслоу был настолько увлекающейся личностью, что одной психологии, будь то экспериментальные исследования или теоретические штудии, ему было недостаточно. Еще во время работы у Торндайка в Колумбийском университете он заинтересовался антропологией. Довольно скоро он познакомился с выдающимися учеными, трудившимися в отделении антропологии, — Маргарет Мид и Рут Бенедикт. С последней у него сложились особенно теплые личные отношения. Впоследствии, когда Маслоу будет разрабатывать свою теорию самоактуализирующихся личностей, он будет приводить Бенедикт (как и Вертгеймера) в качестве яркого примера таких людей, стремящихся к постоянному самосовершенствованию и полному раскрытию заложенного в них потенциала.

Уже к середине 1930-х годов Маслоу считался одним из немногих психологов, являющихся специалистами и в области культурной антропологии. По предложению Бенедикт в 1938 году он вместе с еще двумя коллегами — Джейн Ричардсон и Люсьен Хенкс принял участие в экспедиции по изучению жизни индейского племени «черноногих»¹, обитавших в Канаде. Берта, вероятно, тоже присоединилась бы к экспедиции, если бы не счастливое событие в семье Маслоу. В январе 1938 года на свет появилась их первая дочь Энн, и как ни тяжело было супругам расставаться, Берта с дочерью остались дома, а Маслоу отправился изучать новый для него мир.

В первую очередь он хотел продолжить исследовать интересовавшую его проблему господства. Для этого Маслоу собирался использовать те же анкеты, которые он разработал ранее для опроса в США. Однако он столкнулся с трудностями, которых не ожидал. Позже он вспоминал: «Мой тест был смехотворно бесполезен, когда использовался, чтобы изучить уверенных в себе людей. Многие вопросы в нем были абсолютно непостижимы индейцам племени «черноногих», другие были для них просто забавны»². На-

¹ Племя получило свое название из-за цвета обуви — мокасин.

² *Hoffman E. The Right to be Human. A Biography of Abraham Maslow.* Los Angeles: Jeremy P. Tarcher, 1988. P. 123.

пример, Маслоу спрашивал: «Как вы реагируете на робких, застенчивых людей?» Но этот вопрос был бессмысленным, так как таких людей в племени просто не было. Или психолог интересовался: «Как вы оцениваете прямоту в человеческом общении?» Вопрос тоже был непонятен индейцам, потому что все они излагали друг другу собственные мысли откровенно, не зная, как может быть иначе. Неудача с опросом продемонстрировала Маслоу шаткость его теоретических предположений, которые он к тому моменту сформулировал, относительно отношений господства и подчинения в западном обществе. Он еще раз убедился, теперь на собственном примере, что созданные теоретические инструменты, работающие в одном культурном и общественном контексте, могут быть абсолютно неприменимы в другой ситуации.

Одним из ярких впечатлений ученого от экспедиции стал индейский праздник Танец Солнца, во время которого произошел удивительный случай: «На этой церемонии все вигвамы племени были выстроены в один огромный круг. Я думаю об одном человеке, которого я видел. Это был богатейший мужчина племени, собравший целые кучи одеял, еды, тюки с различными вещами и даже такие жалкие вещи, как баночки от пепси-колы. В один из моментов праздника он начал расхаживать туда-сюда с важным видом, и мы услышали, что он говорит о своих успехах: “Вы все знаете, что я сделал то-то и то-то, вы все знаете, насколько я умен, насколько я хороший скотовод, хороший фермер, и поэтому я накопил значительное богатство”. И затем он широким жестом, но не оскорбительным для других, объявил, что передает эту грудку богатства вдовам, сиротам и больным. К концу церемонии Танца Солнца он лишился всего, чем владел, кроме одежды, которая была на нем»¹.

Маслоу был впечатлен не только самой церемонией, которая была отнюдь не символическим жестом, а реальностью, когда в один момент человек из богача добровольно превращался в нищего, но и принципом, лежавшим в основе жизни индейского племени. Престижным считалось раздавать свое богатство, а не накапливать его. И наиболее уважаемыми людьми в племени были как раз те, кто делал это по возможности часто. Для Маслоу, идеалиста, мечтавшего о справедливой организации общества, подобный пример был весьма вдохновляющим.

¹ Ibid. P. 122.

Но как бы ни был интересен новый мир, в изучение которого погрузился Абрахам Маслоу, еще более важным для него был мир реальный. Он очень скучал по жене и дочери, ежедневно часами рассматривая их фотографию. В конце лета 1938 года он оставил своих коллег в обществе индейцев и отправился домой.

После возвращения из экспедиции Маслоу обратил внимание на проблему эмоциональной безопасности — отношений между людьми, характеризующихся вниманием друг к другу, поддержкой и заботой друг о друге, доверием и близостью. Ему стало очевидно, что общество индейцев в этом плане превосходило американское общество. Он написал несколько работ, которые так и не были опубликованы, где размышлял о мерах, способных повысить ощущение эмоциональной безопасности у людей. Маслоу выступал за радикальное изменение системы образования, из которой должны были исчезнуть конкуренция за места в престижных школах и университетах, а роль преподавателя должна была измениться с авторитарного наставника, всегда знающего, «как надо», на наставника, дающего советы и помогающего ученикам совершенствоваться. Сотрудничество, взаимопомощь и поддержка друг друга должны были стать ведущими ценностями, придя на смену индивидуализму и конкуренции.

Измениться должен был и такой важнейший общественный институт, как семья. Ему необходимо было стать менее иерархичным, когда дети вынуждены лишь исполнять приказы родителей, практически не имея права на собственное мнение. В воспитание и обучение детей должно было быть вовлечено как можно больше родственников или, если их нет, знакомых и друзей. Это позволило бы ребенку получать более многообразный опыт в процессе социализации, а в случае гибели или болезни родителей не привело бы к катастрофическим последствиям для него, так как рядом всегда оказывался кто-то из близких людей, кого ребенок хорошо знал и с кем у него уже существовала эмоциональная связь.

Маслоу был человеком дела. Хотя ему не удалось претворить свои идеи в жизнь в масштабах всей страны, в собственной семье он старался их реализовать. К примеру, вместе с соседями он пытался организовать продуктовый магазин, который стал бы альтернативой сетевым супермаркетам. Затея провалилась, а вложенные средства прогорели. Маслоу не очень любил вспоминать этот опыт:

«Менеджер был паршивым, и с тех пор я стал ценить предпринимателей, менеджеров, бизнесменов, их эффективность и компетентность, а не просто добрую волю и *a priori* хорошие идеи»¹.

В дом, где в одной из квартир жили Абрахам и Берта с дочерьми (в 1940 году у Маслоу родилась вторая дочь — Эллен), со временем переселились их ближайшие родственники — родители Берты и ее разведенная сестра с двумя детьми, отец и младший брат Абрахама. При этом постоянный доход долгое время был только у Маслоу, которому приходилось обеспечивать всю большую семью, превратившуюся в своеобразную коммуну. Каждый член этой общины имел закрепленные за ним домашние обязанности, даже маленькая Энн — она должна была ежедневно обходить все квартиры по утрам и будить семью.

Маслоу обожал своих дочерей. Во время работы в Бруклинском колледже, когда они были еще маленькие, он из-за нехватки денег не мог себе позволить баловать их дорогими игрушками или развлечениями. Тем не менее он делал для них всё, что мог. Маслоу любил ездить с Бертой и девочками за город, чтобы отдохнуть на природе. Иногда он брал с собой еще нескольких соседских ребятешек и отправлялся с ними на экскурсию. Один из его бывших студентов, работавший в то время в кафе-мороженом, рассказывал, что Маслоу нередко приходил в кафе с детьми и заказывал каждому по мороженому, при этом на его лице можно было увидеть счастье от детской радости. Иногда вечером в кафе звонил телефон, и мягкий голос на другом конце провода произносил: «Добрый вечер, это доктор Маслоу. Простите, что звоню так поздно, но к нам приехали друзья, нельзя ли заказать немного мороженого». И мороженщик, уважавший и ценивший Маслоу, несмотря на поздний час, доставлял на велосипеде заказ для своего бывшего преподавателя.

Рождение дочерей неожиданно оказало серьезное влияние и на научные взгляды Маслоу: «Гораздо более важным уроком для меня стало рождение ребенка. Наш первый ребенок полностью изменил мои психологические воззрения. Он заставил меня по-новому посмотреть на бихевиоризм, который я поддерживал тогда с большим энтузиазмом. Именно с той поры бихевиоризм стал казаться мне

¹ Hoffman E. The Right to be Human. A Biography of Abraham Maslow. Los Angeles: Jeremy P. Tarcher, 1988. P. 147—148.

таким глупым, что я сейчас не переношу его на дух. Рождение второго ребенка преподавало мне урок того, какими разными могут быть люди даже в утробе матери. С тех пор я не в состоянии мыслить в терминах психологии научения, согласно которой любого человека можно научить чему угодно. Возьмите хотя бы тезис Дж. Уотсона: «Дайте мне двух младенцев, и я сделаю одного таким, а второго — другим». Мне кажется, что у него просто не было своих детей. Мне-то теперь прекрасно известно, что родитель не в состоянии формировать своего ребенка по своему произволу. Дети сами творят себя. Самое большее, на что способен родитель — и этим ограничиваются большинство родителей, — это протестовать, когда ребенок слишком увлекается нашим воспитанием»¹.

Когда проект Торндайка был завершен, Маслоу не стал проверять его обещание о пожизненном финансировании своей деятельности, а устроился в феврале 1937 года преподавателем в только что открытый Бруклинский колледж. Студенты колледжа по своему социальному происхождению отличались от студентов Колумбийского или Висконсинского университета. Здесь учились дети эмигрантов, в основном представители рабочего класса или мелких предпринимателей. Но эти молодые люди были так же амбициозны и трудолюбивы, как их ровесники из элитарных учебных заведений. Они понимали роль образования в жизни и потому учились с особым рвением.

Маслоу впервые полностью погрузился в преподавательскую деятельность, оставив в стороне научные изыскания, на которые просто не было времени. Надо отдать ему должное — он оказался талантливым педагогом. Всегда готовый к диалогу, остроумный, умеющий учитывать в работе мнение других, Маслоу очень быстро стал одним из самых любимых преподавателей в студенческой среде. Лекционные аудитории всегда были полны, вне зависимости от того, какой курс он читал. Маслоу даже получил прозвище «Фрэнк Синатра», настолько он был популярен и в то же время артистичен в роли преподавателя.

Абрахама Маслоу студенты не только любили, но и доверяли ему свои проблемы. Зачастую они не знали, с кем поделиться собственными переживаниями, у кого можно получить компетентный совет. И Маслоу был тем челове-

¹ Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 1999. С. 182.

ком, который мог не только выслушать, но и помочь. Он приглашал заинтересованных студентов к себе домой, где в непринужденной обстановке обсуждал с ними научные проблемы или интересовавшие их вопросы — ценностные ориентиры и смысл жизни, взаимоотношения между различными культурами и отношения между мужчиной и женщиной. Последняя проблема была фактически табуирована в семьях молодых людей. Родители не умели, а значит, и не хотели говорить на подобные темы, а Маслоу, который занимался проблемой сексуальности с научной точки зрения, старался ответить на их вопросы. Он был достаточно либеральным в своих взглядах, демонстрируя студентам изменчивость в различных культурах представлений о красоте, отношениях между мужчиной и женщиной и прочие вопросы с точки зрения антропологии. Маслоу считал, что распространение нудизма могло бы привести к тому, что тело представителя противоположного пола перестало бы рассматриваться как объект вожделения, а стало обыденным явлением. В таком случае любовь с большей долей вероятности основывалась бы не на физической близости, а на духовной и эмоциональной составляющих. Кроме того, Маслоу был однозначным поборником моногамии, считая ее формой брачных взаимоотношений, в наибольшей мере удовлетворяющей потребности людей.

Вполне логичным продолжением подобного общения Маслоу со студентами стала его практика психологического консультирования, к которой он приступил в конце 1930-х годов. Сам Маслоу в это время прошел частичный курс психоанализа у Эмиля Оберхольцера — психоаналитика, эмигрировавшего из Швейцарии. Главной проблемой, разбиравшейся на психоаналитических сеансах, была обида на мать, которую он никак не мог простить. По неизвестным причинам курс был вскоре прерван. Поэтому Маслоу не мог применять психоанализ в работе со студентами, зато интуитивно начал использовать методы, которые позже были отнесены другими исследователями к когнитивно-поведенческой терапии. Он консультировал психически здоровых людей, оказавшихся в сложных жизненных ситуациях, испытывающих эмоциональные трудности или стремящихся разобраться в себе.

«Однако в глазах простых смертных я обрел ореол психолога, и потому ко мне потянулись люди, желающие получить ответы на главные жизненные вопросы, полагая, что кто, как не психолог, должен объяснить им, почему

случаются разводы, откуда возникает ненависть и почему некоторые люди сходят с ума. Я чувствовал себя неуютно от этих вопросов и всё же в меру собственных сил и возможностей старался ответить на них. Особенно тяжело в ту пору приходилось провинциальным психологам, тем, что жили и работали в маленьких городках, где люди не только не слышали слова “психоанализ”, но ни разу в жизни не видели психиатра, где единственной альтернативой психологу была гадалка, домашний доктор или духовник. Психолог выслушивал вопросы и пытался найти на них ответы. Таким образом, в постоянной тягбе с неутомонной совестью он обретал первые навыки психотерапии.

Самое интересное, что даже эти неуклюжие попытки врачевания человеческих душ зачастую оказывались успешными, что приводило меня в полнейшее изумление. Я был готов к провалам и поражениям, и их, конечно же, было больше, чем побед, но чем же всё-таки объяснить успехи, на которые я даже не смел надеяться?

Несколько позже я обнаружил другой, еще более неожиданный для меня феномен. Я проводил самые разнообразные исследования, в ходе которых мне приходилось составлять подробнейшие истории жизни своих испытуемых. При этом я обнаружил, что несмотря на то, что моя психотерапевтическая подготовка оставляла желать лучшего, а вернее было бы сказать, несмотря на полное отсутствие оной, мне в отдельных случаях удавалось вполне определенным образом повлиять на исследуемое мною личностное нарушение. А ведь я никогда не стремился к этому сознательно, я просто задавал человеку вопросы и писал его историю жизни!

Иногда ко мне обращаются за советом мои студенты, и некоторым из них я советую обратиться за помощью к профессиональным психотерапевтам. При этом я объясняю студенту, в чем, на мой взгляд, состоит суть его проблемы и почему я считаю целесообразной помощь специалиста. Довольно часто этого оказывается достаточным, чтобы студент сам справился с имевшейся у него симптоматикой.

Подобного рода феномены чудесного исцеления гораздо более доступны взгляду дилетанта, нежели профессионального психотерапевта или психиатра. Последний не склонен верить в чудо, он скептически относится к рассказам о такого рода случаях, однако я со своей стороны замечу, что, если мы возьмем на себя труд проверить их, то окажется, что очень многие из них имеют под собой реальное обоснование; такие случаи не редкость в практике

психолога и социального работника, не говоря уже о священниках, учителях и врачах общего профиля.

Но чем же объяснить этот феномен? Мне думается, его можно понять только в контексте общей социально-психологической теории и теории мотивации. Вы, наверное, заметили, что в каждом из вышеперечисленных случаев существенны не столько осознанные аспекты отношений между терапевтом и пациентом, сколько то, как сам пациент воспринимает терапевта и свои отношения с ним. Если пациент ощущает, что терапевт интересуется им, думает о нем, старается помочь, то это помогает пациенту обрести чувство собственной значимости. Он чувствует себя под защитой человека, обладающего знанием, мудростью, опытом, силой и здоровьем, и его тревога отступает. Он видит, что его готовы выслушать без критики и осуждения, он оказывается в атмосфере искренности, доброты, сочувствия, приятия и одобрения и всё это, вместе с вышеназванными факторами, способствует бессознательной уверенности пациента в том, что ему ничто не угрожает, что он любим и уважаем, что его потребности в безопасности, любви и уважении всё-таки могут быть удовлетворены»¹.

Своим клиентам Маслоу рекомендовал работать над пересмотром интеллектуальных установок по поводу той или иной проблемы, а также постепенно изменять на практике отношение к тому, что их волновало. Одной из первых клиенток Маслоу была девушка, жаловавшаяся на бессонницу, отсутствие аппетита и ощущение постоянной скуки. В ходе общения выяснилось, что когда-то она была студенткой-психологом, интересовавшейся своим делом, но под влиянием родителей оставила обучение и устроилась на престижную, высокооплачиваемую работу, убедив себя, что это сделает ее счастливой. Абрахам Маслоу вспоминал позже, что достаточно быстро определил, в чем суть ее проблемы: «Я предположил, что она могла бы чувствовать фрустрацию и быть рассерженной, потому что она не была интеллектуально сама собой, она не использовала свой ум и талант в области психологии, и это могло быть главной причиной ее скуки от жизни и скуки ее тела в отношении нормальных жизненных удовольствий, таких как еда. Любой талант, любая способность была также мотивацией, потребностью, импульсом. С этим она согласилась,

¹ Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. С. 327—328.

и я предположил, что она могла продолжить свое обучение ночью после работы... Она смогла договориться об этом, и это сработало. Она стала более живой, более счастливой, и большинство ее физических проблем исчезло, когда мы встречались с ней в последний раз»¹.

Вступление США во Вторую мировую войну совпало с тем периодом в жизни Маслоу, который возрастная психология определяет термином «ранняя зрелость». Как позднее отмечал еще один выдающийся американский психолог, Эрик Эриксон, главным для человека в это время становился вопрос: «Что я могу предложить будущим поколениям?» Маслоу шел тридцать третий год, когда однажды, после нападения Японии на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 года, он испытал внезапное и необычное переживание, изменившее его дальнейшую жизнь: «Однажды днем вскоре после Пёрл-Харбора я ехал домой и моя машина была остановлена небольшим патетичным парадом. Мимо шли бойскауты, люди в старой униформе несли флаги, и кто-то играл на флейте. Пока я смотрел на это, слезы потекли у меня из глаз. Я чувствовал, что мы ничего и никого не понимаем — ни Гитлера, ни немцев, ни Сталина, ни коммунистов. Мы не понимали никого из них. И я также почувствовал, что если бы мы могли понять, мы могли бы достичь прогресса. У меня было видение как бы стола переговоров с сидящими вокруг него людьми, разговаривающими о человеческой природе и ненависти, о войне, мире и братстве. Я не мог уже пойти в армию в силу возраста. Но в тот момент я понял, что оставшаяся часть моей жизни должна быть посвящена открытию психологии, для того чтобы стол переговоров стал возможен. Этот момент изменил всю мою жизнь»².

После того как он пережил то, что позднее назвал пиковым переживанием, Абрахам Маслоу обратился к осмыслению человеческой мотивации. Что заставляет людей поступать так, а не иначе? Чего они на самом деле желают? Существуют ли более значимые и менее значимые потребности? В дальнейшем Маслоу стал искать ответы на эти вопросы, пытаясь в то же время создать концепцию, которая могла бы объединить достижения уже существовавших подходов — психоанализа, бихевиоризма, индивидуальной и гештальтпсихологии, взгляды Карен Хорни и

¹ *Hoffman E.* The Right to be Human. A Biography of Abraham Maslow. Los Angeles: Jeremy P. Tarcher, 1988. P. 145.

² *Ibid.* P. 148—149.

Курта Гольдштейна, а также выводы ученых-антропологов. В 1943 году он опубликовал статью «Теория человеческой мотивации», в которой впервые представил свои размышления по этому вопросу.

В то же время его заинтересовала проблема здоровых людей, гармоничных во всех смыслах. Маслоу понимал, что обнаружить таких людей, а также изучить их будет очень сложным делом, так как подобные персоны являются редкостью, они были «людьми с другой планеты», в отличие от невротиков, встречающихся на каждом шагу: «Конечно, посетитель с Марса, спустившийся в колонию, состоящую из инвалидов, калек, карликов, горбунов... не мог бы определить, как на самом деле они должны были бы выглядеть. Но позвольте нам изучать не калек, а здоровых людей. В них мы находим качественные различия, отличающуюся систему мотивации, эмоций, ценностей, взглядов и восприятия. В каком-то смысле только святые и есть человечество. Все остальные — калеки»¹. Работая в это время над книгой «Принципы аномальной психологии» (совместно с Беллой Миттельман), в одной из глав Маслоу впервые дал описание «нормального человека», умеющего любить и быть любимым, способного заниматься самопознанием, имеющего адекватную самооценку.

Маслоу составил развернутый план работы и стал собирать материал для книги. Однако проблемы со здоровьем мешали ему приступить к ее написанию. Маслоу начал испытывать сильнейшую слабость. Чтение лекций давалось ему с огромным трудом, после каждой из них он находился на грани обморока. Он даже был вынужден принести в свой кабинет раскладушку, чтобы хоть как-то восстанавливать силы в промежутках между занятиями. Это не очень-то помогло, зато коллеги начали распускать различные сплетни о странном поведении Маслоу. Обеспокоенная состоянием мужа, Берта настояла, чтобы он прошел медицинское обследование, на что Маслоу согласился с большой неохотой, так как оно стоило значительных средств, которых и так постоянно не хватало. Предварительный врачебный вердикт был неутешительным — гормональное расстройство, вызванное, скорее всего, опухолью гипофиза или надпочечников. Маслоу воспринял диагноз стоически, хотя и понимал, что его жизнь может оборваться в любой момент, а ведь он еще не успел завершить свое исследование и, глав-

¹ Ibid. P. 173.

ное, он может потерять совсем недавно обретенное настоящее семейное счастье.

На помощь Маслоу неожиданно пришли его братья, которые скептически отнеслись к поставленному Абрахаму диагнозу. Им казалось, что он подорвал свои силы напряженной работой в университете. Молодые люди открыли филиал бондарного семейного бизнеса, основанного еще отцом, в небольшом городке Плезантон в Калифорнии. Им нужен был руководитель этого филиала, и на эту должность они пригласили Абрахама. Братья пообещали обеспечить его достойной зарплатой, которой хватило бы для всей семьи, арендовать дом и машину. Его рабочий график был бы свободным, в зависимости от самочувствия, которое, как предполагали родственники, непременно улучшилось бы в Плезантоне, вдали от большого города. Маслоу осознавал свое тяжелое положение и, недолго раздумывая, согласился. Правда, надеясь на поправку, он всё же рассчитывал со временем вернуться в колледж, поэтому получил там отпуск по болезни.

Надо сказать, что Маслоу оказался неплохим управленцем, намного превзошедшим ожидания своих братьев. Несмотря на плохое самочувствие, в первое время он смог координировать деятельность рабочих, а позже, когда состояние его здоровья улучшилось, даже успешно применял свои знания психологии, продвигая товары предприятия на рынке.

Восстановление сил после болезни и управление бизнесом занимали поначалу всё его время, так что научными изысканиями заниматься было некогда. Он лишь продолжал читать биографии великих людей, размышляя, отбирая среди них тех, кого можно было охарактеризовать как гармонично развитых личностей. К концу 1948 года здоровье Маслоу значительно окрепло, и он всё чаще покидал Плезантон, чтобы посещать находившийся неподалеку университет Беркли и общаться с коллегами. В это время он опубликовал несколько статей, посвященных различным аспектам проблемы потребностей личности. А уже в начале 1949 года Маслоу чувствовал себя вполне выздоровевшим и на уговоры братьев остаться управляющим в Плезантоне ответил мягким, но решительным отказом. Своей целью он видел познание человеческой психологии и не хотел потратить жизнь на бондарный бизнес.

Еще в течение двух лет Маслоу продолжал преподавать в Бруклинском колледже, одновременно изучая проблемы человеческой мотивации и психологию выдающихся лич-

ностей. Весной 1951 года он получил предложение возглавить психологическое отделение в недавно созданном частном университете Брендайса, неподалеку от Бостона. Руководству университета был необходим человек, способный не только организовать обучение студентов по новой программе, но и развивать научные исследования. Маслоу с энтузиазмом принял это предложение, даже не обсудив свою будущую зарплату. Вместе с супругой и детьми, которые были рады переезду, они вновь отправились в путь. На сей раз они перебрались в свой собственный дом, так как Маслоу впервые в жизни смог приобрести жилье (при финансовой помощи братьев) в небольшом городке Нью-тонсвилле, неподалеку от университета.

В университете Брендайса Маслоу трудился практически до конца своих дней и именно здесь появились все самые значимые его работы. Первой из них стала книга «Мотивация и личность» (1954), в которой он обобщил свои изыскания последних десяти лет и сформулировал новое видение теории человеческой мотивации. Идеи, высказанные в книге, стали классикой, а по известности словосочетание «пирамида Маслоу» с тех пор вряд ли уступает знаменитой пирамиде Хеопса.

Человек, с точки зрения Маслоу, — это в первую очередь существо желающее, состоящее из комплекса врожденных потребностей, выстроенных иерархическим образом. Лишь достаточное удовлетворение потребностей низшего уровня позволяет человеку осознать потребности следующего, более высокого порядка. Как только все уровни потребностей будут осознаны, человек станет не просто последовательно удовлетворять одну потребность за другой, но попытается одновременно хотя бы отчасти удовлетворить их все. Чем лучше окажутся удовлетворены базовые потребности человека, тем в большей мере он будет уделять внимание высшим потребностям. В таком случае он становится более гармоничной, здоровой во всех смыслах личностью. Если же потребности базового порядка перестают удовлетворяться должным образом, то человек вновь может вернуться на прежний уровень. Правда, Маслоу подчеркивал, что существуют люди, структура потребностей которых отличается от общепринятой. Например, они могут пренебрегать своими физиологическими желаниями во имя значимых для них идеалов.

В основании пирамиды лежат физиологические потребности: в пище, питье, кислороде, в физической активности,

сне. Они являются самыми мощными по сравнению со всеми остальными потребностями: «Желание писать стихи, приобрести автомобиль, интерес к родной истории, страсть к желтым ботинкам — все эти интересы и желания либо блекнут, либо пропадают вовсе. Человека, чувствующего смертельный голод, не заинтересует ничего, кроме еды»¹.

Как только физиологические потребности удовлетворяются в достаточной мере, значимыми для индивида становятся потребности в безопасности: в стабильности, в зависимости, в защите, в свободе от страха, тревоги и хаоса, потребность в структуре, порядке, законе, ограничениях. У детей стремление удовлетворить эту потребность наиболее очевидно. В том случае, если ребенок живет в среде постоянных семейных скандалов и ссор, разлучен с родителями либо подвергается насилию, грубому обращению со стороны взрослых, он не удовлетворяет свою потребность в безопасности, становясь в дальнейшем невротической личностью, как бы застревая в детском состоянии боящегося ребенка.

Следующим уровнем в пирамиде потребностей Маслоу являются потребности в принадлежности и любви. Человек в определенный момент начинает нуждаться в семье, близких друзьях, принадлежности к социальной группе, где он будет считаться своим. Затем следуют потребности в признании, в случае удовлетворения которых человек обретает чувство собственной компетентности, уверенности в себе, внимание к себе со стороны окружающих или даже славу. Если потребности удовлетворены, то индивид ощущает свою полезность в этом мире, в противном случае он чувствует себя униженным, беспомощным, никому не нужным, что инициирует проявление неврозов.

Вершиной пирамиды становятся потребности в самоактуализации, то есть в реализации заложенного в человеке потенциала: «Очевидно, что у разных людей эта потребность выражается по-разному. Один человек желает стать идеальным родителем, другой стремится достичь спортивных высот, третий пытается творить или изобретать. Похоже, что на этом уровне мотивации очертить пределы индивидуальных различий почти невозможно»².

Маслоу считал, что большинство людей стремятся к раскрытию всех своих возможностей, но лишь менее од-

¹ Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. С. 79.

² Там же. С. 90.

ного процента из них, с точки зрения психолога, достигают этого. Многие люди не могут удовлетворить базовые потребности, поэтому просто не осознают потребности высшего уровня. Более того, люди склонны сомневаться в своих способностях, что уменьшает их шансы на самоактуализацию. Этот страх самореализации Маслоу назвал «комплексом Ионы», взяв за основу библейский сюжет о ветхозаветном праведнике Ионе, который пытался скрыться от предначертанной ему Богом стези пророка.

Окружение (семья, социальная группа или общество в целом), в котором находится человек, также нередко подавляет его потенциальные возможности, не позволяя реализовать себя. Наконец, еще одним препятствием на пути к самоактуализации становится слабо удовлетворенная потребность в безопасности. Совершенствование себя непременно сопряжено с риском, ошибками, отказом от всего устоявшегося и привычного. Преодолеть подобные трудности могут лишь те люди, которые в детстве росли в здоровой, безопасной атмосфере.

Кто же тогда эти люди, которым удастся раскрыть свой потенциал и стать «самоактуализирующимися личностями»? Для описания подобного типа личности Маслоу провел анализ своих знакомых и друзей, а также около трех тысяч студентов Бруклинского колледжа, из которых в итоге только один соответствовал необходимым критериям. Все эти люди не должны были иметь неврозов или более серьезных личностных проблем, а должны были демонстрировать успех в реализации своих талантов. На основе прочитанных жизнеописаний исторических деятелей Маслоу отобрал среди них тех, кого он посчитал самоактуализирующимися (Авраама Линкольна, Томаса Джефферсона, Альберта Эйнштейна, Элеонору Рузвельт, Джейн Адамс, Уильяма Джеймса, Альберта Швейцера, Олдоса Хаксли, Баруха Спинозу) и потенциально самоактуализирующимися личностями (например, Мартина Бубера, Шолом-Алейхема, Джорджа Вашингтона, Камиля Писсарро, Петра Кропоткина, Томаса Мора, Бенджамина Франклина).

В результате анализа биографий изученных личностей Маслоу составил обобщенный портрет самоактуализирующегося человека, который обладает рядом характеристик. Такая личность более эффективно воспринимает реальность и выстраивает с ней комфортные для себя отношения. Это означает, что подобные люди умеют весьма точно анализировать окружающую их ситуацию, исходя в своей оценке

из реальных фактов, а не личных предпочтений. Вообще же реальность, какова бы она ни была, близка им гораздо больше, чем иллюзорные мечты или абстрактные представления. Незнание не страшит, а притягивает их, так как самоактуализирующиеся личности ориентированы на познание новых истин, а не на отстаивание устоявшихся, а порой устаревших догм.

Подобные люди обладают такой чертой, как принятие себя, других людей и окружающего их мира. Они как маленькие дети наблюдают за реальностью, ничего не требуя от нее. «Самоактуализированного человека можно назвать крепким, здоровым животным. Ничто человеческое не чуждо ему, и он не будет испытывать вины или стыда по поводу своих позывов. У него хороший аппетит, крепкий сон, он умеет получать удовольствие от секса и других физиологических влечений. Его принятие распространяется не только на эти, низшие потребности, но и на потребности других уровней — на потребности в безопасности, любви, принадлежности, самоуважении. Все побуждения и импульсы, присущие нормальному человеку, самоактуализированные люди считают естественными и заслуживающими удовлетворения, они понимают, что так распорядилась природа, они не пытаются оспорить ее произвол или навязать ей угодный им порядок вещей. Естественным продолжением способности к приятию становится пониженная способность к отвращению, неприятные моменты, связанные с приготовлением пищи, телесные выделения и запахи, физиологические функции не вызывают у них того отвращения, которым обычно реагирует средний человек и тем более невротик»¹.

Самоактуализирующиеся личности ведут себя естественно, не стремясь произвести впечатление на окружающих. Они высокоморальны, правда, мораль могут понимать по-своему, не так, как это принято в обществе, где они живут. Эти люди всегда имеют призвание или дело, которому служат, способны задаваться «вечными вопросами», поэтому не склонны к эгоцентризму, а значит, не занимаются и излишним самокопанием.

Любая самоактуализирующаяся личность спокойно принимает одиночество и, более того, даже любит его. Такой человек может восприниматься в обществе как сноб или эгоист, но на самом деле это не так. Просто для него

¹ Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. С. 228.

одной из важнейших ценностей, которой он никогда не пожертвует, является независимость. Поэтому он старается максимально не зависеть от внешних обстоятельств, других людей и культуры в целом. Эти личности сопротивляются слепому оккультированию, воспринимая лишь то, что считают необходимым.

Самоактуализирующиеся люди отличаются от обывателей, и тем более невротиков еще и тем, что обладают удивительной способностью наслаждаться жизнью. Это ощущение, конечно, не является постоянным, но они испытывают его гораздо чаще, чем все остальные люди. Иногда ощущение восторга от жизни бывает у них столь интенсивным, что его даже можно назвать мистическим переживанием.

Несмотря на свою автономность, самоактуализирующиеся люди испытывают глубокое чувство близости со всем человечеством. Они видят пороки или недостатки других людей, заявляют о них, но тем не менее продолжают относиться к окружающим как к родственникам, от которых нельзя отречься. Они терпимы к другим людям и максимально добры к ним. Самоактуализирующиеся личности демократичны, не ограничивают себя шорами расовых, классовых и иных предрассудков.

В то же время их отношения с самыми близкими людьми отличаются особой глубиной и привязанностью. Этих «самых близких» у самоактуализирующихся личностей очень мало, так как они могут сблизиться лишь со здоровыми людьми, которых в принципе не так немного. В том случае, если в поведении подобных личностей проявляется враждебность или агрессия в общении с близкими людьми, то она всегда обоснованна и идет во благо тому, на кого направлена, так как в ней осуждаются слабости или пороки другого человека, но не он сам. Они хорошо отличают цели от средств и добро от зла.

Самоактуализирующиеся личности обладают особым, философским чувством юмора, нацеленным скорее на высмеивание пороков общества или отдельных индивидуумов. Подобные люди во всём, что бы они ни делали, проявляют творческий подход, или так называемую креативность.

Завершая свой анализ самоактуализирующихся личностей, Маслоу подчеркивал, что, несмотря на их неординарность, они в каком-то смысле остаются обычными людьми: «А между тем самоактуализированные люди, с которыми мне довелось общаться, это здоровые, нормальные люди со своими слабостями и недостатками. Так же, как обычные

люди, они могут поддаться вредной привычке. Они могут быть занудными, упрямыми, раздражительными. Они не застрахованы от тщеславия, гордости, пристрастности, особенно по отношению к результатам собственного труда, к своим детям и друзьям. Они тоже подвержены вспышкам гнева и приступам меланхолии. Иногда их поступки могут показаться окружающим жестокими. Но мы не должны забывать, что мы имеем дело с очень сильными людьми. Их жестокость сродни безжалостности хирурга, они могут резать по живому, если ситуация требует того. Например, один из моих испытуемых, обнаружив предательство друга, не колеблясь, прервал все отношения с ним. Или другой пример. Замужняя женщина поняла, что не любит мужа, с которым прожила более двадцати лет. Она подала на развод и сделала это почти с жестокой решительностью. Некоторые из них так быстро смиряются со смертью любимого человека, что могут заслужить звания бездушных людей. <...>

Можно упомянуть еще об одной особенности этих людей, которая непосредственно связана с их служением. Погружаясь в какую-то проблему, предельно концентрируясь на ней, они могут просто забыть о своих близких, об их нуждах, заботах и тревогах. В такие минуты для них не существует ничего, кроме их дела, всё остальное становится несущественным. В такие минуты они не слышат обращенных к ним вопросов, не выходят к гостям, забывают об элементарной вежливости, могут обидеть и даже оскорбить дорогих им людей.

Другие негативные (с точки зрения окружающих) последствия такой отстраненности перечислены выше. Даже их доброта, их великодушие порой становятся недостатком, так как заставляют их ошибаться. Например, мужчина, отличающийся великодушием, из жалости не решает оставить нелюбимую жену, или часами выслушивает жалобы любителя поплакаться в жилетку, или содержит какого-нибудь негодяя или психопата.

И наконец, эти люди, как я уже говорил, не свободны от чувства вины, от стыда и тревоги, от самобичевания, самоедства и внутренних конфликтов. Но это еще не позволяет нам отказывать им в праве называться здоровыми людьми, так как их чувство вины принципиально отличается от вины невротика»¹.

¹ Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. С. 252—253.

В дальнейшем взгляды Маслоу на понятие «самоактуализация» эволюционировали. На смену самоактуализации как уровню личностного развития пришла трактовка этого понятия как потребности, появляющейся у всех людей после удовлетворения всех предыдущих потребностей. В свою очередь, это понимание сменилось представлением о самоактуализации как о движущей силе, инициирующей процессы развития на всех уровнях потребностей, а также как о состоянии, изредка доступном всем без исключения людям. Наконец, самоактуализация представлялась Маслоу и как проявление сущностного (или бытийного) понимания мира¹.

Маслоу был счастлив и горд тем, что наконец-то смог осуществить замысел и написать свой *magnit opus*. Он действительно верил в то, что создал один из величайших трудов в истории психологии. Как-то после публикации книги Маслоу встретил своего коллегу, известного журналиста и педагога Макса Лернера. На вопрос Лернера, чем он был занят в последнее время, Маслоу ответил, что написал книгу о человеческих потребностях. «Но Платон уже написал такую книгу», — сказал улыбаясь Лернер. «Да, Макс, но я знаю больше, чем Платон»², — парировал Маслоу.

Несмотря на критику за недостаточную проработанность методов исследования, сложность эмпирической проверки полученных результатов, а также субъективность в выборе самоактуализирующихся личностей, книга Маслоу имела значительный успех, сразу же после публикации став классической работой в области персонологии. Сам Маслоу будет называть свои исследования самоактуализирующихся личностей бытийной психологией, противопоставляя ее так называемой дефицитарной психологии, занимающейся проблемами удовлетворения людьми базовых потребностей.

Идеалистические взгляды Маслоу, которые в молодости казались делом преходящим, с годами стали неотъемлемой частью его личности. В конце 1955 года он начал переписываться с выдающимся русским социологом Питиримом Сорокиным, эмигрировавшим в США, который еще в конце

¹ Леонтьев Д. А. Абрахам Маслоу в XXI веке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 3. С. 75.

² Hoffman E. The Right to be Human. A Biography of Abraham Maslow. Los Angeles: Jeremy P. Tarcher, 1988. P. 206.

1940-х годов выступил с идеей спасения человечества при помощи развития альтруизма. При финансовой поддержке одного из американских бизнесменов Сорокин создал в Гарварде Центр по изучению творческого альтруизма, собираясь в дальнейшем расширить свою деятельность и собрать вместе ученых разных направлений, считавших своей целью преобразование мирового общественного сознания и занимавшихся разработкой новой модели общества. В эту группу должен был войти и Абрахам Маслоу, который активно занялся поиском спонсоров, а также разработал план будущих исследований. Маслоу предлагал изучить все основные формы бескорыстной любви и эгоизма, системы ценностей и социальные институты, способствующие формированию альтруистического и эгоистического поведения и, наконец, найти эффективные методы распространения альтруистических идей в обществе. Однако единственное, что удалось сделать Маслоу и его коллегам на практике, так это организовать в 1957 году масштабную конференцию под названием «Новое знание о человеческих ценностях», в работе которой приняли многие выдающиеся мыслители, в том числе Эрих Фромм, Гордон Олпорт, Тэйтаро Судзуки, Пауль Тиллих.

Сам Маслоу не отказался от своих взглядов, став одним из основоположников гуманистической психологии — нового направления, получившего условное название «третья сила», так как оно должно было дополнить позиции фрейдизма и бихевиоризма. А в 1962 году была даже создана Американская ассоциация гуманистической психологии. Маслоу подчеркивал, что новое направление не имеет одного лидера, но является результатом работы нескольких людей, таких как Карл Роджерс и Гордон Олпорт, Виктор Франкл и Ролло Мэй и др.

Едва ли не манифестом нового направления в психологии стала книга Абрахама Маслоу «По направлению к психологии бытия» (1962). Одной из центральных проблем, к которым он обращался в своей работе, стало изучение специфических моментов в жизни человека — экстаза, восторга, блаженства и прочих редких, но запоминающихся эпизодов, которые он называл «пиковые переживания». Подобные вопросы были связаны с религиозными традициями, поэтому Маслоу начал изучать восточные религии. Его также заинтересовали работы Карла Юнга, которые появились на английском языке, труды мистиков и книги, посвященные искусству. Наконец, он взял интервью у вось-

мидесяти респондентов, а также провел анкетный опрос практически двухсот своих студентов.

Пиковые переживания — самые счастливые моменты жизни, моменты величайшей радости, блаженства, вызванные религиозным опытом, сильной любовью, воздействием произведений искусства или творений природы. Для самоактуализирующихся личностей они являются нормой, в то время как среднестатистический человек испытывает их крайне редко (именно благодаря пиковым переживаниям он как бы временно достигает уровня самоактуализирующихся личностей).

Пиковые переживания обладают высочайшей ценностью для человека. Они субъективно воспринимаются людьми настолько значимыми, что определяют их смысл жизни. В эти моменты человек как бы оказывается вне времени и пространства: «Время могло не только сжиматься до невероятных размеров, когда день мог пролететь как одно мгновение, но и наоборот, время могло быть настолько насыщенным, что минута переживалась как день или год. Люди как будто попадали в другой мир, где время может одновременно стоять на одном месте и течь с огромной скоростью»¹.

Человек, испытавший пиковое переживание, ощущает в отношении его особый трепет, почтение, но вместе с тем испуг, так как оно подавляет личность, растворяет его «Я». В подобные моменты человек, с точки зрения Маслоу, уподобляется Богу, так как хотя бы на минуту он становится любящим, неосуждающим, сострадательным в отношении всех проявлений окружающего его бытия и в первую очередь людей. Он исцеляется от страха, тревоги и комплексов, обретая внутреннюю гармонию, непринужденность, отвагу.

Последствием пиковых переживаний становится излечение от невротических симптомов, позитивное изменение в отношениях с другими людьми и рост собственной самооценки, высвобождение творческих способностей и обретение смысла жизни. Но главное, в моменты пиковых переживаний люди как бы познают не свои личные, а объективные ценности мирового бытия. Маслоу называл их бытийными ценностями (или сокращенно Б-ценностями, в отличие от обычных человеческих дефицитарных, или Д-ценностей) и относил к ним истину, добро, красоту, целостность, един-

¹ Маслоу А. По направлению к психологии бытия. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 76.

ство противоположностей, жизненность, уникальность, совершенство, необходимость, завершенность, справедливость, порядок, простоту, богатство, легкость, игру, самодостаточность. Для самоактуализирующихся личностей, которые живут на новом уровне — уровне Бытия, эти Б-ценности выступают в качестве метамотивов, которыми они руководствуются в своей повседневной жизни.

В дополнение к пиковым переживаниям Маслоу выделил так называемое «плато-познание»: «Высшие переживания действительно переживаются человеком как транс. Однако свет истины навсегда остается с человеком. Человек не в состоянии, даже если бы захотел, вернуться к прежней наивности, к прежнему неведению, он просто не может и впредь быть таким, каким был до озарения. Он не может “зачеркнуть” постигнутое. Он не может снова стать слепым. Должен быть язык, которым можно было бы описать обыденное откровение, ежедневное прозрение, жизнь в Эдеме. Однажды прозрев, человек, как правило, продолжает зрячую жизнь, то есть он продолжает постигать бытие ежеминутно, в повседневном стремлении времени, разумеется, если хочет этого. Это спокойное высшее постижение, или плато-познание, подконтрольно человеку. Человек может по своему желанию включать его и выключать»¹.

Книга «На пути к философии бытия», создававшаяся для ограниченного круга читателей, имела огромный успех — за шесть лет было продано около двухсот тысяч экземпляров. Идеи Маслоу, представлявшие многим созвучными эпохе 1960-х годов — эпохе расцвета контркультур, получили широкое распространение как среди интеллектуалов, так и среди рядовых американцев. Для самого же Маслоу книга стала шагом на пути к следующему этапу развития его взглядов — трансперсональной психологии — психологии, изучающей измененные состояния сознания и многообразный религиозный опыт. С точки зрения трансперсональной психологии каждый человек кроме доступного ему «Я» обладает более глубоким, истинным «Я», которое он может ощущать в определенных состояниях сознания. Это подлинное «Я» является источником внутренней гармонии и душевного здоровья.

В 1967 году Маслоу встретился с группой единомышленников, среди которых был и один из будущих лидеров

¹ Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 1999. С. 288.

трансперсональной психологии Станислав Гроф, с целью обсудить создание нового направления. А уже через два года появился новый «Журнал трансперсональной психологии», посвященный исследованиям в этой области. Говоря о новом направлении психологии, Маслоу подчеркивал: «Я бы сказал, что считаю гуманистическую психологию третьей силы переходным, подготовительным этапом для “высшей” четвертой психологии — трансперсональной, трансчеловеческой, центр которой, скорее, в космосе, чем в человеческих потребностях и интересах; психологии, идущей дальше человечности, идентичности, самоактуализации и т. п. Мы нуждаемся в чем-то “большем, чем мы есть”, чтобы испытывать благоговение и отдаваться новому, естественному, эмпирическому, не церковному чувству, возможно, как это было с Торо, Уитменом, Уильямсом, Джеймсом и Джоном Дьюи»¹. Духовные переживания, которые ранее описывались в религиозной и мистической литературе, по мнению Маслоу, должны были стать объектом научного исследования.

Однако как получить доступ к пиковым переживаниям или состояниям измененного сознания, для того чтобы изучить их, ведь они являются кратковременным явлением, которое невозможно уловить в лабораторных условиях? Уже в начале 1960-х годов Маслоу заинтересовался исследованиями влияния психоделических препаратов на психику, в частности ЛСД, проводившихся гарвардским профессором Тимоти Лири. Маслоу лично познакомился с эпатажным ученым и был весьма впечатлен результатами его работы. Восторженные отзывы Маслоу повлияли на его дочь Эллен, которая даже решила стать научным сотрудником в лаборатории Лири. Тот считал, что психоделики дают уникальную возможность исследовать области психики, которые оставались до той поры недоступны. Он называл свою деятельность «прикладной мистикой» и любил подшучивать над Маслоу, который никогда не принимал подобных препаратов, что в любой момент тот может испытать пиковое переживание, о котором так много говорит².

В том же 1962 году, когда книга «На пути к философии бытия» вышла в свет, Абрахам Маслоу впервые оказался в

¹ *Фейдимен Дж., Фрейгер Р.* Личность и личностный рост. Вып. 4. М.: Изд-во Российского открытого университета, 1994. С. 56.

² *Hoffman E.* The Right to be Human. A Biography of Abraham Maslow. Los Angeles: Jeremy P. Tarcher, 1988. P. 266.

Институте Эсален. Произошло это случайно. Во время одной из поездок по западному побережью Маслоу с супругой никак не удавалось найти свободного номера в подходящей гостинице, чтобы переночевать. Уставшие от долгой дороги, они остановились у небольшого дома, располагавшегося в гористой части побережья Тихого океана, которая носит название Биг-Сюр. Их встретил молодой человек, к которому они и обратились с просьбой о ночлеге. Не слишком довольный просьбой, мужчина тем не менее согласился помочь, попросив документы гостей. Когда же он увидел фамилию Маслоу, то его лицо неожиданно просияло и он закричал: «Маслоу?! Вы — Абрахам Маслоу?!» Молодым человеком был один из основателей Эсалена — Ричард Прайс, который сразу же рассказал Маслоу, что он сам и все сотрудники и слушатели института являются его страстными поклонниками и буквально зачитываются только что вышедшей книгой «На пути к философии бытия».

После этого первого, достаточно неожиданного посещения Эсалена Маслоу неоднократно бывал там, делясь своими размышлениями со слушателями института по вопросам, которые его интересовали. Эти встречи проходили по-разному. Иногда они вдохновляли Маслоу, иногда, наоборот, разочаровывали. Пожалуй, самым неприятным эпизодом стал один из семинаров, посвященный обсуждению пиковых переживаний. По всей вероятности, смущенный раскрепощенной аудиторией слушателей, Маслоу избрал для своего выступления чрезмерно академический тон, что было ему свойственно. Он не предполагал, что среди людей, слушавших его, окажется эпатажный Фриц Перлз, обитавший в это время в Эсалене и пришедший послушать размышления Маслоу. Перлз не выносил интеллектуальные рассуждения, поэтому довольно скоро громким голосом прокомментировал одну из фраз Маслоу: «Всё это похоже на школу. Вот учитель, а вот ученики, дающие “правильные” ответы». На следующий день, когда семинар продолжился, Перлз вообще упал на пол и стал издавать звуки, похожие на плач ребенка, возможно, вновь протестуя столь эксцентричным образом против наставлений Маслоу о смысле жизни. Что касается самого Маслоу, то он смущенно назвал такое поведение Перлза болезнью, которую следовало бы лечить¹.

¹ *Hoffman E.* The Right to be Human. A Biography of Abraham Maslow. Los Angeles: Jeremy P. Tarcher, 1988. P. 290—291.

В 1962 году Маслоу впервые увидел применение своих идей на практике. Однажды он получил приглашение от владельца калифорнийской корпорации Энди Кея провести несколько месяцев у него в компании, чтобы оценить эффективность ее управления. Маслоу эта возможность показалась интересной, так как менеджмент в корпорации строился на его теории. Кроме того, он считал, что организация благоприятной рабочей атмосферы может выступить в качестве своеобразной массовой терапии психологических проблем. Поэтому его привлекал любой позитивный опыт в этой сфере.

Кей демонтировал на своем предприятии конвейерное производство, а каждый аспект управления согласовывался с работниками. Подразделения предприятия получили больше финансовой автономии. Сотрудники сами определяли удобное для них время для перерыва, а также оформление интерьера в помещении, где они трудились. Был отменен жесткий контроль за приходом сотрудника на работу и штрафы за опоздание. В результате производительность труда на предприятии резко увеличилась, как и удовлетворенность рабочих своей деятельностью.

Во время пребывания на предприятии Кея Маслоу в привычной ему манере постоянно записывал свои размышления об увиденном, а также замечания по дальнейшему совершенствованию процесса управления. После расшифровки записей психолога появилась небольшая брошюра, которая сначала распространялась бесплатно. Однако интерес к идеям Маслоу был столь велик, что он решил написать книгу «Эвпсихический менеджмент» (1965). Название работы восходило к термину «эвпсихея», предложенному Маслоу и обозначавшему идеальное общество будущего: «В последнее время я часто погружаюсь в грезы о психологической утопии — о государстве, все граждане которого обладают отменным психологическим здоровьем. Я даже придумал ей название — Эупсихея (так в тексте. — С. А.). Давайте вместе представим, что мы выбрали из всего населения Америки наиболее здоровых граждан, например, тысячу здоровых семей и поселили их на каком-нибудь необитаемом острове, где они могли бы обосновать свое государство или общину. Мы кое-что знаем о характеристиках, свойственных наиболее здоровым людям. Можем ли мы предсказать, какой тип общественных отношений они предпочтут? Какова будет система образования в их обществе? Экономическая система? Ре-

лигиозная? Какими будут отношения между мужчинами и женщинами?

На некоторые вопросы я, пожалуй, не готов ответить сразу, особенно на те, которые касаются экономики. Но есть вещи, в которых я совершенно уверен. В частности, я убежден, что это будет анархическое общество (анархическое в философском смысле этого слова), они будут привержены культуре даоистичного толка, культуре, основанной на любви, предоставляющей людям гораздо большую свободу выбора, чем предоставлено нам нашей культурой. Это будет общество, в котором уважаются базовые потребности и метапотребности людей. Люди в этом обществе не будут обременительны друг для друга, они не будут навязывать друг другу свои мнения, убеждения и вкусы, будут гораздо более вольны в выборе религии, мировоззрения, партнеров по общению, одежды, пищи, искусства. Другими словами, жители Евпсихеи будут по-даосски невмешательными, доброжелательными, честными, любящими людьми, будут готовы идти навстречу желаниям другого человека, удовлетворять его потребности. В их обществе будет гораздо меньше насилия, презрения, деспотизма и стремления к власти. При таких условиях глубинные способности человеческой природы заявят о себе в полный голос»¹.

Построению подобного идеального общества и должен был способствовать тот самый новый подход, предложенный Маслоу и названный им «теория Z». Это название соотносилось с идеями, представленными в известной книге «Человеческая сторона предпринимательства» Дугласа Макгрегора, где он охарактеризовал две теории управления, предполагающие разные стили руководства. «Теория X» описывает традиционный стиль, который исходит из того, что человек по своей природе ленив и эгоистичен, он всячески старается избегать работы. Поэтому его необходимо постоянно контролировать, а единственным стимулом для работника являются деньги. «Теория Y» считает, что человек амбициозен, он способен к самоконтролю и ответственности, склонен проявлять творческий подход, если появляется такая возможность.

«Теория Z», предложенная Маслоу, как бы дополняла «теорию X» и «теорию Y», но затрагивала она не толь-

¹ Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. С. 364—365.

ко менеджмент. С одной стороны, Маслоу ставил во главу угла идею о том, что бизнес должен заниматься развитием людей и поддержкой их стремления к самоактуализации. Потребности в личностном росте и уважении друг друга должны быть не менее значимы, чем стремление к увеличению благосостояния предприятия. Маслоу полагал, что подобное управление возможно только в отношении самоактуализирующихся людей, которые могут получать удовольствие от работы, но вместе с тем быть ответственными.

С другой стороны, в книге «Дальние пределы человеческой психики» (1971), опубликованной уже после его смерти, Маслоу в рамках «теории Z» развивал свои представления о самоактуализации. Он стал различать два типа самоактуализирующихся личностей. Первый тип — самоактуализирующиеся люди с небольшим опытом пиковых переживаний или без него. Именно они описаны в «теории Y» Макгрегора. Это прагматики, деятели, живущие в мире, чтобы реализовать себя в нем. Второй тип — люди, для которых трансцендентные (пиковые) и плато-переживания являются ключевыми в их мировосприятии. Маслоу назвал их «трансцендерами». Они смотрят на мир с точки зрения Бытия, вечности. Они вызывают у окружающих благоговейный трепет и представляются им людьми «не от мира сего». Описывая трансцендеров, Маслоу отмечал: «Меня настойчиво преследует ощущение, что люди, достигшие трансценденции, не столь “счастливы”, как “просто здоровые”. Они могут быть более экстатичны и более увлечены, они в состоянии испытывать более высокое “счастье” (пожалуй, “счастье” в данном случае — слишком слабое слово), в отличие от простого счастья “просто здоровых” людей.

Но порой у меня складывается впечатление, что одновременно со счастьем они испытывают своего рода космическую печаль, высшую грусть, досаду по поводу глупости людей и легкости, с которой те идут на уступки себе, по поводу их слепоты, их жестокости друг к другу, их ограниченности. Зачастую эти переживания могут затмить даже светлое чувство от прикосновения к вечности. Скорее всего, источником подобной грусти служит контраст между тем, что есть на самом деле, и тем идеальным миром, который столь отчетливо видится им и кажется столь достижимым»¹.

¹ Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 1999. С. 302.

Помимо «Эвпсихического менеджмента» в середине 1960-х годов у Маслоу появилась работа «Психология науки: рекогносцировка» (1966), в которой психолог выступил критиком современного механистического научного познания, предложив свое видение новой гуманистической науки. Маслоу настаивал на том, что наука должна быть более толерантной к неоднозначности, к тому, что она не может объяснить. Ученый должен быть не отстраненным наблюдателем, а активным субъектом, не человеком, который оставляет в стороне ценности, но, наоборот, ставит свои исследования им на службу. В этой работе Маслоу употребил афоризм, позднее ставший знаменитым: «Если единственный инструмент, который у вас есть, — молоток, то всё вокруг кажется гвоздями»¹. Таким образным способом Маслоу описывал модель поведения, когда один и тот же метод, осознанно или нет, пытаются применить для решения различных задач, считая его универсальным, что, конечно же, является ошибкой.

Еще в середине 1950-х годов Маслоу приобрел репутацию ученого, к которому стали обращаться за консультацией по практическим вопросам различные фирмы или корпорации. Например, одна страховая компания желала спрогнозировать уровень здоровья учащихся колледжа, чтобы избежать лишних затрат. Маслоу рекомендовал проанализировать студенческую систему ценностей и место в ней здорового образа жизни. В другом случае предприятие по производству игрушек для детей интересовало, какой тип игрушек они должны выпускать, чтобы занять большую долю на рынке. Маслоу предложил прекратить выпуск игрушек, связанных с военной тематикой, и переориентироваться на производство игрушек, стимулирующих детское творчество². Нельзя сказать, что подобная консультативная работа была интересна Маслоу, но зато она обеспечивала ему неплохой дополнительный доход в семейный бюджет, что было очень важно после долгих лет стесненности в средствах.

Кроме того, так как Маслоу изучал проблему креативности, то, к удивлению самого психолога, к нему стали обращаться различные бизнес-корпорации, общественные и

¹ *Maslow A.* The Psychology of Science: A Reconnaissance. New York: Maurice Bassett Publishing, 2002. P. 6.

² *Hoffman E.* The Right to be Human. A Biography of Abraham Maslow. Los Angeles: Jeremy P. Tarcher, 1988. P. 237.

правительственные организации, заинтересованные в развитии творческих способностей сотрудников. Но чем больше психолог изучал креативность, тем больше он видел в ней возможностей для раскрытия человеческого потенциала и, в частности, осознавал необходимость ее развития в системе образования. Абрахам Маслоу подчеркивал, что образование больше не может рассматриваться как передача накопленных знаний, которых с каждым годом становится всё больше и больше. Оно должно стать процессом личностного развития, стремления к самоактуализации. Необходимо обучать человека умению импровизировать в сложных ситуациях, способности находиться «здесь и сейчас», брать на себя ответственность в решении задач, если это необходимо.

Начинать подобное обучение следует посредством приобщения ребенка к музыке, танцу, искусству: «...слишком много общих законов у искусства и у высших переживаний. Они могут заменить даже психотерапию, если человек поймет, к чему он устремлен, если он узнает, что ему необходимо и как ему этого добиваться. Ведь, рассуждая о музыке и танце, можно определенно отметить, с одной стороны, угасание, отступление таких симптомов, как автоматизмы, тревога, а с другой стороны, бесспорно, что музыкальный, танцующий человек более спонтанен, бесстрашен, аутентичен, он лучше чувствует свое тело, обостряется его сенсорная чувствительность и т. д.

Немаловажно и то, что музыка, ритм, танец — прекрасные способы достижения самоидентичности. Так уж устроена человеческая природа, что подобного рода триггеры, подобного рода стимуляция обращены прямо к нашей вегетативной нервной системе, к нашим эндокринным железам, к нашим чувствам и эмоциям. Воздействие ее непосредственно. Мы еще очень мало знаем о физиологии человека, чтобы понять, чем вызвано столь непосредственное воздействие, но оно бесспорно существует. Я бы даже сказал, что это воздействие столь же очевидно, как боль, которая всегда безошибочно ощущается человеком. Для людей, обделенных подобного рода переживаниями, которые, к сожалению, составляют очень большую часть населения, для людей, глухих к своему внутреннему голосу, живущих по часам, по расписаниям, по правилам, законам, подсказкам соседей, — для них это почти единственный способ познания своего “Я”. Это именно те громкие сигналы, тот голос, который взывает внутри каждого из нас: “Черт возь-

ми! Ведь это хорошо! Отбрось сомнения!» Именно здесь мне видится один из способов научить таких людей самоактуализации, помочь им почувствовать, познать собственное “Я”. Внутренний голос, способность прислушиваться к глубинному и к его реакции, прислушиваться к тому, что происходит внутри, помогает нам в обнаружении своей идентичности. Этот способ может стать основой новой, чувственной педагогики, и если мы найдем время говорить о ней, то придем к выводу о необходимости создания новой системы образования, школы нового типа»¹.

Маслоу описывал идеальный колледж будущего, каким он его себе представлял. В нем не должно быть зачетов и экзаменов, обязательных дисциплин и ограничений по возрасту, уровню развития или здоровью обучающихся. Гении и слабоумные, творческие личности и среднестатистические учащиеся смогут собраться вместе, чтобы обсудить то, что им интересно. Преподавать сможет каждый, кому есть чем поделиться с другими. Подобное обучение продолжится всю жизнь, так как человек познаёт всегда, никогда не останавливаясь в этом процессе. Главной же целью станет стремление узнать себя, свои цели в жизни, особенности личности, подлинные желания, а уже после этого переходить к профессиональному образованию.

Но даже современная школа, а не только далекая школа будущего, должна объяснить ребенку, что жизнь — это бесценный дар, и помочь ему найти собственное призвание: «Если мы хотим быть помощником ребенку, советником, наставником, руководителем, психотерапевтом, мы обязаны принять ребенка таким, каков он есть, и помочь понять ему, что он из себя представляет. Как он живет, на что способен, к чему предрасположен, как он может использовать то, чем владеет, каковы в нем лучшие задатки, его потенциалы? Нам не будет нужды посягать на его “Я”, мы окружим ребенка атмосферой благожелательного приятия, в отношениях между нами не останется места для страхов, тревог и желания защищаться. Более того, мы будем лелеять этого ребенка, то есть радоваться тому, каков он есть, радоваться его росту и самоактуализации»².

Несмотря на свои гуманистические взгляды в области воспитания и обучения молодого поколения, в реальности

¹ Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 1999. С. 190.

² Там же. С. 202.

отношения Маслоу с учащимися университета Брендайс, в котором он преподавал, не складывались. Популярность Маслоу во второй половине 1960-х годов, когда он стал одним из символов контркультуры и интеллектуальным ориентиром для миллионов американцев, никак не влияла на отношения со студентами. Нередко они весьма резко высказывались о содержании лекций, считая их непрактичными, или же критиковали менторский тон, присущий Маслоу, в то время как они желали общения на равных. Маслоу, у которого каждое выступление перед аудиторией отнимало огромное количество сил, сложившаяся ситуация очень удручала. К тому же психолог всё больше тяготился административной работой, не позволявшей ему сосредоточиться на исследованиях.

В 1968 году Маслоу вновь почувствовал себя абсолютно изможденным. Он даже вернулся к психоаналитическим сеансам, желая разобраться в природе своего состояния. Спустя некоторое время Маслоу был госпитализирован с первым сердечным приступом. Правда, жить без работы долго он не мог и, даже несмотря на плохое самочувствие, после перевода из палаты интенсивной терапии в обычную палату начал расспрашивать медсестер о мотивации их работы.

Вскоре после выписки из больницы Маслоу узнал, что стал дедушкой. Его востребованность как ученого и общественного деятеля вновь вернулась на прежний уровень. Свидетельством тому было большое количество получаемых ежедневно писем, множество запланированных интервью газетам и журналам, десятки приглашений на публичные лекции и мероприятия. Вот только в Брендайсе он чувствовал себя недооцененным. И он не знал, как найти выход из сложившегося положения.

Когда-то давно, на заре карьеры Маслоу, выход из проблемной ситуации нашелся абсолютно случайно — Торндайк пригласил его к себе в проект. Так произошло и теперь. Как и тогда, Маслоу вновь пообещали оплачивать любые его исследования. Однажды вечером Маслоу позвонил президенту компании «Saga» Уильям Лафлин и предложил именную стипендию из собственных средств, сроком до четырех лет, личный автомобиль, обслуживающий персонал, офис неподалеку от Стэнфордского университета. Как потом вспоминала супруга Маслоу, ее муж лишь держал телефон и мычал, так как потерял дар речи от услышанного. Положив трубку, он рассказал жене суть предложения,

она заставила его немедленно перезвонить и извиниться за столь скупую реакцию на такое щедрое предложение¹.

Последующие дни Маслоу провел в беседах с женой, взвешивая все за и против переезда. Ему еще не верилось, что такое предложение в принципе может быть реальностью. Конечно же, он принял приглашение и, уволившись из университета по состоянию здоровья, в начале 1969 года переехал в новый дом, купленный благодаря поручительству всё того же Лафлина, в Менло-Парк в Калифорнии.

Маслоу был счастлив. Он наконец-то не был стеснен в средствах, чтобы посвятить себя любимому делу. Он завершал книгу «Новые рубежи человеческой природы», разработал масштабный план по созданию новой психологии и философии природы и общества, различным вопросам образования, политики, экономики, этики. Увы, осуществить задуманное Абрахам Маслоу не смог. 8 июня 1970 года он скоротостижно скончался от очередного инфаркта, прямо на руках у жены. Так прозаично человечество потеряло выдающегося ученого, который верил в него, возможно, больше, чем оно того заслуживает.

¹ *Hoffman E.* The Right to be Human. A Biography of Abraham Maslow. Los Angeles: Jeremy P. Tarcher, 1988. P. 316.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Единственный человек, с которым вы должны сравнивать себя, — это вы в прошлом. И единственный человек, лучше которого вы должны быть, — это вы сейчас.

Зигмунд Фрейд

Так устроены люди, что у них всегда есть проблемы. Герои этой книги, конечно же, не были исключением. Комплексы, обиды, рухнувшие мечты и разбитые иллюзии — ничто не обошло их стороной. И всё же есть одно качество, которое отличает великого человека от заурядного, гения от посредственности. Это качество заключается в умении использовать личные поражения, слабости, проблемы так, что они становятся точками роста, тем опытом, который делает выдающуюся личность еще сильнее. Только благодаря этой черте характера подобные люди становятся примером для всех остальных.

Однако значит ли это, что герои этой книги были идеальны? Конечно же нет. Видимо, так устроено человечество, что даже самым талантливым ее представителям под силу стать лучше только отчасти. В остальном даже гении остаются обычными людьми. Наверное, поэтому они и близки всем нам. Зная это, можно избежать крайностей — не делать из них кумиров, воспринимая их взгляды как истину в последней инстанции, но и не отвергать их идеи только потому, что порой сами они были не на высоте. Ведь как говорил Абрахам Маслоу: «Совершенных людей нет! Есть люди, которых можно назвать хорошими, очень хорошими и даже великими. Есть творцы, провидцы, пророки, святые, люди, способные поднять людей и повести их за собой. Таких людей немного, их считанные единицы, но уже сам факт их существования вселяет в нас надежду на лучшее, позволяет с оптимизмом смотреть в будущее, ибо показывает нам, каких высот может достичь человек, устремленный к саморазвитию. Но даже эти люди несовершенны, им, как и простым смертным, знакомы скука, раздражение, гнев, эгоизм и депрессия. Чтобы не испытывать горьких разочарований, мы должны освободиться от иллюзий относительно человеческой природы, должны смотреть на нее трезвым взглядом»¹.

¹ Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. С. 254.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>Глава I. Карл Юнг</i>	<i>7</i>
<i>Глава II. Альфред Адлер</i>	<i>50</i>
<i>Глава III. Эрих Фромм</i>	<i>90</i>
<i>Глава IV. Карен Хорни</i>	<i>142</i>
<i>Глава V. Виктор Франкл</i>	<i>186</i>
<i>Глава VI. Фриц Перлз</i>	<i>233</i>
<i>Глава VII. Абрахам Маслоу</i>	<i>281</i>
Послесловие	331

Аристов С. В.

А 81 Великие психологи / Станислав Аристов. — М.: Молодая гвардия, 2019. — 332[4] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1772).

ISBN 978-5-235-04236-0

Человеком правят страхи и желания. Не важно, боится ли он открытого или замкнутого пространства, одиночества или общественного внимания, жить или умереть. Хочет ли он любви или власти, богатства или бессмертия, славы или постижения смысла жизни. Важно разобраться в том, чего же на самом деле боишься или хочешь. Понять хитросплетения человеческой природы читателю помогут выдающиеся теоретики и практики психологии. Люди, чьи идеи стали классикой еще при жизни. Их биографии, в которых сошлись воедино мистические, приключенческие, комедийные, детективные, любовные сюжеты, сделают путь к пониманию себя не только познавательным, но и увлекательным.

**УДК 159.9(092)
ББК 88.1г**

знак информационной
продукции

16+

**Аристов Станислав Васильевич
ВЕЛИКИЕ ПСИХОЛОГИ**

**Редактор И. И. Никифорова
Художественный редактор К. В. Забусик
Технический редактор М. П. Качуркина
Корректор Л. С. Барышникова**

Сдано в набор 12.11.2018. Подписано в печать 17.12.2018. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 17,64+1,68 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ № 1820040.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dscel@gvardiya.ru

arvato Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
BERTELSMANN в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-04236-0

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Васькин
«ШУХОВ»

Ш. Казиев
«РАСУЛ ГАМЗАТОВ»

В. Балашова
«ВАНГА»

С. Дашков
«ЮСТИНИАН»

Л. Кириллина
«ГЛЮК»

В. Бондаренко
«ОТЕЦ ИОАНН (КРЕСТЬЯНКИН)»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Горбунов
«ВИКТОР МАСЛОВ»

В. Антонов
«КЕМБРИДЖСКАЯ ПЯТЕРКА»

Н. Михайлова
«БАРКОВ»

А. Бондаренко
«ГЕРОИ "СМЕРШ"»

Н. Бодрихин
«АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВ»

С. Михеенков
«БЕРЛИН-45»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

ИНФОРМАЦИЯ

ДЛЯ ОПТОВЫХ

ПОКУПАТЕЛЕЙ

*Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сушевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»*

**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**

**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

8(495) 787-64-20

8(495) 787-62-92

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

8(495) 787-65-39 8(495) 787-63-64

ISBN 978-5-235-04236-0

М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я